

58
27

2.
Всесоюзная
Библиотечная
Классификация

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ
Союза ССР

9

1 9 3 7

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

СЕНТЯБРЬ

1937 г.

9

Редакция:

Москва, Ишимьянская, д. 15а

Советский народный суд

На протяжении всей нашей пролетарской революции перед советским судом и советской прокуратурой всегда стояли и продолжают стоять чрезвычайно важные и ответственные задачи утверждения новой советской революционной законности, охраны интересов пролетарского государства и интересов трудящихся. Еще более ответственны, еще более важны роль и значение суда и прокуратуры, в особенности, роль народного суда и районного прокурора в настоящее время.

Конституция 1924 года, первая конституция Союза советских социалистических республик, имела ряд статей, посвященных суду и прокуратуре и, в частности, Верховному суду и прокуратуре при Верховном суде Союза ССР. Но такой главы, как глава девятая нашей Сталинской Конституции, Конституция 1924 г. не знала.

Это не случайно, как не случайно и то, что IX глава великой Сталинской Конституции начинается знаменательным словом «правосудие», — словом, которое обозначает громадной важности и высокой политической ответственности сумму вопросов, мер, задач, возлагаемых на наш советский суд и на его первого помощника — на нашу советскую прокуратуру.

Новая эпоха Сталинской Конституции ставит перед нами такие важные задачи, что роль советского права и социалистической законности, роль советского суда и прокуратуры приобретает в наши дни совершенно иное значение.

Наши враги немало потрудились над тем, чтобы отравить сознание вредительской теорией — отмирания права и государства.

Вредительские в органы советской юстиции, в юридические школы и институты Пашуверман, Волков, Доценко, Шляпочников не мало принесли вреда своей подрывной работой, направленной против укрепления советского права и советской социалистической законности, своими вредительскими «теориями» о буржуазном характере советского права, что только «буржуазно-капиталистическое общество создает все необходимые условия для того, чтобы юридический момент в общественных отношениях достиг полной определенности» и что, следовательно, социалистическое общество не создает никаких условий для развития и укрепления права.

Эти троцкистско-бухаринские подонки, эти агенты японо-германских фашистских разведок делали все, что могли, чтобы подорвать роль советской законности в борьбе за социализм, за утверждение нового социалистического строя.

Грубо извращая учение Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина о государстве и праве, эти буржуазные холопы фальсифицировали советское право, доказывая, что переход к новым формам права в условиях советской власти и пролетарской диктатуры возможен лишь как процесс отмирания юридических форм вообще и, следовательно, и советской юридической формы.

В своей вредительской работе, направленной против укрепления советского социалистического права, эти господа пытались доказывать, что «борьба с преступностью сама по себе может рассматриваться, как «медицински-педагогическая» задача, для разрешения которой юрист с его «составами преступлений», кодексами, с его понятием «виновности», «полной или уменьшенной вменяемости», с его тонкими различиями между соучастием, пособничеством, подстрекательством и т. д. вовсе не нужен».

Они, эти презренные враги нашего народа, нашего великого дела борьбы за социализм, пытались разоружить наши органы советской юстиции, внушая работникам суда и прокуратуры предательскую мысль о бесполезности и никчемности наших кодексов и самих наших юристов. Они хотели заменить беспощадную борьбу с врагами социализма «педагогически-медицинскими» мерами, выбив таким образом из рук государства пролетарской диктатуры такое могучее оружие борьбы и победы, как революционный закон и революционное правосудие!

Эти изменнические замыслы врагов народа вскрыты и разоблачены. Их глуповатая подрывная работа ликвидирована. Уже сейчас проделана значительная работа по очищению рядов советской юстиции от предателей и изменников, по искоренению вредительски-подрывных «теорий» в области права и по дальнейшему укреплению этого важнейшего участка нашего общего фронта борьбы за окончательные победы коммунизма.

Советское право, социалистическая законность и социалистическое правосудие, освобож-

денные от предательских попыток изменников задержать дальнейшее развитие и расцвет их творческих усилий, поднимаются на новую ступень своего дальнейшего развития. Не проповедь вредительской «теории» об отмирании государства и буржуазной природе советского права, а безжалостное и беспощадное уничтожение лжепроповедников; не свертывание работы органов советского правосудия, проводников социалистической законности и глашатаев социалистического правосознания, а новое и еще более могучее развертывание работы советской юстиции — вот задачи, поставленные сейчас перед советским судом и прокуратурой нашей великой эпохой, эпохой окончательно победившего социализма.

Блестящим подтверждением громадного значения и роли революционной законности в борьбе за социализм, за укрепление нового социалистического правопорядка являются три опубликованных недавно акта — постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР о награждении орденами Союза ССР Прокурора Союза ССР товарища Вышинского А. Я., группы работников Прокуратуры Союза ССР — т.т. Леплевского, Рогинского, Розовского, Ульяновой, Глузмана, Шейнина, Баркова, Гродко и Рагинского и группы работников Военной коллегии Верховного суда СССР и военных трибуналов округов во главе с председателем Военной коллегии Верховного суда Союза ССР т. Ульрихом В. В.

Это награждение имеет исключительное значение как выражение не только громадного доверия пролетарского государства и партии к работе суда и прокуратуры, но и как признание всей государственной важности и всего громадного государственного значения дела укрепления революционной законности, укрепления органов суда и прокуратуры.

Этими постановлениями наша партия и правительство как бы говорят всей нашей стране и всему миру о роли советского права в борьбе за социализм, о роли и значении укрепления советской революционной законности.

Эти постановления как бы предупреждают против недооценки роли советской законности в той грандиозной созидательной работе, которая ведется в нашей стране под руководством нашей партии во главе с товарищем Сталиным, по перестройке на социалистических началах нашего общества.

«Стабильность наших законов нам нужна теперь более, чем когда бы то ни было», сказал товарищ Сталин в своем историческом докладе о проекте новой конституции на Чрезвычайном VIII съезде советов.

Стабильность законов требует настойчивых, боеспособных, крепких, полнокровных органов суда и прокуратуры, готовых и умеющих бороться за торжество закона, за торжество советского правосудия и социалистической справедливости.

Стабильность законов требует крепкой армии судебных и прокурорских работников, людей, готовых и способных отразить всякие попытки нанести ущерб советскому государству и интересам трудящихся, готовых и способных активно и мужественно бороться против всех вылазок и извращений, против всевозможных «калужских» и «казанских» законностей, за единую союзную социалистическую законность,

стоящую на страже великого дела построения в нашей стране коммунизма.

В настоящее время суд и прокуратура поднимаются на еще большую высоту, чем это было до сих пор, ибо, в первую очередь, они призваны обеспечить стабильность советских законов, нерушимость и непреложность законов советской страны, выражающих волю миллионов и миллионов рабочих и крестьян, построивших новое социалистическое общество.

Не ясно ли, как грандиозны и велики лежащие на органах суда и прокуратуры государственные обязанности!

Не ясно ли, как велики и ответственны задачи социалистического суда и советской прокуратуры в настоящее время!

Эти задачи нельзя понять вне связи с нашей великой Сталинской Конституцией, вне связи со всей историей нашей советской юстиции со времени первого декрета о суде (24 ноября 1917 г.) до сегодняшнего дня, вне связи с тем историческим путем, который прошли в процессе своего развития наш народный суд, наше советское право.

Мы не можем говорить о задачах прокуратуры в настоящее время изолированно от всей пятнадцатилетней истории нашей советской прокуратуры, учрежденной гением Ленина и Сталина.

Замечательное письмо Ленина товарищу Сталину для Политбюро «О «двойном» подчинении и законности» явилось программой для всего последующего развития советской прокуратуры, для развития тех ее качеств, особенностей, черт, которые коренным, принципиальным образом отличают нашу советскую социалистическую прокуратуру от прокуратуры любой буржуазной страны.

Когда мы говорим о сегодняшних задачах нашей юстиции на основе уже накопленного нами грандиозного опыта нашей практической работы по борьбе с врагами социализма, с врагами нашей родины, на основе работы по разрешению той двуединой задачи нашей судебной политики, о которой говорил Ленин и которая утверждается изо дня в день великим Сталиным, мы не можем оторвать вопрос о наших задачах, напр., от закона 7 августа 1932 года. Товарищ Сталин по справедливости назвал этот закон основой революционной законности в настоящий момент потому, что закон 7 августа направлен на защиту нашей общественной, социалистической собственности, священной и неприкосновенной основы всего советского строя. Мы живем в эпоху могучего развития всех производительных сил нашей страны, расцвета совершенного нового государства, нового общества, опирающегося на совершенно новую экономику, создавшего новую культуру, воспитывающего, вырабатывающего не только новые общественные учреждения, но и новых людей. Мы не только переделываем общественные отношения на новых принципах, невиданных до победы Октябрьской революции. В процессе этой перестройки мы переделываем самих себя, переделываем людей, создаем новые поколения людей, новое сталинское человечество. Это величайшая задача. И тем почетнее и ответственнее роль советской прокуратуры и суда, на которые возложена первейшая помощь нашему государству и партии в этой перестройке.

ке, в борьбе с тем, что мешает этой перестройке.

Прокуратура и суд призваны решать важнейшую задачу борьбы с нашими врагами, борьбы со всякими попытками задержать наше победоносное движение вперед.

Роль суда и прокуратуры в этой области исключительно важна, потому что прокуратура вместе с судом выносит на суд общественного мнения, предаёт гласности, делает публичным в гораздо большей степени, чем какой бы то ни было другой орган пролетарской диктатуры, разоблачение подлейших происков и козней наших врагов. В этом, как неоднократно говорили и товарищ Ленин и товарищ Сталин, сила гласного судебного процесса. На февральском пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин дал блестящий анализ нашего современного положения, остроты нашей современной классовой политической борьбы. Он указал — какие меры мы должны принять для того, чтобы окончательно разгромить, добить фашистскую троцкистско-бухаринскую контрреволюционную гадину. В этом деле разрома врага немалую роль играет наш суд, своей разоблачительной деятельностью выбивающий из-под ног врага всякую почву, беспощадно разищий врага. Надо ли говорить о том громадном значении, которое имеет в этом деле судебный процесс, т. е. гласное, публичное рассмотрение того или иного судебного дела при участии самих обвиняемых, с допущением на суде их защиты, с судебным состязанием, которое происходит перед глазами всех между обвинителем и подсудимым, где всегда торжествует истина нашего пролетарского правосудия. Величайшее значение судебного гласного процесса заключается в том, что он может довести до сознания самого отсталого человека эту настоящую, подлинную правду.

Решая дела бытовые, повседневные, затрагивающие мелкие, но кровные нужды и интересы громадных масс людей, народные суды делают не менее ответственное и не менее важное дело, чем суды, рассматривающие дела крупного политического масштаба. Народный суд стоит в гуще народных масс, имеет дело с десятками и сотнями тысяч людей, маленьких и больших, по делам маленьким и большим. Эти дела вырастают из самой жизни, которая организуется на новых социалистических началах, преодолевая постоянное сопротивление наших врагов, прямых и открытых контрреволюционеров, шпионов, вредителей, террористов и прочих хищников, дезорганизаторов, хулиганов.

Вражеская дезорганизаторская работа выражается не только в заговорах контрреволюционного порядка, не только в виде вредительства, диверсий, которые квалифицируются по соответствующим статьям гл. I Уголовного кодекса. Наши враги пытаются вообще дезорганизовать нашу жизнь, стараясь, как признался в этом враг народа Пятаков, «нанести чувствительные удары в самые чувствительные места». Враг не гнушается при этом и возможностью нанести удар и в менее чувствительные места, прекрасно понимая, что множество мелких укусов и ударов играют не меньшую роль, чем один большой удар.

Мы знаем сейчас, что контрреволюционные троцкистско-бухаринские фашисты и вредители,

пробравшиеся в наши органы, вроде Бермана, сидевшего в Верховном суде РСФСР, Чудновского (Урал), бывшего прокурора Пальгова (Ленинград), Петренко (Аз.-Чер. край) осуществили свою контрреволюционную подрывную работу.

Эти прохвосты и, в частности, Чудновский, Пальгов и др. пытались применить закон 7 августа к мелким хищениям, сознательно извращая смысл этого закона. Понадобилось специальное постановление от 1 февраля 1933 г., чтобы приостановить этот поток извращений. В то время казалось, что эти извращения являются результатом усердия не по разуму, недостаточной политической выдержанности и т. п. Теперь установлено, что эти извращения были сознательными, что это был один из методов борьбы с советской властью, при менявшийся пробравшимися в нашу среду врагами, изменниками. Эти предатели стремились применять закон 7 августа в массовом масштабе для того, чтобы, во-первых, смазать, отвлечь внимание от своих правых дел такой «левацкой» политикой, а, во-вторых, и это было главное, — чтобы вызвать недовольство масс против закона 7 августа, а значит — против нашей партии, против правительства, против нашего советского строя.

Надо ли говорить, какой вред способна была причинить такая практика неправильного применения закона, направленного против врагов народа, к рядовым трудящимся, к середняку в деревне, к людям, которые действовали по своему невежеству и недисциплинированности, по неосознанности.

В борьбе с врагами на долю суда выпадает громадная, исключительно острая политическая задача, независимо от того — разбирается большое дело или «маленькое». У нас не может быть «маленьких» дел, не может быть дел, к которым допустимо было бы подходить невнимательно, небрежно. Такое отношение было бы глубоко вредным, извращало бы действительный смысл судебного процесса.

В условиях острой политической борьбы, острого сопротивления классовых врагов нашему окончательному победоносному движению вперед, нельзя недооценивать роль суда, даже в делах о должностных, хозяйственных имущественных и т. п. преступлениях.

Это относится и к прокуратуре, потому что работа суда в значительной степени определяется работой прокуратуры и других следственных органов.

Но, с другой стороны, суд не только решает те или иные конкретные дела, суд еще контролирует работу следственных органов. Ведь суду предоставлено огромное право возвратить дело на исследование, суду предоставлено огромное право вынести частное определение, касающееся работы любого органа советской власти, любых общественных организаций и т. д.

Суд не только орган, рассматривающий конкретное дело, гражданское или уголовное, он выполняет и функцию контроля. Вот почему так велика у нас роль суда. Суд является олицетворением совести народа, совести государства. Обязанности судьи очень почетны и ответственны. Прокурор может просить, может требовать от суда того или иного наказания, но решает этот вопрос суд. И он должен правильно разрешить эту государственную задачу,

ибо решение суда, касается ли оно комнаты, примуса, алиментного дела, — всегда государственное решение. В буржуазном государстве правосудие продает себя тем, кто временно стоит у власти. В советском же государстве у власти стоит народ, построивший новое социалистическое общество. Решать вопрос судьбы людей — очень большая и ответственная задача. Некоторые судьи считают, что когда они решают вопрос о Сидорове, Иванове и т. д., они решают только вопрос об Иванове и Сидорове. Это неправильно.

В каждом решении о конкретном деле и человеке заключается еще и решение общегосударственных задач. Судья и прокурор обязаны внимательно относиться к судьбе живого конкретного человека. Каждое конкретное дело, о каком бы мелком интересе не шла в нем речь, является делом, органически затрагивающим интересы общества, интересы государства. Судьба каждого живого человека должна быть разрешена по справедливости, т. е. в соответствии с интересами рабочего класса, нашего социалистического государства, с интересами нашей борьбы за социализм. Надо, чтобы ни один человек, кто может быть полезен в творческом труде нашей страны, не был поставлен за пределы этого творчества.

Важнейшая задача, неизменно поднимающая значение суда, заключается в воздествии, которое осуществляет наш суд на общество. Решая дело о примусе, о 25 рублях штрафа, суд выносит решение от имени Советской Социалистической Республики. Он решает дело не у себя в канцелярии, с глазу на глаз с подсудимым, а гласно, публично, где сидят люди, которые думают и мыслят. Тов. Хрущев говорил на одном из собраний Московского суда и прокуратуры, что когда мы судим какого-нибудь преступника, который сидит на скамье подсудимых и отвечает на наши вопросы, когда мы выносим ему приговор, он слушает, как мы судим его, и сам в душе нас судит. И это верно. Если мы судим с нарушением закона, если мы судим неправильно, то что могут думать о таких случаях?

Есть еще одно важное отличие нашего правосудия от правосудия буржуазных стран. Буржуазный суд — это мясорубка, калечащая и истребляющая людей. Буржуазный суд действует в интересах укрепления господства эксплуататоров, являясь «слепым, тонким оружием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка»¹.

О том, что представляет собою буржуазный суд, как цинично и беспощадно он действует в интересах охраны господства эксплуататоров, можно судить по таким чудовищным делам, как дело о поджоге рейхстага, грубо и топорно состряпанное фашистскими палачами, как дело Сакко и Ванцетти, безвинно брошенных на многие годы в тюрьму, как тысячи и тысячи других дел, где роль судьи сведена к роли палача, где молчит закон и где свирепствует самая неприкрытая и беспримерная по своей жестокости расправа над невинными жертвами угнетателей.

Убийственную характеристику буржуазно-помещичьему суду дал в свое время Ленин,

когда в своих исторических «Случайных заметках» (1901 г.) так писал о тогдашнем суде: «Как известно, эти сословные представители (речь идет о коронном суде с участием т. н. сословных представителей. А. В.), слитые в одну коллегия с судьями—чиновниками, представляют из себя безвластных статистов, играют жалкую роль лонятых, рукоприкладствующих то, что угодно будет постановить чиновникам судебного ведомства»¹.

В этой статье Ленин дал уничтожающую характеристику царскому суду с сословными представителями, нарисовав яркую и верную картину этого суда.

Ленин писал: «Вот волостной старшина, — я имею в виду провинциальный суд, — конфузющийся своего деревенского костюма, не знающий, куда деть свои смазные салоги и свои мужицкие руки, пугливо вскидывающий глаза на его превосходительство председателя палаты, сидящего за одним столом с ним. Вот городской голова, толстый купчина, тяжело дышащий в непривычном для него мундире, с цепью на шее, старающийся подражать своему соседу, предводителю дворянства, барину в дворянском мундире, с холерной наружностью, с аристократическими манерами. А рялом — судьи, прошедшие всю длинную школу чиновничьей лямки, настоящие дыяки в приказах посылелье, полные сознания важности выпавшей им задачи: судить представителей власти, которых недостойно судить суд улицы. Не отбила ли бы эта обстановка охоту говорить у самого красноречивого адвоката, не напомнила ли бы она ему старинное изречение: «не мечите бисера перед...»?»².

Таков был российский дореволюционный суд, таковы суды современных капиталистических стран, олицетворяющие собою власть эксплуатации и угнетения.

На место старого царского суда Октябрьская социалистическая революция создала новый народный суд, суд советский, направляющий свои удары против эксплуататоров, дезорганизаторов советского строя, изменников и всех врагов социализма.

«Новый суд, — писал Ленин в 1918 г., — нужен был прежде всего для борьбы против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство или отстаивать свои привилегии, или тайком протасить, обманом заполучить ту или иную частичку этих привилегий. Но, кроме того, на суды, если они организованы действительно на принципе советских учреждений, ложится другая, еще более важная задача. Это — задача обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся»³.

Советский суд является одним из методов борьбы за социализм. Каждый правильно обоснованный приговор, вскрывающий врага, бьет по всему вражескому делу. Каждый приговор, толково изображающий дело и клеймящий преступление словом осуждения от имени советского государства, воспитывает массы, народ, помогает сплочению вокруг советской власти в борьбе с преступлениями, в борьбе с врагами народа.

¹ Ленин, т. IV, стр. 83.

² Ленин, т. IV, стр. 85.

³ Ленин, т. XXII, стр. 424.

В пролетарской диктатуре насилие играет, как и во всякой диктатуре, важнейшую роль. Но насилие в пролетарской диктатуре не главное, хотя без насилия не может быть диктатуры.

Наше насилие освящено величием наших социалистических идей, величием задачи подавления эксплуататоров. Надо отличать насилие против эксплуататоров от насилия, применяемого эксплуататорами против эксплуатируемых. Когда применяют насилие эксплуататоры против эксплуатируемых, они совершают величайшую несправедливость, величайшее преступление. Наоборот, когда трудящиеся применяют насилие против эксплуататоров — они совершают величайший подвиг. Этот подвиг осуществляется волей борющегося и побеждающего рабочего класса. Но в пролетарской диктатуре репрессии не главное.

Советский суд не просто орган, который расправляется с врагами. Советский суд расправляется с врагом на основе применения советских законов, которые являются выражением воли победившего пролетариата в борьбе за социализм. И наш суд должен решать эту великую задачу так, как этого требуют интересы нашего советского государства.

Но и этим еще не ограничивается громадное значение нашего советского суда. До введения Сталинской Конституции наш суд, если можно так выразиться, был судом в узком смысле слова, разрешавшим те или иные судебные дела. Сейчас, после введения Сталинской Конституции пределы деятельности народного суда расширяются очень серьезно. Новое Положение о выборах в Верховный Совет предоставляет право всякому гражданину нашей страны, не внесенному в избирательный список, или вычеркнутому из избирательного списка, обжаловать это решение в народный суд.

Народный суд должен рассмотреть эту жалобу в гласном порядке, вызвав представителя совета, который, по мнению жалобщика, допустил ошибку, и самого жалобщика. Решение народного суда по таким делам окончательно.

Таким образом народный суд в этой области поднимается до уровня Верховного суда, решения которого окончательно и обжалованию не подлежат.

Это говорит о том, что наш народный суд выводится сейчас на широкую арену политической государственной деятельности и в конституционном смысле этого слова. Сейчас народному суду уже предоставлено решение дел о гражданских правах человека, т. е. о том — быть ему гражданином советской страны, пользующимся избирательным правом, участвующим в законодательном творчестве этой страны, или не быть.

Сталинская Конституция поднимает сейчас наш народный суд на еще большую высоту, совершенно недостижимую ни для одного буржуазного суда. По новой Конституции народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании (ст. 109).

Ни один суд в мире не организуется таким демократическим образом. Советский народный суд не только выборный суд, но выборный на основе такого подлинно демократически широ-

чайшего избирательного закона, который обеспечивает избрание достойных людей в советские судьи, призванные осуществлять социалистическое правосудие. Но не только народные суды организуются на основе выборного начала. Возглавляющий всю судебную систему Союза Верховный суд СССР, высшие суды союзных и автономных республик, краевые и областные суды, окружные суды, специальные суды СССР также избираются соответствующими Верховными Советами и советами депутатов трудящихся.

Величайший и последовательный демократизм проникает собою не только свою организацию советской судебной системы, не только структуру советского суда, но и все советское судопроизводство. Во всех судах разбирательство дел в СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения. В советских судах обвиняемому обеспечивается право на защиту. В советских судах рассмотрение дел (судопроизводство) ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области, а лицам, не владеющим этим языком, обеспечивается возможность полного ознакомления с материалами дела через переводчика, как и право выступать на суде на родном языке (ст. 110). Все это говорит о последовательном демократизме советской юстиции, советских судебных органов, осуществляющих в СССР правосудие, поставленных на охрану социалистического государства рабочих и крестьян и интересов всех граждан. Вся работа советского суда строится под знаком служения этой величайшей цели, освещающей путь борьбы советского суда за социалистическую законность и социалистический правопорядок.

Ответственной обязанностью, возложенной новой Сталинской Конституцией на советских судей, являющихся лучшими представителями советского общества, призванных к разрешению вопросов, затрагивающих самые сокровенные интересы и блага государства, народов, отдельных граждан, требует судей, высококвалифицированных в политическом и гражданском отношении, таких, которые были бы способны выполнять основные требования великой Сталинской Конституции — независимость судей и подчинение их только закону.

Наш суд не суд шепенов, не суд присяжных. Суд шепенов и суд присяжных это, в конце концов, суд ценовиков, суд мелких лавочников, суд мелкой буржуазии, жулаков, суд собственников, суд эксплуататоров больших или маленьких, а наш народный суд — подлинно народный суд, ибо миллионы и десятки миллионов рабочих, колхозников, трудящейся интеллигенции — судьи и народные заседатели.

Наш народный суд выносит решения на основе своего социалистического правосознания, по всей справедливости. Советская демократия тем и отличается от буржуазной, что у нас народ имеет полную возможность не только выразить, но и осуществить свою волю!

Присяжные в буржуазных судах решают только вопрос о факте преступления: был ли такой факт или нет, и заслуживает ли преступник наказания. Право определения самого наказания буржуазная юстиция предоставила не суду присяжных, а коронному суду.

У нас, в советском суде, между народными заседателями и государственным судьей нет

различия. У нас судьи не только судьи факта, но и права. Они не только констатируют наличие тех или иных фактов, вменяемых в вину подсудимому, но и определяют самый размер наказания. Они решают вопрос уголовной политики, ибо важнейший вопрос уголовной политики заключается в наказании.

Некоторую попытку внести исправления в эту область в буржуазном процессе сделал так называемый суд шефенов. Некоторые наши юристы даже позволяют себе сравнивать наш суд с судом шефенов.

Но это неправильное сравнение. Суд шефенов (или «народных» представителей), это — суд ценовых элементов, мелкой буржуазии, имущих классов. Сам состав нашего суда не позволяет проводить параллель между нашим судом и немецким или австрийским судом, или судом шефенов. В фашистских странах судей не может быть не-фашист. Беспартийных там в суде не бывает. У нас же судьи и нарзаседатели в подавляющей массе беспартийные.

Но основное в том, что наш суд строится на основе самодеятельности, активности, инициативы наших народных заседателей. Один немецкий процессуалист говорит, что суд шефенов состоит из коронного судьи и заседателей, «дремлющих» при судье.

Наш народный заседатель принимает участие в допросе, борется в совещательной комнате за свою точку зрения, а если он не согласен с решением суда, переносит свой протест в кассационную инстанцию.

В наших вышешних условиях народный суд приобретает исключительное и своеобразное значение. Перед нашими судьями и прокурорами стоит задача овладеть большинством, в конкретной и специфической обстановке, в конкретных и специфических условиях работы суда и прокуратуры овладеть принципами большевизма. Максимальное укрепление суда и прокуратуры — наша основная политическая задача. Если задача укрепления материальной базы органов юстиции в значительной степени уже разрешена, то в области политической, идеологической, в области специфически юридического вооружения мы еще отстаем. Вредители из троцкистско-бухаринской шайки, ныне разоблаченные: негодяи — Пашуканис, Берман, Ашрафьян, Волков, Шляпочников и другие в течение ряда лет отравляли наше сознание троцкистско-бухаринской контрреволюционной гнилью. Усердно прикрываясь именем Маркса, они отравляли наше сознание лжемарксистской теорией. В своих учебниках и выступлениях, в своей практической работе они осуществляли волю своих руководителей из германских фашистских разведывательных органов. Теперь они схвачены с поличным и разоблачены. Разоблачена и их подрывная «теоретическая» работа. Но и здесь перед нами стоят еще большие задачи.

В области общей теории права и государства, уголовного и гражданского права, нам надо окончательно выкорчевать остатки вредительских теорий Пашуканиса, Бермана и других. Под очень тонким, умело организованным прикрытием, Пашуканис и его группа стремились внушить мысль, что никакого социалистического права не существует. Они вредительно и лженаучно толковали соответствующие места «Критики Готской программы»

Маркса. Они извращенно толковали «Государство и революция» Ленина, они всячески старались извратить ленинско-сталинскую постановку вопроса о роли права в пролетарской революции, о роли советского государства в борьбе за социализм.

Пашуканис прямо писал, что мораль, право и государство суть формы буржуазного общества и поэтому перед строителями социалистического государства и общества стоит задача разрушить эти буржуазные категории. Утверждая, что советское право есть не что иное, как форма такого же буржуазного права, он внушал недоверие к советскому праву, пытался дискредитировать наше советское право. Пашуканис утверждал, что советское право, как категория буржуазного общества, не может наполниться социалистическим содержанием. Следовательно, по Пашуканису, советское право не только по форме, но и по содержанию буржуазно.

Всячески маскируясь, эти господа пытались протолкнуть контрреволюционную клеветническую мысль, что советское право есть буржуазное право, что никакого социалистического содержания в этом праве нет, следовательно нам незачем укреплять советское право, незачем бороться за торжество советского права.

Ведь враг не говорит: я — сторонник капитализма. Наоборот, он говорит, что он — сторонник социализма. Он клянется именем социализма. Он прикрывает таким образом свою предательскую работу. Пашуканис лицемерно писал: «Сейчас мы совершаем революционный переход от капитализма к социализму»...

Но дальше Пашуканис писал: «Имеется господствующий ведущий сектор... Но когда этот господствующий сектор все поглощает, тогда как раз начинается исчезновение права».

И выходит, что, признавая на словах победу социализма, обобществление мелкого товарного производства, превращение его в социалистическое, этот фашистский агент протаскивал контрреволюционную «теорию» о том, что как только социализм делается господствующим сектором, то право сейчас же у нас исчезнет. Выходило, что незачем и нельзя построить систему советского права, что сама по себе эта задача внутренне противоречива. Пашуканис вредительно доказывал, что невозможно построить систему советского права, так как нет единого принципа, который можно было бы положить в основу этой системы. Это утверждение — клевета, ибо основой, определяющей содержание любой отрасли советского права, всеобщим принципом является диктатура рабочего класса, диктатура пролетариата.

На этой основе и необходимо построить систему советского права, как права социалистического государства рабочих и крестьян, победоносно осуществляющих диктатуру пролетариата. Эта основа — победа социализма в нашей стране, общественная, социалистическая собственность, которую мы призваны беречь больше своего ока, это — диктатура пролетариата, функций которой является советское право. Советское право есть не что иное, как одна из форм проявления пролетарской диктатуры.

Вредительская «теория» Пашуканиса, эта, так называемая, «теория эквивалента», берет

свое начало от антимарксистского бухаринского «закона трудовых затрат». Бухарин, как и меньшевик Рубин, как и фашистский теоретик Вальтер, вопреки учению Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина утверждал, что закон стоимости — основной закон движения капиталистического общества — сохраняет свое действие и у нас, в социалистическом обществе, при коллективной собственности на орудия и средства производства.

Эта контрреволюционная дребедень была разоблачена, осуждена и разбита Лениным и Сталиным.

Основой нашей социалистической системы хозяйства является диктатура пролетариата. Диктатура пролетариата направляет и регулирует все народное хозяйство и его отдельные отрасли при посредстве одного из своих важнейших рычагов — социалистического плана. По Бухарину же наш план есть советская форма капиталистической стихии. А так как идеология не может быть оторвана от хозяйственных принципов, то естественно, что и право и мораль тоже не могут быть в этом государстве иными, чем те, которые определяются буржуазным принципом.

Теорияка Пашуканиса и всей его банды целиком отражала собой все установки правых реставраторов капитализма. Что, как не реставрацию капитализма, как не программу реставрации капитализма, представляло собой это, хотя бы, бухаринское разглаговльствование о продолжающем действовать в нашем государстве «голеньком или в платице» законе стоимости, законе трудовых затрат, законе, который является, якобы, регулятором и наших хозяйственных отношений? Это — контрреволюционная клевета на социализм, контрреволюционная клевета на государственный наш социалистический план, на наши великие сталинские пятилетки, победившие в нашей стране, проложившие дорогу победам социализма во всем мире.

Эти контрреволюционные «теории» оказали свое влияние и на теоретическую работу в области права. Они отравили сознание и ряда практических работников в области права своим ядом. Это возлагает на партийные, советские и судебные организации громадную ответственность, ставит перед ними задачу окончательного преодоления и выкорчевывания из нашего сознания «вреднейших «теорий» этих презренных агентов японо-германского фашизма, этих реставраторов капитализма.

Овладеть большевизмом — для судебных работников — это значит вооружить себя марксистской, ленинско-сталинской научной теорией, умением применять ее к специфическим условиям судебно-правовой деятельности. Это значит уметь понять, увидеть, различить в конкретных фактах нашей действительности моменты борьбы между капитализмом и коммунизмом, составляющие основу современного общественного развития.

Ленин и Сталин неоднократно говорили, что чем ярче победа социализма, тем ожесточеннее становится сопротивление классовых врагов. Товарищи Ленин и Сталин учат, что с каждой новой победой социализма в сто крат усиливается ненависть и озлобление и беснование классовых врагов, которые будут все более и более стремиться переключить свою ненависть на еще более активные методы и

формы борьбы против советской власти, на подтачивание самых основ нашего социалистического строительства.

А сейчас вопрос стал еще острее. Победы социализма в нашей стране превратили СССР в неприступную крепость и твердо социализма, мощную опору в борьбе за коммунизм во всем мире.

Победа социализма в СССР — это не только наша новая могущественная социалистическая промышленность. Это и переделанная на социалистический лад старая единоличная, а теперь новая, счастливая, зажиточная колхозная деревня.

Победа социализма — это замечательные арктические перелеты сталинских богатырей, Гердов соколов нашей страны, завоевавших Северный полюс, проложивших кратчайший путь между двумя материками. Победа социализма — это расцвет новой социалистической культуры, одним из носителей которой является и наш суд.

При всех недостатках наш суд неизмеримо выше любого буржуазного суда, потому что он проводит подлинную борьбу за интересы нашего социалистического государства, за интересы трудящихся, потому что это подлинно демократический суд.

Ленин писал, что нужно культурно бороться за законность, не забывая границ законности в революции.

Надо, однако, признать, что мы еще полностью этой задачи не разрешили, что культурно бороться за законность мы еще умеем недостаточно.

В отдельных случаях наши судьи, как и некоторые прокуроры, отстают от требований, предъявляемых к ним партией и правительством. Среди московских судей, в частности, имеются люди, в работе которых немало прорывов, изъянов, недостатков, которые сплошь и рядом в значительной степени уменьшают эффект работы судов, ослабляют их роль и подрывают авторитет нашего суда.

Пом. прокурора одного из районов г. Москвы, рассмотрев в порядке надзора жалобу гр-на Г. на решение о признании его отцом ребенка гр-ки Н., отказал в жалобе, увековечив свой отказ постановлением, поражающим своей неграмотностью и безграмотностью. В этом постановлении сказано буквально следующее:

«Доводы ответчика, что иск Никудиной не основанный считает утверждение ее голословным, не считая себя отцом ребенка «Чужой женщины». Эти доводы ответчика неосновательны потому, что исковые претензии истца не голословны, а от об близких (половых) взаимоотношений сторон родился ребенок, что истица работала у ответчика 5 лет и ливчем предосудительном замечена не была, а являлась добросовестной преданной работницей. Утверждение же ответчика, что он не является отцом ребенка «чужой женщины» так же не основательны, ибо женщина не вещь, а равноправный гр-н по отношению к ответчику и собственности последний в ней не мог по закону, а потому не усматривая оснований к принесению протеста на решение Суда и определение ГСК, руководствуясь ст. 254 ГСК, постановил» и т. д.

Правда, такие «постановления» к счастью, представляют собой в нашей практике исключение, но все же даже в единичных случаях

они недопустимы и совершенно нетерпимы, особенно в Москве.

От прокуроров не отстают и судьи.

Нарсуд одного из участков Бауманского района г. Москвы в январе 1937 г. вынес по делу о взыскании алиментов решение, не уступающее указанному выше постановлению.

В этом решении народный суд записал: «Никаких данных о том, что он (ответчик гр. В-в.) с ней проводил время, за утверждением истицы, — нет. Истица не отрицает, что он даже спал на кровати, а она на полу с подругой и молодым человеком. Не установлено, что он до этого и после этого был с ней в близких отношениях. Свидетельница Чупчикова категорически утверждает, что истица жила с мужем, Истица же категорически отрицает и говорит, что не живет с 1930 г. и не знает где он».

Казалось бы, в иске при таких обстоятельствах надлежит отказать за недоказанностью иска. Но народный суд решил иначе: иск удовлетворить, ответчика В-ва признать отцом ребенка и обязать его выплачивать истице алименты...

Правда, этот народный судья освобожден от оказавшихся для него непосильными обязанностей по отправлению правосудия, но факт подобного решения остается фактом, несколько не содействующим укреплению авторитета суда...

А вот еще одно решение, тоже московского народного суда, по делу о выселении.

Вот текстуально это решение:

«Выслушав стороны и ознакомившись с представленными документами, суд установил, что семья Цветковых, состоящая из мужа и жены по делу систематически создают условия невозможного проживания с ними соседней жильцов по квартире эти невозможности выражаются в том, что Цветков Н. Т. является инвалидом II гр., занимается исключительно сбором милостыни (попрошанство) и на собранные деньги пьет водку до безчувствия, приходит в комнату, а когда таковая бывает закрытой ложится и спит в коридоре или на кухне, делает испражнения мочи, создавая зловонья, приглашает к себе на кухню и в комнату ему подобных алкоголиков, устраивая выпивку, когда приходит его жена Цветкова Е. С. производит с ним скандал (шум и всякие версии). Все этого подтверждено показаниями и жильцами и свид. председ. правления жакта. Принимая во внимание вышеизложенное и что Цветков Н. Т. является неисправимый алкоголик, занимающийся нищенством, что этот вопрос имел место суждения в товарищеском суде, который предупреждал Цветковых, но это предупреждение не действует, суд на основании ст. 71 п. «д» и 174—175 решил: выселить Цветковых Н. Т. и Евд. Семеновну из занимаемой им комнаты по Манкову пер., 12 за невозможностью проживания».

Можно подумать, что народный судья, вынося это решение, задался специальной целью помешить людям стилем, характером и логикой своего постановления? Можно ли мириться с подобным положением вещей, с подобным качеством судейской работы? Ясно, нельзя.

Приговор суда должен внушать уважение к суду, к его авторитету. Ведь решение суда, приговор публики выслушивает стоя. Было у нас время, когда леваки пытались ликвидировать все эти внешние атрибуты — разрешалось сидеть в зале суда в шапках, приговор суда выслушивать сидя, при выходе суда не вставать. Это было неправильно. Публика встречает выход суда стоя потому, что выходят представители государственной власти, готовые произнести сейчас от имени государства слова, которые решают судьбу человека.

Вставая при выходе суда, мы выражаем свое признание авторитета судебного приговора. Поэтому мы обязаны правильно, культурно, грамотно формулировать приговор, чтобы он вызывал чувство доверия, уважения со стороны граждан, выслушивающих его. Надо, и мы имеем для этого все данные, чтобы к нашему народному суду относились с уважением.

Мы знаем, что капиталистический суд является клоакой, но сила этого суда не только в методах насилия. Сила буржуазии в том, что она действует не только обухом и плетью: она действует еще и увещанием, лицемерием, обманом. Кнут и пряник — вот ее методы работы.

Мы можем добиться уважения другими методами, достойными нас. Такими методами является не только справедливость и честность судьи, но и культура судьи.

Сейчас будут выборы судей и народных заседателей. По новой Конституции народный судья выбирается на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права и тайного голосования. В руках нашего населения выборы являются очень мощным средством проверки и отбора судей. И судьи, которые не сумели завоевать необходимое уважение, не могут рассчитывать ни на какой успех при выборах.

Всеобщее, равное, прямое и тайное голосование будет, как сказал товарищ Сталин, хлыстом в руках избирателей, которые этим хлыстом будут бить по бескультурью, бюрократизму, халатности, неумению делать дело, порученное государственному служащему.

Оружие, которое дает в руки населению самый принцип формирования народных судов на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании, требует от судьи еще большей политической, юридической и общей культуры.

Это требование совершенно естественно и обязательно. Сейчас никто не может отговариваться тем, что он не успел научиться, не сумел подучиться. Сейчас мы имеем все возможности к тому, чтобы самый отстающий в культурном отношении человек в течение некоторого времени сделался самым передовым и культурным человеком. У нас есть ФОН, институты заочного образования, журналы и т. д. Но нужно работать над собой.

Выборы народных судей—это экзамен, крупнейший государственный экзамен, который призваны держать не только народные судьи, не только судьи вообще и не только Народный комиссариат юстиции Союза. Это экзамен, который будут держать перед нашей страной,

перед партией и государством все работники суда и прокуратуры.

Советская прокуратура, как и суд, несет на себе ответственнейшие задачи по укреплению революционной социалистической законности. Глава IX Сталинской Конституции посвящает специально несколько статей прокуратуре, подчеркивая ответственность и важность лежащих на ней обязанностей. На Прокурора Союза возложен Конституцией высший надзор за точным исполнением законов всеми народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР (ст. 113).

Борьба за законность в советском государстве, борьба за единую всесоюзную социалистическую законность, утверждающую господство воли победившего и построившего свое новое, социалистическое общество рабочего класса — это почетная и глубоко ответственная обязанность. Эта борьба за законность органически связана с борьбой за укрепление пролетарской диктатуры, за укрепление нового советского правопорядка, за уважение к правилам социалистического общежития, за незыблемость советского строя и новой советской, социалистической культуры.

15 лет тому назад была учреждена советская прокуратура по инициативе Ленина и Сталина, гениально предвидевших ее важнейшую роль в деле социалистического строительства и борьбы со всеми врагами социализма. В историческом письме Ленина на имя товарища Сталина для Политбюро ЦК ВКП(б) в 1922 году «О «двойном подчинении и законности» Ленин писал, что «законность должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности являются попустительское исконно русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской. Надо помнить, что в отличие от всякой административной власти прокурорский надзор никакой административной власти не имеет и никаким решающим голосом ни по одному административному вопросу не пользуется. Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единого понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям»¹.

В этих словах с исчерпывающей полнотой указывается на всю ту роль, какая принадлежит органам прокуратуры в советском государстве.

¹ Ленин, т. XXVII, стр. 299.

Вопреки всем вредительским «теориям» троцкистско-бухаринских предателей, немало приложивших усилий к тому, чтобы дискредитировать роль и значение советского права и советской законности, чтобы засорить головы и сознание людей изменнической болтовней об отмирании государства и права, а, следовательно, и суда и прокуратуры, как первых проводников закона, победивший социализм в нашей стране, нашедший такое блестящее свое выражение в великой Сталинской Конституции, не только не ослабил, но еще в большей мере укрепил роль и значение советского закона и органов, призванных его охранять и защищать.

Вот почему в наше время так беспредельно возрасла и роль советской прокуратуры, на которую великая Сталинская Конституция возложила специальный надзор за точным исполнением законов.

Предстоящие выборы марсудей являются генеральной проверкой политической зрелости и подготовленности к выполнению своих ответственных функций не только судей, но и прокуроров. И это вполне понятно, так как прокурор не может не отвечать за работу суда ввиду теснейшей связи, существующей между этими двумя плоскостями работы нашей юстиции.

Если прокурор дельный, грамотный, политически воспитанный, умеет работать с судом и в суде, занимается судебной работой, уделяет внимание суду, то не может быть некультурных приговоров и определений.

Кое-кто из прокуроров думает, что выборы судей их не касаются. Это неверно. Избиратель не может выбирать судью, не давая оценки работы суда. А оценивая работу суда, нельзя не дать оценки работы прокурора, ибо суд это тот участок, на котором протекает вся практическая творческая работа не только судьи, но и прокурора.

Вот почему выборы судей — это есть огромнейшей важности общественный, политический экзамен, который должны держать перед нашей страной, партией, государством, рабочим классом, перед историей наши судьи, и который будут держать вместе с судьями и наши прокуроры.

Партия и правительство уделяют исключительное внимание подготовке к выборам, к судебной и прокурорской работе. Это обязывает нас обеспечить новое, высокое, по длине социалистическое качество нашей прокурорской и судебной работы.

Конституция СССР¹

25 октября (7 ноября) 1917 г. рабочий класс при поддержке основных масс крестьянства, под прямым и непосредственным руководством партии Ленина—Сталина свергнул буржуазию и помещиков и взял власть в свои руки.

Была ли Конституция принята немедленно после взятия нами власти?

В конце 1918 г. Владимир Ильич писал: «Советы возникли без всякой конституции и больше года (с весны 1917 до лета 1918) жили без всякой конституции».

В июне 1917 г. состоялся Первый всероссийский съезд советов. Это был еще съезд советов, на котором эсеры и меньшевики имели громадное, подавляющее большинство. На этом съезде большевики составляли незначительный сектор. И когда один из лидеров соглашательского лагеря вызывающе поставил с трибуны съезда вопрос о том, имеется ли в нашей стране такая партия, которая готова взять власть в свои руки, то к удивлению громадного большинства съезда раздался твердый и уверенный голос, что такая партия есть. Это был голос Владимира Ильича Ленина, и это был голос большевистской партии — авангарда революционного пролетариата.

С октября 1917 г., когда власть полностью перешла к советам, прошло 8 месяцев до того момента, когда Пятый всероссийский съезд советов (10 июля 1918 г.) принял Конституцию — (основной закон) Российской социалистической федеративной советской республики.

Только ли в нашей стране так было, только ли после пролетарской революции в России Конституция была принята с опозданием?

Если обратиться к истории освободительного движения, в частности, к истории великой буржуазной французской революции (1789 г.), то мы увидим, что и там не сразу после свержения феодально-дворянской знати были приняты конституция. И не случайно то обстоятельство, что когда среди якобинцев шло обсуждение вопроса о своевременности принятия конституции, один из лидеров правого крыла монтаньяров, Дантон, защищая несвоевременность проведения конституции, заявил, что, когда интересы народа этого требуют, законы молчат.

Этим Дантон, которого Маркс назвал одним из величайших мастеров революционной стратегии, хотел сказать только то, что, когда класс стоит против класса в открытом бою, когда идут острые схватки с врагом, некогда думать о конституции. Но как только новая революционная власть укрепляется, распространяет свое влияние на большую часть территории или на все государство, то наступает время принятия конституции, вступление в силу которой является жизненной необходимостью победившего класса.

Итак, в июле 1918 г. заседал Пятый съезд советов, принявший первую нашу конституцию, Конституцию Российской социалистической федеративной советской республики.

При этом нельзя никак сказать об указанном периоде, что это был период затишья. Как известно, Пятый съезд советов совпал с авантюрой левых эсеров, стремившихся свергнуть советское правительство и передать власть буржуазии. Мелкая буржуазия, настроение которой тогда отражали левые эсеры, сама по себе никогда не бывает в состоянии удержать самостоятельно власть сколько-нибудь продолжительное время. Как известно из истории политического движения других народов, временное господство мелкой буржуазии всегда кончалось переходом власти к крупной буржуазии, как к настоящим хозяевам положения в буржуазных странах.

Первым разделом Конституции РСФСР 1918 г. является декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Эта декларация, составленная товарищами Лениным и Сталиным, была утверждена еще Третьим всероссийским съездом советов в январе 1918 г. В первом пункте этой декларации говорится:

«Россия объявляется республикой советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим советам».

Далее провозглашается, что основной задачей Советской республики является:

«Уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества, и победа социализма во всех странах». И далее, в этой же декларации говорится:

«Теперь, в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплуататорами, эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти».

В Конституции особо подчеркивается основная задача советской власти, а именно — установление диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в целях «полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

Для обеспечения трудящимся действительной свободы выражения своих мнений Конституция предусматривает передачу в руки рабочего класса и крестьянской бедноты органов печати и типографий; предоставление в распоряжение трудящихся пригодных для устройства народных собраний помещений и всяческое содействие рабочим и беднейшим крестьянам в деле их свободной организации; обеспечение им всестороннего бесплатного образования. Наконец, труд провозглашается Конституцией обязанностью всех граждан республики — «Не трудящийся — да не ест».

Вот краеугольные камни — основы нашей первой Конституции Российской социалистической федеративной советской республики.

¹ Обработ. стенограмма выступления на консультации в парткабинете в МК и МГК ВКП(б) 16 июля 1937 г.

Как случилось, что рабочий класс и основная масса крестьянства, руководимые большевистской партией, вышли победителями после октябрьского восстания? Ясный ответ на этот вопрос дан в одной из замечательнейших книг Владимира Ильича, в книге «Удержали большевики государственную власть». Этот труд написан накануне восстания, он дышит революционным пафосом и целиком проникнут дыханием октябрьских боев.

Владимир Ильич подчеркивает, что победа рабочего класса в нашей стране была бы немислима, если бы народная фантазия не изобрела советов. В этом произведении Владимир Ильич вскрыл существо самой природы советов. Наряду с этим произведением Ленина существо и природа советов с исключительной глубиной и ясностью вскрыты в классической непревзойденной работе Сталина «Вопросы ленинизма».

Товарищ Сталин следующим образом формулирует «сущность и силу советов».

«В чем состоит сила Советов в сравнении со старыми формами организации?»

... В том, что Советы являются наиболее мощными органами революционной борьбы масс, политических выступлений масс, восстания масс, органами, способными сломить всеисилие финансового капитала и его политических придатков.

В том, что советы являются непосредственными организациями самих масс, т. е. наиболее демократическими и, значит, наиболее авторитетными организациями масс, максимально облегчающими им участие в устройстве нового государства и в управлении им и максимально развязывающими революционную энергию, инициативу, творческие способности масс в борьбе за разрушение старого уклада, в борьбе за новый, пролетарский уклад».

Далее товарищ Сталин продолжает:

«Советская власть есть объединение и оформление местных советов в одну общую государственную организацию, в государственную организацию пролетариата, как авангарда угнетенных и эксплуатируемых масс и как господствующего класса,—объединение в республику советов».

... Республика советов является, таким образом, той искомой и найденной, наконец, политической формой, в рамках которой должно быть совершенно экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма.

Парижская коммуна была зародышем этой формы. Советская власть является ее развитием и завершением».

«Вот почему Советская власть является новой формой государственной организации, принципиально отличной от старой, буржуазно-демократической и парламентарной формы, новым типом государства, приноровленным не к задачам эксплуатации и угнетения трудящихся масс, а к задачам полного их освобождения от всякого гнета и эксплуатации, к задачам диктатуры пролетариата».

Как видите, товарищ Сталин дал исчерпывающее определение силы, сущности и самой природы советов. Без усвоения формулы товарища Сталина нельзя как следует разобраться в нашем государственном устройстве, и каждый, кто хочет глубоко усвоить структуру и характер нашего советского государст-

ва, должен почаще заглядывать в эти замечательные страницы.

Если разбить историю советского государства на периоды,¹ то можно было бы выделить несколько основных этапов. Эта периодизация, само собой разумеется, является условной.

Первый период — это период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции.

Второй период — это период гражданской войны.

Третий период — переход на мирную работу по восстановлению народного хозяйства. Этот третий период есть период восстановления народного хозяйства, который начался немедленно с окончанием гражданской войны. Эта новая форма союза рабочего класса с крестьянством, с подавляющим его большинством, с бедняками и середняками, была осуществлена благодаря гениальному стратегическому плану, выработанному и проведенному в жизнь нашими вождями Лениным и Сталиным.

В своей книге «О продналоге» (1921 г.) Владимир Ильич указал на наличие пяти различных общественно-экономических укладов в нашей стране.

«1. Патриархальное, то есть в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; 2. Мелкое товарное производство (сюда относятся большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3. Частно-хозяйственный капитализм;

4. Государственный капитализм;

5. Социализм».

При этом Ленин подчеркнул, что Россия так велика и пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Свообразие положения именно в этом.

Свообразие именно в этом общественно-экономическом характере нашей страны периода 1921 г., когда все пять хозяйственных укладов в ней уживались вместе. И вот от этих пяти весьма пестрых хозяйственных укладов надо было идти к установлению единого планового хозяйства в нашей стране через стремительный период его восстановления.

Четвертый период — это борьба за социалистическую индустриализацию страны.

С того момента, когда восстановительный период подошел к концу, надо было наше хозяйство перевести на новую, более высокую ступень. Эта громадной важности историческая задача социалистической индустриализации страны, поставленная товарищем Сталиным в его докладе на XIV съезде партии, была Страной советов под управлением и непосредственным руководством коммунистической партии великолепно выполнена.

И, наконец, пятый период — период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства. Сельское хозяйство представляло собой тогда, как говорил товарищ Сталин на Восьмом всесоюзном съезде советов, океан мелких, раздробленных хозяйств, которые надо

¹ Применительно к схеме, указанной товарищем Сталиным в письме «Об учебнике истории ВКП(б)», «Большевик», № 9, 1937 г., стр. 10.

было перевести на социалистические рельсы, и эта задача партией большевиков была блестяще разрешена.

Переживаемый нами в настоящее время период характеризуется борьбой за завершение строительства социалистического общества и проведение в жизнь новой Сталинской Конституции.

На Втором съезде советов СССР (январь 1924 г.) была принята новая конституция, Конституция Союза советских социалистических республик. Хотя датой Конституции является январь 1924 г., однако, до этого момента вопрос об этой новой Конституции не только возникал, но и был уже предreshен. Вопрос о новой Конституции был предreshен на Первом съезде советов Союза ССР по докладу товарища Сталина. В этом докладе (30 декабря 1922 г.) товарищ Сталин сказал: «... сегодняшней день является не только итогом, он является вместе с тем днем торжества новой России над старой, над Россией — жандармом Европы, над Россией — палачом Азии. Сегодняшний день является днем торжества новой России, разбившей цепи национального угнетения, организовавшей победу над капиталом, создавшей диктатуру пролетариата, разбудившей народы Востока, вдохновляющей рабочих Запада, превратившей красный стяг из знамени партийного в знамя государственное и собравшей вокруг этого знамени народы советских республик для того, чтобы объединить их в одно государство, в Союз Советских Социалистических Республик, прообраз грядущей Мировой Советской Социалистической Республики».

По докладу товарища Сталина съезд постановил:

«1. Декларацию и союзный договор в основном утвердить.

2. Ввиду чрезвычайной важности принятой декларации и заключенного договора и желательности выслушать окончательные мнения всех входящих в Союз республик о тексте настоящего договора передать декларацию и договор на дополнительное рассмотрение ценом союзных республик с тем, чтобы отзывы союзных республик были представлены ЦИК СССР к ближайшей очередной его сессии.

3. Поручить ближайшей очередной сессии ЦИК Союза ССР рассмотреть полученные отзывы, утвердить текст декларации и союзного договора и немедленно ввести его в действие.

4. Поручить ЦИК Союза ССР подготовить ко II съезду советов Союза окончательный текст декларации и союзного договора и представить его на окончательное утверждение II съезда».

Вот какое решение уже было вынесено до 1924 г., до Второго съезда советов Союза ССР. Но не только этот законодательный акт предreshил вопрос об образовании Союза советских социалистических республик. Еще в ноябре 1918 г. Всероссийский исполнительный комитет обратился к трудящимся Украины, Закавказья, Северного Кавказа, Крыма и др. с призывом объединить свои силы для отпора врагу.

В январе 1919 г. Временное рабоче-крестьянское правительство советской Украины поставило вопрос об объединении УССР и РСФСР на федеративных началах. Таким об-

разом, мысль руководителей советского государства и основоположников нашей партии все время работала над вопросом о том, чтобы объединить все усилия советской республики для отпора внутренней контрреволюции и международному империализму, который все время, всеми силами и средствами, прямой интервенцией, предпринятой в достаточно широком масштабе, экономической, золотой блокадой и другими путями давал о себе знать, стремился, если не уничтожить советскую власть, то хотя бы подорвать мощь нашей советской республики. Мечта о разгроме советской республики никогда не покидала империалистов.

В июне 1919 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет, исходя из предложений советских республик Украины, Белоруссии и др., издает постановление об объединении этих республик с РСФСР для борьбы против мирового империализма. К сожалению, объединение не было осуществлено, так как все республики, кроме РСФСР, находились тогда под гнетом внешней и внутренней контрреволюции. Это объединение советских республик удалось осуществить только в конце 1920 г., причем в постановлении, принятом по этому поводу Четвертым всеукраинским съездом советов 20 мая 1920 г., говорилось: «Всеукраинский съезд советов заявляет, что УССР, сохраняя свою самостоятельную государственную Конституцию, является членом Всероссийской Социалистической Федеративной Советской Республики».

По мере освобождения советской территории от белогвардейцев и интервентов воссоздаются республики в Средней Азии и Закавказье, которые вступают в договорные отношения с РСФСР.

В течение 1920—1922 гг. были созданы и вступили в договорные отношения с РСФСР Хорезмская и Бухарская народные советские республики, Азербайджанская, Грузинская и Армянская советские социалистические республики.

Таким образом, имеется целый ряд исторических дат, указывающих на то, как РСФСР последовательно делала решительные попытки к тому, чтобы силы всех других республик были объединены в такое государство, которое способно было бы разгромить внутреннюю и внешнюю контрреволюцию.

Конституция СССР, принятая в 1924 г., объединила 4 союзных республики: Российскую, Украинскую, Белорусскую и Закавказскую.

Помимо этого в состав Закавказской федерации входили 3 республики: Грузия, Азербайджан и Армения. В Союз ССР они входили не так, как входят автономные республики в РСФСР, а на несколько иных основаниях, — они входили как республики договорные. И поэтому в тексте Конституции 1924 г. говорится не только о Закавказской федерации, но в скобках указано, какие именно республики входят в Закавказскую федерацию.

13 мая 1925 г. Третий всесоюзный съезд советов распространил договор об образовании Союза ССР на Туркменскую и Узбекскую ССР, а 17 марта 1931 г. Шестой съезд советов включил в Союз советских социалистических республик Таджикскую ССР.

По новой Сталинской Конституции от 5 декабря 1936 г. в Союз советских социалистических республик входят 11 республик: РСФСР, УССР, БССР, Азербайджанская ССР, Грузинская ССР, Армянская ССР, Туркменская ССР, Узбекская ССР, Таджикская ССР, Казахская ССР и Киргизская ССР.

Закавказская федерация, как сделавшая свое историческое дело, упразднена, а входившие в ее состав Азербайджанская, Грузинская и Армянская республики, за последние 10 лет чрезвычайно окрепли и выросшие в хозяйственном и культурном отношении, превращены в союзные республики.

Кроме того, новыми союзными республиками, как указано, являются Казахская и Киргизская республики, прошедшие своеобразный исторический путь и достигшие при советской власти расцвета своих материальных и духовных богатств.

Для того чтобы ясно представить себе характер нашего советского государства, получившего свое юридическое оформление в Конституции 1924 г., достаточно привести следующую цитату из доклада товарища Сталина по национальному вопросу на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 года.

Товарищ Сталин говорил: «Национальный вопрос, имеющий в своей основе задачи установления правильных отношений между пролетариатом бывшей державной нации и между крестьянством инонациональным, в данный момент принимает особую форму установления сотрудничества и братского сожительства тех народов, которые раньше были разобщены и которые теперь объединяются в рамках единого государства. Вот суть национального вопроса в той форме, которую он в 1923 году принял. Конкретную форму этого государственного объединения представляет тот Союз республик, о котором мы говорили еще в конце прошлого года на съезде советов и который мы учинили тогда».

Эти слова товарища Сталина исчерпывающе объясняют национальный характер нашего советского государства, объединяющего 60 самостоятельных национальностей.

Характер нашего государства и тот последовательный социалистический интернационализм, который нашел свое яркое выражение в нашей Сталинской Конституции, своими корнями уходят в Конституцию 1924 г. Принципиальное значение Конституции 1924 г., как и Конституции 1918 г., заключается в том, что она была построена по принципу ленинско-сталинской национальной политики, политики, основанной на равноправии национальностей бывшей Российской империи, на полной добровольности вхождения союзных республик в Союз советских социалистических республик.

Конституции 1918 и 1924 гг. являлись выражением действительного братства народов, были государственным актами, выражавшими взаимное уважение и братскую солидарность различных национальностей, объединившихся на основе взаимного доверия и единства политических идеалов для борьбы за установление нового социалистического общества.

Переходя к последнему этапу, к Сталинской Конституции, уместно дать несколько основных цифр, характеризующих экономиче-

ский рост нашей страны, тот гигантский рост, который обусловил возможность перехода к новой Конституции.

В 1913 г. удельный вес промышленности валовой продукции народного хозяйства (в ценах 1926—1927 гг.) не превышал 42,1%, тогда как удельный вес сельского хозяйства достигал 57,9%.

В настоящее время это соотношение изменилось в сторону чрезвычайно резкого повышения удельного веса промышленности в валовой продукции народного хозяйства.

К 1935 г. фонд социалистической промышленности, по сравнению с 1928 г., увеличился в 4,2 раза. Фонды транспорта и связи почти удвоились, а фонды социалистического сектора сельского хозяйства увеличились в 9 с лишним раз.

В итоге удельный вес социалистического сектора народного хозяйства в 1925 г. составлял 97,8%. Удельный вес социалистической промышленности в народном доходе за пять лет (1930—1935 гг.) поднялся с 24,2% до 52%. Колоссально вырос торговый оборот. Если взять текущий народнохозяйственный год, то торговый оборот его должен превысить 130 миллиардов рублей. Картину происшедших социальных сдвигов, изменений классовой структуры нашего государства со всей яркостью обрисовал глава нашего правительства товарищ В. М. Молотов в его отчетном докладе Седьмому съезду советов:

«Пролетарское население с 16% в 1913 г. увеличилось до 28,1% к началу 1934 г. Из крестьянской трудовой массы выделились крестьяне-колхозники, которые к началу 1934 г. составляли уже 45,9% всего населения страны, а теперь составляют свыше половины нашего населения. Крестьяне-единоличники к началу 1934 г. составляли только 22,5%, а теперь этот слой еще значительно сократился. Буржуазная часть страны, которая в 1913 г. составляла 15,9% населения, как известно, ликвидирована, а некоторые из этих господ просто выброшены за границу. Известная часть принадлежавших ранее к буржуазному слою людей успела понять происшедшие события и найти свое место в рядах трудящихся, строящих новую жизнь.

Но это не значит, что мало осталось выродков буржуазии, последней всех этих дворян, купцов, фабрикантов и кулаков, которые не считают теперешнюю свою жизнь удобной. И об этом нам надо помнить.

Таким образом, если даже взять только две социальные группы — рабочих и колхозников, — то они уже к началу 1934 г. составляли 74% всего населения. К началу 1935 г. рабочие вместе с колхозниками составят свыше трех четвертей всего населения».

Еще более разительны успехи, достигнутые советским государством в последние годы.

Перед лицом таких побед на всех участках нашего народного хозяйства и нашего культурного строительства, надо ли удивляться тому, что мы приняли новую Конституцию, что мы приняли документ величайшего исторического значения, приковавший к себе внимание не только всех трудящихся нашей страны, но и всего мира.

Наша Конституция, принятая на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов по докладу Председателя Конституционной комис-

сии товарища Сталина и по праву названная Сталинской Конституцией, замечательна тем, что она вся проникнута духом социалистического демократизма.

Как раз в то время, когда буржуазия в фашистских странах сделала все возможное, чтобы вытравить последние остатки буржуазной демократии, советское государство восприняло все лучшее, что было в старой демократии, все передовое, прогрессивное и на основе победившего в нашей стране социализма расширило демократию и придало ей подлинно социалистический характер.

Сталинская Конституция является высшим выражением подлинной демократии, она обеспечивает всем гражданам нашего Союза прямое, равное и тайное голосование. В новой Сталинской Конституции, в отличие от Конституции 1924 г., проведена грань между законодательными функциями, с одной стороны, и исполнительными и распорядительными функциями государственных органов управления — с другой стороны.

По нашей новой Конституции единственным законодательным органом в Союзе ССР является Верховный совет СССР, состоящий из двух равноправных палат — Совет Союза и Совет национальностей.

Президиум Верховного совета СССР в период между сессиями Верховного совета предоставлено право толкования законов. Законы будут издаваться только Верховным советом СССР. Президиум Верховного совета СССР вправе издавать указы. Распорядительным и исполнительным органом, т. е. высшим органом управления СССР, является Совет народных комиссаров СССР, которому предоставлено право издавать постановления и распоряжения на основании и во исполнение действующих законов.

Наркоматам СССР предоставлено право в пределах своей компетенции издавать приказы и инструкции на основании и во исполнение действующих законов, а также постановлений и распоряжений Совета народных комиссаров СССР.

В соответствии с этим принципом действуют также высшие органы государственной власти в союзных республиках.

Приходится ли при этом говорить о том, что мы в какой бы то ни было степени проводим принцип разделения властей? Ни в какой степени. Советская власть у нас едина. Статья 2 Конституции СССР гласит: «Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие

в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата».

* * *

Наша Конституция — действительно Конституция самого свободного государства. Это — Конституция самого демократического в мире государства.

Наша страна имеет немало врагов. Эти враги не останавливаются ни перед какими преступлениями, чтобы удержать неумолимый ход истории человечества. Причины преступной работы врагов до конца вскрыты товарищем Сталиным в его докладе на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б). Капиталистическое окружение — вот, что питает этих врагов. Капиталистические державы посылают к нам диверсантов, изменников, шпионов и прямых убийц в целях ослабления мощи нашего пролетарского государства.

Процесс троцкистско-зиновьевского центра (Зиновьева, Каменева и др.), процесс 17 фашистских наемников (Пятакова, Радека, Себрякова и др.), недавний процесс 8 предателей, изменников, агентов японской и германской разведок (Тухачевского, Якира, Уборевича и др.), — все это наглядно показывает нам, как высоко нужно поднимать и укреплять революционную бдительность, как надо разоблачать изо дня в день преступные махинации последних остатков классового врага, как надо беспощадно бороться с троцкистскими, зиновьевскими, бухаринскими, рывковскими и другими фашистскими выродками, со всеми предателями и изменниками делу социализма.

Сила и мощь нашей страны неисчерпаемы. Разгром троцкистско-бухаринского отребья, ликвидация последствий диверсионно-подрывной работы врагов уже сказались на всех отраслях нашего народного хозяйства.

Огромные успехи железнодорожного транспорта, промышленности, изумительные подвиги наших летчиков, обильный урожай социалистических полей, спокойная мощь и сила нашей Красной армии, крепость рядов великой большевистской партии, руководимой таким титаном мысли и революционного действия, как товарищ Сталин, — вот надежные гарантии того, что новому социалистическому обществу обеспечен дальнейший расцвет. Вот почему наше социалистическое государство рабочих и крестьян прекрасно и непобедимо.

Пять лет

Пять лет прошло с тех пор, как советская власть поставила под особую охрану социалистическую собственность, имущество государственных предприятий, колхозов и кооперации.

Социалистическая собственность священна и неприкосновенна,—провозгласили ЦИК и Совнарком Союза, а потому покушающиеся на нее являются врагами народа, с которыми, как с врагами, и следует расправляться. За хищение железнодорожных грузов, урожая с полей, скота и запасов из складов и магазинов следует применять суровую санкцию закона с конфискацией имущества.

Это постановление знаменовало собой новую эпоху нашей жизни, нашего строительства, оно показало, что мы подошли к такому периоду нашего строительства, когда государственная и общественная, социалистическая собственность, ее рост, ее охрана становятся одной из основных наших задач. Собственность стала для нас священной и неприкосновенной, когда она является государственной, колхозной или кооперативной. Постановление 7 августа 1932 года и отмечает тот момент в нашей жизни, когда собственность на средства производства стала основой всего нашего строя. Собственность эта — наша, созданная нашим социалистическим трудом, энергией, творчеством и усилиями, и враг наш тот, кто на нее покушается.

Однако, этот закон, несмотря на своевременность его издания, целесообразность его и необходимость, не сразу был воспринят как следует прокурорскими и судебными органами. На него просто мало обратили внимания и в практике мало его применяли. В некоторых районах в первые месяцы после его издания не было возбуждено ни одного дела по закону 7 августа. Только после январского пленума ЦК и ЦКК в 1933 г. и доклада товарища Сталина на нем об охране социалистической собственности произошел перелом в работе органов юстиции и число дел значительно возросло, даже в гораздо большем количестве, чем это по существу требовалось. Хотя ясно было, что тяжесть судебной репрессии по закону 7 августа следует направлять не по отдельным случаям незначительных растрат и хищений, а по случаям крупных, злостных и организованных хищений и растрат, но на деле в весьма значительном количестве случаев этот закон применялся там, где для него не было места. Бывали случаи, когда по закону 7 августа судили за кражу двух яиц, кочана капусты, одного кило сахара и т. д. В одном из районов Уральской области к 10 годам присудили трех рабочих за то, что они унесли с собой две порции обеда. Теперь вскрылось, что такие приговоры умышленно выносили пробравшиеся в ряды судебно-прокурорских работников враги народа, вроде бывшего председателя Ленинградского областного суда Чудновского, бывшего прокурора Пальгова и др.; по поручению правительства, для устранения всех этих незаконных действий, дела осужденных по зако-

ну 7 августа за 1933 и 1934 гг. были пересмотрены и ошибки исправлены.

В результате этой работы закон 7 августа стал применяться правильно. Количество дел по этому закону значительно понизилось и выносимые решения в основном соответствовали содеянному.

Если количество осужденных по этому закону в 1933 г. принять за 100%, то в 1934 г. оно снизилось до 33%, в 1935 г. — до 12%, а в 1936 г. — до 4%. В первую очередь, такое значительное понижение имело место в результате лучшей работы суда и прокуратуры и переквалификации значительного количества дел с закона 7 августа 1932 г. на ст. 162. Во вторую очередь, произошло это потому, что борьба с хищниками, решительная и беспощадная, отбила охоту заниматься столь «рискованным» делом: В третью очередь, на понижение количества этих дел повлияла лучшая работа органов, которым поручена охрана нашей социалистической собственности.

Самое издание закона, подчеркнутое внимание к нему правительства явились причиной резкого понижения этих преступлений. Если в количественном отношении первую роль играет переквалификация дел по другим статьям, то, по существу, в вопросе изживания этих преступлений огромное значение имеют наша бдительность и бережное отношение к социалистической собственности. Поэтому именно в эту сторону должно быть направлено прежде всего наше внимание, внимание не только непосредственных работников, которым доверена охрана социалистической собственности, но и прокуратуры и суда. Проверка ряда дел по закону 7 августа 1932 года показала, что подавляющее большинство хищений не превышает 20—30 тыс., что происходит хищения, главным образом, в заготовительных пунктах и, в первую очередь, потому, что охрана этой собственности недостаточна организована. В этих хищениях обыкновенно имеется большое количество участников. Но суд и прокуратура мало внимания обращают на тех, кто допустил эту растрату, и в отношении их ограничиваются общественным порицанием или незначительным сроком принудработ, а между тем последние то и являются главными, хотя и не непосредственными, виновниками этих хищений. По отношению к ним карательная санкция должна быть увеличена.

В Киргизской ССР шофер одного совхоза подъехал к конторе совхоза, вынес и погрузил кассу с 15 000 руб. и скрылся. Контора не охранялась, а директора даже и к суду не привлекли. В Казахстане экспедитор областного потребительского союза выдал извозчикам на 11 257 руб. товара, не поинтересовавшись даже, кто они такие. За привоение этих товаров и продажу их извозчики получили по 10 лет по закону 7 августа, а экспедитор по ст. 111 УК один год исправительно-трудовых работ.

Борьба за охрану социалистической собственности только тогда даст значительные результаты, когда, наряду с беспощадной борь-

бой с хищниками нашей собственности, прокуратура потребует, а суд ударит крепко по тем, кто своей халатностью и бесхозяйственностью создает благоприятную обстановку для хищения.

В целом закон применяется правильно, но промахи и неправильности еще имеют место, а между тем, самая суровость закона 7 августа требует со стороны органов юстиции, и прежде всего от суда сугубо вдумчивого отношения при решении вопроса о целесообразности применения к виновнику закона 7 августа. Однако дела, прошедшие в порядке надзора через Прокуратуру Союза, не дают уверенности, что этот вдумчивый подход всегда имеет место. Так, например, нарсуд Бол. Сосновского района осудил по закону 7 августа на 10 лет 19-летнего Наверухина, слушающего, за растрату 3249 руб. кооперативных денег. Применение закона 7 августа к несудившемуся юноше 19 лет явно нецелесообразно, и Прокуратура СССР предложила дело пересмотреть, переквалифицировав его преступление на ст. 116. За то, что ответственный исполнитель Трудов, несудимый, разбазарил 11 ц 96 кг зерна, присвоил 9 мешков на 225 руб. и не отчитался в 460 руб., он был присужден к 10 годам по закону 7 августа, с конфискацией всего имущества и удовлетворением гражданского иска в 1423 руб. Прокуратура СССР предложила это дело также пересмотреть и переквалифицировать преступление Трудова по ст. 109, с применением соответствующего этой статье наказания, удовлетворив гражданский иск.

При разрешении вопроса о применении закона 7 августа нельзя исходить исключительно из размеров растраты. Необходимо учитывать, что было расхищено и в какой мере выявляется зловредность похитителя. Когда в

Прокуратуру Союза были поданы жалобы осужденных по закону 7 августа за хищение 6912 кг зерна и 10—15 т керосина, то Прокуратура Союза отказала в протесте, хотя ценность похищенного не так уж была крупна. Вредны и требуют расправы хищники продукции, которая является результатом труда огромного коллектива, продукции, столь необходимой социалистическому государству.

Мы должны лучше применять закон 7 августа, лучшие выводы делать для охраны социалистической собственности из практики его применения, из более внимательного изучения имеющих место преступлений для того, чтобы сделать более и более невозможными эти преступления. Преступлений по закону 7 августа 1932 г. наблюдается все меньше и меньше. За 1936 г. у нас количество осужденных по закону 7 августа понизилось в три раза по сравнению с 1935 г., но необходимо, чтобы, оставляя в полной сохранности этот закон, применяя его беспощадно к тем, кто заслуживает кару по этому закону, мы не применяли его там, где он не требуется. Для этого должны быть хорошо поставлена работа органов, в руках которых эта собственность находится. Хороша должна быть работа органов суда и прокуратуры. Беречь надо социалистическое добро, но надо беречь и самое ценное, по указанию товарища Сталина, наше социалистическое добро — человека. Хозяевам должны внимательно подходить к подбору кадров, контролеры — бдительно следить за работой хозорганов, прокурор и суды — добросовестно в этих делах разбираться, тогда не будет необходимости применять закон 7 августа.

Вот, что мы должны сказать ко дню пятилетия этого закона.

И. САПГИР

Охрана прав личной собственности граждан

Лежащие в основе различных общественных систем формы собственности образуются в результате определенного соотношения классовых сил в стране.

Естественно, поэтому, что формы собственности должны быть зафиксированы в Конституции, в основных законах государства, которые по единственному научному определению сущности Конституции «выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе» (Ленин).

Поэтому всякая конституция является выражением принципа собственности, который господствует в данных общественных отношениях.

Сталинская Конституция, Конституция нашей великой социалистической родины, «представляет собой итог пройденного пути, итог уже добытых завоеваний», является «регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле»¹.

Выражая политическую и экономическую структуру социалистического общества, Ста-

линская Конституция основывается на том, что в нашей стране

«... нет уже больше антагонистических классов, что общество состоит из двух дружественных друг другу классов, из рабочих и крестьян, что у власти стоят эти именно трудящиеся классы, что государственное руководство обществом (диктатура) принадлежит рабочему классу, как передовому классу общества, что конституция нужна для того, чтобы закрепить общественные порядки, угодные и выгодные трудящимся»¹.

Таким образом, в нашей стране уже осуществлен общественный порядок, который имеет одну только цель — удовлетворение интересов трудящихся.

Только в СССР

«... мы имеем теперь новую, социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурной жизни»¹.

¹ Сталин. Доклад о проекте Конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов.

¹ Сталин. Доклад о проекте Конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов.

Господство социалистической экономики означает господство общественной, социалистической собственности, как действительно командующей силы. От роста и укрепления несокрушимой базы в этой нашей экономике в лице общественно-социалистической собственности, являющейся единственным и неиссякаемым источником зажиточной жизни сотен миллионов трудящихся нашей страны, зависит и личное благополучие каждого гражданина Союза ССР в отдельности.

Наши враги нагло лгали в своих утверждениях, что социализм отрицает всякую собственность.

Еще на заре борьбы пролетариата за коммунизм Маркс и Энгельс писали:

«... Мы вовсе не желаем упразднить это личное присвоение продуктов труда, служащих для воспроизводства непосредственной жизни, присвоение, не оставляющее никакого чистого дохода, который мог бы создать власть над чужим трудом. Мы хотим только упразднить нищенский характер этого присвоения, при котором рабочий живет только для того, чтобы увеличивать капитал и живет лишь постольку, поскольку этого требуют интересы господствующего класса»¹.

Всякому честному, сознательному человеку ясно, что речь шла не об отрицании собственности вообще, а об отрицании такой собственности, которая создает власть над чужим трудом и заставляет рабочего жить и работать в интересах буржуазии.

Отрицалась не всякая собственность, а отрицалось то, что производство мыслимо только на основе частной собственности.

Речь шла о разнице между частной собственностью и личной собственностью. Речь шла о частной собственности, служащей орудием порабощения человека, и о личной собственности, служащей одним из источников удовлетворения личного потребления трудящегося.

В главе 22 «Капитала» Маркс определяет буржуазную собственность так:

«Для капиталиста собственность есть право на присвоение чужого неоплаченного труда или продукта его. Для рабочего же собственность означает невозможность присвоить себе свой собственный продукт».

Марксо-ленинско-сталинское учение вскрыло связь и зависимость между формой владения орудиями и средствами производства и формой распоряжения предметами личного потребления.

«Всякое распределение средств потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Последнее же распределение составляет характерную черту самого способа производства», разъяснял Маркс².

¹ Маркс и Энгельс. «Манифест коммунистической партии». См. Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 165, Партиздат, 1934 г.

² Маркс. «Критика Готской программы». Избранные произведения, т. II, стр. 443, Партиздат, 1934 г.

В стране победившего социализма с уничтожением частной собственности на средства производства социалистическая индустрия, социалистическое земледелие стали всенародным достоянием; осуществлен принцип первой фазы коммунизма: «от каждого по его способностям, каждому — по его труду», полностью оправдавший на деле прозорливое высказывание Маркса о зависимости между способом производства продуктов личного потребления и способом их распределения и потребления.

В буржуазных конституциях оформляются опирающиеся на частную собственность общественные отношения. Господство принципа частной собственности находит свое выражение во всех без исключения буржуазных конституциях.

«Частная собственность обеспечивается» (ст. 87 югославской конституции). «Всякая форма собственности составляет одну из важнейших основ общественного строя и правопорядка» (ст. 81 польской конституции). «Собственность каждого японского подданного неприкосновенна» (ст. 27 японской конституции). «Собственность всякого рода гарантируется» (ст. 17 румынской конституции). «Права собственности неприкосновенны» (ст. 67 болгарской конституции). «Никто не может быть лишен своей собственности» (ст. 11 бельгийской конституции). «Собственность, капитал и труд выполняют социальную функцию на основе экономического сотрудничества и солидарности» (ст. 35 португальской конституции).

Сколько словесных вариаций вокруг одного и того же принципа частной собственности!

Господство частной собственности есть господство эксплуатации человека человеком, господство угнетателей над угнетаемыми. С тех пор, как общество раскололось на антагонистические классы, исторический процесс развития человеческих отношений показал со всей отчетливостью, что господствующие классы считают необходимым не только овладеть орудиями общественного производства, но и подчинить своей власти условия потребления угнетенных масс. На протяжении веков менялась только форма этого подчинения.

Рабство и крепостничество в докапиталистических обществах обращало в собственность владельца вместе с самим рабом и крепостным его жалкий скерб и недостаточные предметы потребления. Это было время, когда в Западной Европе, как писал Энгельс:

«Феодал получал от своих крепостных все, что ему было нужно, или в форме труда или в виде готового продукта; женщины пряли и ткали лен и шерсть и шили платья; мужчины обрабатывали поля, дети пасли скот господина, собирали для него грибы и ягоды, птички гнезда, подстилку для скота; кроме того, вся семья должна была доставлять еще зерно, овощи, яйца, масло, сыр, птицу, молодняк скота и многое другое»¹.

¹ Энгельс. «О разложении феодализма и развитии буржуазии» «Пролетарская революция» № 6, 1935 г., стр. 153—154.

Это было время, когда в России феодал продавал свои владения «вкуже со животы, людишки и домашней рухлядью»¹.

Не приходится много говорить о том, что рабовладельческий режим феодализма располагал всеми террористическими мерами к тому, чтобы реализовать свое право собственности над личностью и имуществом раба и чтобы охранить это свое право собственности кровавым террором.

Но следует упомянуть о том, что в правовых памятниках эпохи феодализма появляется понятие личной собственности феодала, подлежащей особо строгой защите. Под этой «личной собственностью» понималось обладание предметами, необходимыми для военной службы, и посягательства на них карались смертной казнью².

Пришедший на смену феодальному строю капиталистический строй нес с собой господство буржуазной собственности, «историческое развитие которой, — писал Энгельс, — могло состоять только в том, что она, как это и случилось, стала развиваться в чистую частную собственность»³.

При капиталистическом строе, при котором «человек человеку волк», при котором сильный подавляет слабого, развитие чистой частной собственности означает сосредоточение ее в руках кучки капиталистов, означает для большинства населения лишение всякой собственности вообще.

Личная собственность трудящихся при буржуазном строе ограничена минимальными потребностями, едва достаточными для поддержания нищенского существования.

В свое время Энгельс писал: «Пролетарий, не имеющий решительно ничего кроме своих рук, проедающий сегодня то, что он заработал вчера, зависящий от всевозможных случайностей, лишенный всякой гарантии, что он всегда будет в состоянии добыть средства для удовлетворения самых необходимых своих потребностей, — ибо всякий кризис, всякий каприз мастера может лишить его куска хлеба, — этот пролетарий находится в самом возмутительном, в самом бесчеловечном положении, которое только можно себе представить. Существование раба обеспечено личной выгодой его владельца; у крепостного есть по крайней мере кусок земли, которым он живет; оба они гарантированы, по меньшей мере от голодной смерти; пролетарий же предоставлен исключительно себе самому и в то же время не в состоянии найти такого приложения своим силам, чтобы на них можно было рассчитывать...»

Копить ему незачем: самое большее, что он может, это — скопить на жизнь в течение нескольких недель, но когда он лишается заработка, дело сводится не к нескольким неделям. Приобрести себе собственность надолго он не в состоянии, а если бы ему это уда-

лось, он перестал бы быть рабочим и другой стал бы на его место»¹.

При капиталистическом строе потребление рабочего приравнено к потреблению «угля паровой машиной, масла колесом или сена лошадию»².

В силу этого владение предметами личного потребления не выделено в буржуазном праве собственности в особую категорию.

Немало достойных лучшего применения усилий, бумаги и чернил затратили и затрачивают явные и замаскированные апологеты буржуазной частной собственности в лице ее лжеученых прислужников, чтобы всячески обойти вопрос об отношении частной собственности к личности трудящегося, о связи между частной собственностью и условиями существования трудящегося.

Эти же буржуазные лжеученые, замалчивая, что в капиталистическом обществе ничтожная кучка эксплуататоров угнетает большинство населения, утверждали и утверждают, что между собственностью кучки эксплуататоров и личной собственностью трудящихся нет никакой разницы.

Буржуазные конституции провозглашают все виды собственности равными перед законом, замалчивая о праве трудящихся на продукты личного потребления и прикрывая господствующий в капиталистическом обществе узаконенный грабёж.

Капиталистический строй содержит в себе постоянное и непримиримое противоречие между теоретическими принципами, провозглашаемыми буржуазными конституциями и практической действительностью. Капиталистический строй объявляет священной и неприкосновенной всякую частную собственность, а на деле охраняет только частную собственность буржуа. Этот разрыв между теорией и практикой в буржуазном обществе имеет место потому, что «капиталистическое присвоение предполагает в качестве условия противоположную форму — отсутствие собственности»³ у трудящихся. Марксо-ленинско-сталинское учение всегда разоблачало непоследовательность и лицемерие буржуазных конституций и вскрывало под лживой формой так называемой демократии истинное существо тех общественных отношений, которые присущи капиталистическому строю.

Ленин писал:

«Какими бы формами ни прикрывалась республика, пусть то будет самая демократическая республика, но если она буржуазная, если в ней осталась частная собственность на землю, на заводы и фабрики, и частный капитал держит в наемном рабстве все общество, т. е. если в ней не выполняется то, о чем заявляет программа нашей партии и Советская конституция, то это государство — машина, чтобы угнетать одних другими. И эту машину мы возьмем в руки того класса, который должен свергнуть власть капитала. Мы отбросим все старые предрассудки о том, что государство есть всеобщее равенство, —

¹ Хмельницкая. Право личной собственности граждан СССР. «Большевик» № 11, 1937 г., стр. 58.

² F. Pollock and F. W. Maitland. The history of english law before the time of Edward I. Vol. II, p. 159—169. 1898.

³ Энгельс. «О разложении феодализма и развитии буржуазии». «Пролетарская революция» № 6, 1935 г., стр. 157.

¹ Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Маркс и Энгельс, т. III, стр. 408.

² Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), стр. 61. Партиздат, 1933 г.

³ Маркс. «К критике политической экономии», стр. 13, Партиздат, 1935 г.

это обман: пока есть эксплуатация — не может быть равенства. Помещик не может быть равен рабочему, голодный — сытому¹.

Товарищ Сталин учит нас:

«Разговоры Чауткого и К^о о всеобщем равенстве, о «чистой» демократии, о «совершенной» демократии и т. д. являются буржуазным прикрытием того несомненного факта, что равенство эксплуатируемых и эксплуататоров невозможно»².

Советские конституции не знают этого разрыва между теорией и действительностью. Советские конституции ставили и ставят реальные гарантии для трудящихся в осуществлении предоставляемых им прав.

Сталинская Конституция победившего социализма основана на священной и неприкосновенной общественной собственности.

Статья 131 Конституции СССР обязывает каждого гражданина СССР беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность «как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся».

Наряду с незыблемой основой нашего строя — общественной, социалистической собственностью — Сталинская Конституция берет под свою охрану личную собственность граждан Союза ССР, развитие которой вытекает из социалистического характера производственных отношений, господствующих в нашей стране, и зависит от растущего всенародного богатства.

Ст. 10 Сталинской Конституции гласит:

«Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан — охраняются законом».

Эта замечательная сама по себе статья раскрывает содержание социалистического понимания личной собственности.

Охрана личных интересов граждан, в том числе и права личной собственности, является одним из основных принципов Конституции Союза ССР.

Союз ССР является единственной страной в мире, в которой впервые в истории человечества открыты безграничные возможности для расцвета человеческой личности. Весь общественный, экономический и политический строй нашей страны обеспечивает рост и развитие человеческих способностей во всех областях.

Наши враги, клевета на социализм, кричат и кричат о том, что социализм якобы несет уничтожение индивидуальных свойств личности, творчества, соревнования. На деле капиталистический строй превращает жизнь

миллионов людей в ад, обрекая их на физическое и моральное вырождение.

Наша действительность каждый день являет примеры роста в СССР человеческих способностей и их блестящего применения.

Наши герои: Чкалов, Байдуков, Беляков, Громов, Данилин, Юмашев, сотни тысяч стахановцев наших заводов и полей могли достигнуть своих успехов только при социалистическом строе, который обеспечил им, как и всем трудящимся массам Союза ССР, исключительные условия для развития и укрепления личных способностей и дарований человека.

«Непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть, — говорит товарищ Сталин. Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того — социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности»¹.

Охраняя интересы личности, социализм обеспечивает удовлетворение ее потребностей и открывает исключительные возможности для развития личной собственности на предметы потребления.

Эта личная собственность строителей социализма имеет своим единственным источником вознаграждение за труд.

«Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест» — гласит ст. 12 Сталинской Конституции.

Труд, являющийся делом чести, делом славы, доблести и героизма, его количество и качество — единственный измеритель общественных и материальных условий жизни каждого гражданина СССР.

Естественно поэтому, что развитие личной собственности связано с социалистическим принципом распределения по количеству и качеству труда.

Принцип «кто не работает, тот не ест», выраженный в Конституции СССР, означает уничтожение нетрудовой наживы, эксплуатации и тунеядства. Уничтожение эксплуататорских классов в нашей стране исключает возможность использования личной собственности в целях наживы, исключает возможность использования личной собственности в качестве источника обогащения за счет чужого труда, за счет порабощения человека человеком. «Наша революция является единственной, которая не только разбила оковы капитализма и дала народу свободу, но успела еще дать народу материальные условия для зажиточной жизни. В этом сила и непобеди-

¹ Ленин. О государстве. Сочинения, т. XXIV, стр. 376—377.

² Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 28—29, издание 10.

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 602, изд. 10.

мость нашей революции» — сказал товарищ Сталин¹.

Непрестанный подъем материального и культурного уровня всех трудящихся Союза ССР является одной из основных целей народнохозяйственного плана нашей страны. Исключена всякая возможность того, чтобы продукт общенародного труда попал в руки эксплуататоров. Всякий честный, сознательный человек понимает, что право на полный продукт труда ни при каком строе не может принадлежать отдельным трудящимся, так как известная доля продуктов труда должна пойти на цели расширения производства, на покрытие общественных нужд.

Рост общенародного достояния является одновременно и ростом достояния каждого трудящегося.

Впервые в истории человечества народный доход в нашей стране стал подлинным народным достоянием, в то время как в капиталистических странах в результате ограбления трудящихся масс почти весь народный доход остается в руках кучки капиталистов.

Выросший в 1936 г. по сравнению с 1928 г. на 332,4% народный доход сопровождается одновременно гигантским ростом той его части, которая поступила в личное пользование строителей социализма. Годовой фонд заработной платы в 1935 г. был в 14,6 раз больше, чем в 1924—1925 гг.²

Доход одного члена рабочей семьи в 1930 году составлял 37,5 руб. в месяц и 111,9 руб. в 1936 г.³

Увеличение выданных на трудодень в колхозах, рост стахановских заработков рабочих, повышение индивидуальных заработков, рост потребления предметов питания, рост производства продуктов потребления, улучшение их качества — являются неопровержимыми фактами нашей действительности, свидетельствующими о неуклонном повышении материального и культурного уровня широких масс строителей социализма. Право личной собственности граждан на трудовые доходы и сбережения охраняется законом, согласно ст. 10 Конституции Союза ССР. Сбережения эти растут изо дня в день: в сберегательных кассах СССР в 1936 г. хранилось 2.461 миллион рублей против 213 миллионов в 1928 г. 50 миллионов строителей социализма являются держателями займов социалистической родины, добровольно помогая при помощи своих сбережений социалистическому хозяйству. Конституция Союза ССР гарантирует неприкосновенность всех этих сбережений.

«Трудовой человек занял главную силу» — сказал на одном из колхозных собраний колхозник Никулин⁴. Когда комбайнер стахановец Пономарев рассказывал на совещаниях комбайнеров и комбайнеров с членами ЦК ВКП(б) и правительства о том, как он думает израсходовать свой высокий заработок, товарищ

Сталин сказал: «Деньги ваши — ваше дело, как хотите, так и расходуйте»¹.

И вместо доступных трудящимся при капиталистическом строе нищенских продуктов потребления — в семью рабочего и колхозника поступают предметы зажиточной и культурной жизни от высококачественных одежд и обуви до усовершенствованных электроприборов и радиоприемников.

Ст. 10 Сталинской Конституции гарантирует каждому трудящемуся возможность свободно распоряжаться своими трудовыми доходами и предметами потребления, гарантирует право личной собственности на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство.

При капиталистическом строе крестьянин мог только мечтать об изобилии в своем хозяйстве. В целом ряде районов царской России от 1/3 до 1/2 трудовых крестьянских хозяйств были бескоронными. Сейчас близится ликвидация бескоронности во всех колхозах Союза ССР. Коровы, огород, дом миллионы колхозников получили только благодаря колхозному строю. Благополучие колхозов зависит от количества и качества работы колхозников. От этих же условий зависит и рост личного благосостояния колхозников. Охраняемое ст. 10 Сталинской Конституции подсобное хозяйство колхозников составляет его личную собственность и является результатом сочетания личного и общественного интереса, так как подсобное хозяйство колхозников — неотъемлемая часть социалистической формы производства сельскохозяйственной артели.

Кулацкая агентура — враги народа в лице троцкистско-бухаринских вредителей — призвали, в целях восстановления капитализма в нашей стране, к кулацкому обогащению, к мирному «врастанию» кулаков в социализм. Широчайшие колхозные массы под руководством коммунистической партии, сокрушившей контрреволюционный троцкизм и правый оппортунизм, ответили тем, что продолжали неуклонно идти по ленинско-сталинскому пути и воплотили в жизнь призыв товарища Сталина — «сделать колхозы большевистскими, а всех колхозников — зажиточными».

В результате мы имеем невиданный в истории рост всенародного достояния и личного потребления, неразрывно связанных между собой.

Сознательным пособничеством врагам народа является попытка противопоставить личную собственность колхозника собственности общественной, как это сделано в «Курсе советского хозяйственного права» под редакцией Пашуканиса и Гинзбурга в 1935 году (стр. 162).

Ст. 10 Конституции Союза ССР гарантирует не только право личной собственности, но и право наследования личной собственности. Право наследования в стране социализма ос-

¹ Сталин. Речь на 1 Всесоюзном совещании стахановцев.

² СССР — страна социализма. Статистический сборник ЦУНХУ, стр. 51, 1936 г.

³ Там же, стр. 54.

⁴ «Известия ЦИК СССР» № 177 от 29/VI 1937 г.

¹ Хмельницкая. Право личной собственности граждан СССР. «Большевик» № 11, 1936 г., стр. 66.

новано на совершенно иных принципах, чем в капиталистических странах.

Буржуазный институт наследования имеет своей целью постоянное воспроизводство эксплуататорских классов. Дающие право на получение прибавочной стоимости, предоставляющие возможность эксплуатировать немужские классы, богатства переходят от собственников к их потомкам, оставаясь неизменно в руках кучки богачей. Этот буржуазный порядок выражен в законах всех без исключения капиталистических стран.

Гитлеровский фашизм, исходящий из утверждения неизбежности капитализма, не внося и не будучи в состоянии внести никаких принципиальных изменений в германское гражданское право, сохраняет относящиеся к праву наследования нормы германского гражданского уложения и не пытается заполнить эту область права своими обычными социально-демагогическими рассуждениями. Гитлеровский фашизм в некоторых случаях идет даже дальше германского гражданского уложения в сторону ограничения круга наследуемых к наследованию лиц. Так, закон 29 сентября 1933 г. о наследственно-подворном имуществе ограничивает круг наследников потомками мужского пола и допускает при отсутствии наследника назначение последних в административном порядке.

Во Франции в 1933 г. 46,4% умерших не оставили никакого наследства. Но 1500 умерших в том же году оставили своим наследникам 4 203 206 тысяч франков, что составило более 30% всех перешедших по наследству сумм¹.

Содержащаяся в буржуазном институте наследования охрана частной собственности со свойственными ее владельцам тунеядством и властью над людьми вызвали то, что в «Манифесте коммунистической партии» Маркс и Энгельс выдвинули требование об отмене права наследования в качестве меры «насильственного вторжения в право собственности и условия буржуазного производства».

В целях перевоспитания человека в сторону искоренения в его сознании собственнических инстинктов, советский декрет 28 апреля 1918 года уничтожил институт наследования частной собственности. Имущество умершего становилось в принципе собственностью государства, оставаясь во владении ближайших нетрудоспособных родственников в качестве источника потребления.

Гражданский кодекс 1922 г. расширил круг наследуемых к наследованию лиц, а декрет ЦИК и СНК СССР от 29 января 1926 г. в связи с успехами вытеснения капиталистических элементов из нашего хозяйства отменил ограничения сумм, переходящих по наследству.

Последовательное развитие нашего наследственного права вполне соответствует политическому и экономическому росту благосостояния народов СССР. Однако, не обошлось без клеветы со стороны лжеученых пособников врагов народа в «Курсе советского хозяйственного права» о том, что социалистическим

законодателем в этом вопросе руководили «собесовские» аргументы.

Цель этой клеветы совершенно очевидна и заключается в том, чтобы лишний раз при ее помощи проташить гнилую теорию об отрицании личных и имущественных прав трудящихся Союза ССР. В действительности же сущность социалистического института наследования заключается в том, что победа социализма в СССР навсегда закрыла все пути к возникновению нетрудового владения и доходов, к воспроизводству эксплуататорских классов.

Вот, что записано в ст. 10 Сталинской Конституции, гарантирующей трудящимся право наследования личной собственности.

«Одной из особенностей капитализма является резко кричащее противоречие между теоретическими принципами, провозглашенными буржуазными конституциями и практической действительностью, между тем, что провозглашается законом и что является собою практическую действительность» — говорит тов. Вышинский¹.

Безграничный произвол и административное усмотрение всех занимающих соответствующие должности в гитлеровской Германии — вот, например, сущность государственных мероприятий германского фашизма.

В странах буржуазной демократии «конституционные гарантии» сводятся к декларативным обещаниям личных и имущественных свобод. Все эти декларации остаются на бумаге и без всякого исполнения при малейшем соприкосновении с реальными интересами буржуазии.

Сталинская Конституция, так же как и конституции 1918 и 1924 гг., выражает реальные гарантии свобод для трудящихся Союза ССР.

Силой советских законов, являющихся активной политической силой, охраняются эти гарантии Конституции Союза ССР, причем, «стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было» (С т а л и н).

Созданные победой социализма новые общественные отношения охраняются социалистическими законами от всех и всяческих посягательств на них.

Право личной собственности, как основное благо советского гражданина, гарантировано великой хартией победившего социализма, стоит под охраной могучего и нерушимого советского закона, обеспечивается «всем строем советской социалистической системы, всей мощью и социалистической организацией советского народного хозяйства, всеми силами, ресурсами и средствами страны Советов»².

Поставлен предел всем «левакам» и правым оппортунистам, которые противопоставляли советский закон революционной целесообразности. Являющиеся выражением социалистического правосознания, советские законы содержат в себе и революционную социалистическую целесообразность.

¹ Вышинский. Новая Конституция СССР и органы юстиции. «Проблемы уголовной политики», кн. III, стр. 9, 1937 г.

² А. Я. Вышинский. Речь на IV сессии ЦИК СССР VII созыва.

¹ Хмельницкая. «Право личной собственности граждан СССР», «Большевик» № 11, 1936 г., стр. 63.

Отсутствие в действующих уголовных кодексах союзных республик принципиального разграничения в классификации «имущественных преступлений» между посягательствами на социалистическую собственность и посягательствами на личную собственность, и вредительская теорияка Пашуканиса и его «школки» о том, что личная собственность граждан СССР есть производное от частной собственности на средства производства, о том, что «вопрос целесообразности должен господствовать над формой» — дали свое отражение на нашей судебной практике.

Посягательства на личную собственность граждан СССР на практике недооценивались. Многие работники юстиции стали рассматривать эти посягательства как явление, происходящее на «частном секторе», как явление, недостойное внимания советского суда. При этом упускался из виду политический смысл посягательств на отдельных трудящихся и на их блага, посягательств, вредящих в целом не только отдельной личности, но и всему делу социалистического строительства. Упускалось также из виду и то, кем и по каким мотивам совершается подавляющее число этих посягательств на отдельных трудящихся и их блага.

Между тем, статистические материалы неуклонно свидетельствовали о том, что образовавшиеся из «бывших людей» деклассированные элементы и остальные элементы из среды трудящихся, еще пропитанные пережитками капиталистического строя и не осознавшие основ социалистического быта, являются теми, кто совершает посягательства на личную собственность трудящихся¹.

Недобитый классовый враг стал совершать посягательства на личную собственность трудящихся в целях подрыва материального благосостояния трудящихся².

При общем падении числа осужденных за посягательства на личную собственность граждан Союза ССР вырос процент осужденных классово враждебных и чуждых элементов.

В результате этой недооценки последовала недостаточность применения репрессий по делам о посягательствах на личную собственность граждан СССР.

Решение XVII партконференции, XVII партсъезда, историческая речь товарища Сталина 4 мая 1935 г. и Сталинская Конституция остро поставили перед работниками юстиции задачу усиления борьбы с преступлениями против личной собственности трудящихся.

В своем докладе «Речь товарища Сталина 4 мая и задачи органов юстиции» А. Я. Вышинский сказал: «Мы обязаны требовать, чтобы суды более жестко судили за хищения имущества трудящихся, не допуская почти поголовного наказания в виде исправительно-трудовых работ, не пренебрегая, таким образом, серьезностью этого рода преступлений»³.

Своевременная острая постановка перед органами юстиции вопроса о посягательствах на

личную собственность граждан СССР, как задачи обеспечения личных и имущественных интересов строителей социализма от посягательств со стороны антинародных элементов, создала решительный перелом в судебной практике.

Но этого было недостаточно, так как действующие уголовные кодексы союзных республик не усиливают с точки зрения наказания ответственности за эти посягательства.

Новый проект Уголовного кодекса Союза ССР в 1935—1937 гг. пошел дальше в направлении охраны прав личной собственности граждан СССР.

Исходя из Сталинской Конституции, являясь одним из орудий борьбы страны социализма за счастливую, культурную, заживочную жизнь народов СССР, руководимых рабочим классом и его партией с великим Сталиным во главе, новый проект ставит и разрешает по-новому и вопрос об уголовно-правовой охране личной собственности граждан СССР.

Посягательства на личную собственность граждан находятся в III разделе Особенной части проекта. Весь этот раздел посвящен преступлениям против неприкосновенности личности и других гарантированных Конституцией СССР прав граждан.

Если в действующих уголовных кодексах союзных республик посягательства эти входят в главу об «имущественных преступлениях», то в проекте Уголовного кодекса Союза ССР 1935—1937 гг. им уделено иное, более острое внимание, как посягательствам на права, гарантированные Конституцией в свете сталинской заботы о человеке, являющемся самым ценным для нас капиталом.

Одно это уже само по себе свидетельствует о громадном значении, которое придется ответственности за нарушение конституционных гарантий.

Раздел этот по системе проекта следует непосредственно за разделом о посягательствах на оборону страны в отличие от того положения, когда посягательства эти в действующих уголовных кодексах союзных республик стоят на одном из последних планов кодекса.

Преступлениям против личной собственности граждан посвящена специальная VIII глава третьего раздела проекта.

Этим, в отличие от действующих уголовных кодексов союзных республик, устанавливается принципиальная грань между социалистической собственностью, посягательства на которую являются государственными преступлениями, и личной собственностью граждан.

В полном соответствии с тем, что посягательства на личную собственность граждан являются посягательствами на гарантированные Конституцией личные права граждан — проект Уголовного кодекса Союза ССР 1935—1937 гг. повышает карательные санкции за преступления против личной собственности граждан.

Так, одновременно с поднявшимся на высшую ступень социалистическим правосознанием подымается на высшую ступень и формула закона, получающая полную ясность и отчетливость.

Какая бездонная пропасть лежит между уголовно-правовой охраной частной собственности в буржуазных странах и уголовно-пра-

¹ См. подробно Красильников. Борьба с кражей личного имущества трудящихся. «Соц. зак.» № 3, 1936 г.

² Дурманов. Кража личного имущества трудящихся. «Соц. зак.» № 5, 1935 г.

³ А. Я. Вышинский. «Речь товарища Сталина 4 мая и задачи органов юстиции». 1935 г., стр. 38.

новой охраной личной собственности в социалистической стране.

В буржуазных странах частная собственность, как «естественное право человеческой личности», охраняется законом формально одинаково, кому бы она ни принадлежала. На деле охраняется только частная собственность буржуа. Миллионы трудовых сбережений при помощи хитросплетенной механики капиталистического грабежа безнаказанно перекочевывают в карманы магнатов капитала.

В буржуазных странах, как неоднократно разъясняли Маркс и Энгельс, посягательства на частную собственность являются стихийной формой протеста одиночки против отношений капиталистического общества.

В стране социализма посягательства на личную собственность трудящихся есть акт со-

противления, совершаемый остатками капитализма.

Охраняемое всем авторитетом и силой социалистического государства, как завоевание социализма в нашей стране, право личной собственности граждан впервые записано на страницах истории человечества.

Осуществленная в нашей стране первая фаза коммунизма ведет нас дальше по пути к высшей фазе коммунизма.

Каждый шаг вперед по этому пути будет сопровождаться еще большим удовлетворением потребностей широких масс, ростом количества и качества предметов потребления, находящихся в личной собственности граждан СССР, идущих к полному коммунизму, при котором осуществится принцип «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям».

С. ГОЛУНСКИЙ

Роль прокурора в подготовительном заседании по делам о нарушении закона 7 августа 1932 г.

«Этот закон, — сказал товарищ Сталин в своем докладе об итогах первой пятилетки, имея в виду закон 7 августа 1932 г., — есть основа революционной законности в настоящий момент. А обязанность строжайшего его проведения в жизнь является первейшим делом каждого коммуниста, каждого рабочего и колхозника» (Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 508).

Если проведение в жизнь этого закона является первейшим долгом каждого коммуниста, каждого рабочего и колхозника, каждого партийного и непартийного большевика, то, тем более, это является первейшим долгом каждого прокурора, специально призванного к борьбе со всеми преступными посягательствами на интересы социалистического государства рабочих и крестьян и на основу этого государства, на священную и неприкосновенную общественную (социалистическую) собственность. Недаром закон 20 июня 1933 г. об учреждении Прокуратуры СССР особо подчеркнул, что задачей Прокуратуры Союза ССР является «охрана общественной собственности от покушений со стороны противоположных элементов на всей территории Союза ССР».

Закон 7 августа 1932 г. дает советской прокуратуре могущественное оружие для борьбы за охрану общественной собственности: этот закон устанавливает как основную меру наказания за посягательства на общественную собственность — расстрел, допуская лишь при смягчающих обстоятельствах замену этой меры лишением свободы на 10 лет с конфискацией всего имущества и без применения амнистии. Этот закон — сильный, могущественный закон, такой же сильный и могущественный, как сильна и могущественна диктатура рабочего класса, волю которого он выражает.

И именно поэтому крайне важно, чтобы этот закон правильно применялся, чтобы это

мощное оружие было направлено против действительных врагов народа, посягающих на основу социалистического государства — на общественную собственность. Недопустимо опоздание этого закона путем подведения под него таких действий, которые по своему значению никак не могут рассматриваться, как подрыв основ социалистического государства рабочих и крестьян.

Разве не является очевидным опозданием закона 7 августа 1932 г., например, приговор водно-транспортного суда Балхаш-Илийского бассейна от 10 октября 1935 г., по которому заведующий бакалейным отделом орса Горев был осужден по закону 7 августа 1932 г. за растрату 2809 руб. без каких-либо особо отягчающих обстоятельств (см. «Советская юстиция» 1937 г. № 5, стр. 51), или — приговор народного суда по делам госторговли и кооперации Октябрьского района г. Москвы от 19 января 1934 г., по которому ряд продавцов хлебных магазинов был осужден по тому же закону за самоснабжение хлебом (см. «Социалистическая законность» 1936 г. № 9, стр. 76). Разве не является явным извращением и смысла и буквы закона 7 августа 1932 г. приговор нарсуда Невельского района Калининской области от 9 июля 1936 г., которым колхозник Быченков был осужден по закону 7 августа 1932 г. за то, что у него украли мешок, в котором находились доверенные ему 25 000 руб., принадлежавшие Невельскому лесокombинату. Ни в обвинительном заключении, ни в приговоре суда по этому делу даже не ставился вопрос о какой-либо корыстной заинтересованности Быченкова (см. «Советская юстиция» 1937 г. № 4, стр. 53).

Не только осуждение в подобных случаях по закону 7 августа 1932 г., но и самая постановка на гласный судебный процесс подобных дел с квалификацией по закону 7 августа 1932 г. политически вредна. Ответственность за такие ошибки лежит в первую очередь на

прокурорах, участвовавших в передаче обвиняемых суду по этим делам.

Меткость судебной репрессии вообще имеет исключительно важное значение по любому делу. Одна из особенностей уголовного правосудия заключается в том, что применение уголовного наказания никогда не может иметь нейтрального, безразличного характера. Или оно политически полезно, если это наказание применено правильно, или оно политически вредно, если удар попал мимо цели. Никакой середины здесь быть не может. Чем важнее преступление, чем серьезнее грозящее за него наказание, тем больше вредное влияние всякой ошибки, допущенной при применении этого наказания. Преступление, предусмотренное законом 7 августа 1932 г., — одно из тяжчайших государственных преступлений и поэтому всякая ошибка при его применении влечет за собой крайне вредные последствия.

Не следует забывать, что массово-политический эффект всякого процесса в очень большой степени предопределяется тем, насколько правильно то направление, в котором развивается исследование дела на суде. Если судебная аудитория видит, что суду представлено обвинение явно необоснованное, явно несоответствующее фактическим обстоятельствам дела, если в результате процесса получается впечатление, что «гора родила мышь», это никак не может содействовать укреплению авторитета прокуратуры среди широких масс. А если, как в приведенных выше примерах, суд повторяет ошибку прокуратуры и выносит приговор, явно не соответствующий фактическим обстоятельствам дела, то вредный эффект такого процесса еще во много раз усиливается.

Нечего и говорить о том, насколько болезненно подобные ошибки отражаются на обвиняемых в том случае, если впоследствии эти ошибки и исправляются кассационными или надзорными инстанциями.

Поэтому стадия передачи суду по всем делам, по которым обвинение квалифицируется по закону 7 августа 1932 г., приобретает исключительно важное значение. По всем приведенным выше примерам неправильного применения закона 7 августа 1932 г. ошибка могла бы быть предотвращена в стадии передачи суду.

Стадия передачи суду в действующем советском процессе складывается, как известно, из двух процессуальных актов: из утверждения прокурором обвинительного заключения и из рассмотрения дела в подготовительном заседании суда по докладу того же прокурора. Одной из причин ошибок и неправильностей, допускаемых многими прокурорами в этой очень важной стадии процесса, является непонимание соотношения между двумя указанными процессуальными актами. Одни прокуроры рассуждают примерно так: «я проверил материалы предварительного расследования, признал их удовлетворительными и утвердил обвинительное заключение. В подготовительном заседании мне делать нечего, так как ничего, кроме тех же самых материалов, там рассматриваться не будет. Пусть судьи найдут недостатки в материалах предварительного расследования, если сумеют». В результате такого рассуждения получается полная пассивность прокурора в подготовительном заседании.

Другие прокуроры рассуждают иначе: «так как дело все равно будет рассматриваться в подготовительном заседании, зачем я буду тратить силы и время на глубокую проверку материалов предварительного расследования при утверждении обвинительного заключения. Лучше я, просто-напросто, наложу на него свою визу, а если в деле есть какие-нибудь упущения, они вскроются на подготовительном заседании».

Вследствие такого рассуждения прокурор дела не изучает и идет на подготовительное заседание неподготовленным. Судья, полагаясь на то, что докладчиком по делу будет прокурор, нередко тоже не изучает дела, ограничиваясь беглым ознакомлением с обвинительным заключением. В результате определение подготовительного заседания превращается в такой же штамп, как и резолюция прокурора об утверждении обвинительного заключения, и грубейшие ошибки предварительного расследования остаются незамеченными, а следовательно — и неисправленными.

Оба приведенные выше рассуждения о соотношении утверждения прокурором обвинительного заключения и рассмотрения дела в подготовительном заседании — в корне неправильны. Действительно, оба эти процессуальные акта решают в значительной части одни и те же вопросы, но из этого отнюдь не следует, что на один из них можно смотреть как на бесполезную формальность. Именно из такой неправильной точки зрения и исходил Наркомюст РСФСР, проводя реформу 1929 г., устранившую обязательное рассмотрение вопроса о передаче суду в распорядительном заседании. Повторять эту ошибку теперь, когда для всех стало ясным, что это была ошибка, непростительно.

И прокурор, утверждающий обвинительное заключение, и подготовительное заседание суда решают одни и те же вопросы, но они решают их разными методами, в различной обстановке. Поэтому и решение этих вопросов может получиться разное.

Прокурор, утверждая обвинительное заключение, единолично окончательно формулирует вывод прокуратуры по материалам предварительного расследования. Он принимает на себя полную ответственность за правильность этого вывода и обязан его отстаивать.

С момента утверждения обвинительного заключения он становится уже стороной по делу, обвинителем, тогда как до этого момента он был руководителем органов расследования, обязанным, согласно 111 ст. Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, заботиться в равной мере о выявлении обстоятельств как уличающих обвиняемого, так и оправдывающих его. Это изменение процессуального положения прокурора имеет отнюдь не одно только формальное значение. Для того, чтобы стать обвинителем прокурор должен быть убежден в виновности обвиняемого, по крайней мере, убежден настолько, насколько это возможно по материалам предварительного расследования до проверки их в условиях гласного состязательного процесса.

А для того, чтобы приобрести такое убеждение прокурор должен убедиться, что те материалы, на которых он основывается, полны и доброкачественны, что следствием собраны веские доказательства виновности обвиняемого,

что порядок собирания этих доказательств соответствует требованиям УПК и гарантирует их доброкачественность, что ни одно обстоятельство, которое могло бы опровергнуть эти доказательства, не осталось нерасследованным. Убедиться в этом можно только путем тщательного изучения материалов дела, путем строгой проверки соблюдения органами расследования норм УПК, путем выяснения полноты проверки объяснений обвиняемого и правильности разрешения заявленных им ходатайств.

Вся эта проверка проводится прокурором единолично в строгом соответствии с принципом единоначалия, положенным в основу всей организации прокуратуры. Прокурор, утверждая обвинительное заключение, ни с кем не делит ответственности за свое решение. В частности, для него ни в каком случае не может служить оправданием ссылка на то, что он был введен в заблуждение органом расследования.

На подготовительном заседании суда вопрос рассматривается коллегиально. В этом рассмотрении участвуют лица, которые до этого никакого отношения к расследованию данного дела не имели, и ни в какой степени не несут за него ответственности. Поэтому члены подготовительного заседания находятся в особо благоприятных условиях для критики всех недостатков произведенного расследования. Задача прокурора, как докладчика, убедить их в правильности выводов предварительного расследования, изложенных в обвинительном заключении.

Известно, что убедить других лиц в правильности того или иного положения совсем не то же самое, что убедиться в этом самому. Поэтому доклад прокурором дела в подготовительном заседании всегда заставляет его глубже, тщательнее обосновать обвинение, чем необходимость вынести единолично постановление (а тем более — наложить резолюцию) об утверждении обвинительного заключения.

Прокурор должен отстаивать в подготовительном заседании правильность обвинительного заключения, но лишь постольку, поскольку он сам убежден в этой правильности. В одинаковой степени недопустимо и вялое, безразличное отношение прокурора к несостоятельным нападкам на обвинительное заключение со стороны членов подготовительного заседания и слепое «рассудку вопреки», исключительно ради «поддержания чести прокурорского мундира», отстаивание прокурором обвинительного заключения, неправильность или необоснованность которого станет ему ясна.

Таким образом, несмотря на сходство работы, прорабатываемой прокурором при утверждении обвинительного заключения и работы подготовительного заседания суда, эти два процессуальные этапа отнюдь не являются простым повторением одной и той же работы. Чем сложнее дело, тем важнее становится эта двукратная, производимая разными лицами и разными методами проверка полноты и доброкачественности материалов предварительного расследования и правильности основанного на них вывода о предании суду тех или иных лиц.

Дела по закону 7 августа 1932 г. в громадном большинстве случаев — сложные дела. Поэтому по этим делам в особенности важно правильно разрешить все вопросы, подлежащие

разрешению в стадии предания суду. Каковы же эти вопросы?

Перечень этих вопросов точно определен для всех дел, подлежащих рассмотрению подготовительных заседаний, постановлением 54 пленума Верховного Суда СССР от 29 марта 1936 г.

Постановление это, само собою разумеется, обязательно и для дел по закону 7 августа 1932 г.

Перечисленные в этом постановлении 11 вопросов можно разбить на две основных группы.

К первой группе относятся те вопросы, от разрешения которых зависит, предавать ли обвиняемого суду и по какому обвинению. Ко второй — вопросы, то или иное разрешение которых не влияет на существо и формулировку обвинения, но определяет условия проведения будущего судебного процесса.

К первой группе, которая имеет для нас в связи с темой настоящей статьи, наибольшее значение, относятся следующие шесть вопросов:

а) о наличии в действиях обвиняемого состава преступления и о возможности прекращения в отношении его дела согласно ст. 238 УПК РСФСР и соответствующим статьям УПК других союзных республик;

б) о полноте предварительного следствия;

в) о достаточности и обоснованности предъявленного обвинения;

г) о правильности квалификации предъявленного обвинения;

д) о соблюдении при проведении предварительного расследования требований УПК, в особенности тех процессуальных норм, без соблюдения которых дело не может быть назначено к слушанию (предъявление обвинения, соблюдение 206 ст. УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик и т. д.);

е) о ходатайствах обвиняемых (представление документов, вызов дополнительных свидетелей, экспертов и т. д.).

Последний вопрос относится ко второй из указанных выше групп вопросов, однако обвиняемым могут быть заявлены и такие ходатайства, которые не могут быть удовлетворены без обращения дела к доследованию. В этом случае то или иное разрешение таких ходатайств является условием и для разрешения основного вопроса о предании суду.

Прокурор при утверждении обвинительного заключения по всякому делу обязан проверить материалы расследования по всем этим шести вопросам. Свой доклад в подготовительном заседании суда он должен строить так, чтобы в нем содержался обоснованный ответ на каждый из этих вопросов. По делам по закону 7 августа 1932 г. большинство этих вопросов разрешается так же, как и по всем остальным делам. В самом деле, вопросы о полноте расследования, об обоснованности обвинения достаточными и проверенными доказательствами, о соблюдении при производстве расследования процессуальных норм не содержат в себе никаких специфических особенностей, которые отличали бы способ разрешения этих вопросов по делам по закону 7 августа 1932 г. от способа их разрешения по всем другим уголовным делам.

Наибольшие специфические трудности по делам по закону 7 августа 1932 г. вызывает

вопрос о квалификации преступления. По большинству приведенных выше примеров ошибочного применения закона 7 августа 1932 г. ошибка была допущена именно при разрешении этого вопроса.

Среди буржуазных процессуалистов был довольно широко распространен взгляд, что в стадии предания суду при возможности квалификации обвинения по нескольким конкурирующим уголовным законам всегда нужно выбирать наиболее строгую квалификацию¹. При этом речь шла не о так называемой идеальной совокупности преступлений, т. е. не о таких случаях, когда одно и то же деяние подходит одновременно под признаки двух или более уголовных законов. Речь шла о таких случаях, когда представляется возможность двух (или более) взаимно исключающих квалификаций (например, грабеж или разбой, убийство или причинение тяжких телесных повреждений, повлекших за собой смерть и т. п.). Сторонники этого взгляда мотивировали его тем, что суд в судебном заседании может перейти с более строгой квалификации на более мягкую, но не наоборот, и поэтому лучше при предании суду определять квалификацию обвинения «с запросом». Такое решение этого вопроса вполне соответствует природе буржуазного суда как органа угнетения: создать во всех случаях условия для применения наиболее строгого наказания из всех возможных — таков принцип, из которого вытекают все изложенные выше рассуждения буржуазных процессуалистов. К советскому процессу этот принцип ни в каком случае неприменим. В уголовном процессе социалистического государства этот принцип заменяется другим: создать во всех случаях условия для применения судом мер, наиболее целесообразных с точки зрения двусторонней задачи советского суда — подавления врагов народа и воспитания к дисциплине неустойчивых элементов из числа трудящихся. С точки зрения советского уголовного процесса в равной мере недопустимо и — позволить врагу социалистического государства ускользнуть от заслуженной им беспощадной репрессии, и — направить меры, рассчитанные на врагов народа, на случайных правонарушителей из среды трудящихся, которые никогда не переходили «по ту сторону баррикад».

Между тем, на практике, некоторые наши прокуроры иногда разрешают вопрос о квалификации обвинения по тому или иному делу по закону 7 августа 1932 г. с точки зрения, не очень далеко отстоящей от изложенной выше точки зрения ряда буржуазных процессуалистов. «Поставлю-ка я закон 7 августа 1932 г., — рассуждает такой прокурор, — по крайней мере никто меня не упрекнет в недостатке бдительности. А суд, если найдет нужным, пусть переходит на какую ему угодно статью УК, хоть на 2 ч. 112 ст.»². При таком рассуждении упускают из виду, что недостаток бдительности очень часто как раз и выражается в том, что страдающие таким недостатком люди видят врага там, где его нет и, именно по-

этому, — не видят его там, где он действительно есть.

Квалификация обвинения по закону 7 августа 1932 г. «с запросом», «на всякий случай», чтобы было с чего «скинуть» и по другим аналогичным мотивам — совершенно недопустима.

Квалифицируя в каждом отдельном случае обвинение по закону 7 августа 1932 г., прокурор должен отчетливо представлять себе — почему он применяет по данному делу именно такую квалификацию, и обосновать ее применение в своем докладе на подготовительном заседании суда.

Преступление, предусмотренное законом 7 августа 1932 г., есть государственное преступление, направленное на экономическую основу Союза ССР — социалистическую собственность. Поэтому для применения этого закона нужно в каждом отдельном случае доказать, что данное преступное деяние по степени его общественной опасности является государственным преступлением. Многие любители упрощенного, механистического разрешения сложных вопросов хотели бы, чтобы им указали определенную сумму похищенных или растраченных ценностей, с которой «начинается» применение закона 7 августа 1932 г. Бесспорно, что для лиц, которые не любят принимать на себя политической ответственности, не хотят разбираться в сложной обстановке конкретных преступлений, такая «контрольная цифра» представляла бы большое удобство: посмотрел на заключение бухгалтерской экспертизы, увидел, что по данному делу сумма ущерба на полтора рубля выше «контрольной цифры» — вали закон 7 августа 1932 г.

Но подобное механистическое разрешение большого политического вопроса о применении в том или ином случае закона 7 августа 1932 г. было бы безусловно неправильно.

Нет и не может быть никакого неподвижного критерия, который раз и навсегда, для всех случаев давал бы возможность решить вопрос о применимости закона 7 августа 1932 г. по какому-либо одному признаку.

Только совокупность всех обстоятельств каждого конкретного дела, определяющих степень его общественной опасности, может дать основание для правильного разрешения этого вопроса.

Размер хищения имеет очень важное значение для квалификации преступления, но, как уже было сказано, никакой предельной цифры, которая давала бы основание для применения закона 7 августа 1932 г., здесь дать нельзя. Для того, чтобы можно было применить этот закон, размеры хищения должны быть таковы, чтобы данное хищение перерастало в государственное преступление. Закон 7 августа 1932 г. должен быть применен в том случае, когда хищение явилось одной из причин невыполнения хозяйственного плана того или иного предприятия или учреждения, заметно отразилось на результатах его работы.

Так, например, для того, чтобы создать себе возможность присвоения разницы цен на товары, группа расхитителей общественной собственности в областной конторе одного из торговых разослала по разным районам Союза ССР на несколько миллионов рублей товаров, предназначенных для снабжения одного из крупных промышленных центров области. В результате этих преступных махинаций план снабже-

¹ См. напр., Арсеньев «Предание суду» СПб, 1870, стр. 98. Этот же взгляд проводил в дореволюционной России и Сенат в своей кассационной практике.

² Имеется в виду 2 ч. 112 ст. УК РСФСР.

нии промтоварами центра не был выполнен. Это дало полное основание квалифицировать предьявленное по этому делу обвинение по закону 7 августа 1932 г.

Решая вопрос о квалификации преступления, прокурор должен каждый раз взвесить значение последствий преступления не только для того учреждения или предприятия, в котором было совершено преступление, но и для данного участка народного хозяйства. Так, например, растрата 2—3 тысяч рублей может заметно повлиять на выполнение плана товарооборота какой-нибудь палатки или лавки сельпо. Но это не дает оснований квалифицировать такую растрату по закону 7 августа 1932 г., так как никаких заметных последствий для снабжения населения даже в масштабе района такая растрата иметь не будет. Прокурор должен быть настолько политически развит, должен уметь настолько учитывать хозяйственную и политическую обстановку, чтобы суметь правильно определить, когда то или иное хищение по степени своей общественной опасности превращается в государственное преступление.

Необходимо учитывать при этом и особенности объекта преступления. Так, например, если объектом хищения были такие предметы, которые имели особо важное значение для укрепления военной или хозяйственной мощи Союза ССР (предметы оборонного значения, ценное импортное оборудование и т. п.), то закон 7 августа 1932 г. должен быть применен и при таких размерах хищения, которые не давали бы оснований для применения этого закона при другом характере объекта преступления. Особо важное значение тех или иных объектов преступления может определяться конкретными условиями места и времени совершения преступления.

Таковы, например, случаи расхищения товаров, завезенных в специальные сельскохозяйственные районы (например, хлопководческие) для реализации в период заготовки сельскохозяйственной продукции данного района. Если расхищение этих товаров более или менее заметно отразилось на выполнении плана заготовок, такое преступление может быть квалифицировано по закону 7 августа 1932 г., хотя в другом месте, или в другое время такое же расхищение таких же товаров и не давало бы оснований для этой квалификации. Хищения золотого песка в золотоносных районах представляют собой особую общественную опасность. Поэтому в этих районах такая форма хищений может влечь за собой квалификацию обвинения по закону 7 августа 1932 г. и при относительно меньших размерах похищенного, чем в других условиях.

Большое значение при решении вопроса о возможности применения закона 7 августа 1932 г. по тому или иному конкретному делу имеют соображения, касающиеся субъекта преступления. Если хищение было организовано теми самыми лицами, на которых лежала обязанность бороться за сохранность общественной собственности на данном участке, это безусловно повышает общественную опасность преступления и в ряде случаев дает основание для применения при достаточно крупных размерах закона 7 августа 1932 г.

Так, например, на Всесоюзной оптово-розничной базе «Инвенторга»¹ систематические хищения совершались директором базы в соучастии с бухгалтером и с кассиром.

Само собою разумеется, что соучастие между этими тремя лицами, призванными бороться за охрану общественной собственности и взаимно контролировать друг друга, давало им такие возможности для совершения и сокрытия хищений, каких не могло бы быть ни при каких других условиях. Этот особый состав обвиняемых по делу явился в этом случае одним из оснований для применения закона 7 августа 1932 г.

Если хищения производились людьми, по своей социальной природе чуждыми великому коллективу строителей социализма, то и это должно быть принято во внимание при квалификации обвинения. Так, например, если хищения производились группой пробравшихся в торговые организации спекулянтов, лиц уже ранее судившихся за хищения и растраты, деклассированных элементов, то такие лица могут быть преданы суду по закону 7 августа 1932 г. и в таких случаях, когда этот закон, при другом составе обвиняемых, был бы неприменим.

Конечно, и этот признак, также как и все остальные, нельзя применять механически. Нельзя предавать кого-либо суду по закону 7 августа 1932 г. за хищение или растрату ценностей на несколько сотен рублей только потому, что обвиняемый имел ранее частную торговлю или судился ранее за растрату или хищения. Но, в совокупности с другими признаками и этот признак должен быть учтен прокурором при квалификации обвинения.

Советский суд при выборе мер борьбы с преступниками руководствуется двумя основными соображениями:

1) какова общественная опасность данного преступления и

2) какова общественная опасность личности данного обвиняемого. Эти соображения имеют значение не только при выборе меры наказания, но в целом ряде случаев и при квалификации обвинения. Поэтому вполне возможно, что, при определенных условиях, обвинение против одного из обвиняемых по делу, вследствие повышенной опасности его личности, будет квалифицировано по закону 7 августа 1932 г., а против другого обвиняемого по тому же делу, участвовавшего в совершении того же преступления, но не имеющего никаких личных особенностей, которые повышали бы его общественную опасность, — по другому, менее строгому уголовному закону (см. разъяснение презид. Верховного РСФСР от 22 февраля 1933 г., прот. № 11, «Сборник разъяснений Верховного РСФСР» М. 1935 г., стр. 246).

Наконец, решающее значение для применения закона 7 августа 1932 г. может иметь смысл способ совершения преступления, если применение такого способа повышает общественную опасность преступления. По закону 7 августа 1932 г. должны быть квалифицированы, по общему правилу, все формы разбойных и грабительских нападений на государственные и общественные учреждения или предприятия.

¹ Всесоюзная торговая организация Центрсоюза, призванная снабжать инвентарем торгующие организации.

Конечно, и в этом случае прокурор должен уметь оценить степень общественной опасности данного конкретного преступления. Было бы, например, явно бессмысленно предавать суду по закону 7 августа 1932 г. мальчика, который на глазах у продавцов и покупателей государственного магазина схватит с прилавка пару башмаков и т. п. и попытается убежать. Но, если группа грабителей (хотя бы и не вооруженных) ворвется в государственный или кооперативный магазин, свяжет продавцов и похитит выручку из кассы или товары с полок магазина, такое преступление, по общему правилу, должно быть квалифицировано по закону 7 августа 1932 г.

В судебной практике были отмечены случаи, когда отдельные работники государственных или общественных организаций вступали в соучастие с профессионально-преступными, деклассированными элементами и помогали им похищать общественную собственность. Такая форма соучастия, естественно, повышает общественную опасность преступления. Например, на одной из станций железной дороги помощник начальника станции систематически информировал шайку воров о том, в каких вагонах находятся особо ценные и особенно удобные для похищения грузы. Когда он дежурил по станции, он принимал меры, чтобы такие вагоны были поставлены в места, где было бы удобнее незаметно совершить хищение. При крупном и систематическом характере совершенных таким способом краж квалификация такого преступления по закону 7 августа 1932 г. вполне правильна.

Похитители общественной собственности иногда, при расхлябанности контрольных и ревизионных органов, при притуплении бдительности руководителей вышестоящих организаций, образуют в каком-либо учреждении или предприятии стойкую шайку, которая подчиняет своим преступным целям деятельность всех своих членов. Например, в тресте буфетов и ресторанов одной из железных дорог образовалась такая группа из числа работников бухгалтерии, складов и оперативных отделов треста. Члены этой преступной шайки издевательски называли свою шайку «колхоз». Члены шайки подчинялись строгой воровской «дисциплине»; похищенные ценности распределялись между ними по определенным заранее установленным принципам. Всю свою официальную служебную деятельность в тресте члены шайки подчиняли своим преступным целям. Само собою разумеется, что при этих условиях аппарат треста работал в определенной части не на обслуживание пассажиров железной дороги, а на обслуживание этой шайки. Самый способ совершения преступления в этом случае значительно повышал его общественную опасность и давал основание для квалификации обвинения по закону 7 августа 1932 г.

Изложенные признаки, конечно, не исчерпывают всех оснований, которые в том или ином конкретном случае могут повести к применению закона 7 августа 1932 г. и, наоборот, возможно, что и при формальном наличии одного из этих признаков все же не будет оснований для применения этого закона.

Например, в одном из органов нарпита создавалась стойкая, преступная организация, которая, путем различных преступных махинаций

(подлогов и т. п.) обеспечивала своих членов за счет нарпита, в порядке самоснабжения, улучшенными завтраками в рабочие часы. Члены организации поедали завтраки, но никто из них сверх того ничего не брал. За несколько месяцев существования этой преступной организации члены ее съели продуктов нарпита примерно на 10 000 руб. Нормальная деятельность предприятия не была нарушена. Хотя признак стойкой преступной организации здесь и имеется, но ни размеры причиненного ущерба, ни самый характер преступления не давали в этом случае оснований для применения закона 7 августа 1932 г.

Решая вопрос о квалификации преступления, прокурор в каждом отдельном случае должен учитывать: как указанные выше (или — иные) признаки комбинируются между собой, какова общественная опасность данного преступления и личности обвиняемых, действительно ли степень этой опасности такова, что данное преступление можно рассматривать как преступление государственное, как посягательство на экономическую основу Союза ССР.

Некоторые осложнения при решении вопроса о квалификации преступления могут возникнуть в случае, так называемой, идеальной совокупности преступлений, т. е. в том случае, когда деяние, подходящее под признаки закона 7 августа 1932 г., в то же время подходит под признаки и какого-либо другого уголовного закона. Например, бандитский налет на государственное или общественное предприятие для похищения общественной собственности подходит одновременно и под признаки закона 7 августа 1932 г. и под признаки ст. 59^а Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик. В большинстве случаев вопрос этот разрешается просто согласно ст. 33 «Основ уголовного права Союза ССР и союзных республик» (ст. 49 Уголовного кодекса РСФСР).

При наличии такой совокупности применяется тот уголовный закон, который предусматривает более тяжелое преступление и устанавливает наиболее тяжелую меру наказания. Так как закон 7 августа 1932 г. устанавливает более тяжелое наказание, чем все другие уголовные законы, которые могут с ним конкурировать, то, по общему правилу, в случаях такой совокупности должен применяться закон 7 августа 1932 г. В отношении случаев конкуренции между законом 7 августа 1932 г. и ст. 59^а Уголовного кодекса РСФСР (бандитизм) именно такое решение вопроса прямо предусмотрено постановлением Президиума Верховного суда РСФСР от 10 июля 1934 г. (протокол № 30).

Но из этого общего правила надо сделать одно исключение. Если расхищение общественной собственности производилось в контрреволюционных целях и было только средством для совершения или для подготовки к совершению другого контрреволюционного преступления (напр. хищения в целях финансирования диверсионной, шпионской или террористической организации), то такие случаи хищения должны быть квалифицированы не по закону 7 августа 1932 г., а по соответствующим статьям главы Уголовного кодекса о контрреволюционных преступлениях. Формально, исходя из текста упомянутой ст. 33 «Основ

уголовного права Союза ССР» 1924 г., следовало бы и в этом случае отдавать предпочтение закону 7 августа 1932 г., так как он предусматривает более тяжелое наказание, чем все другие статьи уголовного кодекса союзных республик о контрреволюционных преступлениях (за исключением измены родине); все эти статьи допускают снижение наказания при смягчающих обстоятельствах до 3 лет лишения свободы, а закон 7 августа 1932 г. — только до 10 лет. Но применение в этих случаях закона 7 августа 1932 г. искажило бы политическую сущность дела, перенесло бы центр тяжести с цели на средство к достижению этой цели. Получилось бы, что члена диверсионной организации, совершившего в интересах этой организации хищение социалистической собственности, мы судим не за то, что он готовил диверсионный акт против советского Союза, а за то, что он совершил хищение для этой цели.

В этих случаях, поскольку контрреволюционная цель преступления установлена, ни размер похищенного, ни какие-либо иные из указанных выше соображений уже не имеют никакого значения для квалификации данного преступления, как преступления контрреволюционного.

Утверждая обвинительное заключение, в котором обвинение квалифицировано по закону 7 августа 1932 г., прокурор должен отчетливо уяснить себе, какие именно обстоятельства, установленные по данному делу, дают основание для применения закона 7 августа 1932 г., и проверить, какими доказательствами установлено в данном деле существование этих обстоятельств.

Здесь вопрос о квалификации обвинения тесно смыкается с тремя первыми вопросами приведенного выше перечня вопросов, подлежащих рассмотрению подготовительного заседания: с вопросом о наличии в действиях обвиняемых состава преступления, с вопросом о полноте предварительного расследования и с вопросом о достаточной обоснованности обвинения. Ни один из указанных выше признаков, дающих основание для применения закона 7 августа 1932 г., не может предполагаться существующим. Наличие в данном деле того или иного из этих признаков должно быть доказано определенными доказательствами; доказательства эти должны быть проверены.

Кроме того, надо иметь в виду, что ни в каком случае недопустимо квалифицировать обвинение в обвинительном заключении по закону 7 августа 1932 г., если в постановлении о привлечении в качестве обвиняемых лиц, предаваемых суду, была дана другая квалификация обвинения. Такое изменение квалификации было бы грубым нарушением гарантированных советским уголовным процессом прав обвиняемого.

Обвиняемый, который при предъявлении ему обвинения, квалифицированного, например, по 116 ст. Уголовного кодекса РСФСР, признал себя виновным и не проявил особой активности в представлении оправдательных доказательств, может быть вел бы себя совершенно иначе, если бы предъявленное ему обвинение было квалифицировано по закону 7 августа 1932 г. Менять квалификацию на этот закон при составлении или при утверждении обвинительного заключения — значит лишить

обвиняемого возможности использовать процессуальные права, принадлежащие ему в стадии предварительного расследования, для опровержения обвинения.

Поэтому в таких случаях прокурор должен вернуть дело к доследованию для предъявления обвиняемому вновь обвинения с квалификацией по закону 7 августа 1932 г., для нового допроса его по этому обвинению и для совершения всех следственных действий, которые будут вытекать из его объяснений (проверка новых объяснений обвиняемого, предъявление ему вновь дела по окончании дополнительного расследования и т. п.).

Таким образом, при утверждении обвинительного заключения, в котором обвинение квалифицировано по закону 7 августа 1932 г., прокурор должен разрешить следующие вопросы:

1) какие конкретные обстоятельства данного дела дают основание для применения закона 7 августа 1932 г. в отношении каждого из обвиняемых в отдельности;

2) какими доказательствами установлено существование этих обстоятельств, достаточны ли эти доказательства, не осталось ли существенных для дела доказательств, не выявленных при расследовании;

3) проверены ли должным образом эти доказательства;

4) правильно ли было предъявлено обвинение каждому из обвиняемых, получены ли от них достаточно полные объяснения по каждому пункту обвинения, проверены ли должным образом те из этих объяснений, которые нуждаются в такой проверке, и правильно ли разрешены ходатайства, заявленные обвиняемыми;

5) правильно ли были выполнены в отношении каждого из обвиняемых требования 206 ст. УПК РСФСР (и соответствующих статей УПК других союзных республик);

6) правильно ли и достаточно ли полно отражены в обвинительном заключении все существенные обстоятельства дела.

Кроме того, прокурор должен, конечно, проверить и все другие данные по делу, которые подлежат проверке по каждому следственному делу (правильность выполнения отдельных процессуальных актов, в особенности — наиболее сложных, например, экспертизы и т. п., правильность избрания мер пресечения, правильность технического оформления дела и т. п.).

Правильно разрешить все указанные выше вопросы можно только путем тщательного ознакомления со всеми материалами.

Прокурор вообще обязан ознакомиться со всеми материалами всякого дела, по которому он утверждает обвинительное заключение. По делам, по которым обвиняемые предаются суду по закону 7 августа 1932 г., такое ознакомление должно отличаться особой тщательностью.

Если прокурор достаточно внимательно подойдет к разрешению всех перечисленных вопросов, он неизбежно заметит каждый пробел, каждую ошибку предварительного расследования, если такие пробелы или ошибки имеются.

В этом случае он отнюдь не должен передавать на подготовительное заседание суда обязанность принять меры к исправлению этих недостатков.

Он должен сам вернуть дело к следованию с конкретными указаниями о том, что нужно по нему сделать.

Утверждать обвинительное заключение и направлять дело в суд прокурор может только в том случае, если в результате всей описанной проверки он придет к твердому убеждению в правильности обвинительного заключения.

Если такая проверка была произведена прокурором при утверждении обвинительного заключения, то для него не составит трудности и сделать по делу обстоятельный доклад в подготовительном заседании суда. Построение этого доклада зависит от конкретных особенностей того или иного дела, но в основном схема первой, основной части этого доклада (только — схема) такова: «Мы предаем суду таких-то и таких-то лиц за такие-то и такие-то деяния. Деяния эти мы квалифицируем по закону 7 августа 1932 г. на основании таких-то и таких-то признаков. Наличие этих признаков в деле установлено такими-то и такими-то доказательствами. Доказательства эти были нами проверены такими-то способами и проверка эта дала такие-то результаты. Обвиняемые дали по предъявленному им обвинению такие-то объяснения и заявили такие-то ходатайства. Объяснения эти были нами проверены такими-то способами и были получены такие-то результаты. Из заявленных обвиняемыми ходатайств мы удовлетворили такие-то и такие-то, а такие-то ходатайства мы отклонили по таким-то соображениям».

Доклад этот должен быть по возможности краток и, в наибольшей степени, конкретен. Это — не обвинительная речь, которую прокурор произносит не только для суда, но и для судебной аудитории. Точные ссылки на установленные по делу факты и на конкретные доказательства должны составлять основное содержание доклада на подготовительном заседании. Прокурор должен быть при этом готов дать ответ на любой вопрос, на любое возражение и отстаивать выдвинутые им положения, вплоть до принесения протеста на определение подготовительного заседания, конечно, если для этого есть основания.

Но решением вопроса о предании суду тех или иных лиц и об окончательной формулировке предъявленного им обвинения задачи подготовительного заседания, а следовательно и участвующего в нем прокурора, не исчерпываются. Необходимо, кроме того, разрешить вторую группу вопросов, не влияющих на существо обвинения, но имеющих очень важное значение для правильной организации судебного процесса.

Постановление 54 пленума Верховного суда Союза ССР от 29 марта 1936 г. формулирует эти вопросы следующим образом:

- ж) о допущении участия сторон;
- з) о списке лиц, вызываемых в судебное заседание (свидетелей, экспертов и т. д.);
- и) о правильности избранной меры пресечения, в особенности — содержания под стражей;
- к) о времени и месте судебного заседания;
- л) о порядке слушания дела (открытое или закрытое судебное заседание и т. д.).

Было бы ошибкой считать, что эта группа вопросов не имеет отношения к прокурору, что ему важно добиться утверждения обвини-

тельного заключения, а там пусть суд сам, как знает, готовится к судебному процессу.

Прокурор не меньше, чем судьи, заинтересован в правильной организации судебного процесса, в надлежащей подготовке судебного заседания как для рассмотрения дела по существу, так и для обеспечения массово-политического эффекта процесса. Поэтому в своем докладе на подготовительном заседании прокурор должен высказать свое мнение по каждому из перечисленных вопросов и это мнение отстаивать.

В виду исключительной важности и сложности дел по закону 7 августа 1932 г. дела эти должны, по общему правилу, слушаться с участием сторон. Это необходимо и для того, чтобы обеспечить наиболее полное рассмотрение дела по существу и для того, чтобы добиться наибольшего общественно-политического эффекта процесса.

Прокурор должен возражать против всяких необоснованных попыток подготовительного заседания ограничить, сократить судебный процесс по этому рода делам. Это относится как к вопросу об участии сторон в процессе, так и к вопросу о списке лиц, вызываемых в судебное заседание. В одном из судов Дальне-Восточного края имел место случай, когда подготовительное заседание, рассматривая дело, по которому обвинение было квалифицировано по закону 7 августа 1932 г., вычеркнуло всех свидетелей, указанных в списке, приложенном к обвинительному заключению (в этом списке было указано 16 свидетелей), и постановило слушать дело без вызова свидетелей. Само собой разумеется, что обвинительный приговор суда по этому делу был впоследствии отменен.

Прокурор, утвердивший обвинительное заключение и, следовательно, согласившийся с тем, что нужно вызвать в суд 16 свидетелей, не протестовал явно неправильного определения подготовительного заседания, допустившего в корне неверное, противоречащее не только духу советского процессуального законодательства, но и основным принципам Конституции сжатие, урезывание судебного процесса.

Что касается вопроса о мере пресечения, то, по делам, по которым обвиняемые предаются суду по закону 7 августа 1932 г., вопрос этот рассматривается в подготовительном заседании с иной точки зрения, чем по большинству других дел. Если, обычно, задача подготовительного заседания заключается в том, чтобы проверить, были ли основания для избрания мерой пресечения содержание под стражей и есть ли основания для сохранения этой меры после предания суду, то по делам, по которым обвинение квалифицировано по закону 7 августа 1932 г., дело, обычно, обстоит иначе. Дела этой категории относятся к числу тех, по которым, согласно 3 ч. 158 ст. Уг.-проц. кодекса РСФСР (и соответствующим статьям уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик), «заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено по мотивам одной лишь социальной опасности данного преступления».

В отличие от процессуального законодательства большинства буржуазных стран советский процесс не знает обязательного предварительного ареста. Нет таких случаев, когда органы

расследования или суд были бы формально обязаны применить к обвиняемому меру пресечения в виде содержания под стражей. Но это отнюдь не означает, что законодатель предполагал предоставить врагам народа разгуливать на свободе до суда, тогда как им по приговору этого суда грозит расстрел, или, в лучшем для них случае,—10 лет лишения свободы. Советский закон полагается на политическую бдительность судей и прокуроров, которым надлежит разрешать этот вопрос на практике, и не связывает их заранее установленной, для всех случаев обязательной нормой.

В отношении обвиняемых, предаваемых суду по закону 7 августа 1932 г., содержание под стражей должно быть нормальной мерой пресечения. Отступления от этого могут быть допущены в каких-либо совершенно исключительных случаях, например, в случае тяжелой болезни обвиняемого, при которой его невозможно даже перевести в тюремную больницу без опасности для его жизни, мерой пресечения может быть избран домашний арест с назначением стражи. Задача подготовительного заседания по этим делам по вопросу о мере пресечения заключается не столько в проверке обоснованности избрания мерой пресечения содержание под стражей, сколько в проверке обоснованности неприменения этой меры, если по отношению к тому или иному из обвиняемых была избрана другая мера пресечения.

В этом случае прокурор в своем докладе обязан изложить подготовительному заседанию суда те мотивы, по которым прокуратура допустила такое послабление по отношению к данному обвиняемому. В случае освобождения подготовительным заседанием из-под стражи кого-либо из обвиняемых, преданных суду по закону 7 августа 1932 г., прокурор обязан, по общему правилу, опротестовать такое определение, за исключением тех весьма редких случаев, когда для этого были какие-нибудь особые основания.

На практике этот вопрос чаще всего может возникнуть в случаях, когда подготовительное заседание обращает дело к доследованию и ставит под сомнение не обоснованность избрания в качестве меры пресечения содержание под стражей, а обоснованность самого обвинения. В этих случаях отношение прокурора к определению такого рода должно зависеть от оценки им тех мотивов, которые побудили суд вернуть дело к доследованию. Во всех случаях такого рода прокурор должен требовать, чтобы подготовительное заседание вполне конкретно указало в своем определении, что именно и каким путем оно считает необходимым доследовать. Только в том случае, если по этим мотивам можно с уверенностью сказать, что обвинение кого-либо из обвиняемых по закону 7 августа 1932 г. при доследовании должно будет отпасть, возможно освобождение такого обвиняемого из-под стражи. Чаще всего такое положение создается в случаях представления обвиняемым в подготовительное заседание новых документов, опровергающих предъявленное ему обвинение. Однако, и в этих случаях прокурор должен иметь в виду, что относиться к таким документам надо с величайшей осторожностью. Подготовительное заседание в советском процессе (в отличие, например, от французской обвинительной ка-

меры) само исследование дела не производит. А без проверки документов путем следственных действий, в подавляющем большинстве случаев, нельзя судить о их правильности и делать по ним какие-либо выводы.

При нормальном положении вещей подготовительное заседание и при обращении дела к доследованию не должно самостоятельно изменять меры пресечения, предоставив разрешение этого вопроса прокуратуре, в зависимости от результатов дополнительного расследования. Обратное положение может иметь место только в случаях, когда на подготовительном заседании выясняется явная ошибка органов расследования. Во всяком случае, за неправильное освобождение обвиняемого по закону 7 августа 1932 г. определением подготовительного заседания, прокурор, не опротестовавший этого определения, несет такую же ответственность, как если бы он сам освободил этого обвиняемого.

Вопросы о месте, времени и порядке слушания дела также не являются безразличными для прокурора. Основное соображение, которое должно быть принято во внимание при разрешении этих вопросов, это соображение об обеспечении наибольшего общественно-политического эффекта процесса. Дела по закону 7 августа 1932 г. в большинстве случаев дают большие возможности для укрепления в сознании широких народных масс убеждения в неприкосновенности общественной (социалистической) собственности, — важнейшего элемента нового социалистического правосознания. Процессы по этим делам должны быть организованы так, чтобы эти возможности были использованы в наибольшей степени.

Стадия предания суду в советском уголовном процессе представляет собой диалектическое единство двух задач, которые большинство буржуазных процессуалистов всегда считало непримиримыми и взаимно противоречащими: задачи гарантии меткости и эффективности уголовной репрессии и задачи гарантии советского гражданина против неосновательного предания его суду и против неосновательного осуждения.

Интересы социалистического государства требуют, чтобы уголовная репрессия применялась только к лицам, совершившим преступления, и только за те преступления, которые были ими действительно совершены. Интересы каждого отдельного советского гражданина (мы говорим, конечно, о его законных, общественно признанных интересах) требуют, чтобы, во-первых, его не сажали на скамью подсудимых без серьезных оснований, а во-вторых, — чтобы судебный процесс, раз уже его предали суду, дал ему самые широкие возможности для всестороннего использования гарантированного ему Конституцией права на защиту. В условиях социалистического общества между общественными и частными интересами в этом вопросе нет никакого противоречия.

Работа подготовительного заседания суда, вообще, и работа прокурора в подготовительном заседании, в частности, и служит этим интересам.

Проверить, есть ли достаточные основания для предания суду именно данных лиц и именно по данному обвинению, и проверить, налицо ли все условия для полного и всесторон-

него исследования дела в судебном заседании, для правильного разрешения его по существу и для достижения наибольшего общественно-политического эффекта процесса, — таковы две неразрывно связанные между собою задачи органов суда и прокуратуры в стадии передачи суду.

Правильное разрешение этих задач, в особенности по таким сложным делам, как дела по закону 7 августа 1932 г., является одним из условий для обеспечения правильности приговора суда по этим делам, а следовательно и всей судебной политики.

С. МИРОНОВ

Борьба с хищениями на водном транспорте

Борьба с хищениями составляла одну из важнейших задач прокуратуры водного транспорта. В законе 7 августа 1932 г. об охране общественной собственности сказано, что «общественная собственность (государственная, колхозная и кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа».

Сталинская Конституция (ст. 131) возлагает на граждан СССР обязанность «беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся».

К 1932 г. хищения грузов на водном транспорте достигли больших размеров. Остатки разгромленных, умирающих эксплуататорских классов, расплзшихся по пароходствам, железным дорогам, совхозам и другим предприятиям, организовывали массовые хищения и воровство государственного, кооперативного имущества и колхозной собственности. Пользуясь беспечностью, ротозейством и халатным отношением некоторых должностных лиц к охране грузов, эти враги народа похищали грузы в портах, на пристанях и даже на пароходах и других судах. Они втягивали в свои воровские шайки неустойчивых работников водного транспорта, использовали преступные элементы, а также и агентов клиентуры, отправляющих и получающих грузы.

Крупные неурядицы на водном транспорте в организации охраны грузов, невзвешивание груза при приеме и выдаче, свободный проход на пристани, в порты и на перевалочные пункты, расхлябанность трудовой дисциплины плавсостава и береговых рабочих и т. п. способствовали росту хищений. Воровские шайки, возглавляемые классовыми врагами, проникшими на транспорт, нагло орудовали. Как теперь установлено, разоблаченные троцкистские диверсанты, вредители, шпионы и правые контрреволюционеры — эти заклятые враги народа, реставраторы капитализма, сидевшие на руководящей работе до 1936—1937 гг. в Наркомводе и в пароходствах, всеми мерами помогали расхищать народное добро и подрывали работу водного транспорта.

Руководствуясь указаниями товарища Сталина о том, что «революционная законность нашего времени направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном

хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности», прокуратура и суды водного транспорта провели большую работу по охране общественной, социалистической собственности на основе неуклонного проведения постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. Уничтожено много воровских шайк. Немало осуждено хозяйственников за непринятие мер к охране грузов. По конкретным материалам судебных дел политотделы мобилизовали широкие массы водников на борьбу с хищениями и повышали революционную бдительность в деле разоблачения расхитителей — врагов народа.

Прокуроры бассейнов и участков систематически проверяли состояние охраны грузов и добивались принятия ряда мер к устранению причин, содействовавших хищениям грузов и ценностей. Хотя здесь мы и имеем положительные результаты, но надо прямо сказать, что прокуратура водного транспорта многие вопросы, поставленные перед хозяйственниками, не доводила до конца. Такая важная работа, как учет и расследование всех случаев хищений и недостач, до сих пор как следует не организована.

Достигнутые под руководством нашей партии и великого вождя народов товарища Сталина громадные успехи социализма в СССР дали трудящимся счастливую и радостную жизнь. В результате повышения политического и культурного уровня и непрерывного роста материального благосостояния советского народа, а также и решительной борьбы органов прокуратуры и суда, в настоящее время значительно уменьшились хищения и растраты на водном транспорте по сравнению с 1934 годом.

По данным центрального отдела военизированной охраны Наркомвода снижение хищений представляется в следующем виде: если взять стоимость похищенных грузов в 1934 г. за 100, то по сравнению с этим годом было похищено в 1935 г. 22,6%, в 1936 г. — 24,1%. По финансовому отчету Наркомвода эти же данные выражаются в следующих цифрах: в 1934 г. 100, 1935 г. — 15,4%, 1936 г. — 21,7%. Число крупных хищений резко сократилось, но мелкие кражи продолжают держаться на высоком уровне. В 1937 году ВОХР по вскрытым хищениям возвратил водному транспорту 80% похищенного груза. Очень часто под так называемыми недостачами грузов скрываются прямые хищения. Поэтому необходимо кратко остановиться на цифрах недостач грузов на водном транспорте.

Клиентура предъявляет претензии к Наркомводу ежегодно на десятки миллионов рублей

за недоставленный груз. По сведениям Наркомвода в 1935 г. было удовлетворено претензий на 15 306 тыс. руб., а в 1936 г. — на 2 530 тыс. руб. В 1936 г. к Наркомводу предъявлено претензий на 21% меньше той суммы, которая была предъявлена в 1934 г. По официальному отчету Наркомвода хищения хозяйственных материалов со складов в 1935 г. и в 1936 г. увеличилось почти в два раза по сравнению с 1934 годом. Это свидетельствует о том, что прокуроры бассейнов и участков не ведут надлежащей борьбы с хищениями разных строительных и эксплуатационных материалов, хранящихся в служебных кладовых.

Враги народа старались подорвать рабочее снабжение на водном транспорте. Путем массовых хищений и растрат разваливали работу магазинов, столовых, запутывали отчетность. Судебная репрессия и политико-воспитательные меры повлияли на сокращение растрат в торговой сети. Растраты и недостачи к обороту выражаются в следующих процентах: 1934 г. — 1,35, 1935 г. — 0,94, 1936 г. — 0,55 и I кв. 1937 г. — 0,40. Несмотря на это сокращение, абсолютная сумма растрат и недостач крайне велика. Каждый прокурор бассейна должен тщательно проанализировать материалы о растратах и принять необходимые меры к усилению борьбы в тех пунктах, где растраты и недостачи продолжают оставаться в больших размерах. Особо неблагоприятно обстоит дело с хищениями и растратами в системе Центроводторгпита в бассейнах: Селенгинском (3,40% к обороту), Куринском (2,78%), Аму-Дарьинском (1,76%), Печорском (1,73%), Уральском (2,13%), Балхаш-Илийском (2,41%). Высокий процент хищений и растрат продолжает оставаться в Нижне-Волжском и Камском бассейнах. Прокуроры указанных бассейнов гг. Тагамлицкий, Семейкин, Садовский, Котов, Козо-Полянская, Бунов и Щукин не анализируют материалы по делам растрат и хищений. Дела расследуются недопустимо медленно. Можно было бы привести по прокура-турам всех бассейнов ряд дел, по которым расследование затягивается на несколько месяцев по вине следователей и прокуроров. Многие прокуроры не реагируют на волокиту в расследовании, допускаемую следователями, и оставляют эти факты безнаказанными. Исключительная безответственность создана среди следователей по вине прокуроров Нижне-Волжского бассейна Бунова, Темерова и Шапошникова. Эти прокуроры полностью отвечают за волокиту по делам о растратах в Водторгпите бассейна.

В июле 1937 г. зам. прокурора Нижне-Волжского бассейна т. Темеров прислал в главную прокуратуру телеграмму о том, что дело о растрате в Водторгпите лежит без движения

около двух месяцев у следователя Жданетты и в заключение т. Темеров просит указаний от Прокуратуры Союза.

Этой телеграммой т. Темеров показал свою беспомощность в руководстве следователями.

Число лиц, преданных суду за хищения, непрерывно сокращается. В 1936 г. предано суду за хищения в 3 раза меньше, чем в 1935 г., а за первое полугодие 1937 г. — в 4 раза меньше против 1935 г.

Но было бы неправильно думать, что такое сокращение преданных суду объясняется только уменьшением хищений. Анализ материалов показывает, что прокуроры бассейнов и участков в 1936 и 1937 гг. ослабили борьбу с хищениями. Следователи прокуратуры расследовали за 1936 г. 45,5% всех дел о хищениях. Это крайне мало. Следователи могут и обязаны вести следствие почти по всем делам о хищениях. Надо заострить внимание работников прокуратуры водного транспорта на необходимости усиления борьбы с хищениями. На ближайшем оперативном совещании обсудить вопрос о работе каждого прокурора и следователя в этой области. Шире развернуть критику и самокритику наших недостатков. Мобилизовать актив и соцсовместителей прокуратуры на выявление всех случаев хищений и особенно на перевалочных пунктах, на судах и в материальных кладовых разных служб пароходства.

Привлекать к уголовной ответственности тех должностных лиц, которые своим халатным отношением к делу охраны грузов продолжают создавать условия, способствующие хищениям.

Борьба за охрану общественной, социалистической собственности есть не только борьба с расхитителями и врагами народа, но это также и борьба за советскую дисциплину, за экономию, за бережное отношение к народному достоянию.

Ни на минуту нельзя забывать, что японо-немецкие агенты, троцкистско-бухаринские шпионы, диверсанты, вредители в своей подрывной работе используют и метод организации хищений на водном транспорте.

Надо скорее разоблачить и разгромить до конца этих бандитов — заклятых врагов народа.

Будем со всей решительностью и непримиримостью продолжать борьбу со всякими преступлениями на общественную собственность.

Еще больше усилим революционную бдительность. На основе неуклонного и твердого проведения закона от 7 августа 1932 г. об охране общественной, социалистической собственности добьемся в кратчайший срок полной ликвидации хищений на водном транспорте.

Преступления против личности по проекту Уголовного кодекса СССР

В беседе с английским писателем Уэллсом товарищ Сталин подчеркнул, что у нас «непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не выместя, не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того, социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности»¹.

Эти глубоко принципиальные и исторические указания товарища Сталина о роли и должности личности в социалистическом обществе нашли свое всестороннее и исчерпывающее отражение в великой Сталинской Конституции СССР. Глава X Конституции является подлинным свидетельством того, что забота о человеке, о его личности, о полном развитии его способностей составляет суть советской политики.

Приведенными выше указаниями товарища Сталина и величайшим законом — Конституцией СССР — должно определяться отношение к охране личности со стороны советских органов юстиции и советского уголовного законодательства.

К сожалению, и в действующем уголовном законодательстве и в практической, повседневной работе органов юстиции охрана человеческой личности стоит еще не на должной высоте.

Достаточно обратиться к судебной практике в области наказания по преступлениям против личности, как станет ясным, что с охраной жизни, здоровья и достоинства человеческой личности в настоящее время дело обстоит весьма неблагоприятно, и что в этом отношении требуются серьезные изменения.

Так, например, по РСФСР за 1-ю половину 1936 г. применение наказания за преступления против личности характеризуется следующими данными:² было приговорено к лишению свободы 28,8% (из всех осужденных за эти преступления), к исправительно-трудовым работам — 48,9%, к штрафу — 10,9%, к условному осуждению — 9,4% и к другим видам наказания — 2,0%. Как видим, около половины лиц, совершивших посятельство на личность, было приговорено к такому мягкому наказанию, каким являются и.т. работы, и около четвертой части — к еще более мягким видам наказания, вроде штрафа, условного осуждения и т. д. Ничем не обоснованная мягкость наказания присуща и даже таким опаснейшим преступлениям против личности,

как убийства, половые преступления и др. За тот же период по РСФСР к осужденным по статьям об убийстве были применены в 9,3% и.т. работы, штраф и условное осуждение, в 31,2% — лишение свободы на срок от 1 года до 5 лет и лишь в 59,5% — лишение свободы на сроки свыше 5 лет. За половые преступления было осуждено 19,9% к и.т. работам, штрафу и условному осуждению, 63,2% — к лишению свободы на сроки от 1 года до 5 лет и лишь 16,9% — к лишению свободы на сроки свыше 5 лет.

Прав т. Вышинский, когда он пишет¹, что «невнимательное отношение к людям характеризуется также и чрезвычайно мягкими наказаниями за преступления против жизни, здоровья человека и достоинства человеческой личности. Нередко здесь мы доходим до грани, за которой начинается почти полная безнаказанность».

Но приведенная и совершенно неудовлетворительная судебная практика в значительной мере определяется действующим уголовным законодательством и, в частности, Уголовным кодексом РСФСР. Основным недостатком этого в большей своей части устаревшего Уголовного кодекса и его главы о преступлениях против личности является недопустимая мягкость в санкциях и особенно по наиболее опасным преступлениям против личности. Характерным в этом отношении является тот факт, что действующий Уголовный кодекс РСФСР ни по одному из преступлений против личности, за исключением двух последних новелл (аборт и мужеложство), не содержит указаний на минимальные сроки наказания. Наоборот, наказание по преступлениям против личности в УК построено по принципу, устанавливающему лишь максимальные пределы наказания, т. е. по признаку «до» или «не выше». Благодаря этому даже за убийство или за тяжкое телесное повреждение суды имеют возможность назначать лишение свободы начиная от одного года. Небезинтересно отметить, что действующий УК в смысле построения санкций по преступлениям против личности сделал значительный шаг назад по сравнению с первым советским УК 1922 г., который знал минимальные сроки по наиболее опасным преступлениям против личности. Например, за умышленное убийство по УК 1922 г. (ст. 142) наказание было предусмотрено в виде лишения свободы на срок не ниже (разрядка наша. — В. М.) 8 лет лишения свободы, за тяжкие телесные повреждения (ст. 149 УК) — лишение свободы на срок не ниже 3 лет и т. д.

Излишняя мягкость в наказании по преступлениям против личности в действующем УК проявляется и в том, что по отдельным довольно опасным преступлениям против лич-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 13, 1934, стр. 602.

² По данным Научно-исследовательского института юридических наук.

¹ А. Вышинский, Речь товарища Сталина 4 мая и задачи советской юстиции, Гос. изд. «Советское законодательство», стр. 38.

ности предусматривается наказание лишь в виде и-т. работ или штрафа, что исключает вовсе применение по ним лишения свободы (например, телесные повреждения, причинившие расстройство здоровья, отказ от оказания медицинской помощи, оставление в опасном состоянии и т. д.).

Наконец, существеннейшим дефектом действующего УК является ненаказуемость ряда весьма опасных посягательств против жизни и здоровья личности. Достаточно указать хотя бы на ненаказуемость по УК содействия и подговора к самоубийству взрослого человека или на ненаказуемость оставления без помощи родителей. По ряду же опасных посягательств на личность действующий УК, хотя и знает наказуемость их, однако в очень узких рамках, причем эти ограничения наказуемости вряд ли можно обосновать какими-либо серьезными доводами. Например, оставление кого-либо без помощи в заведомо опасном положении наказуется лишь при условии, что на оставившем лежит специальная забота об оставленном (ст. 156 УК РСФСР), или доведение до самоубийства наказуется лишь при условии, если доведенный до самоубийства находился в какой-либо зависимости от субъекта преступления (ст. 141 ч. I УК РСФСР).

Итак, недопустимо мягкие наказания по преступлениям против личности, с одной стороны, и полная ненаказуемость ряда опасных посягательств на личность, с другой, характерные для действующего уголовного законодательства, со всей решительностью ставят вопрос о коренной переработке этого законодательства. Без такой переработки вряд ли выполнимы те задачи, которые стоят перед органами юстиции по линии охраны личности и которые определяются великой Сталинской Конституцией. С этой точки зрения особого внимания заслуживает глава о преступлениях против личности проекта нового Уголовного кодекса СССР, анализ которой и посвящена настоящая статья.

Но прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению отдельных составов, включенных проектом в главу о преступлениях против личности, необходимо сделать несколько предварительных замечаний по поводу места этой главы в проекте, объема ее и той системы преступлений против личности, которая устанавливается проектом. Как бы подчеркивая, что одной из важнейших задач, стоящих перед органами юстиции в настоящее время, является усиление охраны личности, проект УК СССР главе о преступлениях против личности отводит третье место, помещая ее сейчас же вслед за государственными преступлениями и преступлениями против обороны СССР. В действующем УК РСФСР, а также и в кодексах союзных республик глава о преступлениях против личности, как известно, следует за преступлениями против порядков управления, должностными и хозяйственными, занимая, таким образом, в Особой части УК одно из последних мест.

Следуя УК РСФСР 1922 г., проект главу о преступлениях против личности разбивает на ряд разделов: первый — «Преступления против жизни», второй — «Телесные повреждения и насилия», третий — «Преступления против семьи и брака», четвертый — «Преступления в области половых отношений» и пя-

тый — «Оставление в опасности». Новым по существу разделом в проекте является раздел преступлений против семьи и брака.

По количеству отдельных статей глава о преступлениях против личности в проекте значительно шире, чем аналогичная глава действующего УК. Если действующий УК РСФСР предусматривает 29 статей (136—161), то проект содержит 35 статей. Это увеличение получается, во-первых, за счет включения проектом в главу о преступлениях против личности части преступлений, предусмотренных в действующем УК в главе о преступлениях, составляющих пережитки родового быта (например, вымогательство калыма, принуждение женщины ко вступлению в брак), во-вторых, путем введения в главу о преступлениях против личности новых, неизвестных действующему законодательству составов (например, обманное использование регистрации брака, оставление без помощи родителей) и, в-третьих, путем установления большей дифференциации отдельных видов преступлений против личности (убийств, тяжких телесных повреждений и т. п.).

Первый раздел «Преступления против жизни» предусматривает 5 отдельных статей: 1) «Умышленное убийство», 2) «Убийство в состоянии запальчивости и раздражения», 3) «Убийство вследствие превышения необходимой обороны», 4) «Неосторожное убийство» и 5) «Доведение до самоубийства». Если принять во внимание, что статья об умышленном убийстве включает два вида убийств — простое умышленное убийство (1-я часть статьи) и квалифицированный вид умышленного убийства (2-я часть статьи), то следует прийти к выводу, что проект УК воспроизводит по существу ту же систему убийств, что и в действующем УК РСФСР. В самом деле, проект, так же как и УК РСФСР, делит убийства на умышленные и неосторожные и среди умышленных убийств предусматривает простой вид, квалифицированный вид и привилегированный (убийство в запальчивости и раздражении и убийство с превышением необходимой обороны). Отводя этим отдельным видам убийств самостоятельные статьи и подражая в этом отношении УК 1922 г., проект лишь придает этой системе более стройное оформление. Однако разграничение, даваемое проектом, между простым умышленным убийством и квалифицированным убийством совершенно иное, чем в действующем УК. И, что еще более важно, наказание, устанавливаемое за эти виды убийств, несравненно выше, чем в действующем уголовном законодательстве. Статья об умышленном убийстве в проекте сформулирована следующим образом:

Умышленное убийство

«1. Умышленное убийство карается заключением в тюрьму на срок не ниже 5 лет.

2. Если умышленное убийство совершено с особой жестокостью или неоднократно, наказание может быть повышено до расстрела».

Если принять во внимание, что по действующему уголовному законодательству расстрел за убийство может быть назначаем лишь только при одном условии, когда убийство при особо отягчающих обстоятельствах совершено военнослужащим (ч. 2 ст. 136 УК РСФСР),

т. е. в весьма редко встречающихся в практике случаях, то введение проектом расстрела в ч. 2 статьи об умышленном убийстве, предусматривающей несравненно более широкий круг убийств, следует признать новшеством. Благодаря этому нововведению проекта УК неизмеримо возрастает ответственность за убийство.

Исходя из того, что охрана личности и в первую очередь охрана жизни человека является одной из наиболее существеннейших задач советской уголовной политики, введение проектом в качестве наказания за убийство расстрела является безусловно правильным.

«Из всех ценных капиталов, — говорит товарищ Сталин, — имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры». Это величайшее указание товарища Сталина налагает на граждан СССР обязанность всемерно охранять и беречь жизнь человека. Всякое посягательство на жизнь должно влечь за собой суровые меры наказания вплоть до исключительной меры — расстрела. Следует указать при этом, что наша судебная практика в настоящее время по существу уже вступила на путь применения расстрела за умышленное убийство, хотя, правда, в исключительных случаях. Достаточно указать хотя бы на случаи, имевшие место в судебной практике, применения расстрела за убийство из хулиганских побуждений или за убийства, совершенные особо жестоким способом. Правда, такие случаи квалифицировались не по статьям об убийстве, как это следовало бы по УК, а по статье о бандитизме (ст. 59³ УК РСФСР), но нужно прямо сказать, что эта квалификация в большинстве случаев была весьма искусственной. Характерно при этом, что квалификация убийств из хулиганских побуждений по статьям о бандитизме производилась не только по инициативе местных судебных органов, а санкционировалась высшими судебными органами союзных республик — верховными судами союзных республик. Прекрасно понимая необходимость назначения за отдельные виды убийств высшей меры наказания, Верховный суд РСФСР издал целый ряд директив, которые по существу разрешали по ряду убийств применение этой меры наказания. Так, в постановлении президиума Верховного суда РСФСР от 17 марта 1935 г. указывается, что «как бандиты должны караться те особо опасные хулиганы, которые совершают хотя бы одиночные (разрядка наша. — В. М.) нападения, но связанные с убийством... с квалификацией этих преступлений по ст.ст. 16 и 59³ УК». Следуя этому указанию, такие убийства, как, например, убийство финкой хулиганом проходившей мимо него женщины, квалифицировались как бандитизм с назначением расстрела. Если безусловно правильно второе, т. е. назначение расстрела, то вряд ли можно признать хотя бы сколько-нибудь правильным первое, т. е. квалификацию таких убийств как бандитизм по ст. 59³ УК РСФСР.

13—14 февраля 1936 г. президиум Верховного суда РСФСР выносит другое постановление, также по существу разрешающее вынесение приговоров к расстрелу при посягательствах на личность. В этом постановлении указывается, что «грабеж, а тем более групповой,

с применением насилия (разрядка наша. — В. М.) должен квалифицироваться по ст. 59³ УК независимо от того, были ли обвиняемые вооружены или нет» (разрядка наша. — В. М.).

Понимая всю недостаточность санкций по грабежу с насилием над личностью, которое всегда может закончиться и лишением жизни человека (по этим видам грабежа ст. 167 УК РСФСР расстрел может назначаться лишь в случае вооруженного нападения), Верховный суд предлагал такие случаи грабежа квалифицировать по ст. 59³ УК РСФСР и тем самым разрешал применение по ним высшей меры наказания.

Такие директивы приводили к слишком широкому применению ст. 59³ о бандитизме, от основных признаков состава которого (наличие банды, вооруженность и т. п.) почти ничего не оставалось. Уголовная же статистика в силу этого неизменно давала показатели большого роста бандитизма, что на первый взгляд казалось совершенно непонятным в настоящих условиях явлениям.

Нам кажется, что, вместо того чтобы прибегать к искусственной квалификации отдельных убийств по статьям о бандитизме и тем самым прямо нарушать уголовный закон, а также для того, чтобы не дезориентировать советские органы в области действительного положения у нас с бандитизмом, следует безусловно ввести за отдельные, особо тяжкие виды убийств в качестве наказания расстрел.

Наказание за умышленное убийство по проекту повышается не только за счет введения расстрела за квалифицированное убийство, но и путем введения более жестких сроков лишения свободы за простой вид умышленного убийства. Если по действующему УК за умышленное убийство может быть назначено лишение свободы на сроки, начиная от 1 года и до 8 лет или до 10 лет (ст.ст. 136 и 137 УК РСФСР), то по проекту даже простой вид умышленного убийства карается заключением в тюрьму на срок не ниже 5 лет¹. В этой санкции следует отметить ряд существеннейших моментов. Во-первых, здесь устанавливается минимальный срок лишения свободы, ниже которого нельзя назначать за убийство. Во-вторых, этот *minimum* довольно высокий — 5 лет. И, наконец, в этой санкции указывается на заключение в тюрьму, что включает назначение лишения свободы в и.т. лагерях и в и.т. колониях. Лишение свободы по проекту может быть назначено и за квалифицированный вид убийства, так как санкция ч. 2 статьи об умышленном убийстве отредактирована так, что она разрешает применение расстрела за квалифицированный вид убийства, а не обязывает применять его во всех случаях. Установление проектом минимального срока лишения свободы за умышленное убийство положит конец назначению за умышленное убийство небольших сроков лишения свободы и других более мягких видов наказания, которые до сего времени наблюдаются в судебной практике.

¹ Интересно отметить, что УК РСФСР 1922 г. за умышленное убийство имел санкцию в виде лишения свободы не ниже 8 лет (ст. 142 УК) и не ниже 3 лет (ст. 143 УК).

Поскольку за квалифицированный вид умышленного убийства по проекту допускается применение высшей меры наказания, поэтому вопрос о разграничении простого умышленного убийства от квалифицированного приобретает особенно большое значение.

В ч. 2 статьи об умышленном убийстве проект относит лишь два признака: 1) совершение убийства с особой жестокостью и 2) неоднократность совершения убийства. Все остальные случаи умышленных убийств тем самым отнесены проектом к простым видам убийств. Такое ограниченное понятие квалифицированных видов убийств, а тем самым и сужение возможности применения расстрела по убийствам вызывают сомнения. Так, например, за убийство, совершенное из хулиганских побуждений, хотя бы и впервые и без особой жестокости, целесообразно в отдельных случаях назначить расстрел. Последнее, однако, станет невозможным, если оставить редакцию статьи проекта о квалифицированном виде убийства в том виде, в каком она дана в настоящее время. Необходимо поэтому пересмотреть вопрос о признаках квалифицированных убийств.

Проект, как уже указывалось выше, предусматривал три вида умышленных убийств — простой, квалифицированный и привилегированный. Нам кажется, однако, необходимым расширить эту систему умышленных убийств за счет выделения специального состава детоубийства, как это имеет место в настоящее время в УК УССР (ст. 142). Необходимость выделения детоубийства как особого состава вызывается следующими соображениями. Во-первых, детоубийство является своеобразным видом убийства (убийством *suí generis*), имеющим целый ряд своих специфических особенностей и в оперативной работе всегда выделяемым в особую группу посягательств на жизнь. Во-вторых, при той санкции, которая имеется в проекте за умышленное убийство (не ниже 5 лет), суды в отношении матерей-детоубийц будут лишены возможности назначения меньших сроков лишения свободы. А в ряде случаев, и особенно тогда, когда детоубийство совершается матерью в результате понуждения ее к преступлению отцом ребенка, желающим избавиться от уплаты алиментов или по каким-либо другим причинам, или же когда детоубийство совершается матерью в силу крайнего своего невежества, политической отсталости или под влиянием незжитых еще старых буржуазных предрассудков, нам кажется возможным и целесообразным назначить лишения свободы на сроки и меньше, чем 5 лет. Этим мы вовсе не желаем предлагать общего снижения наказания за детоубийство. Санкция в статье о детоубийстве должна быть построена более гибко, с большими вариантами сроков лишения свободы, например, от 3 до 10 лет. Такое построение санкции по специальной статье о детоубийстве даст возможность назначения больших сроков лишения свободы отцам — подстрекателям к детоубийству, а также, как правило, и матерям, совершившим это преступление, а с другой стороны, даст возможность и назначения меньших, чем в 5 лет, сроков лишения свободы в отдельных, указанных выше случаях.

Статья проекта об убийстве, совершенном в состоянии запальчивости и раздражения (привилегированный вид умышленного убийства, почти ничем не отличается от аналогичной статьи действующего УК РСФСР (ст. 138 УК) Редакция этой статьи в проекте такова:

Убийство в состоянии запальчивости и раздражения

«Убийство, совершенное в состоянии запальчивости и раздражения, вызванном насилием или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего, карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет».

Если не считать словесной замены выражения «сильного душевного волнения», имеющегося в ст. 138, выражением «запальчивости и раздражения» по проекту (кстати сказать, вряд ли эта замена более удачна), то следует указать лишь на исключение проектом из данного состава преступления признака «внезапности» — возникшего сильного душевного волнения или запальчивости и раздражения. Практика показывает, что в огромном большинстве таких убийств состояние сильного душевного волнения возникает внезапно, вслед за нанесенным оскорблением или насилием, так что с этой точки зрения проект правильно делает, что исключает эту излишнюю оговорку о внезапности. Также следует признать целесообразным и устранение проектом возможности назначения и.т. работ за этот вид убийства.

Статья об убийстве, явившемся результатом превышения необходимой обороны, как это видно из нижеприводимого текста ее, воспроизводит по существу формулировку ст. 139 УК РСФСР.

Убийство вследствие превышения необходимой обороны

«Убийство, совершенное вследствие превышения необходимой обороны, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию до 2 лет или исправительными работами».

Непонятно, чем руководствовались авторы проекта, снижая за этот вид убийства наказание по сравнению с действующим УК. В то время как по УК РСФСР за убийство с превышением необходимой обороны наказание было возможно до 3 лет лишения свободы, проект снижает срок лишения свободы до 2 лет. Повидимому, и здесь сказалось влияние на проект УК 1922 г., который за этот вид убийства предусматривал наказание в виде лишения свободы до одного года. Этот дефект проекта, как нам кажется, необходимо также устранить при дальнейшей разработке проекта.

Статья проекта о неосторожном убийстве различает два вида неосторожных убийств, чего нет в действующем УК РСФСР.

Неосторожное убийство

«1. Убийство по неосторожности, — карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок до 2 лет или исправительными работами».

«2. Убийство по неосторожности, совершенное вследствие сознательного и грубого нарушения правил предосторожности, — карается за-

ключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет».

Разграничение указанных видов неосторожных убийств следует проводить, по видимому, по субъективным признакам. В ч. 1 идет речь об убийстве в результате преступной небрежности, в ч. 2 — в результате преступной самонадеянности.

По существу такую дифференциацию неосторожных убийств, которая была известна и УК 1922 г., следует признать вполне уместной, так как в судебной практике все неосторожные убийства резко подразделяются именно на эти две группы. К первой группе, т. е. к убийствам, явившимся результатом преступной небрежности, отойдут, например, часто встречающиеся в практике убийства в результате небрежного обращения с оружием, с огнем и т. п. Ко второй группе должны будут отнесены все случаи убийств на транспорте, которые в большинстве своем являются следствием преступной самонадеянности водителей транспорта. Степень опасности второй группы убийств значительно большая, чем первой группы.

При совершении убийств второй группы субъект преступления предвидит последствия своих действий, т. е. предвидит возможность лишения жизни другого человека, но легкомысленно рассчитывает предотвратить их. Проект совершенно правильно делает, когда устанавливает и повышенное наказание за неосторожное убийство, совершенное вследствие грубого нарушения правил предосторожности. Судебная практика нередко прибегала к искусственной квалификации таких убийств на транспорте, исходя исключительно из нецелесообразности назначения довольно мягкого наказания, которое имелось в ст. 139 УК РСФСР. С введением проектом наказания за этот вид убийств в виде лишения свободы на срок до 5 лет надобности прибегать к другим статьям УК не будет.

Раздел о посягательствах на жизнь заканчивается в проекте статьей о доведении до самоубийства. Эта статья проекта содержит целый ряд принципиально новых положений по сравнению с аналогичной статьей действующего УК РСФСР (ст. 141 УК). Как и в ст. 141 УК РСФСР, статья проекта о доведении до самоубийства предусматривает по существу два отдельных состава: доведение до самоубийства и содействие и подговор к самоубийству. Однако, как это видно из нижеприводимого текста статьи, составы эти по проекту даны в ином виде, чем в действующем УК.

Доведение до самоубийства

«1. Доведение кого-либо жестоким обращением или преследованием до самоубийства или покушения на самоубийство, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет.

2. Содействие или подговор к самоубийству, если самоубийство или покушение на него последовало, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет или исправительными работами».

По ст. 141 УК РСФСР, а также и по УК других союзных республик доведение до самоубийства карается только в тех случаях, когда лицо, доведенное до самоубийства, находилось «в материальной или иной зависимости от другого лица». Без указанного признака доведение до самоубийства по действующему уголовному законодательству не давало состава преступления. Однако в практике встречалось немало случаев, когда самоубийство являлось результатом преследования (клеветы, травли, издевательства и т. д.) со стороны лица, от которого покончивший самоубийством не находился ни в материальной, ни в иной какой-либо зависимости (служебной, семейной и т. п.). Так, например, года два-три тому назад на одном из заводов г. Москвы врач этого завода, находившийся в близких отношениях с машинисткой этого же завода, а затем порвавший эти отношения, в течение весьма длительного времени преследовал эту женщину, пуская в ход грязную клевету о ней, публично осмеивая ее и т. д. В результате таких преследований женщина эта покончила самоубийством. Было установлено, что ни в какой зависимости — ни в материальной, ни в служебной — данная женщина от врача не находилась. Однако для всех должно быть ясным, что описанные выше действия врача являются безусловно опасными, преступными, ибо в них проявилось не только циничное, издевательское отношение к женщине, совершенно недопустимое в наших условиях, но и пренебрежительное, сугубо эгоистическое отношение к жизни одного из членов социалистического общества. В настоящее время, когда ставится задача крепче и тверже поставить вопрос об охране личности, следует всякое доведение до самоубийства другого лица жестоким обращением или преследованием признать безусловно наказуемым. С этой точки зрения проект правильно делает, когда из статьи о доведении до самоубийства исключает всякого рода ограничительные признаки. Вместе с тем данная статья проекта и уточняет редакцию ст. 141 УК РСФСР в той ее части, где говорится о способах доведения до самоубийства. В ст. 141 УК говорится о доведении до самоубийства «жестоким обращением... или иным подобным путем». Столь узкая трактовка способов доведения до самоубийства уже давно была отвергнута самой судебной практикой, которая осуждала и за такие способы доведения до самоубийства, как систематические преследования, травля, распространение ложных слухов и т. п.

Проект УК СССР, оставляя в статье о доведении до самоубийства «жестокое обращение», дополняет ее указанием и на «преследования» как на возможный способ доведения до самоубийства.

Еще более существенные изменения проектом УК вносятся в состав подговора и содействия самоубийству. Самоубийство не может рассматриваться советским уголовным законодательством как преступление и влечь за собой наказание. Это, конечно, ни в коей мере не означает, что мы можем когда-либо и при каких-либо условиях оправдывать акт самоубийства. Напротив, самоубийство всегда и при всех обстоятельствах заслуживает всяческого порицания как акт малодушия. Однако подговор и содействие, т. е. всякий вид спо-

содействия самоубийству, должны по своему уголовному праву расцениваться как весьма опасные действия, как преступления. Ст. 130 великой Сталинской Конституции требует от каждого гражданина СССР честного отношения к общественному долгу, уважения правил социалистического общежития. С этой точки зрения всякий сознательный и честный гражданин СССР обязан принимать все возможные меры к предотвращению самоубийства другого лица. Забота о людях, обязанность беречь людей являются обязанностью каждого гражданина СССР. Совершенно неудовлетворительной поэтому нужно признать ч. 2 ст. 141 действующего УК РСФСР, где подговор и содействие самоубийству преследуются в уголовном порядке лишь в случаях, когда имеет место содействие или подговор к самоубийству «несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойство или значение им совершаемого или руководить своими поступками» (ст. 141 УК). Короче говоря, действующий УК наказует подговор и содействие самоубийству только несовершеннолетних или психически больных лиц. Проект УК СССР совершенно правильно расширяет круг наказуемых деяний по этой статье, исключая из статьи указания на несовершеннолетних и психически больных лиц. По проекту содействие и подговор к самоубийству всякого лица дают состав преступления. С санкцией же, устанавливаемой проектом за содействие самоубийству, согласиться нельзя. Непонятно, из каких соображений проект исключил, снижая санкцию за содействие самоубийству по сравнению с действующим УК. В самом деле, по ч. 2 ст. 141 УК санкция — лишение свободы до 3 лет, по проекту же — лишение свободы до 2 лет или же исправительные работы. Во всяком случае введение в качестве наказания за это опасное преступление исправительных работ ни в коей мере нельзя признать правильным. Точно так же нет оснований и снижать максимальный срок лишения свободы. Этот дефект статьи проекта безусловно должен быть устранен.

Второй раздел главы о преступлениях против личности посвящен в проекте телесным повреждениям и иным насилиям над личностью. Из 8 статей этого раздела 4 предусматривают тяжкие телесные повреждения. Если в действующем УК РСФСР выделяется только 3 вида тяжких телесных повреждений (умышленное простое — ч. 1 ст. 142 УК, умышленное квалифицированное — ч. 2 ст. 142 УК и неосторожное — ст. 145 УК), то проект вводит более дробное деление этих посягательств против личности. Проект УК разбивает тяжкие телесные повреждения на следующие 5 видов: 1) умышленное тяжкое телесное повреждение простое, 2) умышленное тяжкое телесное повреждение квалифицированное (оба вида предусмотрены в одной статье, в двух ее частях), 3) тяжкое телесное повреждение, нанесенное в состоянии запальчивости и раздражения (самостоятельная статья), 4) тяжкое телесное повреждение, явившееся следствием превышения необходимой обороны (также отдельная статья) и 5) неосторожное тяжкое телесное повреждение (отдельная статья). Проект в данном случае воспроизводит ту же систему, которую он вводит и в отношении убийств.

Предлагаемую проектом дифференциацию тяжких телесных повреждений следует признать безусловно необходимой. Тяжкие телесные повреждения по степени своей опасности приближаются к убийствам, да и нередко приводят к лишению жизни человека. При существующей в УК системе тяжких телесных повреждений не выделяются вовсе такие привилегированные виды тяжких повреждений, как телесные повреждения, нанесенные в состоянии запальчивости и раздражения, и телесные повреждения, явившиеся результатом превышения необходимой обороны, довольно часто встречающиеся в практике. Вследствие отсутствия самостоятельных статей о таких тяжких повреждениях в действующем законодательстве отсутствовала и необходимая дифференциация наказания по тяжким повреждениям. Учитывая этот дефект УК, президиум Верховного суда РСФСР вынес специальное постановление (от 7 марта 1927 г., протокол № 5), которым предлагалось по тяжким телесным повреждениям, нанесенным в состоянии сильного душевного волнения и квалифицируемым по ст. 142 УК, определять наказание в пределах санкции, предусмотренной ч. 1 ст. 143 УК. Короче говоря, квалифицировать такие тяжкие телесные повреждения предлагалось по одной статье, а определять наказание — по другой. Совершенно ясно, какую путаницу вносило в судебную практику такое постановление. Путаница, однако, усугублялась последующим постановлением президиума Верховного суда (от 22 декабря 1932 г.), в котором указывалось, что приведенное постановление не относится к случаям, когда в результате нанесения тяжких телесных повреждений (под влиянием раздражения) наступила смерть, причем данное постановление не давало никаких указаний, по каким же статьям квалифицировать такие случаи тяжких телесных повреждений. Вопрос же о квалификации тяжких телесных повреждений, явившийся результатом превышения необходимой обороны, оставался вообще открытым, а судебные органы каждый по-своему разрешали этот вопрос.

Если даваемые Верховным судом РСФСР директивы, помимо содержащейся в них путаницы, санкционировали явное нарушение революционной законности (предлагалось квалифицировать по одной статье, а избирать наказание по другой), то отсутствие каких-либо указаний по квалификации телесных повреждений, явившихся результатом превышения необходимой обороны, создавало широкое поле беззакония.

Вводя новую систему тяжких телесных повреждений, проект тем самым кладет конец нарушениям революционной законности. Правда, проект УК СССР в отношении системы тяжких телесных повреждений не оригинален, так как в нем по существу воспроизводится система, имевшаяся в УК 1922 г., однако положительная сторона введения проектом такой системы тяжких телесных повреждений этим ни в коей мере не умаляется.

Существенным изменениям в проекте подверглись и формулировки отдельных видов тяжких телесных повреждений по сравнению с действующим законодательством. Так, статья об умышленном тяжком телесном повреждении дана в проекте в следующей редакции:

Умышленное тяжкое телесное повреждение

«1. Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшее опасное для жизни расстройство здоровья, душевную болезнь, полное нарушение функций какого-нибудь органа, значительную потерю трудоспособности или неизгладимое обезображение, — карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок не ниже 3 лет.

2. То же преступление, если вследствие причинения телесного повреждения последовала смерть потерпевшего или если телесное повреждение было причинено способом, особенно мучительным или носившим характер истязания, — карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок не ниже 5 лет».

Прежде всего эта статья проекта уточняет само понятие тяжкого телесного повреждения, довольно неясно сформулированное в действующем уголовном законодательстве. В ст. 142 УК РСФСР указывается как на один из признаков тяжкого повреждения на «потерю зрения, слуха или какого-либо иного органа», причем остается неясным, идет ли речь о полной потере органа или частичной, о постоянной потере или временной. Проект, указывая на «полное нарушение функций какого-либо органа», в значительной мере разрешает возникающие при определении тяжких телесных повреждений вопросы. Из статьи проекта ясно, что к тяжким телесным повреждениям относятся лишь такие, которые привели к постоянной и полной потере зрения, слуха или какого-либо иного органа. Вместе с тем такая редакция статьи проекта прямо предусматривает и такие случаи, когда нет потери самого органа (например, руки, ноги и т. п.), а лишь приведение его в явную негодность, т. е. лишение возможности органом выполнять свои функции, что также не вытекало из формулировки ст. 142 УК РСФСР, где говорится лишь о «потере» органа.

Далее, по ст. 142 УК РСФСР требуется, чтобы при тяжком телесном повреждении было причинено обязательно такое расстройство здоровья, которое было бы соединено «со значительной потерей трудоспособности». По точному смыслу ст. 142 УК РСФСР получается, что телесные повреждения, опасные для жизни, но не повлекшие за собой значительной потери трудоспособности, например, нанесение огнестрельных, резаных и колотых ран, не подпадают под тяжкие телесные повреждения. Проект устраняет и этот дефект редакции ст. 142 УК, причисляя к тяжким телесным повреждениям всякое повреждение, «повлекшее опасное для жизни расстройство», независимо от того, наступила или не наступила в результате его потеря трудоспособности.

Непонятно лишь, почему авторы проекта, составляя в тяжких телесных повреждениях признак «неизгладимого обезображения», не добавляют, как в ст. 142 УК, слова «лица». Бряд ли неизгладимое обезображение ноги или другой какой-либо, кроме лица, части тела нужно относить к тяжким телесным повреждениям.

Формулировку же ч. 2 статьи проекта об умышленном тяжком телесном повреждении нельзя признать удачной. Из статьи неясно,

будут ли относимы к квалифицированным видам тяжких телесных повреждений случаи нанесения легких телесных, если в результате их наступила смерть, а также и случаи нанесения тех же легких телесных повреждений. причиненных способом особенно мучительным или носившим характер истязания. Эту ч. 2 статьи проекта об умышленном тяжком телесном повреждении необходимо уточнить.

В отношении наказания за умышленные тяжкие телесные повреждения проект, так же как и по статьям об убийстве, вводит целый ряд новшеств по сравнению с действующим уголовным законодательством.

По проекту устанавливаются как за простой вид умышленного тяжкого телесного повреждения, так и за квалифицированный минимальные сроки лишения свободы, ниже коих суды не могут назначать за эти опасные посягательства на здоровье человека. Эти минимальные сроки — в 3 года для простого вида умышленного тяжкого телесного повреждения и в 5 лет для квалифицированного — проект заимствовал из УК 1922 г. Помимо этого проект предопределяет по статье об умышленном тяжком телесном повреждении и характер (форму) лишения свободы, указывая в статье лишь на заключение в и.-т. лагерь, что исключает возможность назначения лишения свободы в и.-т. колониях. Эти две особенности в санкциях проекта по умышленным тяжким телесным повреждениям свидетельствуют о значительном усилении наказания за тяжкие телесные повреждения, что следует признать вполне целесообразным.

Вторая статья о тяжких телесных повреждениях в проекте предусматривает нанесение тяжкого телесного повреждения в состоянии запальчивости и раздражения, а третья — тяжкие телесные повреждения, явившиеся результатом превышения необходимой обороны. Ввиду того что составы преступлений, предусмотренные этими статьями, построены по проекту совершенно так же, как и аналогичные составы убийств, мы ограничимся лишь приведением текста этих статей проекта, чтобы ознакомить с наказанием по этим статьям.

Нанесение тяжкого телесного повреждения в состоянии запальчивости и раздражения

«Нанесение тяжкого телесного повреждения в состоянии запальчивости и раздражения, вызванном насилем или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 3 лет».

По вполне понятным причинам наказание за этот привилегированный вид тяжкого телесного повреждения проект устанавливает значительно ниже, чем за обычное умышленное тяжкое телесное повреждение. Еще больше снижается наказание за тяжкое телесное повреждение, если оно явилось результатом превышения необходимой обороны.

Тяжелое телесное повреждение вследствие превышения необходимой обороны

«Причинение тяжелого телесного повреждения вследствие превышения пределов необходимой обороны, — карается заключением в

исправительно-трудовую колонию на срок до 1 года или исправительными работами».

Непонятно, повидимому из-за небрежности, общепринятое во всех предыдущих статьях название «тяжких» телесных повреждений в этой статье заменяется названием «тяжелых».

Тяжкие телесные повреждения по проекту заканчиваются статьей о неосторожных тяжелых телесных повреждениях. Редакция этой статьи проекта такова:

Неосторожное тяжкое телесное повреждение

«1. Причинение тяжкого телесного повреждения по неосторожности, — карается исправительными работами.

2. Причинение тяжкого телесного повреждения по неосторожности вследствие сознательного и грубого нарушения правил предосторожности, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 3 лет».

Как видим, проект подразделяет неосторожные тяжкие телесные повреждения на те же виды, что и неосторожные убийства.

Особенно важным является при этом второй вид неосторожных тяжких телесных повреждений—вследствие сознательного и грубого нарушения правил предосторожности, к которому должно быть относимо большинство случаев телесных повреждений на транспорте, встречающихся так часто в судебной практике. Необходимо отметить, что проект исключает возможность применения штрафа за неосторожные тяжкие телесные повреждения, допускаемого действующим УК (ст. 145 УК). Наказание в виде денежного взыскания безусловно недопустимо, когда идет речь о причинении тяжких телесных повреждений, хотя и причиненных по неосторожности.

Если системе тяжких телесных повреждений проектом уделено достаточно внимания, то этого отнюдь нельзя сказать в отношении легких телесных повреждений. Здесь проект не только не пошел дальше по сравнению с действующим уголовным законодательством, но, как нам кажется, сделал значительный шаг назад. Дело, конечно, не в том, что легким телесным повреждениям проект отводит всего лишь две статьи, а в том, что проект объединяет легкие телесные повреждения (ст.ст. 143, 144 УК РСФСР) вместе с простыми побоями и ударами (ст. 146 УК РСФСР) в одну статью, стирая между этими различными посягательствами на личность существеннейшую разницу. Статья об умышленном легком телесном повреждении построена в проекте следующим образом.

Нанесение побоев и легких телесных повреждений

«1. Умышленное нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, — карается исправительными работами или арестом.

2. Те же действия, причинившие легкое телесное повреждение, — караются заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет или исправительными работами.

3. Те же действия, совершавшиеся систематически или если они носили характер истязания, — караются заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет».

Прежде всего непонятно, почему проект, придерживающийся системы расположения вначале более опасных преступлений, а затем менее опасных, на этот раз изменяет этой системе и от тяжких телесных повреждений делает сразу скачок к ударам и побоям, а затем (во второй части статьи) возвращается к легким телесным повреждениям. Но еще более непонятно, почему проект отказывается от той дифференциации легких телесных повреждений, которая имеется в действующем УК (ст. 143 УК) и которая предусматривает деление легких телесных повреждений на два вида: «умышленное легкое телесное повреждение, не опасное для жизни, но причинившее расстройство здоровья» (ч. 1, ст. 143 УК) и «умышленное легкое телесное повреждение, не причинившее расстройства здоровья» (ч. 2 ст. 143 УК). Если второй вид легких телесных повреждений очень близок к ударам и побоям, то из этого вовсе не следует отказываться от отграничения этого вида легких телесных повреждений от более серьезного первого вида. Проект же, отказываясь от подразделения легких телесных повреждений на указанные два вида, предусматривает вообще легкие телесные повреждения. И не случайно поэтому, что в проекте получается весьма резкий переход в наказании от тяжких телесных повреждений, где санкция не ниже 3 лет, к легким телесным повреждениям, где санкция — лишение свободы на срок до 2 лет или даже исправительные работы. Такой резкий переход вряд ли является целесообразным. Целый ряд случаев телесных повреждений, не подпадающих под признаки тяжких, но связанных с причинением расстройства здоровья, например, длительное ослабление зрения, слуха или частичная потеря зрения или слуха, по проекту могут быть наказуемы лишь на срок до 2 лет (ч. 2 статьи проекта), что нельзя считать достаточным. Не спасает положения и ч. 3 статьи проекта (где санкция — лишение свободы до 5 лет), так как в ней предусмотрены легкие телесные повреждения, совершавшиеся систематически или если они носили характер истязания. Приведенные нами примеры легких телесных повреждений могут быть причинены и без указанных в ч. 3 статьи проекта признаков, а следовательно, и не могут быть квалифицированы по ч. 3 статьи проекта.

Нам кажется необходимым при окончательном редактировании проекта, во-первых, выделить легкие телесные повреждения в самостоятельную статью (отдельно от ударов и побоев), во-вторых, оставить существующее в УК РСФСР деление легких телесных повреждений на виды: «легкое телесное повреждение, причинившее расстройство здоровья» и «легкое телесное повреждение, не причинившее расстройства здоровья», и в-третьих, ввести дифференцированное наказание по этим различным по своей опасности посягательствам на личность.

Следует также признать мало удачной и формулировку состава, предусматривающего нанесение побоев. В приведенной выше статье проекта говорится об умышленном нанесении побоев и совершении иных насильственных действий (разрядка наша, —

В действующем УК, в ст. 146 говорится о «насильственных действиях, сопряженных с причинением физической боли». Как видим, проект исключил указание на причинение при насильственных действиях физической боли и, как нам кажется, сделал это совершенно напрасно. Понятие «совершение иных насильственных действий» настолько широко, что сюда может быть отнесен и целый ряд таких действий, которые предусмотрены проектом в других статьях; например, и незаконное лишение свободы кого-либо и изнасилование — все это будет насильственными действиями, но совершенно ясно, что они не подпадут под анализируемую статью проекта. Оговорка же в отношении причинения физической боли, имеющаяся в ст. 146 УК, резко сужает круг тех действий, которые должны квалифицироваться по статье об ударах и побоях. С этой точки зрения проекта необходимо в статье о нанесении побоев и ударов вернуться к редакции ст. 146 УК РСФСР.

Статья о неосторожном легком телесном повреждении построена в проекте так же, как статья о неосторожном убийстве и статья о неосторожном тяжком телесном повреждении.

Неосторожное легкое телесное повреждение

«1. Причинение легкого телесного повреждения по неосторожности, — карается штрафом до 500 рублей или арестом.

2. Причинение легкого телесного повреждения по неосторожности вследствие сознательного и грубого нарушения правил предосторожности, — карается исправительными работами».

Раздел о телесных повреждениях в проекте заканчивается статьями о незаконном лишении свободы и о незаконном помещении в больницу для душевно-больных. В отношении указанных составов прежде всего возникает сомнение в правильности помещения их в разделе телесных повреждений. Незаконное лишение свободы и частный его вид — незаконное помещение в больницу для душевно-больных не связаны или во всяком случае могут быть и не связаны с нанесением телесных повреждений. Нанесение телесных повреждений и причинение расстройства здоровью при лишении свободы могут быть лишь в качестве отягчающих обстоятельств, но не являются необходимыми элементами состава этих преступлений. Объектом посягательства при анализируемых преступлениях является личная свобода человека. С этой точки зрения было бы наиболее целесообразным создание в главе о преступлениях против личности особого раздела о посягательствах на личную свободу, включив в него незаконное лишение свободы, незаконное помещение в психиатрическую больницу и другие преступления, связанные с посягательствами на личную свободу, за исключением, конечно, тех случаев, где посягательство на свободу дает состав специальных преступлений, например, превышение власти и др. Это особенно, как нам кажется, необходимо в связи с тем, что в великой Сталинской Конституции свобода личности гарантируется целым рядом статей, и выделение посягательства на свободу личности в особый раз-

дел имеет большое принципиальное значение.

Статья проекта о незаконном лишении свободы предусматривает, так же как и действующий УК (ст. 147 УК), простой вид незаконного лишения свободы и квалифицированный.

Незаконное лишение свободы

«1. Насильственное незаконное лишение свободы при отсутствии признаков должностного преступления, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет или арестом.

2. Лишение свободы способом, опасным для жизни или здоровья потерпевшего или сопровождавшееся причинением физических страданий, — карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок не ниже 2 лет».

В редакцию ч. 1 данной статьи проект вносит дополнение по сравнению с действующим УК (ст. 147 УК). Это дополнение состоит из указания на отсутствие при лишении свободы, предусмотренной данной статьей, признаков должностного преступления. Нам кажется, что вводимое проектом дополнение совершенно излишне, так как отсутствие признаков должностного преступления в статье о незаконном лишении само по себе подразумевается. Если же делать такую оговорку в данной статье, то нужно быть последовательным и сделать аналогичные же оговорки и в других статьях по преступлениям против личности, например, при убийстве, при телесных повреждениях, при ударах и побоях, так как и эти преступления, будучи совершенными должностными лицами в связи с их служебной деятельностью, должны рассматриваться не как преступления против личности, а как должностные преступления (например, превышение власти и др.). Введение в статью о незаконном лишении свободы указания на отсутствие признаков должностного преступления может лишь повести к путанице в судебной практике при квалификации должностных преступлений, связанных с другими насильственными действиями.

Как по простому, так и по квалифицированному видам незаконного лишения свободы проект значительно усиливает наказание. Если по действующему УК простой вид незаконного лишения свободы карается и.т. работами, а квалифицированный — лишением свободы до 2 лет, то в проекте за первый вид незаконного лишения свободы предусматривается лишение свободы до 2 лет или арест и за второй вид — заключение в и.-т. лагерь на срок не ниже (разрядка наша. — В. М.) 2 лет.

Также усиливается по проекту наказание и за помещение в больницу для душевно-больных.

Незаконное помещение в больницу для душевно-больных

«Помещение в больницу для душевно-больных заведомо здорового человека, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или исправительный лагерь на срок до 5 лет».

Проект, как нам кажется, делает правильно, исключая из данной статьи признаки, имеющиеся в аналогичной статье действующего УК и заключающиеся в требовании наличия при

незаконном помещении в больницу корыстных или иных личных целей. Ясно, что и без этих условий незаконное помещение в психиатрическую больницу здорового человека является надругательством и издевательством над личной свободой человека и в силу этого дает состав опасного преступления.

Третий раздел главы о преступлениях против личности в проекте озаглавлен «Преступления против семьи и брака». Этот раздел является новым, неизвестным ни действующему УК РСФСР, ни Уголовному кодексу РСФСР 1922 г. Проект в этот раздел попытался включить все те преступления, которые в той или иной степени посягают на семью, брак и детей. Одиннадцать составов этого раздела посвящены следующим преступлениям: 1) «Незаконный аборт», 2) «Принуждение к аборту», 3) «Неплатеж алиментов», 4) «Использование опеки в корыстных целях», 5) «Неисполнение обязанностей по воспитанию детей», 6) «Вовлечение несовершеннолетних в преступления», 7) «Похищение ребенка», 8) «Обманное использование регистрации брака», 9) «Принуждение к браку или разводу», 10) «Вымогательство калыма» и 11) «Оставление без помощи родителей».

Самый факт выделения проектом особого раздела о преступлениях против семьи, брака и детей имеет глубокое принципиальное значение.

Высшая форма семьи и брака впервые могла развиться только в СССР, где победила социалистическая революция. Советская семья строится на совершенно новых отношениях между полами, чем семья в буржуазном обществе. На основе фактического освобождения женщины, на основе совместной борьбы и радостного социалистического труда мужчин и женщин складывается новая, советская социалистическая семья. Однако в семейных отношениях влияние капиталистического прошлого держится особенно цепко. Веками укоренившееся представление о подчиненном положении женщины не без борьбы уступает место новому, социалистическому отношению к женщине и семье, в основе которого должно лежать сознание ответственности за последствия половых отношений, за семью, за детей. Очень часто сказываются еще в отношениях к семье такие капиталистические привычки, как пренебрежение к женщине, легкомысленное отношение к ребенку, беспечная ломка семьи, преступное уклонение от платежа алиментов, понуждение женщины к аборту и т. п. У нас встречаются и даже остатки феодального отношения к женщине, как умыкание (похищение) женщины, выплата за нее калыма (выкупа), понуждение женщины ко вступлению в нежелательный для нее брак и др. В борьбе со всеми этими пережитками проклятого прошлого принадлежит далеко не последнее место и советскому уголовному закону, устанавливающему уголовную ответственность за наиболее опасные посягательства на семью, брак и детей. Объединение этих посягательств, разбросанных в действующем УК по различным главам, в единый раздел преступлений против семьи и брака, как это делает проект УК СССР, лишний раз подчеркивает то огромное значение, которое придается советским уголовным законом в борьбе с опасными деяниями, направленными против новой, советской

социалистической семьи, брака и детей. Новый раздел главы о преступлениях против личности в проекте начинается со статьи о незаконном аборте, предусматривающей три части.

Незаконный аборт

«1. Незаконный аборт, совершенный врачом, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет.

2. Аборт, совершенный в антисанитарной обстановке или лицом, не имеющим специального медицинского образования, — карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок не ниже 3 лет.

3. Совершение беременной женщиной аборта при отсутствии требуемых законом показателей, — карается общественным порицанием, а при повторном совершении — штрафом до 300 рублей».

Принуждение к аборту

«Принуждение женщины к совершению аборта, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет».

По существу обе эти статьи воспроизводят без каких-либо принципиальных изменений закон от 27 июня 1936 г. Однако формулировки данных статей проекта нельзя признать удовлетворительными. Все три части первой статьи предусматривают производство незаконного аборта, так что указание на незаконность аборта лишь в ч. 1 статьи неверно. Помимо этого нельзя в уголовном законе, который должен быть предельно ясным и четким, ограничиваться лишь формальным указанием на «незаконность» аборта и не раскрыть в самой статье Уголовного кодекса понятия незаконного аборта. Там более это недопустимо, так как в законе правительства о наказуемости аборта от 27 июня 1936 г. дается вполне конкретное и точное указание о том, какой аборт считается незаконным. В этом законе говорится: «Производство абортов допустить исключительно в тех случаях, когда продолжение беременности представляет угрозу жизни или грозит тяжелым ущербом здоровью беременной женщины, а равно при наличии передающихся по наследству тяжелых заболеваний родителей и только в обстановке больницы и родильных домов». При отсутствии этих признаков всякий аборт считается незаконным. Нам кажется, что следовало бы в статье о незаконном аборте расшифровать само понятие незаконного аборта, исходя из текста закона от 27 июня 1936 г. Статью о незаконном аборте можно было бы сформулировать примерно таким образом.

1. Производство врачом аборта в случаях, когда продолжение беременности не представляло угрозы жизни или тяжелого ущерба здоровью беременной женщины, а также при отсутствии передающихся по наследству тяжелых заболеваний родителей, а равно производство врачом аборта вне больницы или родильного дома, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет.

2. Производство врачом аборта в антисанитарной обстановке, а также производство аборта лицом, не имеющим специального медицинского образования, — карается заключе-

нием в исправительно-трудовой лагерь на срок не ниже 3 лет.

Ч. 3 статьи проекта о незаконном аборте, а также и статью о принуждении к аборту можно оставить без изменения, так как формулировки вполне удовлетворительны.

Вслед за статьей о незаконном аборте проект помещает статью о неплатеже алиментов. В связи с изданием закона от 27 июня 1936 г. в судебной практике резко увеличилось количество случаев обращения в суд с исками об алиментах. Вследствие этого статья УК о неплатеже алиментов (ст. 158 УК) приобретает особенно важное значение. Проект УК СССР уделил этой статье УК должное внимание. Сформулирована эта статья в проекте следующим образом:

Неплатеж алиментов

«Уклонение от платежа средств на содержание детей, присужденных судом или обусловленных при совершении в загре акта о разводе,—карается заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет».

По сравнению с действующим УК РСФСР (ст. 158) в статье о неплатеже алиментов имеются существенные изменения. Прежде всего из статьи исключается указание на злостность при неуплате алиментов, имеющееся в ст. 158 УК РСФСР. Этот признак, кстати сказать, весьма неясный, вводит определенные ограничения при привлечении к уголовной ответственности за неуплату алиментов. Если под злостностью понимать, как это следует из текста ст. 158 УК, неуплату алиментов при наличии возможности платить, то этот признак совершенно излишен, так как ясно, что при отсутствии возможности платить алименты не может вообще быть поставлен вопрос об уголовной ответственности.

Весьма существенным добавлением в статье проекта о неплатеже алиментов является указание на неуплату средств на содержание детей, «обусловленных при совершении в загре акта о разводе» (разрядка наша.—В. М.).

До сего времени по действующему УК можно привлекать к уголовной ответственности за неплатеж алиментов лишь при условии предварительного разрешения судом в гражданском порядке вопроса об обязанности уплаты алиментов и при условии установления этим судом определенной суммы платежа. В практике такой порядок приводил к тому, что в случае уклонения от платежа алиментов, обусловленных лишь в загре при разводе, уклоняющихся или вовсе нельзя было привлекать к уголовной ответственности, или же было необходимо сначала разрешить вопрос об алиментах в гражданском порядке, а уже затем в уголовном, что создавало невероятную волокиту и медленность. Этот дефект действующего УК устраняется проектом благодаря новой редакции статьи о неуплате алиментов.

Наказание за неплатеж алиментов проект устанавливает то же, что и закон от 27 июня 1936 г., т. е. лишение свободы до 2 лет.

Нарушениям имущественных интересов детей посвящена следующая статья проекта, предусматривающая использование опеки в корыстных целях. Указанная статья проекта

воспроизводит текст ч. 1 ст. 158¹ УК РСФСР с той лишь разницей, что из нее исключается состав оставления опекаемых детей без надзора, который переносится в специальную и новую статью проекта о неисполнении обязанностей по воспитанию детей.

Поскольку человек является самым ценным капиталом в нашей стране, постольку драгоценнейшим достоянием нашего общественного строя являются дети.

В силу этого не только отказ и нежелание содержания своих детей или же нарушение имущественных интересов детей требуют вмешательства уголовного закона, но также и всякое беззаботное отношение к воспитанию детей. Неисполнение обязанностей по надзору за детьми со стороны лиц, на которых возложены законом эти обязанности, дает составы преступлений по советскому уголовному праву. Один из таких составов и предусмотрен проектом в статье о неисполнении обязанностей по воспитанию детей.

Неисполнение^о обязанностей по воспитанию детей

«1. Неисполнение родителями или опекунами обязанностей по воспитанию и содержанию детей, повлекшее безнадзорность детей или совершение ими каких-либо преступных действий, — карается штрафом до 200 рублей, исправительными работами или заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет.

2. За действия детей, причинившие кому-либо материальный ущерб, родители и опекуны несут материальную ответственность».

Приведенная статья проекта составлена из отдельных частей ст.ст. 158 и 158¹ действующего УК РСФСР, предусматривающих неисполнение обязанностей по воспитанию детей. Проект лишь объединил — и, как нам кажется, правильно — в один состав все возможные случаи неисполнения обязанностей по воспитанию детей.

Проект вслед за данной статьей помещает статью о вовлечении несовершеннолетних в преступления. Эта статья проекта, которая воспроизводит текст ст. 73² УК РСФСР, введенной в УК РСФСР в связи с принятием закона от 7 апреля 1935 г. Перенесение проектом статьи о вовлечении несовершеннолетних в преступления из главы о преступлениях против порядка управления в главу о преступлениях против личности следует признать безусловно правильным, так как состав вовлечения несовершеннолетних в преступления относится к преступлениям против личности, поскольку объектом посягательства в данном составе является личность.

Статья о похищении ребенка, следующая за статьей о вовлечении несовершеннолетних в преступления, сформулирована проектом иначе, чем в действующем УК РСФСР (ст. 149).

Похищение ребенка

«Похищение, сокрытие или умышленная подмена ребенка при отсутствии признаков более тяжкого преступления, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 3 лет».

Проект исключает из данной статьи указание, которое имеется в ст. 149 УК РСФСР, на обязательность при похищении корыстных мотивов, мотивов мести или иных личных целей. Ясно, что похищение ребенка и при отсутствии этих условий является опасным деянием, влекущим уголовную ответственность. Непонятна лишь вводимая статьей проекта оговорка — «при отсутствии признаков более тяжкого преступления».

Ряд последних статей проекта предусматривает преступления, связанные с посягательствами на брак. Из них в первую очередь необходимо отметить статью, посвященную обманному использованию регистрации брака. Статья эта является новшеством проекта, так как аналогичной статьи не знает действующий УК РСФСР (а также и УК союзных республик). Сформулирована данная статья в проекте так:

Обманное использование регистрации брака

«Обманное вовлечение женщин в половую связь путем использования с этой целью регистрации брака, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовую лагерь на срок до 3 лет».

В настоящее время случаи обманного вовлечения женщины в половую связь в судебной практике квалифицируются по ст. 153 УК как изнасилование. Такую практику санкционировало и специальное постановление пленума Верховного суда РСФСР от 16 февраля 1928 г. Однако вряд ли можно рассматривать такие случаи как изнасилование. Безусловно квалификация их по ст. 153 УК носит искусственный характер. Находя целесообразным поэтому введение проектом особой статьи о вовлечении в половую связь путем использования регистрации брака, мы, однако, считаем, что этот новый состав должен быть расширен. В наших условиях еще встречаются случаи, когда отдельные мужчины, переходящие от одной жены к другой и обманывающие и ту и другую, не задумываются и не останавливаются ни перед какими средствами для вовлечения женщин в половую связь. Так, например, для этой цели такие лица прибегают к фиктивному переезду в квартиру женщины на постоянное жительство, инсценируют ведение общего хозяйства и т. п., и т. д. Вряд ли целесообразно оставлять безнаказанным вовлечение женщин в половую связь описанными средствами и способами. Здесь, конечно, идет речь лишь о таких обманных действиях, которые создают у потерпевшей уверенность в подлинности намерений мужчины к брачному сожительству, так что не всякий обман сюда может подойти. Редакцию анализируемой статьи проекта, как нам кажется, нужно было бы изменить, дополнив состав преступления указанием и на другие способы и средства обманного вовлечения женщины в половую связь.

Установление за этот состав преступления наказания в виде лишения свободы до 3 лет соответствует опасности таких деяний. Следующие две статьи, трактующие также о посягательствах на брак, перенесены проектом из главы X УК РСФСР, предусматривающей преступления, связанные с пережитками родового быта (аналогичной главы, как известно, в

проекте УК СССР не имеется). Статья о принуждении женщины к браку и разводу воспроизводит текст ст. 197 УК РСФСР с исключением из нее состава похищения женщины для вступления в брак. Однако наказание за принуждение женщины к браку или разводу проектом значительно усиливается.

Принуждение к браку или разводу

«Принуждение женщины к вступлению в брак, продолжению или расторжению брака, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовую лагерь на срок до 5 лет, а если эти действия были связаны с физическим насилием над женщиной, заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовую лагерь на срок до 10 лет».

Если принять во внимание, что за это же преступление по действующему УК РСФСР (ст. 197) предусматривается наказание в виде лишения свободы до 2 лет, то станет особенно наглядным, как значительно повышается наказание в проекте за это же преступление.

Статья о вымогательстве калыма несколько видоизменена по сравнению с аналогичной статьей УК РСФСР (ст. 196). Средктирована эта статья в проекте следующим образом.

Вымогательство калыма

«Вымогательство выкупа за невесту (калыма) деньгами, скотом или другим имуществом либо личным трудом, произведенное родителями, родичами или собственниками, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 1 года или исправительными работами».

Если в действующем УК (ст. 196) имелась в виду наказуемость уплаты выкупа (ч. 1 ст. 196), а также принятия выкупа (ч. 2), то проект говорит лишь о вымогательстве (разрядка наша. — В. М.) выкупа, суживая таким образом этот состав преступления.

Раздел преступлений против брака и семьи заканчивается статьей об оставлении без помощи родителей. Указанная статья проекта является новеллой; аналогичного состава в действующем УК РСФСР (а также и в УК других союзных республик) не имеется.

Оставление без помощи родителей

«Оставление не имеющих средств к существованию родителей без помощи при наличии возможности оказать эту помощь, — карается исправительными работами, а при отягчающих обстоятельствах заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет».

В настоящих условиях нельзя считать оставление без помощи престарелых или больных и беспомощных родителей действительным, безразличным с точки зрения уголовного закона. А такое оставление без помощи еще встречается и, к сожалению, нередко. Против такого бездушного и наплевательского отношения со стороны детей к своим родителям еще совсем недавно была поднята целая кампания в советской печати. Однако этой меры недостаточно. В отдельных случаях должна наступать безусловно и уголовная ответственность за не оказание помощи родителям. В действу-

ющем УК, как мы указали, не было статьи, которая давала бы возможность привлечения за эти опасные деяния к уголовной ответственности. Некоторые наши судебные органы, чувствуя необходимость наказуемости за оставление родителей без помощи, сделали попытку применять в таких случаях по аналогии ст. 158 УК (неплатеж алиментов). Однако в РСФСР президиум Верховного суда своим постановлением от 17 января 1927 г. категорически пререк эти попытки, указав на недопустимость применения ст. 158 УК, хотя бы и по аналогии, к «случаям уклонения от платежа алиментов на содержание каких-либо нетрудоспособных родственников».

Проект введением специальной статьи об оставлении без помощи родителей выполняет имеющийся и существующий пробел действующего законодательства. Вводимое проектом наказание за этот вид преступления — исправительные работы, а при отягчающих обстоятельствах и лишение свободы до 2 лет — вполне соответствует опасности данного преступления.

Четвертый раздел главы о преступлениях против личности в проекте отводится преступлениям в области половых отношений. В этот раздел проектом включены следующие составы: «Изнасилование», «Понуждение к половому сношению», «Мужеложство», «Способствование разврату», «Заражение венерической болезнью», «Растление достигших половой зрелости» и «Развращение малолетних».

По сравнению с действующим УК РСФСР раздел преступлений в области половых отношений проектом пополняется составом о заражении венерической болезнью. Кроме того, расположение половых преступлений в проекте несколько иное, чем в УК РСФСР. В отношении первого следует указать, что хотя заражение венерической болезнью может быть совершено и иным, помимо половых отношений, путем, однако, в судебной практике случаи привлечения к уголовной ответственности за заражение венерической болезнью внеполовым путем совершенно не встречаются, а потому наиболее подходящим местом для анализируемого состава следует признать именно раздел преступлений в области половых отношений.

Что же касается порядка расположения преступлений в области половых отношений, то следует признать также правильным, что проект этот раздел начинает с преступлений, направленных на половую свободу взрослых лиц, а затем уже переходит к половым преступлениям в отношении несовершеннолетних. Первая группа половых преступлений встречается несравненно чаще, чем вторая.

Первая статья раздела о преступлениях в области половых отношений в проекте сформулирована следующим образом:

Изнасилование

«1. Изнасилование, т. е. половое сношение с применением физического насилия, угроз или с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица, — карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок не ниже 3 лет.

2. Изнасилование, совершенное несколькими лицами или имевшее последствием самоубий-

ство потерпевшей, — карается заключением в тюрьму на срок не ниже 5 лет, а при отягчающих обстоятельствах наказание может быть повышено до расстрела».

Редакция ч. 1 этой статьи не имеет каких-либо существенных отличий от действующего УК РСФСР (ч. 1 ст. 153), если не считать исключения проектом из формулировки состава излишних повторов, какие имеются в ст. 153 УК РСФСР (вроде «угроз, запугивания»).

Ч. 2 статьи об изнасиловании в проекте исключает из перечня квалифицирующих изнасилование обстоятельств указание на лиц, не достигших половой зрелости. Изнасилование таких лиц проектом включено в статью о половом сношении с лицами, не достигшими половой зрелости, куда они, конечно, и относятся.

Однако изменения статьи об изнасиловании по проекту касаются, главным образом, вопросов наказания. Если по действующему УК РСФСР за простой вид изнасилования установлено наказание в виде лишения свободы до 5 лет, то по проекту за этот же вид простого изнасилования предполагается лишение свободы на сроки не ниже 3 лет. За квалифицированный же вид изнасилования, по которому действующий УК предусматривает лишение свободы до 8 лет, проект устанавливает заключение в тюрьму на срок не ниже 5 лет, а при отягчающих обстоятельствах — высшую меру наказания — расстрел.

В установлении таких санкций за изнасилование сказалась общая тенденция проекта УК, о которой говорилось выше и которая направлена на усиление наказания по наиболее опасным преступлениям против личности. Что касается установления проектом возможности применения расстрела за квалифицированный вид изнасилования, то следует признать это нововведение проекта безусловно целесообразным. В судебной практике приходится прибегать к этой мере наказания (вспомним хотя бы чубаровское дело в Ленинграде, правда, обходным путем, квалифицируя в таких случаях изнасилование по ст. 59^а УК РСФСР как бандитизм. Однако было бы более правильным (как это уже и сделал УК УССР) введение расстрела за изнасилование (конечно, в исключительных случаях), чем вставать на путь искусственной квалификации.

Наказание по проекту также усиливается и за понуждение к половому сношению. Статья эта сформулирована проектом следующим образом:

Понуждение к половому сношению

«Понуждение к половому сношению с использованием материальной, служебной или иной зависимости потерпевшей, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 8 лет».

Если по действующему УК (ст. 154) за понуждение женщины к половому сношению может быть назначено максимум 5 лет, то по проекту этот максимум поднимается до 8 лет.

Поскольку и при изнасиловании и при понуждении к половому сношению потерпевшим лицом является исключительно женщина, постольку повышение наказания по этим преступлениям по проекту означает усиление

охраны и защиты интересов женщины. Ст. 122 великой Сталинской Конституции специально подчеркивает равноправие женщин в СССР с мужчинами. А это требует создания твердых гарантий неприкосновенности женщины и усиленной охраны ее прав и интересов во всех областях.

Приведенный выше состав понуждения к половому сношению несколько расширен в проекте по сравнению с действующим УК (ст. 154 УК РСФСР). Если в ст. 154 УК РСФСР в качестве объекта преступления могла быть только женщина материально или по службе зависимая, то по проекту в качестве объекта может быть женщина, находящаяся и во всякой иной (разрядка наша. — В. М.) зависимости от субъекта преступления (например, семейная зависимость, зависимость учащейся от учителя и т. д.). Судебная практика давно уже встала на путь более широкого толкования понятия «зависимости», так что проект здесь по существу лишь санкционирует эту практику.

Статья проекта о мужеложстве воспроизводит полностью и без каких-либо изменений текст закона о наказуемости мужеложства и ст. 154-а УК РСФСР, так что на ней нет надобности останавливаться.

Точно также без каких-либо изменений сформулирован проектом и состав способствования разврату, в котором воспроизводится текст ст. 155 УК РСФСР. Однако в отношении наказания за это преступление проектом вносятся существеннейшие изменения.

Способствование разврату

«Содержание принонов разврата, сводничество, принуждение к занятию проституцией, а также вербовка для проституции, — караются заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок не ниже 3 лет».

Как и по целому ряду других преступлений против личности, проект устанавливает и здесь минимальный срок наказания в 3 года лишения свободы и тем самым дает возможность осуждения за это преступление на сроки вплоть до 10 лет. Однако непонятным является исключение из санкции этой статьи конфискации, которая имеется в ст. 155 УК РСФСР. Содержание принонов разврата (а по данной статье привлекаются чаще всего за это преступление) нередко превращается в промысел, в профессию, дающие немалые материальные выгоды и доходы. В ряде случаев безусловно целесообразно изымать в пользу государства таким незаконным путем приобретенное имущество. С этой точки зрения мы считаем необходимым оставление в санкции данной статьи конфискации имущества.

Статья о заражении венерической болезнью, включенная в раздел половых преступлений, дается проектом в несколько иной, чем в действующем УК, формулировке.

Заражение венерической болезнью

«1. Заражение венерической болезнью лицом, знавшим о наличии у него этой болезни, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет.

2. Совершение больным венерической болезнью действий, заведомо создающих опас-

ность заражения других лиц, — карается исправительными работами или штрафом».

Формулировку ч. 2 ст. 150 действующего УК РСФСР, где говорится о «поставлении другого лица через половое сношение или иными действиями в опасность заражения венерической болезнью», следует признать более удачной, чем формулировку статьи в проекте, делающем упор на «совершение действий, создающих опасность заражения».

Наказание по ч. 1 статьи о заражении венерической болезнью проект усиливает до 5 лет (в действующем УК РСФСР — до 3 лет). Однако непонятно, почему проект по ч. 2 этой статьи находит возможным смягчить наказание. По УК РСФСР по ч. 2 ст. 150 штраф не может быть назначен, проект же вводит этот вид наказания. Вряд ли штраф за поставление в опасность заражения венерической болезнью является целесообразной и достаточной мерой наказания.

Раздел о половых преступлениях в проекте заканчивается статьями о растлении не достигших половой зрелости и о развращении несовершеннолетних. Первая из этих статей сформулирована в проекте так:

Растление не достигших половой зрелости

«1. Растление или изнасилование лиц, не достигших половой зрелости, — карается заключением в исправительно-трудовой лагерь или в тюрьму на срок не ниже 5 лет.

2. Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, совершенное без указанных отягчающих признаков, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет».

В отличие от ст. 151 УК РСФСР, проект в приведенной выше статье предусматривает по существу три различных состава преступления: 1) вступление в половую связь с лицом, не достигшим половой зрелости, совершенное без насилия, 2) насильственное вступление в половую связь с таким же лицом и 3) вступление (насильственное и без насилия) в половую связь с не достигшим половой зрелости, соединенное с растлением. Было бы, как нам кажется, более целесообразным всю статью о половом сношении с лицами, не достигшими половой зрелости, разбить на три части, включив в них указанные нами различные составы. Такое построение статьи придавало бы ей больше ясности, чем это имеется по проекту. Совершенно правильно оценивая опасность указанного преступления, проект вводит по ч. 1 этой статьи минимальный срок наказания, устанавливая его в 5 лет лишения свободы. По второй же части статьи проект повышает наказание с 3 лет лишения свободы, по действующему УК, до 5 лет.

Формулировку состава развращения несовершеннолетних, даваемую проектом, следует признать более удачной, чем в действующем УК (ст. 152 УК РСФСР).

Развращение несовершеннолетних

«Развращение не достигших половой зрелости путем развратных действий, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет».

В этой статье указывается на развращение лиц, не достигших половой зрелости, в статье же 152 УК РСФСР говорится о развращении «малолетних или несовершеннолетних». На практике формулировка ст. 152 УК РСФСР приводила к большой путанице. Нередко судебные органы привлекали к уголовной ответственности за развращение лиц, хотя и достигших половой зрелости, но не достигших совершеннолетия. Такую практику нельзя признать правильной, так как состав развращения имеет в виду посягательство на нормальное половое развитие человека, и с этой точки зрения решающим является не факт достижения совершеннолетия, а факт достижения половой зрелости. Проект благодаря новой редакции анализируемой статьи устраняет этот дефект действующего УК.

Необходимо, однако, изменить заголовок этой статьи проекта — «Развращение несовершеннолетних», так как он не соответствует составу и может опять вызвать криволки в практике.

Пятый раздел главы о преступлениях против личности, носящий название в проекте «Оставление в опасности», предусматривает два состава: «Оставление в опасности» и «Отказ в медицинской помощи».

По действующему УК РСФСР оставление в опасности (ст. 156 УК) преследуется лишь при наличии ряда условий, значительно ограничивающих применение наказания за это опасное деяние. Одним из таких условий, требуемых действующим УК, является наличие у лица, оставившего в опасном состоянии другое лицо, специальной обязанности иметь заботу об оставленном. Такая специальная обязанность предполагается в силу семейных отношений (например, обязанность родителей в отношении детей), в силу служебных обязанностей или в силу каких-либо иных, особых отношений между оставившим и оставленным. При отсутствии такой специальной обязанности лицо, оставившее другое лицо в заведомо опасном для жизни состоянии, не подлежало уголовной ответственности. Так, например, проходящий по берегу реки гражданин видит, как тонет чужой ребенок в реке, и, имея возможность спасти ребенка, не спасает его — не может быть привлечен к уголовной ответственности по УК РСФСР.

Такое значительное ограничение круга лиц, подлежащих уголовной ответственности за оставление в опасности, ни в коем случае нельзя признать целесообразным. В настоящее время, когда особенно заостряется задача охраны личности и заботы о человеке, мы можем и должны требовать от каждого гражданина СССР оказания помощи лицам, находящимся в опасном состоянии, независимо от того, лежит или не лежит на гражданине какая-либо особая и специальная обязанность об оставленном без помощи. Если в великой Сталинской Конституции говорится об обязанности каждого гражданина СССР честно относиться к общественному долгу, то всемерное оказание помощи лицам, находящимся в опасном для жизни состоянии, является одной из форм проявления этого общественного долга. Безусловно прав т. Вышинский, когда он говорит, что «когда идет речь о гибели наших братьев, никто не смеет уклоняться от исполнения своего долга, от обязанности прийти находя-

щемуся в опасности на помощь, хотя бы и подвергая опасности и самого себя»¹.

Небезынтересно отметить, что не оказание помощи всяким лицом независимо от каких-либо обязанностей преследовалось по УК 1922 г. (ст. 164 УК). Уголовный же кодекс 1926 г. по непонятным причинам отказался от позиции УК 1922 г. по этому вопросу и ввел в статью о не оказании помощи (ст. 156 УК) вышеуказанные ограничительные признаки. Более правильно сделал туркменский УК, в котором (постановлением СНК ТССР от 25 января 1930 г.) был полностью воспроизведен текст статьи о не оказании помощи, имевшийся в УК РСФСР 1922 г.

Проект УК СССР в статье об оставлении в опасности восполняет пробел действующего УК РСФСР и вводит наказуемость всякого лица, оставившего кого-либо без помощи. Статья об оставлении в опасности по проекту сформулирована следующим образом.

Оставление в опасности

«Оставление кого-либо без помощи в заведомо опасном положении, несмотря на возможность оказать помощь, — карается исправительными работами, а при отягчающих обстоятельствах заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет».

Встав на правильную точку зрения расширения состава оставления в опасности, проект, однако, как нам кажется, впадает в некоторую крайность. В статье проекта говорится об оставлении в «заведомо опасном положении» (разрядка наша. — В. М.), причем не расширявается понятие опасного положения. Что это за опасное положение, какими последствиями оно грозит оставленному без помощи? И в УК 1922 г. и в действующем УК РСФСР имеется на этот счет вполне определенное указание: «опасном для жизни (разрядка наша. — В. М.) состоянии». Правда, это указание недостаточно, нужно было бы добавить и «для здоровья». Полное же отсутствие в статье проекта указания на характер опасного состояния или положения может привести на практике к другой крайности, чем сейчас, т. е. к слишком широкому пониманию состава оставления в опасности, что вряд ли является желательным. Этот дефект статьи проекта об оставлении в опасности особенно чувствуется в силу того, что статья проекта исключает и тот примерный перечень, который имеется в ст. 156 УК РСФСР и который указывает на те возможные причины, которые могут вызвать опасное состояние, как-то: малолетство, дряхлость и болезнь.

Недостатком формулировки проектом состава оставления в опасности является и отсутствие в статье указания на поставление (разрядка наша. — В. М.) в опасное состояние. В практике встречаются нередко случаи, когда тяжкие последствия для здоровья и даже для жизни человека наступают в результате поставления в опасность. Такие случаи судами квалифицируются самым разнообразным образом и по статьям об убийстве,

¹ Вышинский, Против дезорганизаторов и трусов на водном транспорте, Госиздат, 1936, стр. 34.

и по статьям о телесных повреждениях, и по статье об оставлении в опасности. Необходимо внести полную ясность в судебную практику и по этому вопросу. Нам кажется, что статья об оставлении в опасности должна быть в УК СССР сформулирована примерно следующим образом: «Оставление кого-либо без помощи в заведомо опасном для жизни и здоровья состоянии, несмотря на возможность оказать помощь, а также поставление кого-либо в такое опасное состояние...» Что же касается санкции за оставление в опасности, то следует признать правильным усиление наказания за это преступление, которое имеется в проекте по сравнению с действующим УК (ст. 156). Вводимое проектом в качестве наказания лишение свободы за оставление в опасности особенно необходимо в случаях, когда в результате оставления в опасности наступила смерть оставленного.

В действующем УК РСФСР вслед за ст. 156 следует состав специального вида неоказания помощи: неоказание помощи капитаном судна людям, гибнущим на море (ст. 156¹ УК РСФСР). Проект этот состав переносит из главы о преступлениях против личности в главу о преступлениях против общественной безопасности. Не затрагивая вопроса о том, насколько правильно включение этого состава в раздел преступлений против общественной безопасности, следует указать, что исключение его из главы о преступлениях против личности безусловно правильно.

Второй состав, помещенный проектом в раздел оставления в опасности, предусматривает неоказание помощи больному. Состав этого преступления по проекту сформулирован следующим образом.

Отказ в медицинской помощи

«1. Отказ лица медицинского персонала без уважительных причин в необходимой больному медицинской помощи или неоказание помощи, — карается штрафом до 500 рублей.

2. Те же преступления, если они повлекли или заведомо могли повлечь смерть больного или другие тяжелые последствия, — караются заключением в исправительно-трудовую колонию или в исправительно-трудовую лагерь на срок до 5 лет или исправительными работами».

Данная статья проекта объединяет в ч. 1 два состава: отказ лица медицинского персонала в необходимой больному помощи и неоказание этой помощи. По своей социальной опасности эти два состава различны, так что вряд ли можно признать правильным объединение их в единый состав, если принять к тому же во внимание довольно незначительную санкцию, предусмотренную проектом по этому составу. Даже по действующему УК отказ от оказания помощи преследуется и.т. работами до одного года или штрафом до 1 000 руб. (ч. 2 ст. 157 УК РСФСР), так что совсем непонятно, почему проект за отказ в помощи больному врачами снимает наказание, исключая вовсе и.т. работы и устанавливая штраф лишь до 500 руб. Нам кажется, было бы более целесообразным неоказание помощи больному и отказ в оказании помощи предусмотреть в двух различных статьях, установив по ним и различные по своей тяжести наказания.

Введение же проектом особо квалифицированных видов отказа от оказания помощи или неоказания таковой с довольно высоким наказанием (лишение свободы до 5 лет) следует признать весьма необходимым. Судебная практика последних лет знает немало случаев, когда в результате отказа врачей в помощи больным наступала смерть последних. Ясно, что ограничиваться в таких случаях наказанием в виде и.т. работ нельзя, необходимо более серьезное наказание, хотя бы исходя из целей общепреventивного характера.

Раздел «Оставление в опасности» заканчивается двумя статьями: «Оскорбление» и «Клевета». С такой системой преступлений против личности уж никак согласиться нельзя. Какое отношение к оставлению в опасности имеют оскорбления и клевета? Нам думается, что абсолютно никакого. Включение оскорбления и клеветы в раздел оставления в опасности является, по видимому, чисто редакционным недосмотром.

Во всяком случае и оскорбление и клевету следует выделить в особый раздел главы о преступлениях против личности, назвав его посягательствами против достоинства личности, как это делал в свое время УК РСФСР 1922 г.

Состав оскорбления в проекте предусмотрен в одной статье (в УК РСФСР оскорблению отведены две статьи — 159 и 160), сформулированной следующим образом.

Оскорбление

«1. Оскорбление чести и достоинства гражданина, нанесенное словесно или письменно, — карается штрафом до 100 рублей или арестом до 1 месяца.

2. Оскорбление, нанесенное действием, а также оскорбление, нанесенное в печатном или иным образом распространенном произведении, — карается штрафом до 500 рублей, арестом на срок до 3 месяцев или исправительными работами на срок до 3 месяцев».

По сравнению с действующим УК РСФСР проект вводит более усиленное наказание за оскорбление. Так, за квалифицированные виды оскорбления (за оскорбление действием или в печати) по проекту назначается штраф не до 300 руб., как в ч. 2 ст. 159 и ст. 160 УК РСФСР, а до 500 руб. И при простом виде оскорбления и при квалифицированном проекте кроме штрафа разрешает применение ареста. Если в отношении квалифицированного вида оскорбления и можно еще, пожалуй, согласиться с применением ареста, то очень сомнительна необходимость ареста за простой вид оскорбления хотя бы и до одного месяца. В самом деле, применение лишения свободы (а что бы там ни говорили, арест все же является одной из форм лишения свободы) за простое оскорбление может привести к весьма нежелательному и вредному массовому лишению свободы граждан, так как не нужно забывать при этом, что оскорбления, к сожалению, в нашем быту еще слишком частое явление.

Проект впадает в крайность также и выбрасывая вовсе из санкции по простому виду оскорбления общественное порицание. Если последняя мера наказания нецелесообразна по серьезным преступлениям против личности.

то почему ее нельзя использовать за значительные преступления против личности, каковым является и простое оскорбление?

Статья проекта о клевете предусматривает три вида клеветы.

Клевета

«1. Клевета, то есть распространение заведомо ложных порочащих другое лицо сведений,—карается арестом, штрафом до 500 руб. или исправительными работами на срок до 6 месяцев.

2. Клевета в печатном или иным способом размноженном произведении, — карается арестом, штрафом до 1000 рублей или исправительными работами.

3. Клевета, повлекшая за собой тяжелые для потерпевшего последствия, — карается заключением в исправительно-трудовую колонию на срок до 2 лет».

Два первые вида клеветы воспроизводит ст. 161 УК РСФСР, третий вид клеветы, вводимый проектом, неизвестен действующему УК. Нам кажется, проект правильно делает, вводя этот новый вид клеветы. Практика знает ряд случаев, когда клевета приводила к весьма тяжелым последствиям (в виде заболевания, потерей трудоспособности и т. д.). За этот наиболее опасный вид клеветы проект предусматривает и должное наказание — лишение свободы до 2 лет.

Заканчивая анализ главы о преступлениях против личности по проекту УК СССР, подведем некоторые итоги.

Учитывая, что глава о преступлениях против личности, как, впрочем, и весь УК СССР, является сугубо предварительным проектом, подлежащим всестороннему и детальному рассмотрению в ряде инстанций, все же можно про главу о преступлениях против личности в том ее виде, в каком она сейчас включена в проект, сказать, что она имеет целый ряд преимуществ по сравнению с аналогичной главой действующих в настоящее время уголовных кодексов союзных республик и, в частности, Уголовного кодекса РСФСР.

Исходя из того, что одной из важнейших задач, стоящих в настоящее время перед органами юстиции, является усиление охраны личности, проект УК СССР вводит более жесткие и повышенные меры наказания за посягательства на личность по сравнению с действующим УК.

1) Проектом устанавливается высшая мера наказания — расстрел за квалифицированные умышленные убийства и за особо опасные случаи изнасилования.

2) По целому ряду статей, предусматривающих наиболее опасные посягательства на личность (как-то: убийство, тяжкие телесные повреждения, половые преступления), проектом вводятся минимальные сроки лишения свободы, ниже которых суды не могут назначать за эти преступления.

3) Оставляя по другим преступлениям против личности максимальные сроки лишения свободы, проект значительно повышает их по сравнению с действующим УК (заражение венерической болезнью, понуждение женщины ко вступлению в половую связь, оставление в опасности и т. д.).

4) По отдельным преступлениям против личности проект в качестве наказания вводит лишение свободы, которое не может быть назначено за эти преступления по действующему УК (клевета и др.).

5) Из санкции некоторых преступлений против личности проект исключает штраф (неосторожные тяжкие телесные повреждения).

6) По особо опасным преступлениям против личности проект устанавливает заключение в тюрьме или в и.-т. лагере, чем исключается возможность назначения лишения свободы в и.-т. колониях (убийство, тяжкие телесные повреждения, изнасилование).

7) Проектом в тех же целях усиления охраны человеческой личности вводится в главу о преступлениях против личности ряд новых составов, в настоящее время неизвестных УК («оставление без помощи родителей», «обманное использование регистрации брака»).

8) Наряду с этим проект значительно расширяет ряд составов посягательств против личности (содействие и подговор к самоубийству, оставление в опасности, понуждение женщины к половому сношению, похищение ребенка и т. д.).

9) Проектом вводится более стройная и четкая система отдельных преступлений против личности, убийств и тяжких телесных повреждений с дифференцированным наказанием по ним.

10) Проектом вводится новый раздел «Преступления против семьи и брака», чем фиксируется особое внимание на этих преступлениях.

Наряду с приведенными положительными сторонами, присущими главе о преступлениях против личности, в последней имеется и целый ряд существенных недостатков, свидетельствующих о недоработанности проекта УК СССР и требующих своего устранения. Эти недостатки следующие.

1) Взятая в целом система преступлений против личности в проекте является неудовлетворительной. Ряд преступлений проектом помещен в такие разделы посягательств против личности, с которыми они или ничего или во всяком случае почти ничего общего не имеют (оскорбление и клевета в разделе «Оставление в опасности», незаконное лишение свободы в разделе «Телесные повреждения» и т. д.).

В главе о преступлениях против личности почему-то вовсе не выделены такие важные разделы, как «Преступления против достоинства личности» и «Посягательства на свободу личности».

2) Неудовлетворительно также разработаны в проекте и системы отдельных видов посягательств против личности. Так, система легких телесных повреждений оказалась вовсе неразработанной (отсутствие дифференциации легких телесных повреждений, объединение их с ударами и побоями). Недостаточно разработана система половых преступлений против несовершеннолетних.

3) При описании отдельных составов в проекте имеются нечеткие, расплывчатые формулировки, что может привести к злоупотреблениям на практике этими составами (статья об оставлении в опасности, статья о квалифицированных тяжких телесных повреждениях и т. д.).

4) В главе встречаются слишком формальные определения некоторых посягательств на личность, не раскрывающие сущности этих посягательств (статья об аборте, статья о легких телесных повреждениях).

5) Проект не обладает достаточно дифференцированными санкциями по отдельным преступлениям против личности (детоубийство, легкие телесные повреждения и др.).

6) По отдельным преступлениям против личности проект по непонятным причинам снижает наказание по сравнению с действующим УК (например, за содействие самоубийству, за поставление в опасность заражения венерической болезнью).

7) В конструировании санкций проектом проявляется тенденция замены и.т. работ штра-

фом, что вряд ли можно признать целесообразным.

8) В санкциях по незначительным преступлениям против личности проектом вводится лишение свободы, например, за оскорбление и за простой вид клеветы вводится арест, что нельзя признать правильным.

9) В формулировках отдельных составов проектом допускается неряшливость и небрежность (например, в одной статье говорится о тяжких телесных повреждениях, в другой — о тяжелых и т. п.).

Необходимо, чтобы при окончательной разработке главы о преступлениях против личности все перечисленные дефекты проекта были учтены и устранены.

В. ПОКРОВСКИЙ

О недостатках, задачах и методах общего надзора

При обсуждении на 4 сессии ЦИК СССР V созыва Положения о выборах в Верховный Совет как в докладе т. Яковлева, так и в прениях по докладу чрезвычайно остро был поставлен вопрос о революционной законности, о необходимости искоренения «местных влияний», которые все еще наблюдаются в практике советов и исполкомов и являются огромным тормозом установлению законности и культуры.

Приводился ряд примеров незаконных обязательных постановлений советов и исполкомов, которые издавались и действовали при явном бездействии и попустительстве со стороны местных прокуроров.

Это свидетельствует о том, что до сих пор местные органы прокуратуры не перестроили еще своей работы по общему надзору в соответствии с неоднократными указаниями по этому вопросу Прокурора СССР, что до сих пор до их сознания еще не дошла вся важность и значимость общего надзора за законностью, что до сих пор они еще не освободились от местных влияний.

Указания товарища Ленина о том, что «законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации советских республик», что «прокурор делает лишь только одно, наблюдает за тем, чтобы ни одно решение местной власти не расходилось с законом», видимо до сих пор не восприняты ими как основные принципы в их работе.

Яркой иллюстрацией непонимания роли и задач органов прокуратуры в осуществлении надзора за законом является изданное в самое последнее время распоряжение бывш. врид. прокурора Казахской ССР Дубровским, которым запрещено Отделу общего надзора принимать к своему рассмотрению и проверять те жалобы на нарушения социальности, по которым имеется решение КазЦИКа. Тов. Дубровский, очевидно, не учел того, что если постановление КазЦИКа по делу жалобщика противоречит общесоюзному законодательству, то он как прокурор, непосредственно подчиненный Прокурору СССР и осуществляющий надзор за соблюдением не только законов

своей республики, но и общесоюзного законодательства, обязан принять меры к восстановлению нарушенной социальности или путем постановления перед КазЦИКом вопроса о пересмотре дела для приведения первого решения в соответствие с общесоюзным законом, или путем соответствующего сообщения Прокурору СССР для внесения вопроса на рассмотрение ЦИК СССР. Поэтому Прокуратура Союза отменила это распоряжение.

О ненадежности работы по общему надзору за законностью, об отсутствии оперативности в этой основной работе прокуратуры свидетельствует следующий факт.

Произведенной в самое последнее время Московской городской и Ленинградской областной прокуратурами проверкой порядка издания местными советами обязательных постановлений и практики наложения административных штрафов выявлены грубейшие нарушения, практиковавшиеся в течение ряда лет, действующего по этому вопросу законодательства.

Хотя, в соответствии с законом, изданные местными советами обязательные постановления могут действовать только в течение двух лет, после чего они считаются утратившими силу, в Москве и Ленинграде обнаружен целый ряд постановлений, изданных в 1931—1934 гг., которыми продолжают руководствоваться и за нарушение которых незаконно применяют санкции в виде наложения штрафов. Имеются обязательные постановления ряда горсоветов, введенные в действие лишь с утверждения одного председателя или секретаря горсоветов, не утвержденные президиумами этих горсоветов.

Обнаружен ряд обязательных постановлений вовсе не опубликованных, хотя от граждан требуют неуклонного их исполнения и за неисполнение их штрафуют.

Грубое нарушение законов допускается в практике наложения штрафов. По одному только Ленинграду в 1936 году восемнадцатью организациями, которые пользуются правом наложения штрафа, как-то: «Скорой помощью», радиодирекцией, трамвайным управлением, Ленинградским энергосбытом и др.,

было подвергнуто штрафу 1 152 553, чел. на сумму 9 658 313 руб., т. е. каждый второй взрослый житель Ленинграда был оштрафован одной из этих организаций. Но это еще не все. В этот список не вошел целый ряд других учреждений и предприятий, также штрафовавших граждан, так как обязательным постановлением Ленинградского совета от 2 июня 1936 года право наложения штрафа и взыскание его за нарушение «правил охраны общественного порядка» было предоставлено в г. Ленинграде администрации всех учреждений и предприятий, с разрешением взыскивать штраф лицам, непосредственно наблюдающим за общественным порядком.

Особо недопустимые извращения в штрафной политике были обнаружены в органах милиции и в административных комиссиях. Начальники отделений милиции, с одной стороны, налагали мелкие штрафы за незначительные нарушения общественного порядка, на злостных хулиганов, допускавших насилия над личностью, нанесение телесных повреждений и пр., а с другой стороны, налагали более значительные штрафы за менее злостные нарушения или даже за действия, не содержащие в себе никакого нарушения.

Например, начальник 14 отделения милиции г. Ленинграда оштрафовал гр. Петрунина за то, что он катал в тачке ребятишек, а начальник 31 отделения милиции г. Ленинграда оштрафовал гр. Кузнецова на 15 рублей за то, что тот, перебегая мостовую и боясь быть задавленным машиной, поднял руку и остановил машину, в которой ехал председатель райсовета.

В то же время начальник 28 отделения милиции г. Ленинграда оштрафовал на 10 рублей хулигана, который во дворе ударил в живот подростка, схватил его за горло, бил по щекам и ударял его головой об стену. Начальник 31 отделения милиции г. Ленинграда оштрафовал в административном порядке гр. Володина за то, что он в пьяном виде выражался площадной бранью и приставал к гр. Н., чтобы она его поцеловала, а затем повалил ее на землю и, схватив за горло, стал душить. Только сбежавшая на крик гр. Н. публика освободила ее из рук хулигана. Административной комиссией Куйбышевского района г. Ленинграда был оштрафован на 15 рублей гр. Алексеев за систематические истязания своей жены, в результате чего последняя покусалась на самоубийство, выпив 4 флакона уксусной эссенции.

Постановления о наложении штрафов в ряде районов Москвы и Ленинграда в течение полугода и более не приводились в исполнение, вследствие чего по действующим правилам потеряли всякую законную силу.

Состав административных комиссий в большинстве районов Ленинграда и Москвы оказался при проверке незаконным. В ряде случаев председатели административных комиссий не были утверждены райсоветом, а утвержденные сами не участвовали в заседаниях комиссий, передоверяя эту работу другим лицам. Президиумы райсоветов работой административных комиссий не интересуются и совершенно незаконно передоверяют работу по рассмотрению жалоб на неправильные постановления административных комиссий искусственно создаваемым специальным тройкам

в составе секретаря совета, секретаря административной комиссии и представителя милиции. В некоторых районах жалобы эти разрешаются даже единолично секретарем горсовета. Протоколы о наложении штрафа оформляются не в установленном законом порядке, не имеют подписей нарушителей, отметок об их предъявлении последним; сущность допущенного нарушения излагается в некоторых случаях настолько неясно, что нельзя установить, за что собственно административное взыскание налагается.

Все эти грубейшие нарушения порядка издания обязательных постановлений и извращения в штрафной политике ускользнули от внимания местных прокуроров, которые совершенно на них не реагировали.

Целый год действовало и проводилось в жизнь постановление Ленинградского совета, предоставлявшее право любому надзирающему за общественным порядком сотруднику любого учреждения и предприятия штрафовать жителей Ленинграда, прежде чем Ленинградская прокуратура так или иначе реагировала на это беззаконие. Половина взрослого населения Ленинграда была оштрафована различными организациями, прежде чем Ленинградская прокуратура удосужилась заняться вопросом о штрафной политике.

Такой постановке общего надзора, такой его оперативности — грош цена.

В чем же в основном выражаются недочеты в работе прокурорских органов по осуществлению общего надзора?

Прежде всего работа эта идет главным образом самотеком, бессистемно, без всякого плана.

Если отделы общего надзора в республиканских, краевых и областных прокуратурах с грехом пополам имеют кое-какие наметки для планирования своей работы, то районные прокуроры никакой такой наметки, никакого даже самого скромного плана своей работы по общему надзору не имеют. Работа эта проводится ими самотеком, от случая к случаю: получено поручение от краевой или республиканской прокуратуры проверить на месте то или иное конкретное дело, райпрокурор выезжает в сельсовет или колхоз, а попутно интересуется и состоянием в них революционной законности. Если нет такого поручения и состояние революционной законности остается в данной точке необследованным, хотя быть может по всем данным на эту именно точку должно быть устремлено внимание райпрокурора.

А кто в этом виноват?

В первую голову, конечно, отделы общего надзора краевых и областных прокуратур, которые до настоящего времени не установили надлежащего руководства работой райпрокуроров по общему надзору.

Во многих местах районные прокуроры не получили даже самых элементарных указаний. У них нет указаний, какие распоряжения и от каких районных учреждений и организаций они должны регулярно получать и контролировать. А между тем этот вопрос должен быть разрешен в зависимости от условий района, от состояния в нем революционной законности, так как особенно на первое время нельзя заставлять райпрокуроров контролиро-

вать распоряжения всех районных учреждений и организаций.

Копии вносимых районными прокурорами протестов по общему надзору, как правило, в республиканскую, краевую или областную прокуратуру не направляются, их никто не проверяет, судьбой их вышестоящие прокуроры не интересуются. Если протест райпрокурора отклонен, краевой (областной) прокурор или прокурор республики узнает только в том случае, если об этом ему найдет нужным сообщить районный прокурор. Не сообщит, — протест останется отклоненным, хотя быть может необходимо его направить в следующую административную инстанцию. Отсутствие контроля за приносимыми райпрокурорами протестами видно из сообщений прокуроров Белорусской и Туркменской республик. Отвечая на запрос Прокуратуры Союза о характере отклоненных протестов, принесенных райпрокурорами на действия административных органов, прокурор БССР признает, что ему неизвестен характер отклоненных протестов и даже относятся ли отклоненные протесты к общему или судебному надзору.

Прокурор Туркменской ССР сообщает, что у него нет точных сведений о том, «какое количество протестов, принесенных райпрокурорами, отклонено, по каким мотивам отклонены протесты и основательность отклонения».

А между тем именно в этой области работы по общему надзору районным прокурорам должна оказываться наибольшая помощь со стороны краевых (областных) прокуратур, так как зачастую принесенные ими протесты по общему надзору недостаточно обосновываются отсылками на закон.

Только систематическое наблюдение за приносимыми райпрокурорами протестами, внимательное изучение их и дача по ним руководящих указаний даст возможность правильно организовать в районных прокуратурах дело надзора за революционной законностью.

Не менее существенными дефектами в работе прокурорских органов является наблюдающаяся у некоторых прокуроров тенденция оперативно руководить хозяйственными органами, выйти из пределов своей компетенции как органа надзирающего, а не оперативно-руководящего, а также неумение их разграничить своего надзорную работу от работы контрольных органов, благодаря чему получается дублирование прокурорами работы последних.

Чтобы избежать этих двух недочетов в своей надзорной работе, прокуроры, осуществляющие общий надзор, должны установить самый тесный контакт с контрольными органами, организовать систематическое получение от них тех материалов, в которых имеется указание на наличие тех или иных преступных фактов, для дальнейшего их расследования и возбуждения против виновных уголовного преследования. Наконец, прокурорские органы должны решительно отказаться от практики производства общих обследований тех или иных учреждений, как это, например, имело место в прокуратуре Казахской ССР, где в план работы Отдела общего надзора было включено обследование двух наркоматов по вопросам законности установленных в них

ставок заработной платы отдельным категориям работников.

Затем одним из существенных недостатков в работе отделов общего надзора является ненадежность их связи с отделами, осуществляющими надзор за следственными и судебными органами. Возбудив на основе материалов общего надзора уголовное преследование, отделы общего надзора ограничиваются в большинстве случаев передачей дела следственным органам, не интересуясь дальнейшим ходом этого дела. Такое положение должно быть признано совершенно ненормальным. Каждое начатое отделом общего надзора дело должно быть доведено им до конца. Для этого должен быть им установлен самый тесный контакт со следственным и судебным отделами, от которых отделом общего надзора должна получаться соответствующая информация о движении дела, о существе судебного приговора, а в тех случаях, когда судебный приговор не будет соответствовать опасности преступника и самого преступления, принимать через судебный отдел меры к опротестованию приговора.

Планы работ отделов судебного и общего надзора должны быть между собой увязаны. Например, если отдел общего надзора на данном отрезке времени проводит борьбу с браком в промышленности или с хищениями в торговом аппарате, то дела по этим преступлениям должны интересоваться и судебный отдел, который должен сообщать отделу общего надзора не только результаты судебного рассмотрения возбужденных последних дел этой категории, но и о тех делах о бракоделах и хищениях в торговой сети, которые возникли без участия отдела общего надзора.

Только при такой постановке дела, только при такой увязке в работе общего надзора с работой судебного надзора прокурорские органы, осуществляющие надзор за революционной законностью, в состоянии будут знать более или менее точно состояние революционной законности в том или другом учреждении, в той или иной отрасли народного хозяйства, в определенной территориальной точке.

А между тем никто другой, как прокурор, осуществляющий общий надзор за законностью, должен знать состояние революционной законности, районный — во всем своем районе, краевой (областной) — во всем крае, области.

Для этого должен систематизироваться и обрабатываться весь тот богатый материал, который получается от осуществления общего надзора, в том числе и жалобы отдельных граждан на допущенные в отношении их нарушения революционной законности.

Наконец, к числу недостатков в работе общего надзора надо отнести пренебрежительное отношение его к так называемой «воспитательной» работе по предупреждению нарушений революционной законности.

Необходимо установить такой порядок, чтобы добытый в процессе осуществления общего надзора материал был использован также в целях предупреждения в дальнейшем возможных преступлений. Работа по общему надзору должна быть организована так, чтобы каждый вскрытый общим надзором факт нарушения законности послужил основанием

для дальнейшего улучшения хозяйственной работы. В этих целях на рабочих и колхозных собраниях должны ставиться прокурорские доклады о вскрытых прокурорскими органами на заводе, фабрике, в совхозе, колхозе нарушениях закона и о борьбе с этими нарушениями, должно практиковаться освещение работы прокуратуры по общему надзору в местной печати; необходимо, чтобы полученный в порядке осуществления общего надзора материал сообщался прокурорами в местные руководящие советские и партийные организации для использования его в работе этих организаций и т. п.

Обращаясь к анализу причин, породивших указанные недостатки в работе прокурорских органов, осуществляющих общий надзор, необходимо констатировать, что одной из этих причин, едва ли не самой главной, является непонимание задач и целей общего надзора за революционной законностью. Не все прокуроры дают себе ясный отчет о том, что такое представляет собой так называемый «общий надзор».

Необходимо поэтому прокурорским органам твердо усвоить, что задачей общего надзора является наблюдение за соблюдением закона советскими и хозяйственными учреждениями и организациями и отдельными гражданами, быстрое и решительное пресечение всяких и всяческих попыток в какой бы то ни было форме нарушить советский закон, и принятие мер как к ликвидации нарушений социальности, так и к привлечению виновных к нарушению закона к ответственности.

Прокурорский надзор нельзя, однако, рассматривать только как формальный надзор за исполнением формальных требований закона. Наблюдая за соблюдением закона учреждениями, организациями и отдельными гражданами, прокурорские органы должны на основе этого надзора развернуть широкую сеть мероприятий, направленных, с одной стороны, к вскрытию таких явлений, которые мешают победоносному ходу социалистического строительства, приводят к срыву хозяйственно-политических кампаний, а с другой стороны — к выявлению и преодолению классового врага, мешающего успешно осуществлению той или иной хозяйственно-политической задачи.

Мероприятия эти, в соответствии с существом прав и обязанностей прокурорских органов, должны проводиться как путем обнаружения преступников и нанесения по ним удара уголовной репрессией, соответствующей опасности преступления и самих преступников, так и путем заострения на примере отдельных дел общественного внимания на необходимость борьбы с преступлением, на необходимость укрепления революционной законности.

Надо прокурорским работникам твердо усвоить, что все эти элементы общего надзора — наблюдение за соблюдением закона, восстановление нарушенной революционной законности, ликвидация последствий нарушения закона, привлечение виновных в нарушении советского закона к уголовной или дисциплинарной ответственности, мобилизация и укрепление масс в деле укрепления революционной законности — неразрывно друг с другом связаны и ими определяются содержание и

методы работы прокурорских органов по общему надзору.

Отсутствие четкого и ясного понимания этих задач, направление надзорной работы преимущественно в одну из указанных сторон и игнорирование других сторон этой работы и приводят к тем ошибкам и недочетам, о которых говорилось выше.

Другой причиной недостатков в работе по общему надзору является недооценка значения этой работы. Общий надзор в системе прокурорских органов является своего рода пасынком. Отдел общего надзора, как правило, не укомплектован надлежащим количеством квалифицированных работников (например, в Сталинградской прокуратуре отдел общего надзора состоит из одного работника, а в прокуратуре Западной области — из двух работников). Работники отдела общего надзора систематически загружаются поручениями, не имеющими ничего общего с их непосредственными обязанностями по осуществлению надзора за законностью и т. п.

Как же конкретно должен строиться общий надзор прокуратуры в соответствии с указанными задачами?

В каждой из областей своей надзорной работы: в промышленности; сельском хозяйстве, кооперации и торговле, в налогообложении, в вопросах, на фронте культурного строительства, в области штрафной политики и пр., необходимо выделить, в соответствии с общим планом хозяйственного строительства, те основные вопросы, по которым на данный отрезок времени органам прокуратуры надо сосредоточить свое внимание, под углом зрения разрешения которых необходимо построить в этой области работу по осуществлению надзорных прокурорских функций.

В настоящее время, например, в области сельского хозяйства необходимо добиться закрепления победы колхозного строя, дальнейшего подъема сельского хозяйства на основе достигнутых успехов. Сейчас в области сельского хозяйства стоят такие задачи, как введение правильных севооборотов, расширение чистых паров, улучшение семенного дела, подъем урожайности, поднятие на должную высоту животноводства. Все эти задачи могут быть успешно разрешены лишь путем проведения борьбы за организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов.

Поэтому в области надзора за сельским хозяйством органы прокуратуры должны включить в план своей работы такие задачи, как окончательное уничтожение всяческих попыток сопротивления естественному развитию колхозного строя, борьбу за колхозную дисциплину, борьбу с администрированием, с нарушениями устава сельхозартели.

Исключительное значение в условиях Сталинской Конституции имеет вопрос о законности издаваемых советами и исполкомами обязательных постановлений и о штрафной политике. Как указано выше, в этих областях имеются грубейшие нарушения революционной законности, поэтому одной из дальнейших задач прокурорского надзора является вскрытие этих нарушений и своевременное опротестование незаконных обязательных постановлений, равно как и принятие мер к применению штрафной политики путем постановки на президиумах край(обл)исполкомов

соответствующих докладов и предложений о проведении реальных мероприятий, обеспечивающих проведение правильной штрафной политики (сокращение количества учреждений и лиц, которым предоставлено право наложения штрафа, устранение случаев наложения штрафов за деяния, подлежащие преследованию в уголовном порядке, а также за действия, не содержащие в себе какого-либо нарушения, соответствие размера штрафа характеру совершенного нарушения, сознательности нарушителя, его материальному положению и пр.).

Процессом врагов народа Пятакова и др. вскрыто вредительство в нашей тяжелой промышленности, в особенности в химической промышленности. Поэтому в план работы отделов общего надзора местных прокуратур должен быть включен как один из самых актуальных вопрос о ликвидации последствий этого вредительства, о выкорчевывании остатков этого вредительства на фабриках и заводах. Аварийность в промышленности, систематическое невыполнение плана, брак и плохое качество продукции, сопротивление развитию стахановского движения — вот те узловые вопросы промышленности, на которые должно быть направлено в первую очередь усиленное внимание прокурорских органов.

Не менее актуальным объектом прокурорского надзора должна быть и советская торговля, роль и значение которой подробно освещены в докладе товарища Сталина на XVII съезде партии. Прокуратура должна вести решительную борьбу со всеми преступлениями, со всеми мошенническими махинациями в торговом аппарате, при помощи которых классовый враг пытается разлагать советскую

торговлю, со всеми «большими и малыми» спекулянтами.

Сталинская забота о человеке, нашедшая свое оформление в новой Конституции, давшей четкое и ясное определение прав и обязанностей граждан Союза, обязывает органы прокуратуры, ведущие работу по общему надзору, уделить особое внимание ограждению прав советского гражданина от каких бы то ни было посягательств, чутко и внимательно относиться к жалобам граждан на нарушение их прав, не оставлять без надлежащей проверки ни одного из такого рода заявлений и в тех случаях, когда нарушение прав граждан подтвердится, добиваться восстановления нарушенной законности, не допуская по мотивам целесообразности и местных влияний, как это иногда имеет место, оставления без опротестования незаконных действий советских и хозяйственных органов.

Осуществление всех этих поставленных перед прокурорскими органами, ведущими надзорную работу, задач возможно лишь путем широкого использования в этой работе общественного актива, группирующегося вокруг прокуратуры и действующего под ее руководством. Общим надзором должна быть организована крепкая и повседневная связь с широкими массами рабочих, колхозников и передовой интеллигенции. Прокурорский актив — группы содействия прокуратуре, соцсовместители, сигнальные, контрольные прокурорские посты, прокурорские корреспонденты — должны быть использованы как оперативные помощники прокурора по общему надзору в борьбе за революционную законность.

Б. СПЕРАНСКИЙ

К вопросу о предмете советского административного права

Громадное значение теоретической разработки специальной дисциплины советского права на базе Сталинской Конституции для практических работников суда, прокуратуры и административных органов всем известно и не требует доказательств. Вредители на правовом фронте Пашуканис и компания одной из своих первых задач поставили дезорганизовать теоретическую работу в области права, дискредитировать и разрушить советскую правовую науку, вселить к ней нигилистическое отношение.

Исходных предпосылок «школы» Пашуканиса, как известно, было три: 1) всякое право есть не что иное, как буржуазная категория права,

2) всякое право есть форма общения эгоистически обособленных субъектов,

3) каких бы то ни было иных категорий права, кроме буржуазных, например, категорий права социалистического, — нет и быть не может.

На этих трех предпосылках и строилась ликвидаторская политика в области ряда правовых дисциплин, в том числе государственного

права и административного права. С точки зрения этой «концепции» государственное право своим содержанием имеет исследование борющихся между собой в государстве сил: короля и парламента, верхней и нижней палаты, министерства и народного представительства и т. д. Если в республике советов этой борьбы нет, то, очевидно, и советского государственного права как права нет, и его должна заменить некая общая, чрезвычайно расплывчатая по своему содержанию наука, которой было дано название «общее учение о государстве диктатуры пролетариата». Одновременно сводилась на-нет и другая дисциплина, связанная с государственным правом, — советское административное право. В своей книжке «Общая теория права и марксизм», изд. 1927 г., на стр. 58 Пашуканис объявил, что юридическое содержание административного права сводится к гарантиям прав представителей бюрократической иерархии, с одной стороны, и населения — с другой. Вне этого административное право представляет собой пеструю смесь технических правил, политических рецептов и т. д.

Вредителям-ликвидаторам было конечно совершенно ясно, что наука административного права представляет собой коррелят учения об управлении, что управление есть та область государственной жизни, где социалистическое государство реализует свою волю на построение фундамента социалистической экономики. Ликвидаторы отлично знала, что «уменше управлять с неба не валится и святым духом не приходит»¹, что управлению нужно обучаться, что «ввести социализм, не учась у организаторов, нельзя» (В. И. Ленин — о «левом» ребячестве), что «нам нужно многому и многому учиться в деле управления» (В. И. Ленин — речь на III Всеросс. съезде работников водного транспорта). Все это прекрасно было известно вредителям-ликвидаторам.

Пашуканис дает задание. Дальнейшее обоснование ликвидации правовых дисциплин берет на себя редактировавшийся им журнал «Советское государство». В этом журнале появляются статьи и рецензионные заметки, посвященные ликвидации административного права.

Первой открывшей кампанию против дисциплины «административного права» была ст. Резунова и Изюмцова в № 3 журнала за 1930 г. Авторы статьи, начав с бесспорного положения Ф. Энгельса, что диалектика наук должна быть адекватна диалектике явлений, в дальнейшем с большой развязностью заявляют, что у колывала государственного и административного права стоит буржуазная теория разделения властей, что поскольку последнее (разделение властей) отсутствует в советском праве, нет и не может быть советского административного права как особой дисциплины. Это положение, полностью и целиком заимствованное у Пашуканиса, безграмотно исторически. Разве рабовладельческое общество не имело своего права? Нам известны и административные *Constitutiones* византийского права, и *jus honorarium*, и эдикты магистратуры в римском праве. Все они не что иное, как институты административного права рабовладельческого общества. Точно также феодальное общество с его сложной системой организации имело свое административное право.

В средневековых городах публичное право четко выделялось из частного, единство власти и управления находило свое полное выражение, и вместе с тем достаточно ясно были сформулированы понятия государства и закона. Тем более мы можем говорить о системе административного права периода абсолютизма, системе так называемого «полицейского права». Ограничивая содержание буржуазного административного права лишь установлением гарантий личных субъективных прав гражданина, авторы намеренно иди по невежеству искажают даже и то действительное буржуазное право, как оно сложилось в действительности. Они проходят мимо французской школы административного права, мимо Дюги и Ориу, Жеза и Бертелеми. Прискакивая непосредственно к производственно-индустриальному направлению в административной науке, они зачисляют туда венского

профессора Адольфа Меркля, типичного неокантианца марбургской школы, последователя Кельзена с его формально-юридическим методом.

Все это делается, чтобы показать ненужность, никчемность советского учения о праве внутреннего управления и что советское административное право без остатка растворяется в государственном праве и вместе с последним в общем учении о государстве. Одновременно с этим проводится нивелировка законодательных и административных актов, превращаемых авторами в «оперативные задания», и приветствуется появление особой науки — административно-хозяйственного права как показателя глубокого погружения государства в экономику.

Другой статьей того же журнала («Советское государство» № 10, 1930), также навеянной «концепцией» Пашуканиса, является статья Берцинского «К вопросу о методологии советского управления». Дав в начале статьи совершенно правильные анализ и критику буржуазных извращений в науке советского административного права, автор в дальнейшем сам становится на чрезвычайно сомнительные позиции. Прежде всего ему может быть брошен упрек в том, что он делает попытку дискредитировать советское право, говоря, что административное советское законодательство не может служить опорой для советской науки права уже потому, что на нем сказались влияние буржуазных юристов. Этот общий упрек административному законодательству делается без приведения конкретных примеров и поэтому производит исключительно неблагоприятное для автора впечатление. Далее автор повторяет вредительские положения Пашуканиса, что административное право — историческая форма господства буржуазии, что вместо правового регулирования мы в советском государстве имеем переход к техническому регулированию, что у нас терлет значение необходимость формального признания свобод и т. д. Одним словом, в конце концов получается тот же вывод, что и у Пашуканиса и у Резунова, а именно, что советское административное право как особая отрасль права и наука советского административного права не нужны.

Эта кампания против советского административного права дает и совершенно реальные результаты. Прежде всего ликвидируется советское административное право как наука и выпадает из всех учебных планов юридических вузов и факультетов; ликвидируются кафедры; упраздняются аспирантуры по административному праву в Ранионе и ИКП; исчезают журналы «Административный вестник» и «Вестник милиции», журналы «Советское государство» и «Советское строительство»; прекращают совершенно печатание статей по вопросам административного права; из проспектов специальных издательств выпадает литература по административному праву. Попробуйте за последнее десятилетие найти хотя одну работу по источникам административного права, по административным органам и функциям, по административному праву, по отраслевому управлению, по административным актам и действиям, по административному контролю и т. п.!

¹ В. И. Ленин, доклад ЦК IX съезду РКП(б), т. XXV, стр. 104.

На всех этапах социалистического строительства организационный вопрос занимал крупнейшее место. Товарищи Ленин и Сталин неоднократно подчеркивали, что после завоевания власти главная и самая трудная задача — это задача организации новых общественных отношений. В эпоху же социалистической реконструкции организационный вопрос приобрел наиболее глубокий и решающий характер. В тезисах XVII съезду партии прямо говорится, что «во весь рост встает задача поднятия организационной работы до уровня политического руководства».

Организационный вопрос, оставаясь подчиненным вопросам политики, приобретает для дальнейших успехов социалистического строительства исключительное значение. Все это совершенно игнорировала специальная правовая литература — журналы «Советское государство» и «Советское строительство»: она вела себя так, как будто вопросы правовой организации управления были сняты с порядка дня, как будто уже не были живы слова Ленина, сказанные им III съезду советов, что «главная основа прочности нового строя, — это те организационные меры, которые мы будем осуществлять во имя социализма», и слова товарища Сталина на XVII партсъезде о том, что «надо ликвидировать отставание нашей организационной работы от требований политической линии партии... надо добиться того, чтобы наша организационная работа обеспечивала практическое проведение в жизнь политических лозунгов и решений партии». Вместо того чтобы строить дисциплину советского административного права на базе положения Маркса, что «администрация есть организующая деятельность государства» (Лит. насл., т. I, стр. 59), на базе высказываний товарищей Ленина и Сталина, вредители вкладывали в понятие административного права буржуазное содержание, рассматривая его как гарантию государством субъективных публичных прав.

Советское административное право как оружие рабочего класса по регулированию материального содержания деятельности советского государственного аппарата, как одно из средств организации общественной деятельности и, наконец, как правовая форма взаимоотношений между государством и гражданами по линии реализации прав граждан, гарантированных и закрепленных Сталинской Конституцией, не только остается в общей системе социалистического права, но и получает свое дальнейшее развитие в условиях социалистического строя. Оно представляет из себя необходимый инструмент оформления и закрепления правовых отношений: а) внутри государственного аппарата, б) между государственным аппаратом диктатуры пролетариата и общественными организациями, в) между государственным аппаратом и гражданами.

Советское административное право мы должны рассматривать как прямое продолжение государственного права. «С политической точки зрения государство и устройство общества — не две разные вещи» (Маркс, Литер. насл., т. I, стр. 59). Управление представляет собой область государственной жизни, в которой власть рабочего класса посредством деятельности органов осуществляет себя в

жизненных элементах государства диктатуры пролетариата.

В советское административное право, в широком понимании этой дисциплины, мы должны были бы включить: организацию всего отраслевого управления, в том числе и хозяйственного, все функции по отраслевым управлениям, организацию общественной самостоятельности, содействующей управлению, все формы собственно административной деятельности, полномочия администрации, обеспечения закономерности ее работы и т. п.

Но огромность масштаба управления, круг задач, которые ставит себе социалистическое государство, глубина образовавшегося прорыва на фронте науки права и необходимость заполнения зияющих пробелов в нем и, в первую очередь, задача обеспечения практики по линии общего надзора прокуратуры и работы контрольных органов вынуждают к сокращению объема дисциплины советского административного права, ограничивая ее на первое время вопросами обеспечения революционной закономерности управления по линиям исполнения революционного закона и контроля за исполнением. Серьезный и тщательный анализ вопросов обеспечения революционной законности в управлении имеет громадное значение для работы социалистического государства. В этот ограниченный по содержанию объем советского административного права должны быть включены вопросы организации управления, организация и рационализация советского госаппарата, проблема советского административного акта (понятие, характер, форма, классификация), обеспечение закономерности советского управления путем организации надзора и контроля, право жалобы, наблюдение и расследование жалоб, специальные виды надзора за закономерностью управления: надзор в области хозяйственного, общеадминистративного и культурного управления, административное воздействие, обеспечение основных прав и регулирование обязанностей граждан СССР, регулирование учета и передвижения граждан, чрезвычайные меры охраны революционного порядка. Этот круг вопросов, далеко не исчерпывающий содержания советского административного права, в то же время является кругом вопросов, требующих разработки в первую очередь на базе великой Сталинской Конституции.

При определении содержания советского административного права в широком смысле этого слова, встает вопрос о соотношении между административным правом и государственным правом, с одной стороны, советским административным правом и советским гражданским правом — с другой.

Выше уже говорилось о том, что административное право есть часть права государственного, его прямое продолжение. Советское государственное право представляет собой выраженную и закрепленную в основных законах Сталинской Конституции политическую организацию общества эпохи диктатуры пролетариата, организацию господствующего класса в государственную власть, принципы устройства и деятельности этой власти. Советское же административное право все свое внимание сосредоточивает на функциональной стороне тех же элементов. «Администрация

«есть организующая деятельность государства» (Маркс). Внутреннее устройство административных учреждений, их компетенция, взаимная соподчиненность, то, из чего складывается самый порядок их работы и, наконец, правовые формы регулирования этой деятельности — вот специфика содержания советского административного права. Ошибочным было бы считать административное право особенной частью государственного права, ибо у административного права имеется свое содержание и своя общая часть — проблемы административной организации, формы административного акта и т. п. Вместе с тем неразрывное объединение государственного и административного права нам представляется несомненным.

Что касается отношения советского административного права к гражданскому праву, то здесь положение значительно сложнее. Буржуазное административное право имеет две категории функций государства: а) обязательные или необходимые функции *services essentiels* и б) факультативные функции *services facultatif de l'état*. К первым оно относит деятельность государства по линии регулирования союзов, собраний, печати, свободы совести, публичных и частных домов и т. д. Ко вторым — деятельность в области промышленности, торговли, транспорта и т. д.

Такая классификация функций понятна, ибо «буржуазный государственный аппарат не управляет хозяйством. Буржуазный государственный аппарат играет по преимуществу роль полицейско-регулятивную, охраняя интересы капиталистов против революционных рабочих, а каждый предприятие управляет сам капитал» (Л. М. Каганович). Государственные функции советского госаппарата строятся иначе; с точки зрения технического разделения труда мы должны здесь выделить функции: а) административные в специальном смысле — функции охраны порядка и безопасности, б) организационно-производственные, хозяйственные, т. е. функции по организации и управлению хозяйством, и в) социально-культурные (народное просвещение, народное здравоохранение и пр.).

Преобразование и построение социалистического хозяйства — одна из основных и важнейших функций социалистического государства, к тому же получающая все дальнейшее развитие и углубление. Естественно, конечно, что наша администрация должна быть приспособлена для осуществления хозяйственных задач. Несколько лет тому назад было высказано положение, что право, регулирующее хозяйственные функции советского государства, не может объединяться с чисто административным и социально-культурным в едином понятии административного права и должно составить особое содержание «хозяйственного права». «Хозяйственное право» по мысли его творцов А. Г. Гойхберга («Хоз. право», т. I, стр. 4—5) и М. А. Рейснера («Право») должно было обнимать и гражданско-кодексовые, и отношения внутри социалистического сектора. Следом за этой точкой зрения появилась другая точка зрения П. И. Стучки о разделении советского хозяйственного права на две принципиально-различные отрасли — хозяйственно-административное и гражданское право. Базой этой последней точки зрения

была пресловутая троцкистская «теория двух регуляторов», причем система гражданского права рассматривалась как система регулирования «рыночных» договорных отношений, а система административно-хозяйственного права, как система отношений «в порядке плановости и подчинения».

Критика и осуждение и той и другой точек зрения в свое время были сделаны на страницах нашей специальной печати. Единое «хозяйственное право» показало всю недооценку значения права в области гражданских отношений, ограничение его исключительно рамками отношений внутри обобщественного советского хозяйства. Вместе с тем эта «новая отрасль права» охватила собой всю сумму отношений внутри обобщественного хозяйства, в том числе и вопросы организации и управления хозяйством. Самый термин «хозяйственное право» был заимствован из германской науки, вместе с «учением социальных функций», в трактовке Гедемана, Гольдшмидта и др. В германской науке возникновение этого термина и этого «права» имело свои основания, совершенно неприемлемые для нас. Не говоря уже о слабом теоретическом обосновании этого нововведения в социалистическое право, мы имели и имеем такие отрасли государственной хозяйственной деятельности, как, например, коммунальное дело, где государство выступает в качестве субъекта, регулирующего хозяйственную деятельность, но где это регулирование происходит на совершенно иных принципах, чем принципы «хозяйственного права»; кроме того в области так называемого публичного «вещного права» оставался эти годы открытым вопрос о порядке использования публичных улиц, дорог, судоводных рек, береговых участков и т. п. Возникающие здесь отношения также нельзя было уложить в рамки «хозяйственного права» без натяжки, ибо характер правового регулирования взаимоотношений, вытекающих из использования этих объектов, не имеет ничего общего с порядком гражданско-правового регулирования. Отсюда трансформация бывшей дисциплины «хозяйственное право» в социалистическое гражданское право есть не простая перемена названия, а глубокая внутренняя перестройка.

При новой классификации дисциплин нужно избежать искусственности в переходе от одной дисциплины к другой. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» на стр. 33 говорит, что «переходы (от науки к науке.—Авт.) должны совершаться сами собой, должны быть естественными. Подобно тому как одна форма движения развивается из другой, так и отражения этих форм, различные науки, должны с необходимостью вытекать одна из другой». Научная дисциплина должна быть построена, как наука о развитии данного круга явлений. Круг явлений административного права — отношения в области управления. Вопросы организации и управления — специфика административного права. Мы можем спокойно сказать, что оно имеет свой круг явлений. «В то же время специфика гражданского права — это имущественные и личные отношения в нашей стране. Возможны ли пересекающиеся линии и известный переплет в этих двух сферах — административного и гражданского права? Да, возможен, и бояться этого нечего. Связи-

вающими узлами здесь являются: а) социалистическая собственность — основа советского строя, б) принципы планового руководства, в) охрана интересов граждан и др.

Но очевидно, что угол зрения, под которым подходят административист и цивилист к этим общим для них вопросам, различен. Основное у административиста — организационная сторона, правильное построение административного акта, обеспечение законности деятельности.

Возьмем простой пример из области регулирования советской торговли. Что здесь может интересовать административиста? Функции торговой инспекции, ее права в различных отраслях торговли, порядок надзора за соблюдением этикетных цен, наложение взысканий за несоблюдение их и т. п. Цивилиста эти вопросы, очевидно, интересуют мало. Административист подробно останавливается на организационном статусе, цивилист почти не задерживается на нем, его интересует другая сторона этих отношений — субъективные правомочия и обязанности и т. п.

Главное здесь в свойстве и характере правовых отношений. Как выше было сказано, основное в административном праве — «это организация и надзор». При отнесении того или иного акта к гражданско-правовой или административно-правовой сфере нужно исходить, во-первых, из цели акта, во-вторых, из методов его осуществления. Сам по себе государ-

ственный акт — это осуществление функции управления госорганом или должностным лицом в пределах их должностной компетенции. Это служебное действие — *faute service*, как говорят французы.

Гражданско-правовым он будет тогда, когда совершается оперативной, хозяйственной единицей для хозяйственно целесообразной цели — производства ценностей, обмена, подготовки, перевозки и т. п. Это — акт госоргана, хозрасчетной единицы, участника имущественного оборота.

Актом административным будет акт того же госоргана, но при осуществлении им уже регулирующей деятельности как проводником диктатуры пролетариата. Здесь цель — управление, организация, надзор. Круг вопросов, обнимаемых административным правом, достаточно ясен; пора перестать смотреть на эту дисциплину как на бедного родственника, ожидающего выделения из установившихся других правовых дисциплин тех или иных проблем и тем, пора отказаться от неверного положения о «переходном состоянии» советского административного права, допускающем его существование лишь до окончания дифференциации советских правовых наук. Ликвидация этой дисциплины — вредительский акт.

«Нужно уметь», как говорил Ленин (т. XXVI, стр. 349), «признать зло безболезненно, чтобы тверже повести борьбу с ним».

Д. НЕМЗЕР

К пересмотру законодательства об авторском праве¹

Устарелость нашего законодательства об авторском праве не вызывает никаких сомнений. В этом отношении сходятся самые разнообразные суждения, проскользнувшие за последнее время как в нашей общей печати (статьи тт. Лежнева и Сементовского в «Правде» от 15 декабря и 29 декабря 1936 г.), так и в юридической прессе («Советская юстиция» № 1, 1937 г., ст. А. Голубенского «Автор и периодическая печать»; «Социалистическая законность» № 2, 1937 г., ст. А. Винавера «Об авторском праве»).

Авторы этих статей указывают на отжившие или недостаточно четкие положения в законодательстве, предлагая частично изменить или дополнить действующие законы об авторском праве.

Мысль же о коренном пересмотре всего советского законодательства об авторском праве даже не возникает, и создается такое впечатление, будто бы в общем у нас с авторским правом все обстоит благополучно, дефекты имеются лишь в мелочах. Плохо, говорят, главным образом то, что некоторые авторы имеют «незаслуженную ренту», как будто бы в советских условиях можно иметь заслуженную ренту. Указывают на то, что авторы периодики не ограждены в достаточной степени действующим законом от посягательств на их авторские права со стороны издателей. Говорят о неполноте закона о наследовании авторского права, об изменении

нормы тиражей и оплаты авторов, о чрезмерных гонорах авторов сценических произведений. Короче, ставится ряд вопросов производных, основной же вопрос о юридической природе советского авторского права и правильности его конструкции не затрагивается.

За время, отделяющее нас от издания законов об авторском праве, колоссально возросла экономическая и политическая мощь СССР.

Этим общим изменениям в положении СССР соответствуют особые изменения, происшедшие в издательском деле на основе исторического постановления ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 г. об издательской работе. Все издательское дело еще в конце 1931 г. было окончательно обобществлено, частные издательства ликвидированы, а издания авторов прекратились. ОГИЗ из универсального государственного издательства преобразовался в систему типизированных по родам литературы издательств. Из его системы выделились: Партиздат, ОНТИ, Гослитиздат, Детиздат, Молодая Гвардия, Юриздат, Трансжелдориздат и Снабтехиздат. Сообразно с этим право автора распорядиться своим произведением, если оно не издается определенным издательством, превратилось в право, лишенное в значительной степени своего конкретного значения.

На основе решения ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. о перестройке литературно-художественных организаций автор, творивший в тиши своего кабинета, превратился в активного и

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

сознательного участника социалистического строительства.

Но если мы поставим перед собой вопрос о том, какое отражение нашли все эти перемены в нашем законодательстве об авторском праве, то на этот вопрос, к сожалению, придется дать отрицательный ответ.

В самом деле, по ст. 7 «Основ авторского права» автору принадлежит исключительное право под своим именем, под условным именем (псевдонимом) или анонимно выпустить в свет свое произведение и в течение установленного в законе срока всеми дозволенными законом способами воспроизводить и распространять его, а равно извлекать всеми законными способами имущественные выгоды из названного исключительного права. Короче, авторское право — это совокупность личных и имущественных прав, присвоенных автору как творцу произведения.

Если совершенно бесспорны и не вызывают сомнений личные права автора, к числу которых относятся: право выставить свое имя на произведении, дать название произведению, право на неприкосновенность содержания произведения (запрет для издательства и зрелищных предприятий вносить в него какие бы то ни было изменения без согласия автора) и право иллюстрировать свое произведение, то относительно имущественных прав автора приходится сказать, что в ходе развития социализма они подверглись весьма существенным изменениям. Издания авторов, не получившие у нас развития, уже с 1931 г. фактически прекратились. Уважающие себя авторы не занимались у нас сбытом своих собственных произведений.

Таким образом право промыслового использования автором своего произведения фактически у нас не существует, и упоминание в законе о праве воспроизводить и распространять свое произведение уже устарело. В этой связи интересно остановиться еще на одном положении ст. 7 «Об основах авторского права», предоставляющем автору извлекать всеми законными способами имущественные выгоды из своего исключительного права.

Какие это выгоды? Понятие выгоды, которые могут быть законным способом использованы автором, определяется ст. 19 «Основ», по которой убытки, причиненные автору, взыскиваются на основе положений, указанных гражданским законодательством союзных республик.

Ст. 10 закона РСФСР об авторском праве говорит о том, что убытки, причиненные нарушением авторского права, взыскиваются на основании главы 13 Кодекса. «Однако, — добавляет эта статья, — автору предоставляется право взамен убытков потребовать возмещения авторского гонорара».

Анализ этой статьи показывает, что убытки — понятие более широкое, нежели авторский гонорар, иначе не зачем было бы говорить об убытках. Совершенно очевидно, что в данном случае убытки понимаются не только как положительный ущерб в имуществе автора, но и как ускользнувшая выгода в соответствии со ст. 117 Гражданского кодекса. Конкретно это означает, что автор вправе потребовать в случае нарушения его авторского права не только уплаты ему авторского гонорара, но и той издательской и книготор-

говой прибыли, которые он мог бы получить от использования своего исключительного права.

Если обратиться, однако, к текущей практике, то мы увидим, что ей совершенно неизвестны иски авторов об убытках. Практически, в случае нарушения авторского права автор предъявляет иски исключительно об авторском гонораре, а если бы и нашелся такой автор, который предъявил бы иск об убытках, то можно быть заранее уверенным в том, что советский суд размер этих убытков автора определит в пределах соответствующих ставок авторского гонорара, принятых в данном издательстве.

Есть у нас еще одно положение, содержащееся в ст. 6 типового издательского договора, предоставляющее автору право взыскивать с издательства до 50% неустойки от просроченной издательством платежей суммы авторского гонорара, но и это положение на практике сводится обычно к нулю, так как, очевидно, наши суды считают неустойку такой категорией, которая совершенно неуместна во взаимоотношениях, возникающих между издательством и автором.

Итак, мы можем сказать, что из всех имущественных выгод, присвоенных автору по закону об авторском праве, автору принадлежит только право на получение авторского гонорара. Но было бы неправильно отсюда делать вывод о том, что авторское право содержит в себе только элементы гражданских правовых отношений, регулируемых исключительно Гражданским кодексом. Если мы обратимся к вводу к закону о введении в действие основ авторского права, то увидим, что на основании пп. «б» и «в» ст. 3 этого закона авторский гонорар при взыскании приравнивается к зарплате, а при обращении взыскания на авторский гонорар применяются те самые ограничения, которые установлены при наложении ареста на зарплату.

Далее по ст. 26 закона РСФСР об авторском праве признаются недействительными всякие условия, ухудшающие положение автора против типового издательского договора. В этих случаях взаимоотношения автора с издательством должны быть рассмотрены на основании типового издательского договора. Это положение представляет собой заимствование из нашего Кодекса законов о труде, признающего недействительными всякие условия, ухудшающие положение трудящихся против норм коллективного договора или законодательства о труде. Наряду с этим законом от 20 октября 1928 г. установлены минимальные ставки на произведения художественной литературы, что соответствует понятию государственного минимума зарплаты, содержащемуся в Кодексе законов о труде. Если также учесть, что иски об авторском гонораре освобождены от взыскания пошлин, а решения судов о взыскании авторского гонорара подлежат немедленному исполнению, то станет ясно, как сильно насыщено наше законодательство об авторском праве положениями, заимствованными из трудового законодательства. Наконец, необходимо указать на то, что постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 30 ноября 1930 г. введено в действие положение о социальном обеспечении писателей и работников изобразительных искусств, а в

1934 г. утверждено положение о литфонде. Тем самым признается, что авторы как активные участники социалистического строительства приравниваются в правах к трудящимся в случае утраты трудоспособности.

При таких условиях остается непонятным, каким образом наше авторское право трактуется как право исключительное. Ведь нельзя забывать того, что по ст. 20 «Основ авторского права» и ст. 13 закона РСФСР об авторском праве любое произведение науки, искусства и литературы может быть национализировано правительством Союза ССР или правительствами союзных республик. Ряд ограничений авторского права, указанных в ст. 9 «Основ» (в отношении свободы переводов, свободы публичного исполнения отпечатанных произведений и т. п.), право переиздания произведений, выпуск которых запрещен автором, с разрешения наркомпроса и, наконец, концентрация всего издательского дела в руках общесоветского сектора сводят исключительное право автора в конце-концов к предоставлению права на первую репродукцию, постановку или экспозицию произведения.

В итоге можно придти к тому выводу, что наше авторское право с точки зрения теоретической складывается из трех элементов: норм Гражданского кодекса, трудового законодательства и монополии — привилегии в виде исключительности авторского права. Подобный характер последнего не обеспечивает твердую и единообразную судебную практику. Правильность этой мысли легко продемонстрировать на обычных случаях судебной практики по вопросам о значении сроков, об авторском гонораре и неустойках, обусловливаемых издательским договором.

Если исходить из того, что нормы советского авторского права являются нормами Гражданского кодекса, то надо прямо сказать, что пропуск сроков дает основание считать нарушенным издательский договор со всеми вытекающими отсюда последствиями, и поэтому в том случае, если автор пропустил срок представления рукописи, договор расторгается, а издательство, бесспорно, вправе потребовать возврата аванса, выданного по издательскому договору. Точно так же, в случае пропуска издательством сроков, установленных на просмотр рукописи, рукопись считается издательством принятой (одобренной), причем издательство обязано уплатить автору полностью весь обусловленный договором гонорар. Но совершенно иное решение получают те же самые вопросы с точки зрения трудового законодательства. Если автор пропустил срок представления рукописи, сохраняющей свое актуальное значение и после срока, намеченного договором, то, несомненно, авторский гонорар будет автору присужден. Точно так же советский суд, невзирая на пропуск издательством сроков для одобрения рукописи, заинтересуется ее качеством. Само собой разумеется, что если рукопись будет признана авторитетной экспертизой не удовлетворительной, то в иске автору будет отказано.

Остановимся несколько на вопросе о неустойках. Неустойка является институтом Гражданского кодекса, но отнюдь не нормой трудового законодательства. Если считать, что наше авторское право является нормой Граж-

данского кодекса, то естественно, что на основании ст. 6 типового издательского договора в случае просрочки со стороны издательства в уплате обусловленного договором гонорара суды должны присуждать с издательства неустойку в пользу автора в пределах до 50% просроченного платежа. Иное решение должно быть принято в иске о неустойках, исходя из того, что понятие о неустойке чуждо советскому трудовому законодательству. На этих примерах с исчерпывающей ясностью устанавливается то бесспорное положение, что без твердого и ясного представления о природе авторского права не может быть единообразной судебной практики, не может быть и твердой, устойчивой практики и в издательском деле. Казалось бы, что при этих условиях вопросы теории советского авторского права должны были бы привлечь к себе внимание наших правовых работников. К сожалению, это до сих пор не наблюдается. В вышедшей недавно книге Рубинштейна «Советское хозяйственное право» авторское право трактуется по-прежнему как право исключительное. Та же ошибка повторяется и в книге Винавера об авторском праве на литературные произведения (1935 г.). Все это свидетельствует о том, что к вопросам теории авторского права наши правовые работники относятся до сих пор крайне пренебрежительно, а сама теория советского авторского права остается в загоне.

Задача законодательства об авторском праве состоит в стимулировании авторского творчества. Это стимулирование должно идти по двум направлениям: со стороны политической и экономической. Автор давно уже у нас стал активным участником социалистического строительства. Знаменитые наши писатели Максим Горький, Серафимович, Островский и другие награждены орденом Ленина. Многим авторам научных произведений присвоены почетные звания. Местные советы предоставляют авторам в пожизненное пользование дома и дачи, премируют авторов автомашинами. Наиболее популярные произведения распространяются массовыми тиражами.

Где и в какой другой стране созданы такие благоприятные условия для развития творчества, как в СССР? Где еще пользуется таким почетом и поощрением писатель, научный деятель, художник, композитор и архитектор?

Где и когда оказывались такая исключительная забота и внимание к писателю, какие проявлены были к автору незабываемого романа «Как закалялась сталь», безвременно погибшему Островскому? Можно ли забыть торжественное заседание Сочинского городского совета, посвященное награждению Островского орденом Ленина и транслировавшееся на дачу, где лежал прикованный к постели писатель?

Нужно ли доказывать, что у нас созданы наилучшие политические условия для стимулирования авторского творчества.

Именно поэтому основным стержнем при построении теории советского авторского права должно быть признание и охрана личных прав автора, объемлемых понятием авторства. И тут надо прямо сказать, что бесцеремонность издательства, редакторы которых зачастую забывают о неприкосновенности содержания произведения, должна быть пресечена

самым решительным образом. Личные права автора — право автора выставить свое имя на произведении, дать ему название или заголовки, право на неприкосновенность содержания произведения (т. е. запрет вносить какие бы то ни было изменения без согласия автора издательскими и зрелищными предприятими) и право на иллюстрирование произведения — являются важнейшими правами автора. Редактор или издательство не вправе подменять своими мыслями мысль автора без его согласия. Именно потому, что содержание личных прав автора еще недостаточно широко известно, представляется необходимым, во-первых, изменить содержание ст. 2 закона РСФСР об авторском праве, защищающей немущественные интересы авторов, и, во-вторых, ввести усиленную защиту личных прав автора со стороны уголовного закона. Ст. 11 закона РСФСР говорит о том, что автор вправе потребовать в случае нарушения его авторского права совершения определенных действий, причем перечень этих действий в законе не содержится. Этот пробел в законе является большим упущением. В ст. 11 закона РСФСР необходимо указать примерный перечень тех действий, которые вправе потребовать автор в случае нарушения его личных прав. Среди этих действий назовем: право автора потребовать разбора набора, прекращения печати, выпуска в свет или распространения такого нового произведения, на распространение и репродукцию которого автор своего согласия не давал; право автора потребовать от издательства исправлений в тех случаях, когда неправильно указано или искажено его имя, название произведения, содержание произведения или произведено иллюстрирование произведения без согласия автора. Само собой разумеется, что при сосредоточении издательского дела в руках обобщественного сектора требования автора о запрещении выпуска в свет издания могут иметь место лишь в отношении новых произведений, впервые выходящих в свет. В отношении же повторных изданий следует считать оставшимися в силе положения, указанные в § 6 типового издательского договора, т. е. в случае отказа автора дать разрешение на переиздание его произведения таковое может быть выпущено в свет с разрешения соответствующего наркомата. С этой точки зрения представляется правильным сказать, что контрафакция (самовольное переиздание) в наших условиях утрачивает свой криминальный характер, поскольку этой контрафакцией не нарушены личные права автора. В отношении плагиата, т. е. литературной кражи, следует считать необходимым применение более жестких репрессий, нежели те, какие имеются в ст. 177 Уголовного кодекса. Поэтому нам представлялось бы правильным декларировать в новом законе об авторском праве следующее положение: «Всякое новое произведение науки, искусства и литературы может быть впервые репродуцировано, поставлено или экспонировано не иначе, как с письменного согласия автора. За право первого, а равно и последующих изданий, репродукций, постановок и экспозиций соответствующие организации выплачивают автору вознаграждение, установленное законом или договором».

При таких условиях, когда личные права автора будут в достаточной степени признаны и охранены законом об авторском праве и Уголовным кодексом, можно будет считать основную задачу советского авторского права разрешенной.

Обращаясь к вопросу о защите авторских прав со стороны уголовного закона, надо признать, что ст. 177 в существующем виде является далеко недостаточной, ибо штраф до 1000 руб. или же принудительные до 3 месяцев далеко не обеспечивают надлежащей охраны авторских прав. Всякий нарушитель авторских прав должен знать, что труд автора почетен и что всякая хлестаковщина встретит самый суровый отпор со стороны закона; санкцию по ст. 177 УК следовало бы увеличить до 3 лет лишения свободы.

Вопросы материального положения автора и оплаты авторского труда приобретают огромное значение при пересмотре норм советского законодательства об авторском праве. Закон от 20 ноября 1928 г. о минимальных ставках авторского гонорара на литературные произведения и о предельных нормах тиражей нормировал оплату авторского труда лишь в отношении произведений художественной литературы, критики и библиографии, оставляя совершенно неразрешенным вопрос об оплате других произведений (например, научных). Этот пробел необходимо заполнить.

Кроме того, необходимо пересмотреть в сторону повышения ставки авторского гонорара, одновременно увеличив расчетные нормы тиражей.

Авторский гонорар должен стать оплатой за доброкачественный труд.

Важнейшим документом, определяющим взаимоотношения автора с издательством, является типовой издательский договор. Не говоря о крайне неудачной стилистической форме этого документа, он имеет еще ряд других недостатков, подлежащих устранению. Прежде всего нужно устранить объединение в одном договоре двух видов взаимоотношений издательства с авторами — договоров на готовую рукопись и договоров литературного заказа. Сообразно с этим следует типовой издательский договор расчлнить на два совершенно самостоятельных договора — договор литературного заказа и договор издательский в собственном смысле этого слова, т. е. договор на готовое произведение. Представляется ненормальным существующий порядок расчетов между автором и издательством. Как известно, по ст. 4 типового издательского договора с автором совершается окончательный расчет после подписания им последних листов к печати или же, при отсутствии авторской корректуры, после того, как листы издания окончательно сверстаны. Но к этому времени обычно неизвестны ни точный объем издания, ни размеры и стоимость авторской правки. Поэтому, как правило, стоимость авторской правки устанавливается издательством уже после того, как с автором покончены все расчеты. При этих условиях право издательства произвести удержание с автора стоимости излишней авторской правки и убытков превращено в фикцию. Именно поэтому представляется необходимым отодвинуть момент окончательного расчета с автором до истече-

ния 10-дневного срока с момента разрешения органами Главлита выпуска в свет издания, т. к. к этому времени издательство имеет уже от типографии точные данные об объеме издания и стоимости авторской правки. Необходимо также устранить разрыв, существующий между типовым издательским договором и нормами Полиграфкомитета ВСНХ от 1 октября 1931 г. в отношении сроков держания авторской корректуры. Как известно, в типовом издательском договоре срок держания авторской корректуры установлен в один день на каждый лист, а для научных изданий—два дня на каждый лист, тогда как по графику ВСНХ сроки эти в 2 или 3 раза короче. А так как за простой авторских корректур издательство платит как за задержку металла усиленные санкции в размере 1% в день за первые пять дней и по 5% в день за вторые 10 дней от стоимости набора, то издательство, как правило, оплачивает набор благодаря простоте не меньше¹ чем в полуторакратном размере.

Из ст. 6 надлежит исключить указание о взыскании с издательства неустойки за просрочку в уплате авторского гонорара.

В целях стимулирования авторского творчества и улучшения качества рукописей представлялось бы желательным и необходимым дополнить издательский договор особой статьей о премировании.

Надо прямо признать ненормальным такое положение, когда лучшие произведения не находят лучшей оценки со стороны издательства, ограничивающего свои обязательства перед автором только уплатой обусловленного гонорара.

Пора, давно пора, чтобы издательства учредили премии имени выдающихся писателей, ученых и художников за лучшие произведения. Было бы рационально, чтобы Гослитиздат ежегодно премировал лучшие произведения премиями имени А. С. Пушкина, А. М. Горького и Ромэна Роллана, Изогиз — премией имени Репина, Химиздат — имени Менделеева, Сельхозгиз — имени акад. Тимирязева и т. д.

Наряду с премиями за лучшие произведения следовало бы установить премии и за другие показатели: срочность, краткость и ясность формулировок, наличие определенного количества положительных рецензий, сокращение объема рукописи против договорного при исчерпывающей разработке порученного автору задания.

Положения о премиях, учрежденных в издательствах, должны получить широкую огласку. На издательских договорах было бы желательно указывать, что рукопись будет участвовать в конкурсе на присуждение определенной премии.

Введение такой практики послужит добавочным стимулом к развитию у нас творчества в области науки, искусства и литературы.

Нам необходимо теорию советского авторского права пересмотреть заново исходя из Сталинской Конституции и практики социалистического строительства. Теория исключительности авторского права должна быть решительно отброшена.

Мы должны создать социалистическое авторское право, построенное на принципе трудовом, а отнюдь не на рентном основании.

М. А. АЛЬПЕРИН и А. Г. БУЛОХОВ

Бухгалтерская экспертиза и ревизия

До последнего времени ни судебно-следственные работники, ни бухгалтера-эксперты не проводили четкого разграничения между экспертизой и ревизией, причем и сейчас еще для многих этот вопрос остался неясным. В 1935 году Институт уголовной политики при Прокуратуре и Верховном суде СССР впервые поставил вопрос о разграничении экспертиз и ревизий. В изданной Институтом брошюре (методическом письме) «Организация и проведение судебно-бухгалтерской экспертизы» (изд. 1935 г.) сказано, что «судебно-бухгалтерская экспертиза требуется лишь в тех случаях, когда имеющийся по делу материал не может быть правильно оценен без участия специалиста-бухгалтера. На практике же очень часто к назначению экспертизы прибегают при недостаточности собранного материала не для оценки имеющихся данных, а для собирания новых данных. Получается, таким образом, смешение экспертизы и ревизии».

В другом месте авторы методического письма говорят следующее: «Правда, почти невозможно совершенно очистить экспертизу от ревизионных функций, так как при недостаточности переданного эксперту материала эксперт должен не только указать следователю, какого материала недостает, но и принять ак-

тивное участие в собирании этого материала».

Таким образом, авторы названного письма, признавая необходимым участие эксперта в собирании недостающих материалов, сносят прежде всего эту работу к обязанности ревизора и в этом видит невозможность очистить экспертизу от ревизорских функций.

Мы не можем согласиться полностью с такой постановкой вопроса: по нашему мнению, нужно уточнить понятие «недостающие материалы». В качестве примера возьмем такой случай из области технической экспертизы.

В следственном деле имеется акт технической комиссии, составленный по случаю взрыва котла, повлекшего за собой человеческие жертвы. Причины взрыва в акте изложены неясно; следовательно как не специалист оценить сам этот акт не может и передает его эксперту. Спрашивается, может ли эксперт дать оценку предъявленному акту на основании самого акта путем его исследования в камере следователя? Нет, конечно, не может. Он отправится на место аварии, займется исследованием и собиранием материалов, необходимых ему для выявления причин аварии. Никто не станет утверждать, что инженер, производящий обследование на месте и собирающий дополнительные материалы по данному делу, производит ревизию.

Бухгалтер-эксперт, которому предложено дать оценку баланса, не может ограничиться самим балансом. Он вынужден или затребовать дополнительные материалы, необходимые ему для оценки, или же отыскивать эти материалы на месте. Исследование и соби́рание материалов на месте в данном случае нельзя рассматривать как ревизионную функцию, не входящую в обязанности эксперта.

Для того чтобы правильно понять содержание экспертизы и ревизии, нужно четко определить цели и задачи каждого из этих видов исследования.

СНК СССР в своем постановлении от 15 апреля 1936 г. о внутриведомственном финансовом контроле и документальной ревизии определяет задачи последней следующим образом:

а) проверка законности операций и соблюдения финансовой и сметной дисциплины;

б) борьба с расхищением социалистической собственности, выявление случаев хищения и незаконного расходования средств и материалов;

в) проверка правильности постановки бухгалтерского учета, доброкачественности документов, оформляющих отдельные операции, и правильности бухгалтерских записей;

г) проверка правильности материального учета складского хозяйства.

Документальная ревизия, таким образом, ставит перед собой задачу выявления по документам и по данным учета совершенных злоупотреблений, хищений и нарушений сметной, финансовой и плановой дисциплины.

Ревизор начинает с неизвестного. Он по возможности должен вскрыть все нарушения и злоупотребления, если они имели место.

Иногда у ревизора имеются сведения о фактах тех или иных нарушений, хищений и растрат, но эти сведения неполны. Для проверки этих фактов и выявления новых назначается ревизия. Ревизор вскрывает и оценивает. Эксперт, как правило, оценивает и вскрывает полупутные факты.

Возьмем несколько примеров из практики.

1-й пример. Назначается ревизия или переучет магазина; ревизор еще не знает, к каким результатам он придет, он должен проверить всю деятельность магазина и материально ответственных лиц;

2-й пример. Кладовщик попался на рынке с краденным материалом; факт хищения налицо, но размер хищения неизвестен, для установления какого-то назначения ревизия склада.

3-й пример. У подотчетного агента случайно обнаружен подложный счет; возникает сомнение и необходимость в проверке всех его отчетов; для этой цели назначается ревизия.

Бухгалтер-эксперт, как правило, не выявляет новых фактов, эти факты выявлены до него. Эксперт, как правило, не ищет сомнительные документы, — они ему даются на проверку и оценку. Проверку этих фактов и документов он ограничивает исследованиями данных учета и отчетности и дает им оценку с точки зрения бухгалтерского учета и на основании данных учета. Эксперт не проверяет ценностей в натуре, а руководствуется имеющимися документами.

Из приведенного вытекает, что ревизия и экспертиза отличаются друг от друга не тем, что ревизор собирает материалы, а эксперт их не должен собирать, а своими задачами.

Далее, нельзя смешивать событие преступления и бухгалтерские материалы, относящиеся к нему, в одну кучу. В данном случае под событием преступления мы понимаем недостачу, растрату, хищение, перерасход и т. д., под материалами в судебно-бухгалтерской экспертизе мы понимаем бухгалтерские документы, книги, карточки, отчеты, акты ревизоров и т. п.

Выявление события преступления, как правило, есть цель и задача ревизии, тогда как экспертиза, как правило, имеет дело с готовыми фактами и лишь дает им свою оценку.

Бухгалтерские материалы есть средство для ревизии, средство для выявления события преступления. Те же материалы служат эксперту средством — базой для его анализа и источником для его заключения.

Функцию бухгалтерской экспертизы нельзя сводить только к оценке собранных в деле документов как таковых: это — не конечная ее цель.

Уголовно-процессуальный кодекс не дает нам прямых указаний, как должны собираться и представляться эксперту материалы. Однако из текста ст. 64 УПК и из примечания к ст. 171 УПК РСФСР можно сделать вывод, что материал для эксперта собирается следователем, а не экспертом.

Ст. 64 УПК гласит: «Лицо, вызываемое в качестве эксперта, обязан явиться и участвовать в осмотрах и освидетельствованиях и давать заключения». В примечании же к ст. 171 УПК сказано: «Если эксперт находит, что представленные ему следователем материалы недостаточны для дачи заключения, он составляет акт о невозможности дать заключение».

Более четкие указания на этот счет имеются в циркуляре Прокурора Союза ССР от 7 октября 1936 г. № 61/19.

Там сказано:

что эксперты направляются для дачи заключения на основе имеющихся у следователей материалов;

что эксперт-бухгалтер, как и всякий эксперт, не обязан и не имеет права самостоятельно добывать новые, отсутствовавшие у следователя материалы;

что в отдельных случаях, когда работа, необходимая для восполнения имеющихся материалов, является несложной и незначительной по объему, эксперт может, не составляя акта, истребовать (через следователя) от хозяйственной организации нужный материал для приобщения к делу и дачи заключения;

что следователь обязан оказывать полное содействие эксперту в его работе путем истребования необходимых для дачи заключения документов, путем осмотров в присутствии эксперта и выемки по его указанию нужных материалов, путем вызова обвиняемых и свидетелей для дачи следователю показаний по предложенным экспертом вопросам.

Циркуляр Прокурора Союза ССР хотя вскользь и говорит об осмотре в присутствии эксперта, все же оставляет неясным вопрос о месте работы эксперта, о его активной роли в исследовании материала. По смыслу циркуляра эксперт должен давать заключение по

имеющемуся в деле материалу, который может быть дополнен путем истребования, осмотра и выемки и приобщен к делу.

Активная роль бухгалтера-эксперта ограничивается указанием следователю на недостающие материалы — и только.

Более определено о месте производства экспертизы говорит Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. Согласно ст. 159 ГПК, «Экспертиза производится в суде или вне суда, если это необходимо по характеру исследования или в силу затруднительности доставить предмет исследования в суд».

Из практики мы знаем, что в большинстве случаев не только бухгалтерская экспертиза, но и другие экспертизы производятся вне суда, вне камеры следователя как по гражданским, так и по уголовным делам.

Например: на стройплощадке произошел обвал здания по причине плохого грунта и недостаточного углубления котлована. В деле по назначению экспертизы у следователя, кроме акта, удостоверяющего факт обвала, и ссылки на плохой грунт, ничего нет; сам он как неспециалист проверить этот факт не может, приглашает экспертов — инженера-гидролога или инженера-строителя.

Приглашенный эксперт не может дать заключение по акту путем его исследования, не может поставить перед следователем также вопроса о «приобщении» стройплощадки к делу. Произведя исследование на месте, эксперт добывает новые материалы, берет образцы, производит анализ грунта и уже на основании добытых им данных дает свое заключение.

Никто, конечно, не подумает возложить сбор подобного рода материалов на следователя.

В таком же положении находится и бухгалтерская экспертиза.

К следователю поступили акт ревизии и баланс, из которых усматриваются крупные убытки. Для оценки баланса и акта ревизии вызван бухгалтер-эксперт. Спрашивается, может ли бухгалтер-эксперт на основании этих двух документов дать правильную оценку этим же документам? Если он не захочет допустить ошибку, он, конечно, не решит дать своего заключения, не произведя исследования ряда других материалов. Для проверки реальности баланса иногда приходится заниматься исследованием ряда приложений, записей на карточках и в книгах, а иногда и первичных документов.

Может ли следователь знать, какие материалы в данном случае понадобятся? Конечно, нет. Иначе он, по всей вероятности, не нуждался бы в экспертизе.

Можно ли все эти материалы изъять и доставить в камеру следователя или суда? Фактически — да, но практически это не всегда целесообразно и возможно, так как это привело бы к срыву нормальной работы учреждения или предприятия.

Какой выход из этого положения? Такой же, как и в других экспертизах, т. е. осмотр и исследование материалов на месте.

Значит нельзя понимать примечание к ст. 171 УПК в том узком смысле, что раз в деле нет всех нужных эксперту материалов и что их нельзя истребовать и приобщить к делу, — эксперт может отказаться от дачи заключе-

ния. Это был бы сугубо формальный подход, ни в коей мере не отвечающий задачам судбно-следственных органов.

Авторы учебника «Криминалистика» правильно ставят вопрос, когда говорят, что «роль экспертов не ограничивается сообщением следователю или суду своих специальных знаний, а заключается в активном применении этих знаний к собиранию, обработке и оценке доказательственного материала» (разрядка наша. — Авторы).

Активность эксперта в собирании материалов мы представляем себе в том смысле, что он под контролем следователя самостоятельно должен заниматься собиранием доказательств. Эксперт призван освещать частные вопросы в деле, требующие специальных знаний; постановка этих вопросов и представление объекта для исследований эксперта остаются за следователем и судом.

Но эксперт не может и не должен ограничиться простым созерцанием и сообщением голых, ничем не подтвержденных мнений и выводов; он должен собрать и обработать материалы для подтверждения своих выводов. Собираание этих материалов эксперт производит под контролем следователя или суда путем осмотров и выемок. Выемки производятся следователем при участии эксперта. Только в этом понимании роль эксперта отличается от роли следователя и суда в части собирания материалов.

Как ревизия, так и экспертиза производят исследование и осмотр материалов на месте, но границы исследования и осмотра при ревизии значительно шире, чем при экспертизе.

Если ревизор не ограничивается в своих действиях уже выявленными фактами, а старается эти факты дополнить, выявить новые моменты злоупотреблений и хищений и т. п., то эксперт свое исследование, как правило, ограничивает выявленными до него фактами и направляет его по линии собирания материалов для более правильной оценки этих фактов.

При таком понимании задач экспертизы и ревизии нет оснований опасаться, что осмотр документов на месте превратится в ревизию.

Результаты осмотра и исследования документов на месте наши эксперты обычно излагают прямо в своем заключении, причем кроме эксперта никто заключения не подписывает.

Такая практика противоречит закону. Ст. 192 УПК РСФСР ясно говорит, что осмотр на месте производится следователем с участием эксперта и что о результатах осмотра составляется протокол.

В условиях работы бухгалтерской экспертизы практически трудно требовать от следователя постоянного присутствия при работе эксперта, но это вовсе не значит, что следователь не должен интересоваться работой эксперта; последний должен работать под контролем следователя, а результаты его осмотра и исследований на месте должны оформляться протоколом за подписью следователя и всех присутствовавших при осмотре лиц (обвиняемых, представлявших потерпевшей организации, понятых). Ценность такого акта осмотра, подписанного рядом лиц, удостоверяющих фактическое положение, выявленное на

месте, будет безусловно выше акта, подписанного одним экспертом.

При соблюдении этих правил в значительной степени отпадает разговор о необходимости приобщения всех осмотренных экспертом материалов к делу. Приобщаться будут только такие материалы, которые являются уликами в преступлениях обвиняемых, например: подложные, сомнительные и тому подобные документы, карточки с искаженными записями, подложные отчетные ведомости и др.

Практика приводит нас к выводу, что в судебно-следственных делах следует различать два вида материалов для экспертизы:

1) материалы основные, свидетельствующие о выявленных фактах, требующих экспертной оценки, и

2) материалы дополнительные, необходимые для оценки первого материала.

Первые материалы безусловно должен собирать следователь или суд; вторые собирает эксперт при содействии следователя или суда.

Заканчивая рассмотрение вопроса о соотношении между судебно-бухгалтерской экспертизой и ревизией, считаем необходимым остановиться на определении задач бухгалтерской экспертизы, которое дает В. Л. Громов.

«При бухгалтерской экспертизе приглашенный эксперт-бухгалтер, или опытный счетовод, на основании изучения книг и документов хозяйственного предприятия или учреждения, проверки операций и цифровых данных, рассмотрения смет и балансов дает заключение и определяет порядок и степень правильности или неправильности ведения предприятием кассового дела, счетоводства и финансовой отчетности, выясняет правильность составленных приходо-расходных статей и балансов и делает выводы о прибыльности или убыточности предприятий, исчисляет суммы убытков причиненных теми или иными операциями, производя иногда проверку, учет и переучет по документам материальных ценностей хозоргана, учреждения или организации»¹.

Определение Громова интересно с точки зрения объема и характера бухгалтерской экспертизы. Он имеет в виду широкое использование экспертом книг и документов предприятия, проверку отдельных операций и всей хозяйственной деятельности в части финансовых результатов по данному плану, смет и отчета, оценку текущего учета и отчетности. Но наряду с этим Громов в своем определении дает неправильное направление в работе эксперта, когда он говорит об исчислении убытков «причиненных теми или другими операциями».

По делам должностных и хозяйственных преступлений в задачу следствия и суда входит выявление убытков, причиненных не операциями, а живыми людьми.

В этой части бухгалтерская экспертиза очень часто оказывается единственным средством к выявлению и распределению убытков и недостаю по лицам.

Нечетко определяя задачи судебно-бухгалтерской экспертизы, Громов по существу не видит разницы между экспертизой и ревизией.

Необходимо также отметить, что в то время как одни авторы (Рудановский) выступают против всякой активности эксперта, сводя его роль к бесстрастной констатации уже установленных фактов, другие (Борьян, Ласкин, Рубинштейн) высказываются за расширение этой активности вплоть до ревизорских функций.

Резюмируя все вышеизложенное, мы можем определить судебно-бухгалтерскую экспертизу следующим образом.

1. Судебно-бухгалтерская экспертиза есть особый вид доказательства, представляющий результат исследования и разъяснение частного вопроса в судебном деле, требующего специальных знаний в области бухгалтерского учета.

2. Свое исследование и разъяснение судебно-бухгалтерская экспертиза ограничивает, с одной стороны, поставленными перед ней вопросами, с другой — данными бухгалтерского учета.

В этом определении мы имеем границы судебно-бухгалтерской экспертизы, которые определяются, с одной стороны, вопросами поставленными судом и следствием, с другой — материалами бухгалтерского учета.

Что понимать под данными бухгалтерского учета?

Не только книги, карточки, ведомости, отчеты и т. п., но и все материалы, которыми бухгалтерский учет оперирует, т. е. документы: денежные, материальные, сделки, договоры, сметы, планы и т. п.

Сюда не должны входить: 1) статистический учет и та материальная база, на которой он зиждется; 2) оперативный учет и те разрозненные материалы, на которых он строится; 3) все прочие документы, не имеющие никакого отношения к бухгалтерскому учету.

Если иногда бухгалтер-эксперт и пользуется для своего анализа данными статистики или оперативного учета, то эти данные во всяком случае не могут ложиться в основу беспорных выводов его экспертизы.

3. Ограничивая, как правило, свое исследование материалами, собранными в деле, и поставленными вопросами, судебный бухгалтер-эксперт не должен формально подходить к своим обязанностям, он должен проявлять активность для достижения более правильной и объективной истины при решении вопроса.

Активность эксперта-бухгалтера должна выражаться:

а) в оказании помощи суду и следствию, в собирании недостающих по делу материалов путем истребования или осмотра таковых на месте;

б) в освещении новых обстоятельств и фактов дела, если таковые в процессе экспертизы попутно вскрываются;

в) в углубленном исследовании материалов и фактов, направленном на максимальное раскрытие истины, причин и условий, способствующих возникновению того или иного преступления.

¹ В. Л. Громов, Предварительное расследование в советском уголовном процессе, под ред. Крыленко, 1935 г., стр. 127.

Судья не на месте

(Из записной книжки адвоката)

Да, это кажется невероятным.

Но — увы — это факт! И факт, о котором, мне кажется, есть смысл поведать широкому кругу читателей «Социалистической законности».

Так вот.

Руководящие органы советской юстиции — Прокуратура Союза, Верховный суд СССР — в своих директивных указаниях твердят о «строжайшем соблюдении уголовно-процессуальных норм», о недопустимости упрощения в нашем советском судебном процессе, о серьезном учете важной роли защитника в процессе, о насаждении принципов объективного предварительного следствия.

115 статья Сталинской Конституции со свойственной ей выразительной лаконичностью требует «обеспечения обвиняемому права на защиту» в суде.

Сталинская Конституция, пролетарская демократия должны были найти и нашли свое отражение в советском судебном процессе.

А в это время...

В шестидесяти километрах от Москвы, в народном суде Павлово-Посадского района, под председательством самого старшего судьи района Гусева следующим образом разбирается дело девятнадцатилетней колхозницы Зориной...

Но раньше, чем попытаться воспроизвести на страницах журнала бледное описание того яркого художественно-процессуального оформления судебного разбирательства по делу Зориной под руководством заслуженного деятеля самодурства и беззакония Гусева, совершенно необходимо, — хотя это и может показаться «сухим» отступлением от темы, — привести краткое изложение сущности дела Зориной.

Зорина — «закоренелая рецидивистка» в возрасте 19 лет, никогда не судившаяся, колхозница, из семьи рабочего-колхозника. С января по сентябрь 1936 года она работала кассиршей в Рахмановском промколхозе Павлово-Посадского района.

У нее обнаружена недостача по кассе в сумме 4083 руб.

Будучи заключена следователем под стражу, она просидела «законный» для районных следственных властей месяц, просидела и второй месяц, уже противозаконно, т. е. без продления срока содержания ее под стражей Московской областной прокуратурой (об этом имеется суровый запрос областной прокуратуры, оставленный, однако, следователем Сергеевым, очевидно, по перегруженности работой, без всякого ответа!).

И в своих неоднократных показаниях на предварительном следствии, и в судебном заседании 2 марта 1937 г. Зорина давала одни и те же показания. 19-летняя колхозница-кассирша не отрицала арифметической правильности выведенной суммы недостачи.

Однако преступница столь же четко утверждала, что ни одного рубля она из этих колхозных денег не растрачивала.

Зорина уверяла, что причина недостачи по кассе кроется в систематическом изъятии денег из кассы председателем колхоза Сидоровым Андреем Федоровичем. Председатель колхоза, — объясняла Зорина, — частенько брал у нее деньги из кассы, без всякого оформления через бухгалтерию, иногда давал ей расписки, а частенько не давал расписок. Суммы брал немалые — от 1000 до 10000 рублей. Брал у нее предъявительские чеки для получения по ним в Госбанке, причем предпочитал, чтобы в чековой книжке в получении этих чеков расписывался не он, председатель колхоза, а она, кассирша Зорина. Расчеты с ней растягивал на месяц—два, систематически запутывая их такими приемами. В результате — недостача 4083 руб.

Но, может быть, это обычное измышление, пусть даже неискушенного, но все же стремящегося уклониться от ответственности преступника?

Нет, не только показаниями Зориной, но и показаниями ряда свидетелей, допрошенных на предварительном следствии, устанавливается, что председатель колхоза Сидоров Андрей жил этот год не по средствам, покупал себе и многочисленной семье (будучи единственным работником в семье) дорогие вещи. Несколько свидетелей и среди них командир Красной армии Забалуев, гостивший в отпуску в родном колхозе, и председатель сельсовета Седов, устанавливают, что председатель колхоза Сидоров систематически пьянствует, а кстаги, как вместе с ним, так и в изоляции от него, столь же упорно льет и славится своими дебошами по всей деревне бухгалтер колхоза Козловский. А наряду со строжайшим контролем пьянствующего главбуха Козловского над успешно соревнующимся с ним председателем колхоза Сидоровым — не менее суровый и нелюбезный контроль над финансовой деятельностью председателя колхоза Сидорова осуществляет... родной его брат (Сидоров Василий)...

В день проработки в колхозе на собрании Сталинской Конституции председатель колхоза также был пьян.

Зорина не голословна и по вопросу о деньгах. Факты незаконного изъятия председателем колхоза Сидоровым из кассы у Зориной различных сумм без ведома бухгалтерии и вопреки запрещениям ревизионной комиссии колхоза находят себе объективное подтверждение в акте ревизии кассы колхоза, в акте судебно-бухгалтерской экспертизы. Последний акт к тому же отмечает получение председателем колхоза крупных сумм по командировкам, ничем не подтвержденным. Есть в деле и до очевидности фиктивные счета, представленные тем же председателем колхоза, предусмотрительно «нарисованные» печатными буквами. На крайнюю подозрительность этих счетов обращает особое внимание следственных органов бухгалтерская экспертиза. Но следователь не догадывается сделать попытку установить реальность лиц, от имени которых

выданы расписки. Зато следователь направляет для производства каллиграфической экспертизы этот негодный для экспертирования материал (печатные буквы)...

Жалобы на беспорядочное пьянство, на недопустимое администрирование председателя колхоза Сидорова доходили до президиума райка, до секретаря райкома («В колхозе явная пьянка... люди каждый день ненормальны — пьяны»).

В райкоме ВКП(б) на жалобе командира Красной армии Забалуева появляется справедливая в своей суровости и недоуменности резолюция: «Почему до сих пор не привлечен к ответственности Сидоров — председатель колхоза? Потребовать от прокурора срочного расследования всех этих дел».

Дана санкция и Мособлпрокуратурой на возбуждение уголовного дела против Сидорова.

Уголовное дело против Сидорова и главного бухгалтера Козловского (что в колхозе брат председателя колхоза Сидоров Василий работает бухгалтером — это у следователя не вызывает ни удивления, ни интереса), наконец, возбуждается... и без особой волокиты прекращается «по нецелесообразности», хотя в постановлении следователя Сергеева о прекращении весьма убедительно формулируются шесть пунктов обвинения в отношении председателя колхоза Сидорова и бухгалтера Козловского. Впрочем, в этом постановлении весьма дипломатично обходится молчанием вопрос о систематическом пьянстве Сидорова и Козловского, об их широком образе жизни, несоместимом с трудовым заработком. Зато в обвинительном заключении торжественно подчеркивается, что виновность девятнадцатилетней Зориной в растрате 4083 рублей с абсолютнейшей бесспорностью устанавливается тем, что она ежедневно завтракала на работе, купила себе пальто за 200 рублей (ее оклад — 180 руб.) и два платья (компетентные свидетельницы определяют их стоимость по 40 рублей) и, наконец, мебели на 150 рублей.

Отец Зориной работает на фабрике, мать в том же году получила наследство — около 1000 рублей; эти соображения также проходят мимо следователя, — так четко выкристаллизовался для него образ злобной растратчицы Зориной!

Моя фактическая справка исчерпана.

Возвращаясь к основной теме моей печальной повести — о том, как понимаются и реализуются принципы советской демократии в суде старшим нарсудьей Павлово-Посадского района Гусевым.

Торжественно, в переполненном колхозниками и другими трудящимися зале открывается судебное заседание.

Председательствующий Гусев с первой минуты процесса дает почувствовать свою, гусевскую, трактовку уголовно-процессуальных норм и 115 статьи Сталинской Конституции.

Когда защита после открытия судебного заседания скромно и корректно представляет суду ордер коллектива адвокатов и заявляет о том, что он — защитник Зориной, Гусев резко отодвигает ордер и с суровой правдоподобностью чеканит:

— Бумажку эту вы забрите, вас еще в деле нет. Суд еще не обсуждал вопроса о допущении защиты по делу Зориной!

Трудно допустить, чтобы старший народный судья района не знал о существовании 381 статьи УПК, не знал о том, что народный суд и до издания новой Конституции СССР не имел права не допускать участия защиты по любому делу.

Нет сомнения, что и в период до утверждения новой Конституции, и после утверждения ее старший народный судья Гусев неоднократно делал доклады на тему о новой Конституции, упоминал, вероятно, и о 115 статье Конституции.

Но сейчас, в судебном заседании, в зале, переполненном колхозниками и трудящимися, Гусеву важны не УПК и не Конституция СССР.

Гусеву важно продемонстрировать перед залом свою абсолютную власть над защитником.

И вот он столь же строго вопрошает обвиняемую Зорину:

— У вас ходатайство есть?

Девятнадцатилетняя «рецидивистка» растерянно смотрит то на суд, то на защитника — и молчит.

Гусев торжественно «закрепляет» положение:

— Значит, вы не ходатайствуете перед судом о допущении защитника?

Зорина недоумевает. Она не понимает смысла этого пустого «процессуального» таинства. Еще три часа тому назад она сама видела, как тот же старший нарсудья Гусев говорил с ее защитником, может быть, даже слышала, как он щедро предложил тому же защитнику:

— На ознакомление с делом я даю в ваше распоряжение 8 минут!

Но после этого стал разбирать другое уголовное дело и разобрал его... около 4 часов.

Наконец, Зорина догадывается, что ей нужно «официально» заявить о том, что она хочет пользоваться помощью адвоката в процессе.

После этого председатель суда Гусев мило-стивно провозглашает:

— Суд определил ходатайство Зориной удовлетворить, защитника допустить.

После этого «допущения», лукаво и пышно инсценированного председателем суда, защитник Зориной наивно возомнил, что с этой исторической минуты он будет пользоваться всеми правами стороны в процессе.

Но в это же время председатель, зло и ехидно поблескивая через очки глазами в сторону защитника, думал, может быть, даже шептал сам себе:

— Погодите, гражданин защитник, вы еще почувствуете свои «права»!

Сознаюсь, защитник Зориной, несмотря на свое формальное бытие в процессе, действительно почувствовал то, о чем злорадно думал председатель.

Защитник почти не сомневался, что его бесспорное право и даже обязанность — проверить в судебном заседании те материалы, которые собраны на предварительном следствии.

Защитник считал себя вправе задавать обвиняемой Зориной вопросы, связанные с проверкой ее показаний о роли председателя колхоза Сидорова в той растрате, которая инкриминируется ей, кассирше Зориной.

Действительно ли пьянствует систематически председатель колхоза? Действительно ли не отстает от него бухгалтер колхоза Козловский? Является ли второй бухгалтер колхоза Василий Сидоров в самом деле родным братом предколхоза Андрея Сидорова?

Большая ли семья у председателя колхоза, и сколько в семье работоспособных, не один ли он, председатель колхоза Сидоров?

Не купил ли председатель колхоза за последний год двух коров и притом дорогих? Не приобрел ли других ценных вещей для себя и членов семьи?

Эти и другие еще вопросы в своей наивности защитник позволял себе задавать обвиняемой Зориной и допрашивавшимся после нее свидетельницам Бажановой и Бруснецовой. Но эти вопросы, — поверьте, — одна необоснованная дерзость, даже больше того...

Кто-нибудь из вас сомневается в этом? Усумнился, по совести говоря, и защитник Зориной, но председатель суда Гусев не заметил ему сурово и угрожающе разъяснить:

— Вы хотите такими вопросами дискредитировать здесь председателя колхоза! Я этого не допущу. Вы должны знать как защитник, что уголовное дело в отношении председателя колхоза прокуратурой прекращено за отсутствием состава преступления. Задавайте другие вопросы или я вас лишу права допрашивать.

«Других» вопросов, т. е. вопросов, не вытекающих из материалов предварительного следствия, у защитника, признаться, не было.

Защитник пытался обратить внимание председателя на это обстоятельство. Защитник напомнил, что дело в отношении председателя колхоза Сидорова прекращено совсем не «за отсутствием состава преступления», а якобы «о нецелесообразности», хотя из формулировок о прекращении дела как раз вытекает целесообразность приведения председателя колхоза.

Если бы не забота об охране авторитета советского суда, защитник мог бы еще заметить, что председатель суда Гусев, видимо, уделил ознакомлению с делом Зориной никак не больше тех «восьми минут», в течение которых он приказывал ознакомиться с этим делом защитнику (а в деле — акты ревизии, бухгалтерская экспертиза, около двух десятков протоколов допроса обвиняемых и свидетелей и т. д.). Но об этом защите пришлось молчать как и о многом другом, что могло бы справедливо прозвучать в устах защиты по адресу председателя суда Гусева.

Защита ограничилась скромным и уместным в рамках публичного процесса «ходатайством» — не лишать ее возможности проверять в судебном заседании материалы дела, т. е. делать то, что обязаны делать и стороны и сам суд на судебном следствии.

В ответ еще более прозно изрекает председатель суда:

— Суд знает, что делает. Не мешайте суду вести дело, гражданин защитник! Следующего свидетеля.

— Гражданин председатель, у меня еще есть вопрос к этому свидетелю... я еще не закончил...

— Садитесь, гражданин защитник, никаких больше вопросов я вам не позволю! Знаю я ваши вопросы...

— Гражданин председатель, я просил бы все-таки разрешить мне поставить следующие вопросы свидетелю, выслушайте, и если вы признаете их излишними, тогда устранили...

— Никаких больше вопросов, — я вам сказал! Секретарь, занесите в протокол, что защитник без конца задает вопросы, все одни и те же, чтобы дискредитировать председателя колхоза, и вообще защитник вступает в пререкания с судом...

Защитник делает еще одну попытку:

— Позвольте вас просить, гражданин председатель, хотя бы о следующем: разрешите мне перечислить, какие именно вопросы я хотел бы поставить свидетелю, изложить их содержание в протоколе судебного заседания и затем отметить в протоколе же факт их утраты вами, с чем я обязан считаться...

— Са-а-а-дитесь, гражданин защитник! Позовите свидетеля Сидорова.

— Позвольте мне перед допросом свидетеля Сидорова заявить ходатайство, связанное как раз с порядком допроса этого свидетеля (речь идет о председателе колхоза Сидорове).

— Никаких ходатайств! Еще раз предупреждаю вас: не вступайте с судом в пререкания! Са-а-а-дитесь!

— Вот как я его разделал — договаривали красноречиво злые огоньки в глазах всемогущего председателя, — договаривали то, что даже он не решался высказать в публичном судебном заседании.

А защитник?.. Он все еще не терял надежды, что, образумившись, нар судья Гусев вспомнит об УПК, о новой Конституции, о советской демократии, уместной в советском суде.

Седой, но непростительно наивный, он снова обращается с ходатайством: если ему не разрешают заявить ходатайство, то не соблаговолят ли председатель суда хотя бы отметить в протоколе судебного заседания, что защитнику отказано в самом праве заявить ходатайство (об удовлетворении ходатайства защиты тут уже и мечтать нечего даже наивному защитнику)...

Старший нар судья Гусев последователен. Конечно, отказ:

— Ничего не будет занесено. Можете писать, сколько хотите, замечания на протокол! Са-а-а-дитесь! Свидетель Сидоров, ваше имя, ответство...

Здесь совершается последний подвиг защитника:

— Гражданин председатель, вы меня лишили возможности допрашивать обвиняемую и свидетелей; вы запретили мне возбудить перед вами ходатайство; вы отказали мне в просьбе о занесении вашего отказа в протокол, вы лишили меня фактически прав стороны в процессе. Я вынужден поэтому просить вас отметить в протоколе судебного заседания, что я, в порядке 2-й части 257 статьи УПК «возражаю против действий председателя, стесняющих и нарушающих» мои права. При этом обращаю ваше внимание, что такое заявление «подлежит обязательно занесению в протокол судебного заседания» в силу той же статьи УПК.

Следует уже привычный грозный окрик:

— Над протоколом я хозяин! Са-а-а-дитесь! Сомневается ли кто-нибудь из вас в том, что при допросе свидетеля Сидорова защит-

ник также был фактически лишен возможности нормально допрашивать его по обстоятельствам дела: ведь, обстоятельства дела «дискредитируют» Сидорова, а нарсудья Гусев считает недопустимым дискредитировать председателя-пьяницу, председателя-подлогоделателя и — скорее всего — прямого растратчика колхозных сумм.

И вот, не дав защитнику закончить допросы Сидорова, председательствующий применяет к защитнику «высшую меру», выкрикивая: — Гражданин защитник, я вас устранию из процесса! Са-а-а-дитесь!

Защитник «устранился».

Признаться, несмотря на всю назидательность павлово-посадских «процессуальных норм», защитник все же в душе был уверен, что устранив защитника из процесса, насытившись безмерной сладостью издевки над защитником и его «правами», нарсудья Гусев вспомнит по крайней мере о «праве на защиту» девятнадцатилетней колхозницы Зориной. Однако председатель продолжал властно допрашивать предколхоза Сидорова, благополучно и, конечно, без всякой «дискредитации» довел этот допрос до конца, затем вызвал и — опять-таки благополучно, без всяких помех защитника — допросил свидетельницу Никулину.

Тут защитник, видимо, закалившийся в этом беспримерном судебном «бою», позволив себе последнюю донкихотскую вылазку в защиту законности, в защиту «права на защиту», провозглашенного Сталинской Конституцией.

Защитник обратил внимание председателя суда на то, что, устранив данного защитника из процесса, суд не вправе, однако, лишить Зорину права пользоваться защитой в суде вообще. Отсюда — необходимость для суда отложить разбор дела с тем, чтобы дать возможность коллективу адвокатов командировать на защиту Зориной другого своего члена.

Справедливость требует отметить, что наш храбрый председатель суда не растерялся, а наоборот, нашел следующую процессуально-дипломатическую «формулу перехода»:

— Гражданин защитник, я сейчас прикажу милиции вывести вас из зала!

Веря в трагическую последовательность неукротимого ревнителя павлово-посадской законности, старшего нарсудья Гусева, защитник, должен сознаться, больше «не подавал голоса»...

Ему, однако, казалось, что осталась последняя безопасная мера: положить на судейский стол листок бумаги с письменным протестом против заслушания дела девятнадцатилетней колхозницы Зориной, лишив ее «права на защиту». Тем более казалось, что письменное заявление суду по поводу неразрешения председателем защите заявить ходатайство, поданное ранее, председателем, правда, не было прочтено, но зато не было и совсем сброшено со стола, а лишь отодвинуто, разумеется, жестом, не лишенным глумливого пренебрежения, на самый край стола...

Храбрый защитник не ошибся: и это письменное заявление его председатель лишь резко отшвырнул на край стола и даже не повторил своего мягкого предупреждения насчет милиции и вывода из зала...

Но что случилось дальше со столь последовательным председателем нашим? Неужели он решился «сдаться», признать перед колхозной и рабочей аудиторией, что «какой-то защитник» прав в своих ссылках на советский закон, на Сталинскую Конституцию?! Увы, нарсудья Гусев, столь публично и громогласно торжествовавший окончательную победу над чудачком-защитником, добивавшимся наивно каких-то прав для себя и для своей подзащитной, — победитель вдруг сдался и объявил, что дело откладывается «в целях обеспечения защиты Зориной»...

После этого, гордый сознанием своих высоких подвигов в торжественный этот день на фронте защиты революционной законности, наш председатель суда поднялся из-за судейского стола, забрал дело и стал, сохраняя то же достоинство, уходить...

А на столе, на самом краешке, сиротливо остались лежать два листка — два письменных заявления защиты, упоминавшихся раньше.

Не утерпело правовое сердце наивного защитника: он решился (он все еще решался!) обратить внимание председателя суда, что любое заявление, подаваемое по данному делу, должно приобщаться к делу.

И тут защитник потерпел последнее крушение: вернувшись к столу, нарсудья Гусев могучим и гневным движением своей высокоправосудной руки схватил оба заявления, мужественно на-глазах у переполненного зала скомкал их, сжал в кулаке и сунул в карман...

Защитник и его пресловутые «права» были торжественно и окончательно повергнуты в прах.

А старший нарсудья Павлово-Посадского района Гусев, десятки раз — вы в этом не сомневаетесь — делавший в своем районе и перед рабочими, и перед колхозниками доклады о революционной законности, о завоеваниях страны социализма, — разве он не дал на этот раз трудящимся, заполнившим судебный зал, убедительнейшего предметного урока на тему:

— Слова и дела нарсудья Гусева?!

Комментарии?

Разве можно придумать случай, при котором комментарии были бы более излишни, чем в данном случае?..

Впрочем, может быть, следует привести те «простые слова», те ясные комментарии, которые тут же, в судебном зале, после закрытия заседания, были даны рядовыми колхозниками.

— Ясное дело, тут и слепому видно, что нарсудья Гусев прикрывает пьянку и растрату председателя колхоза Сидорова...

— Потому и защитника прогнал...

— А разве он может нарушить закон Сталинской Конституции? Какой он тогда для нас судья!..

Эти и подобные им реплики слышались в зале суда, реплики горячего возмущения «законностью» гусевской и горячей верой в неизблемость законности советской...

И позвольте последнее признание автору этих строк.

Услышав эти реплики рядовых колхозников, я перестал чувствовать, что защитник — «потерпевший», «оскорбленный», «побежденный».

Мне стало ясно, что и советская законность также не должна считаться «потерпевшей» от рук судебного недоросля Гусева, что железный революционный закон стальной броней охраняют переросшие Гусевых колхозники, рабочие, трудящиеся Павлово-Посадского района. Те самые рядовые колхозники, которые при новых выборах нарсудей, на основе Сталинской Конституции, не подадут ни одного

голоса за кандидатуру Гусева в народные судьи.

Колхозники, колхозницы, тут же, в зале суда, волнуясь, высказывались за посылку коллективного заявления Прокурору Союза с протестом по поводу издевательского отношения нарсудьи Гусева к советскому защитнику, к советскому закону, к Сталинской Конституции.

Обмен опытом

Установление симуляции в преступлении¹

В журнале «Социалистическая законность» № 5, 1937 г. помещена статья т. Кривицкого на тему об установлении признаков симуляции в преступлении, по которой редакция просила высказать свое мнение работников мест.

Автор, безусловно, прав, что симуляция — весьма частый посетитель камеры следователя. С этой точки зрения попытка т. Кривицкого дать малоквалифицированному следователю отличительные признаки симулянта безусловно заслуживает внимания. Но само изложение этих признаков и доводы, приведенные т. Кривицким в их подтверждение, не серьезны и не убедительны. В самом деле, что положено т. Кривицким в основу этих отличительных признаков: фантазерство, самоуверенность, словоохотливость, настойчивость, развязность, логичность, последовательность и трогательность. Из этих признаков т. Кривицкий делает вывод, что в тех случаях, когда следователь в практике допроса встретится с комплексом признаков, указанных выше, уместно в таких случаях заподозрить в преступнике симулянта. В подтверждение изложенного т. Кривицкий приводит случай из своей практики, когда некто гражданин П., воспользовавшись похищением у него в ночное время вором-домушником мешка муки, имея на руках казенные деньги, решил использовать этот факт в корыстных целях. Деньги он присвоил, а в пространном рассказе картины его ограбления заявил, что деньги похищены со дна сундука, путем взлома замка, при полной сохранности домашних вещей в сундуке и что ключ от этого сундука находился всегда при нем. Мы не знаем, с какой самоуверенностью, настойчивостью, развязностью, логичностью и последовательной трогательностью рассказывал гражданин П. о своем ограблении (картина этого рассказа передана т. Кривицким очень скупо), но сам приведенный пример опровергает все признаки, положенные т. Кривицким в определении симуляции. В самом деле, если бы гражданин П. был логичен и последователен, то он, прежде чем сделать заявку о похищении денег после взлома сундука, привел бы все содержимое в нем в беспорядок, а наиболее ценные вещи возможно взял бы из сундука и скрыл, иначе го-

воря создал бы видимость — инсценировку ограбления, к чему обычно всегда и прибегают в таких случаях симулянты. Но именно благодаря своей нелогичности и непоследовательности, вызванной волнением и приподнятым состоянием в ожидании результата задуманной им симуляции, гр-н П. допустил ряд нелогичных и непоследовательных действий. Гражданин П., сломав замок в сундуке, упустил из виду, что настоящий вор, второпях отыскивая в сундуке нужную ему вещь, обязательно разворотит все содержимое в сундуке. Второй существенный промах, который допустил гражданин П., это то, что он не договорился предварительно с женой по вопросу о хранении ключа от сундука, и наконец совершенно нелогично, что вор-домушник, похитив крупную сумму денег, позарился бы на мешок муки. Таким образом на самом примере т. Кривицкого мы утверждаем обратное, т. е. не наличие, а отсутствие логичности и последовательности в действиях, поведении и показаниях симулянта. Берем на себя смелость утверждать, что гражданин П. не мог держать себя при допросе самоуверенно. Наоборот, благодаря изложенному, гр-н П. возможно и пытался держать себя самоуверенно, но эта самоуверенность была наигранная, неестественная, лживая и вполне понятно, что после некоторых перекрестных вопросов гр-н П. запутался, сбился и в конце концов сознался в симуляции ограбления.

Таким образом более правильно будет сказать, что отличительными признаками при допросе симулянта являются отсутствие логичности, последовательности и самоуверенности, а не их наличие, как это утверждает т. Кривицкий. Если стать на точку зрения т. Кривицкого, то мы можем заподозрить в симуляции настоящих потерпевших — жертв ограбления. Ведь искренность, логичность, последовательность, несомненно более свойственны последним, чем первым. Настоящему потерпевшему нет надобности изощряться в подтасовке фактов и обстоятельств, опровергающих симуляцию, как бы не казалась его заявка или показание нам на первый раз фантастичной или словоохотливой, но все же она логична и последовательна и правдива. Исключение может быть только в том случае, если потерпевший страдает недостатком умственного развития (слабоумие) и душевными и нервными болезнями (истерия, тяжелая неврастения, эпилепсия), или еще не освободился от впечатлений пережитого ограбления.

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

Более близок к истине т. Кривицкий, когда говорит о фантазерстве и словоохотливости симулянта. Сам факт симуляции говорит о том, что симулянту пришлось пофантазировать в создании картины преступления. Эта фантазия часто у некоторых и вызывает деланную развязность, фантазерство и излишнюю словоохотливость. Но и к этим признакам необходимо подходить осторожно, обдуманно, тщательно взвесив все поведение допрашиваемого. Развязным и словоохотливым человек, как говорят, может быть от природы, а что касается фантазии, так нам известно, что иногда действительность превосходит всякую фантазию.

Точно такую же нелогичность, непоследовательность и необдуманность действий и поступков мы находим и во втором примере, приведенном т. Кривицким, где гр-н Э. на почве семейных распрей убил свою жену, а затем, опасаясь последствий совершенного им преступления, устроил неудачную инсценировку ночного нападения на его квартиру неизвестных людей. Также как и в первом случае преступник-симулянт допустил ряд промахов, наличие которых способствовало быстройшему установлению истинной картины преступления. Но это отнюдь не говорит за то, что почти никто из симулянтов не знает, какими уличающими моментами являются научные методы раскрытия преступлений: исследование крови, дактилоскопия, определение характера ранений по орудиям преступления и т. д., как это утверждает т. Кривицкий. Утверждать это — значит ублаживать следователя, смягчать остроту его творческой мысли и дать лишний козырь в руки преступника-симулянта. Заранее обдумавший свое преступление симулянт не может не знать, что пятна крови, оружие преступления и вообще любая ошибка, допущенная им в инсценировке преступления, наведет следствие на настоящие следы преступления, вот почему, прежде чем совершить преступление, он несколько раз обдумает весь ход инсценировки задуманного им преступления и так ловко постарается свести концы в воду, что дело может быть прекращено за перозыском виновных или за недостатком собранных по делу улик. Не найдется ни одного следователя, который мог бы сказать, что такого случая в его практике не было.

Настоящий преступник не только хорошо знает все уличающие его моменты в раскрытии преступления, но иногда так искусно строит свои показания, что сам следователь забывает о них и попадает в плен хитро сплетенной лжи преступника.

Преступник-симулянт — наиболее опасный вид преступника, он не только совершает преступление, но и создает целый ряд уловок и уловок, чтобы навести органы следствия на ложный путь. Поэтому всегда правильно и верно будет, если за основу отличительных признаков преступника-симулянта положить обычное поведение обвиняемого. Но надо заметить, что допрос преступника-симулянта несравненно труднее допроса обычного обвиняемого, особенно если допрашивающий не обладает жизненным и профессиональным опытом.

Прежде всего надо спокойно и терпеливо относиться к его показаниям, как бы живы и

противоречивы они ни были. Затем нужно перейти к вопросам, причем следует начинать с таких вопросов, которые уже выяснены или свидетельскими показаниями или произведенными следственными действиями (например, осмотром, экспертизой, обыском и т. п.). Вопросы следует задавать краткие и точные, на которые невозможно дать двусмысленный ответ, вроде — да, нет. В случае противоречий в рассказе и ответах надо указать на них заподозренному в симуляции, сопоставляя даже сказанные им фразы и слова и потребовать от него разъяснения этих противоречий, или выяснять их посредством повторных вопросов о том, что является предметом противоречия.

Под давлением собранных улик преступник-симулянт убеждается в невозможности и бесполезности дальнейшей защиты созданной им инсценировки картины преступления и, понимая, что сознание может принести ему лишь пользу, вынужден сознаться в совершенном им преступлении. Приведенные т. Кривицким примеры лишней раз подтверждают правильность этого вывода.

Вообще следует остерегаться делать поспешные выводы из показания и рассказа подозреваемого в симуляции. Оценку поведения преступника-симулянта следует давать только на основе выводов, полученных после изучения всех исследованных обстоятельств по делу.

Безусловно прав т. Кривицкий, отводя существенную роль в этой оценке осмотру места преступления. Ведь для каждого следственного работника вполне ясно, что решающую роль установления факта симуляции преступления в обоих приведенных т. Кривицким примерах сыграл осмотр места совершенного преступления.

В заключение следует отметить, что, конечно, не плохо на страницах печати поделиться опытом работников с мест по затронутому т. Кривицким вопросу, но было бы глубоко ошибочным создавать себе заранее по каким-то отличительным признакам образ симулянта. У т. Кривицкого на опыте его практики сложились одни мнения, выводы и понятия, у нас — как раз противоположные, у третьего совсем что-либо новое и т. д. Одно несомненно, что всякий симулянт прежде всего — преступник, поэтому его поведение во многом сходно с поведением обвиняемого.

Обстоятельства дела, практика и сознание ответственности, которую несет следователь за порученное ему дело, должны подсказать правильный метод и путь раскрытия преступления по каждому делу в отдельности.

Таковы наши замечания по существу поставленного т. Кривицким вопроса.

Немченко

Наказание как удовлетворение потерпевшего¹

Наше уголовное законодательство рассматривает наказание как способ, во-первых, оказать на осужденного исправительное воздействие и, во-вторых, как способ воспитания и предупреждения преступлений подобного рода со стороны других лиц.

Но по некоторым категориям дел наказа-

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

ние неизбежно должно преследовать еще и третью цель: это некоторое удовлетворение потерпевшего (в данном случае мы имеем в виду не материальное, а моральное удовлетворение). К этим категориям дел относятся преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, т. е. предусмотренные главой VI ныне действующего Уголовного кодекса.

Для того чтобы пояснить, что нами имеется в виду в этом случае, мы воспроизведем разбиравшееся в суде гражданское дело.

Женщина, имеющая ребенка, предъявила иск к своему бывшему мужу о повышении размера алиментов. Женщина находится в таком состоянии, что сама не может защищать свои интересы, и у нее есть защитник. Почему она не может защищать свои интересы в таком элементарном деле? Она очень больна, причем болезнь у нее чрезвычайно странная: она вся трясется, и речь ее страдает крайней несвязностью и неясностью; это смесь заикания, шепелявости, нервных задержек. Истица производит чрезвычайно тяжелое впечатление.

При докладе дела обнаруживается, что ответчик, состоя мужем этой женщины, за предполагаемую измену изрубил ее топором. Он нанес ей несколько тяжелых ранений, после которых она выжила, но пришла в вышеописанное состояние. Согласно представленным документам, она не только на сто процентов лишена трудоспособности, но еще иуждается в постороннем уходе. Оказалось, что, действуя топором, муж не только искалечил ее, но и повредил у нее какие-то мозговые центры, и эти повреждения оказали влияние на ее речевые способности.

Что же сделали с мужем — ответчиком по делу? Он получил наказание в виде, кажется, четырех лет лишения свободы и был выслан для отбытия наказания. По профессии он был бухгалтером и, повидимому, хорошим и усердным бухгалтером, а так как бухгалтера очень нужны и в местах отбытия наказания, то убийца вскоре занялся работой по специальности, проявил много энергии для приведения в порядок запутанной бухгалтерии и менее чем через два года оказался на свободе в порядке условно-досрочного освобождения.

В момент разбора гражданского дела этот человек сравнительно недавно вернулся в Москву, поселился недалеко от своей бывшей жены и дочери, завел себе другую семью и теперь на суде просил не повышать размера уплачиваемых им алиментов (кажется, 80 руб. в месяц), так как у него на иждивении находится его мать, новая жена, имеющая ребенка, и новый ребенок — уже его собственный.

Разумеется, все это гражданское дело не имеет никакого отношения к поднятому нами вопросу. Оно приведено как конкретный случай того, как преступник, совершивший тяжкое преступление против здоровья другого лица, довольно быстро возвращается обратно в место своего постоянного жительства и возвращается снова в полноправного гражданина.

Если бы истица по настоящему делу могла полностью соображать (а, может быть, она и могла), то ей должно было бы быть очень обидно наблюдать изо дня в день спокойную, нормальную жизнь человека, превратившего ее в буквальном смысле в огарок. Надо полагать, что и соседи, и родственники, и вообще

все люди, близко знавшие об этом деле, вряд ли могли спокойно относиться к тому факту, что человек, совершивший тяжелое преступление, в конце концов отделался сравнительно весьма небольшим наказанием, и тут же на месте постоянно напоминает своим присутствием о происшедшем несчастии.

От этого конкретного случая перебросимся к другому.

Во дворе большого дома юноша растлил малолетнюю девочку. Его судили, он отбыл наказание и через два—три, допустим, четыре года возвращается снова в тот же двор, к своим родителям. Растленная им несколько лет тому назад девочка превратилась в подростка или девушку. Она живет в том же дворе. И вот она, ее родители, все, хорошо знающие и помнящие это дело, люди должны встречаться поневоле с вчерашним преступником и, может быть, голосовать с ним заодно на общем собрании в жакте.

Не менее неприятное положение для потерпевшего создается и тогда, когда преступление совершается, допустим, в небольшой деревне. Три-четыре-пять лет лишения свободы (обычное наказание для случайных преступников по делам указанных категорий) не являются тем длительным сроком, который мог бы изгладить из памяти потерпевшего и его близких тяжелое преступление и связанное с ним горе, болезнь и т. п.

Отец или брат изнасилованной девушки, муж изнасилованной женщины, родители убитого ребенка или дети убитого отца сплошь и рядом не могут за несколько лет позабыть свою утрату, сделаться к ней равнодушными и искренно «простить» преступника.

По тому делу, с которого мы начали нашу статью, в зале суда присутствовали некоторые соседи и мать изувеченной женщины. Пока суд совещался, настроение всех этих людей по отношению к бывшему мужу вылилось довольно рельефно, и даже посторонние лица не могли примириться с тем, что изувечивший свою жену человек так скоро оказался на свободе и на положении только ответчика, с которого его жертва должна по суду дополнительно взыскивать несколько десятков рублей в месяц.

Разумеется, наше уголовное законодательство в основном не может преследовать цели удовлетворения чувств потерпевшего: это могло бы завести слишком далеко. Но, с другой стороны, надо признать, что и полное игнорирование чувств и достоинства потерпевшего и его близких, даже более того — оскорбление этих чувств — не должно быть терпимо. Пренебрежительное отношение к моральному интересу потерпевшего подрывает авторитет и силу закона и снижает предупредительное значение уголовного наказания.

Мы знаем, что в уголовной репрессии основную роль играет не ее тяжесть, а ее неизбежность; мы знаем также, что бывают случайные преступники, которые не представляют никакой социальной опасности в смысле рецидива; мы знаем, что даже тяжелые преступники в условиях нашей карательной системы довольно быстро перерабатываются в искренних ударников и стахановцев производства, для которых труд является делом чести, доблести и геройства. Нам известны случаи награждения орденами даже профессиональных

преступников и полный, безоговорочный, бесповоротный уход этих людей от прежней жизни к новой — честной и трудовой.

Это все совершенно бесспорно, и в то же время вопрос, который поднят в настоящей статье, имеет самостоятельное значение. Может быть, насильник или убийца малого ребенка и не такой уж плохой человек, и в состоянии даже оказаться героем, но, все же, если его успех и его прославление будут происходить на глазах родителей этого ребенка, — им это будет неприятно. Для них он останется еще долго преступником, причинившим им тягчайшее зло и обиду.

Конечно, практически сам осужденный по такого рода делам по отбытии наказания старается не возвращаться на прежнее место своего жительства, чтобы не сталкиваться с потерпевшими. Но в силу объективных условий (жилищный вопрос) и в силу личных своих свойств далеко не каждый отбывший наказание по такого рода делам поступает так. Нам известен случай, когда, наоборот, семья потерпевшего вынуждена была выехать из небольшого города для того, чтобы не встречаться с возвратившимся после отбытия наказания изнасиллователем.

Вопрос о дальнейших встречах преступника с его жертвой не должен зависеть от них самих. Его следует взять под государственный контроль и ослабить вероятность встречи преступника с его жертвой до самой ничтожной степени. Наша страна достаточно обширна для того, чтобы это мероприятие можно было провести в ней совершенно безболезненно. Политическая карта нашей страны также представляет в этом отношении множество возможностей. Нам, конечно, не придет в голову восстанавливать институт «поселения в Сибири» как последствие отбытия наказания, но почему не ввести институт воспрещения осужденному по отбытии наказания въезда в ту область, край или республику, где им было совершено преступление? Причем, здесь следует установить или очень длительные сроки или даже теоретически «навсегда», от которого осужденный может быть впоследствии освобожден лишь по особому постановлению суда, когда, очевидно, все следы содеянного преступления окончательно сотрутся или забудутся.

Мы считаем, что в приговоре по обвинению в умышленном убийстве, в причинении тяжелого увечья, в изнасиловании, в растлении, в заражении другого лица венерической болезнью, в некоторых случаях мужеложства (с насилем) обязательным дополнительным наказанием должно явиться и воспрещение по отбытии наказания проживания и даже въезда в те места, где находится потерпевший от преступления. В некоторых случаях эта стеснительная мера может принести пользу даже и осужденному, ибо встречаются и случаи мести совершившему преступление со стороны родных и близких потерпевшего. Это вызвано неудовлетворением той краткосрочной репрессией, которую применяет наш закон к случайным преступникам, особенно если они при отбывании наказания обнаруживают полное исправление.

Более того, нам кажется, что при разрешении дел подобного рода и в самом определении меры наказания вопрос о моральном удовлетворении потерпевшего или его близких

должен играть большую роль, чем он играет в настоящее время. В отношении обеспечения материальных интересов потерпевшего закон проявляет очень большую заботливость, хотя практически слишком часто все гарантии в этом отношении не приносят пользы за отсутствием средств у осужденного. Но с моральными интересами и чувствами, которые сильно задеты происшедшим преступлением, — будь то сам потерпевший или его близкие люди, — наше законодательство считается слабо.

В будущем Уголовном кодексе СССР вопрос об удовлетворении потерпевшего, путем устранения возможности его встреч с обидчиком на длительный срок после совершения преступления, должен быть обеспечен. Потерпевший, у которого в большинстве случаев нет способа исправить или возместить причиненное ему зло, должен быть удовлетворен хотя бы тем, что преступник будет изъят навсегда или очень надолго из того коллектива, в котором он ранее находился. Таким образом, возможность напоминания о причиненной обиде (в особенности, если преступник после отбытия наказания начинает «процветать») делается чрезвычайно маловероятной. Пусть себе исправившийся преступник «процветает» где-нибудь далеко, пусть он займет видное общественное положение, но пусть все это произойдет не там, где он совершил преступление, где живут люди, которых он изувечил или иным образом навсегда исковеркал им жизнь.

Охрана интересов личности требует сугубой внимательности к моральным интересам лиц, серьезно пострадавших от уголовного преступления.

А. Кирзнер.

Унификация гражданского судопроизводства

Ст. 14 Союзной Конституции (п. «ф») устанавливает, что законодательство о судопроизводстве и судопроизводстве является предметом ведения союзных законодательных органов.

Отсюда следует, что судопроизводственные нормы должны быть общими для всего Союза, и что издание общесоюзного гражданского процессуального кодекса является задачей очередной.

Вполне своевременно остановиться на некоторых процессуальных вопросах, различно разрешаемых республиканскими кодексами.

Нисколько не претендуя в тесных рамках журнальной статьи разрешить эти вопросы сколько-нибудь исчерпывающим образом, остановимся на некоторых из них, особенно привлекающих внимание советского юриста в процессе его практической работы.

Ст. 4 Гражданско-процессуального кодекса УССР устанавливает, что дела, в коих истцом является государственная либо кооперативная организация, суд может прекращать во всяком их положении, если в процессе их рассмотрения выявится нецелесообразность дальнейшего ведения дела вследствие явной невозможности привести решение в исполнение, либо превышения размера судебных издержек спорной меж сторонами суммы.

Правило это действия хозорганов по возбуждению явно нецелесообразных споров

под контроль суда и дает последнему право в любой стадии процесса пресечь дальнейшее по ним производство.

Соответствующего правила в Гражданско-процессуальном кодексе РСФСР нет (см. главу 1 ст. 1—11 Гражданско-процессуального кодекса РСФСР), хотя целесообразность его вряд ли может подлежать сомнению. Представим себе случай предъявления хозорганом иска при бесспорно выявленной судом несостоятельности ответчика, либо другой случай, когда по иску, примерно, в 20 руб. хозоргану приходится внести 50 руб. на экспертизу. Почему бы не предоставить в таких случаях суду, в интересах экономии государственных средств, а также и судейского времени, прекратить дальнейшее производство явно нецелесообразного процесса? В унифицированный кодекс Союза, думаем, такое правило нужно ввести.

Раздел IV гражданско-процессуальных кодексов РСФСР и УССР трактует о процессуальных сроках. В обоих кодексах предусматривается право сторон в процессе, в случае пропуска по уважительным причинам срока, просить о его восстановлении. При этом в кодексе РСФСР нет ограничения права стороны обжаловать отказ народного суда в восстановлении срока, в кодексе же УССР такое ограничение есть: ст. 77 ГПК гласит, что такой отказ обжалованию не подлежит.

Для правильной разрешения вопроса о том, какой из указанных кодексов стоит на правильной точке зрения, необходимо прежде всего обратиться к общим правилам обжалования частных определений народных судов. Правила эти в кодексах украинском и РСФСР идентичны (ст. 249 ГПК РСФСР и ст. 282 ГПК УССР).

Обжалование частных определений отдельно от кассации устанавливается в двух случаях: 1) прямого указания на такую возможность в законе и 2) пресекающего характера (т. е. заканчивающего производство по делу) обжалуемого определения.

Есть ли какой-нибудь резон устанавливать из этого последнего правила (либо определение об отказе восстановить срок на подачу кассации, несомненно, заканчивает производство по делу) исключение в отношении определений народных судов об отказе в восстановлении срока? Разве в этих случаях ошибки и неправильности со стороны народного суда менее возможны, чем в других случаях, где частное обжалование допущено?

Если решение суда первой инстанции было по существу неправильным, приносится на такое решение кассационная жалоба с пропуском срока, причем в просьбе о восстановлении срока приводятся уважительные причины его пропуска (позднее изготовление решения, болезнь жалобщика и т. п.), однако народный судья по совершенно неправильным мотивам отказывает в восстановлении срока, — почему же в этом случае лишать сторону права обжаловать такой неправильный отказ? Думается, что в унифицированном кодексе должно быть соблюдено правило кодекса РСФСР, а не украинского (для аналогии не мешает отметить, что уголовный процессуальный кодекс вообще не указывает никаких ограничений права обжалования стороной частных определений).

Порядок обжалования частных определений установлен в гражданско-процессуальных кодексах РСФСР и УССР различно.

По ст. 282 ГПК УССР порядок обжалования таких определений тождественен с кассационным обжалованием, т. е. частная жалоба подается в суд высшей инстанции (областной либо равнозначный). По ст. 249 ГПК РСФСР порядок иной: если частное определение вынесено единолично судьей, то жалоба на такое определение подается в тот же народный суд, членом коего является вынесший определение судья, но в коллегиальном составе. Нужно признать, что украинский кодекс стоит в этом случае на более правильной позиции. Ведь выносит частное определение фактический глава данного народного суда, авторитет коего среди прочих членов того же народного суда должен быть, если не неоспорим, то, во всяком случае, очень веским, и вовсе нет таких оснований, по коим, вместо того, чтобы передать вопрос на разрешение высшей инстанции, нужно было бы колебать этот авторитет передачей рассмотрения жалоб на действия и определения судьи на рассмотрение того же суда, хотя бы в коллегиальном составе.

Думается, что нет оснований к перенесению порядка, установленного по этому вопросу в кодексе РСФСР, в унифицированный кодекс Союза.

Необходимо обратить внимание на некоторую неполноту правил, установленных разделом XV кодексов РСФСР и украинского в отношении последствий непредставления сторонами документов, которые требует от них суд.

Нередки в гражданских процессах случаи, когда сторона представляет суду точные доказательства нахождения у противной стороны документа, бесспорно разрешающего возникший между сторонами гражданский спор, но сторона, от которой затребован документ, злобно уклоняется от представления его суду, предвидя последствия его представления в виде разрешения спора в пользу другой стороны. В ст.ст. 160—171 кодекса УССР и 128—151 кодекса РСФСР устанавливается возможность наложения на такую недобросовестно уклоняющуюся от представления документа сторону штрафа, но последствий такого уклонения в смысле того или иного влияния на исход возникшего спора ни тот, ни другой кодекс не устанавливают. Между тем, было бы вполне целесообразным установить, что обстоятельство, в подтверждение коего одна из сторон в процессе сослалась на документ, находящийся у другой стороны, в случае уклонения последней от его представления, признается доказанным.

Подразумевается такое правило не должно, оно должно быть прямо выражено в законе, иначе у судов всегда могут возникать сомнения в отношении определения последствий такого уклонения. Само собой при этом разумеется, что доказательства нахождения у стороны документа должны быть совершенно бесспорными, например, признание такого нахождения у нее документа стороной в письме, заявлении и т. п.

В отношении исковых заявлений, не оплаченных пошлиной, в кодексах РСФСР и УССР устанавливается единообразное правило о предоставлении тяжущимся срока на оплату за-

явления пошлиной. В отношении кассационных жалоб такого единообразия нет. Украинский кодекс применяет к кассационным жалобам то же правило, что и в отношении исковых заявлений, кодекс РСФСР допускает предоставление тяжущемуся срока на оплату кассационной жалобы только в исключительных случаях, в интересах государства, кооперации и трудящихся (ст. 239 ГПК РСФСР и раздел 27 ГПК УССР).

Есть ли действительное основание к такому ограничению права последующей оплаты кассационных жалоб, — представляется вопросом весьма спорным. В судебной практике нередки случаи передачи судьей в канцелярию мотивированного решения за день—два до срока обжалования, и тяжущийся, еле успевающий в срок принести кассационную жалобу, может по вполне уважительным причинам не успеть своевременно оплатить ее (наличными деньгами пошлину не всегда принимают, — нужно купить в госбанке марки единой госпошлины). Думается, что правило процессуального кодекса УССР является вполне целесообразным, и следует ввести его в объединенный кодекс Союза.

В заключение нужно остановиться на одном вопросе, давно назревшем в практике гражданского процесса. Этот вопрос о предоставлении сторонам в гражданском деле права представлять кассационной инстанции новые документы, не бывшие предметом рассмотрения суда первой инстанции.

Наш процесс второй инстанции (как уголовный, так и гражданский) не носит характера узкого, до конца выдержанного кассационного производства. В некоторых законодательствах кассационная инстанция является узко формальной. Оценка доказательств по существу, а тем более прием и рассмотрение новых, стоит вне компетенции кассационной инстанции; самое существо дела кассационную инстанцию не интересует (по крайней мере, не должно интересоваться, по смыслу закона); кассационная инстанция в этих законодательствах занимает положение Фемиды, действительно закрывшей глаза на существо правоотношений сторон, на фактическую сторону дела; правильно ли применен тот или иной (материальный) закон к такому-то фактическому отношению, не нарушена ли судом первой инстанции какая-либо процессуальная норма — вот круг тех вопросов, в коем вращается кассационная инстанция по этим законодательствам.

Не таков характер кассационного процесса в нашем суде. Советский суд не смог удержаться в сухих, формальных рамках строго кассационного производства. Появилось право изменять решения судов первой инстанции по существу, исправлять ошибки решения, когда исправление это вытекает из фактических обстоятельств, установленных судом первой инстанции, кассировать решения в случае противоречия их фактическим обстоятельствам и, в конечном выводе, выносить решения по существу дела.

Достаточно остановиться хотя бы на ст. 246 ГПК РСФСР, устанавливающей, между прочим, право кассационной инстанции изменить решение суда первой инстанции в случаях «несоответствия решения установленным на суде

обстоятельствам дела» и на ст. 277 ГПК УССР, дающей кассационной инстанции право «изменить решение первой инстанции по существу», если решение противоречит фактическим обстоятельствам, установленным судом.

Таким образом, рассмотрение дела в суде второй инстанции приобретает несколько смешанный характер: апелляционно-кассационного. Тогда почему же не допустить представления в суде второй инстанции нового документа, если он способствует действительно правильному разрешению гражданского спора и не мог быть представлен в суде первой инстанции по тем или иным, зачастую независящим от стороны, причинам.

В уголовном процессе наш закон уже отказался от ограничения права сторон представлять в кассационные инстанции новые документы, не бывшие в рассмотрении суда первой инстанции. Так, ст. 344 УПК УССР прямо предусматривает такое право обвиняемого в уголовном процессе. В УПК РСФСР правило это, хотя прямо и не выражено, но оно вытекает из ст. 410 УПК РСФСР, где сделана ссылка на применение в кассационной инстанции судопроизводственных норм главы 22 УПК (о производстве дел в суде первой инстанции, где представление документов является неоспоримым правом стороны).

Есть ли какой резон оставлять в гражданском процессе ограничение права стороны представлять в кассационные инстанции новые документы, если ограничение это в уголовном процессе уже признано неправильным?

Устранение этого ограничения тем более необходимо, что представление документов по гражданским делам в суде первой инстанции поставлено нашим процессуальным кодексом в довольно тесные рамки — ст. 106 ГПК РСФСР и ст. 124 ГПК УССР, в силу коих все доказательства по делу представляются до первого судебного заседания, а на практике народных судов откладывание дела для представления доказательств, в том числе и письменных документов, допускается лишь в крайних, сравнительно редких, случаях. Благодаря такому ограничению права представления документов первым судебным заседанием, благодаря при этом иногда позднему вручению вызывных повесток сторонам, эти последние часто просто не успевают представить документы своевременно в народном суде, а между тем опоздание в представлении их может относиться к такому документу, который решает судьбу самого спорного дела (платежная расписка по долговому документу, документ, прерывающий давность и т. п.). Часты и такие случаи, когда тяжущийся подобный документ разыскал либо получил только ко времени слушания дела во второй инстанции или подачи кассационной жалобы и был лишен фактической возможности представить его ранее.

Суд второй инстанции, строго придерживаясь закона, не имеет права принять от стороны во время рассмотрения дела такой документ, а между тем судейское понимание, вопреки формальному моменту, заставляет его руководиться содержанием представленного стороной документа, хотя бы формально к делу и не приобретенного. И вот возникает нежелательная коллизия между судейской совестью, правосознанием судьи и его уважением к законной форме.

Необходимо, по нашему мнению, возможность таких коллизий в будущем устранить и ввести в унифицированный гражданский процесс правило, уже давно принятое в процессе уголовного, — о праве сторон представлять новые документы в кассационной инстанции.

Горнштейн.

Убийство или самоубийство

Этот коренной вопрос всегда возникает у следователя, когда по прибытии на место происшествия глазам его представляется лишь голый факт насильственной смерти, т. е. когда обстоятельства, предшествовавшие событию, еще не объясняют его во всей своей полноте и достоверности. Рассказы очевидцев, разговоры соседей, слухи в толпе, догадки, предположения и, иногда, первое впечатление, полученное от случайно попавшихся на глаза предметов и вещей, не только не могут служить исчерпывающим материалом, характеризующим правдивость той или иной версии, но нередко могут сбить следователя с правильного пути и дезориентировать его. Обольщаться «очевидностью», успокаиваться на формуле «иначе и не могло быть» — означает проявить в ответственной и важной работе раскраску преступления легкомыслие, поспешность и небрежность.

Первым на место происшествия прибывают органы дознания, т. е. милиция, они являются первыми очевидцами цельной, не тронутой обстановки события. Там, где возникает малейшее подозрение в том, имеет ли место убийство или самоубийство, органы дознания обязаны немедленно вызывать на место происшествия следователя. До прибытия последнего должны быть приняты все меры к тому, чтобы сохранить, по возможности, в неприкосновенном виде всю обстановку места происшествия. Всякое неправильное распоряжение, часто незначительное изменение в обстановке, несвоевременное изъятие орудий преступления не только затрудняют действия следователя, но просто содействуют дезорганизации его работы.

Образец неряшливого, неумелого и необдуманного образа действий со стороны органов дознания, повлекшего за собою полное извращение факта преступления, мы имеем на следующем примере.

В марте 1936 г. дежурному коменданту Херсонской гормилиции врач станции «Скорая помощь» сообщил, что по ул. 1 Мая в Херсоне в квартире председателя месткома «Заготзерно» Самойленко обнаружен труп ее мужа Шарапова Григория, грузчика-стахановца станции Херсон. Дежурный комендант сам отправился на место происшествия. По прибытии он распорядился отправить труп в морг и «убрать квартиру»; при этом им были изъят окровавленный канат и пальто. Им же был составлен акт о самоповешении Шарапова, в котором общими фразами было указано, что труп лежал «в черном виде», что на голове трупа обнаружены 4 раны и что лужа крови простиралась «аж до коридора».

По этому делу комендантом были допрошены жена Шарапова Самойленко, ее брат Иван и один свидетель, заявивший, что в вечер

смерти Шарапова он видел в «Заготзерно» его жену в пьяном виде. По словам свидетеля, она вела себя в этот вечер непристойно. Судебный врач, производивший вскрытие трупа, выдал гр-ке Самойленко справку для представления в загс о смерти мужа, последовавшей в результате самоповешения. Этими были «исчерпаны» все действия, подменившие собой функции следствия и суда, и дело производством было прекращено.

Мотивы самоубийства, повидимому, представлялись Херсонской милиции обстоятельствами «несущественными», а потому остались по делу невыясненными.

Столь грубая работа органов дознания обратила на себя внимание прокуратуры, так как один поверхностный осмотр протокольных документов вызывал ряд вопросов, естественно возникающих у следователя, в практике которого встречались случаи самоубийства с невыясненными мотивами, а именно:

1. При наличии довольно сложной обстановки происшествия, а также вещественных доказательств как могло остаться вне поля зрения следственной работы тщательное изучение «немых свидетелей»?

2. Почему на место происшествия не вызвал следователь?

3. Почему в деле нет никаких признаков работы судебно-медицинской экспертизы?

4. Почему при отсутствии мотива самоубийства не опрошен круг лиц, знавших Шарапова, его семейную и служебную обстановку, и т. д.?

Тщательное изучение материала показало, что заключение основано на догадках и предположениях, что целый ряд необходимых следственных действий не произведен, что на многие, естественно возникавшие вопросы, материалы дела ответа не давали.

Наличие только окровавленного каната и вопрос гр-ки Самойленко не могли, конечно, рассматриваться как исчерпывающий источник и бесспорное доказательство самоповешения, да и сам факт повешения не был установлен ни положением трупа, ни положением близлежащих к трупу предметов, ни состоянием одежды, ни осмотром ран и орудий, коими они были нанесены.

Неомотря на то, что со времени происшествия прошло 4 дня, что квартира распоряжением коменданта была убрана и, следовательно, многие следы происшествия как объекты изучения уже отпали, была намечена следующая схема, подлежащая выяснению:

1) каково расположение дан на голове трупа, характер их и степень тяжести;

2) каким орудием нанесены ранения на голове Шарапова;

3) каков характер и направление странгуляционной борозды (ее непрерывность, соответствие ее контуров толщине найденного при трупе каната);

4) расположение самого трупа самоубийцы;

5) наносились ли ранения Шарапову в том же помещении, где был обнаружен труп его;

6) была ли возможность в ночное время проникнуть в помещение, где был обнаружен труп, посторонним лицам;

7) какова форма петли;

8) имеются ли признаки синюхи лица, ущемления языка между зубами, отхождение мочи, кала, спермы, наличие трупных пятен на ногах;

9) взаимоотношения Шарапова с его женой и шурином — свидетелями в деле.

Несмотря на то, что квартира была уже убрана, полы вымыты, стены выбелены, белье постирано, все же представлялось целесообразным произвести вторичный осмотр квартиры и тщательный обыск.

Полученными данными удалось вскрыть ряд новых обстоятельств, давших следствию совершенно иное освещение выводам Херсонской милиции и заключению судебного врача, а именно:

1. Судебной экспертизой было установлено, что ранения на голове Шарапова нанесены посторонней рукой, о чем говорит направление и расположение ран, а также орудие ранений — молоток. Все раны по характеру рубленые, числом 15, а не 4, как указано в акте милиции.

Одно из ранений повлекло за собой нарушение целостности черепной кости. Раны эти, не будучи смертельными, все же должны были, по мнению экспертизы, привести Шарапова в тяжелое бессознательное состояние, при котором исключаются логические действия.

2. Странгуляционная борозда выражена очень слабо, направление ее горизонтальное и непрерывающееся вокруг всей шеи.

3. Смерть наступила от асфиксии (удушения).

4. Тщательный осмотр каната, сопоставление его с оставленным на шее следом, незатягивающаяся петля и тем не менее смерть от асфиксии приводили к определенному заключению, что орудием удушения явился не тот окровавленный канат, который был обнаружен при трупе, а более тонкая бичева, затянутая петлей-удавкой.

5. Кровь на канате оказалась принадлежащей Шарапову.

О самоубийстве или самоповешении при всех этих обстоятельствах не могло быть и речи. Вопрос упирался в выяснение виновников убийства, замаскировавших убийство версией о самоповешении.

Брызги крови на нижней трети стены, идущие снизу вверх, вразумительно говорили о том, что ранения наносились Шарапову в то время, когда он лежал на полу. При осмотре квартиры удалось обнаружить молоток, принадлежавший жене Шарапова, со следами отмытой крови. Это исключало версию об убийстве Шарапова посторонним лицом. Окна оказались наглухо заклеенными и следов недавнего вскрытия их не было, следовательно, проникновение убийц в квартиру могло произойти лишь через входную дверь. Последняя закрылась замком и внутренним крючком.

Исследованием обстоятельств, предшествовавших событию, было установлено, что в квартире проживали совместно Шарапов, его жена Самойленко и ее брат Иван. Опросом лиц, близко знающих обитателей квартиры, выясняется, что Шарапов — тихий, спокойный по характеру, владеющий собою человек; его жена — прямая противоположность — вспыльчивая, эксцентричная особа.

8—10 марта в Международный женский день все троем были на вечере в конторе «Заготзерно». Самойленко в этот день изрядно выпила. Первым ушел домой брат Самойленко Иван, взявший с собою ключ от квартиры. Шарапов и его жена после 12 часов ночи от-

правились на эlevator, где Самойленко продолжала пить.

Непристойное поведение жены побудило Шарапова склонить ее к уходу. Настояния мужа вызвали с ее стороны крайнее недовольство и ругань; все же Шарапову удалось ее увести. Допрошенные по делу свидетели показали, что ругань и спор продолжались по дороге домой. Дальше свидетели ничего объяснить не могли, так как они их оставили одних на дороге. Сама Самойленко заявляет, что муж ее по дороге оставил и пошел быстрыми шагами один по направлению к дому; она же медленно дотащилась до дому одна, постучалась, двери квартиры открыл ее брат Иван, и она увидела труп ее мужа.

Пространство от того места, где, по словам Самойленко, муж ее оставил, до их квартиры представляет собой, как показало измерение, расстояние всего в 300 шагов. Разница в скорости передвижения могла составить минуту, либо десятки секунд, т. е. срок, в который никакие действия ни самого Шарапова, ни над Шараповым не могли завершиться.

Лживость этих показаний настолько очевидна и понятна, что не требует никаких комментариев. Не менее лживыми оказались и показания ее брата Ивана; он, мол, вернувшись с вечеринки, уснул, ничего не съехал, двери Шарапову не открывал и как Шарапов проник в квартиру не знает.

Со слов обоих труп висел на стенке кровати, привязанный за шею. Прибывшие к месту происшествия свидетели видели труп лежащим на полу без каната.

Совокупность всех обстоятельств, предшествовавших событию, вся обстановка действий, наличие орудий убийства, характер ранения, неправдоподобность показаний Самойленко и ее брата, буйное поведение пьяной жены, показания соседней и наконец данные, добытые судебно-медицинской экспертизой, дали полное основание заключить, что:

1) налицо имеется убийство, а не самоубийство, 2) Самойленко, будучи пьяна, в пылу ссоры, многократными ударами молотка по голове довела мужа до потери сознания, 3) задушив потерявшего сознание мужа, она, совместно с братом инсценировала его самоубийство через повешение.

Приговором нарсуда Самойленко была осуждена к 9 годам лишения свободы, а ее брат — на 2 года. Облсуд приговор нарсуда утвердил.

Описанный случай учит, как в результате неумелых действий органов дознания и судебного врача из рук советского правосудия может ускользнуть враг народа, убийца, преступник.

Опыт расследовательской работы, многократные методические указания со стороны прокуратуры, многочисленные материалы, публикуемые в периодической печати и специальных журналах, и живой инструктаж твердо и вразумительно диктуют в расследовательской работе плановость, систему, инициативу, четкость, продуманность.

Такие действия как дезорганизация обстановки, невызов следователя и экспертов, скрошенные заключения, ставки на самотек доказательств, недостаточное изучение обстоятельств, предшествовавших событию, пренебрежение свидетельскими показаниями и т. п.

не могут и не должны иметь место в работе следственных органов. Качество расследования в основном, конечно, зависит от опыта и умения следователя. Техника раскрытия преступления не допускает графарета и схемы. Приемы и методы работы возникают в процессе самой работы, все же не одним опытом исчерпываются маневренность действий в работе. Необходимы знания и добросовестность, и наблюдательность, и тщательность в проверке правильности объяснений причастных к делу лиц.

Приведенный выше случай свидетельствует о том, что мы до сих пор недостаточно боремся с такими недостатками в работе как безграмотность, небрежность, поспешность, доверчивость. Наши действия так часто еще пропитаны той «кустарной стряпней», при которой забывается основная наша задача — держать упор на собирание тех достоверных материалов, которые «рентгеновскими» лучами проникли бы во все поры стоящего перед ними объекта и всесторонне осветили бы его для правильных выводов. Это единственный путь устранить загадочность происшествия и уверенно разрешить вопрос — убийство или самоубийство в тех случаях, где оно может возникнуть. «Проглядеть дело» означает оставить в нашей среде активно действующего преступника. Каждый работник следственных органов должен проникнуться сознанием, что всякое нераскрытое им по причинам недостаточного и неглубокого исследования и изучения всех обстоятельств преступления, а также неиспользование всех практических и научных методов техники расследования представляют собой ничем не оправдываемый в нашей работе брак. Решительно покончить с ним — дело чести каждого следователя.

С. Кривицкий.

Методы судебно-бухгалтерской экспертизы

Неудовлетворительность судебно-бухгалтерской экспертизы, встречающаяся, к сожалению, достаточно часто в судебной практике, по материалам проводимой органами юстиции борьбы с хищениями общественной, социалистической собственности, имеет одной из основных причин то, что некоторые следователи и судьи не разграничивают судебно-бухгалтерские экспертизы и ревизии.

Этот вопрос в числе других организационных вопросов, связанных с проведением судебно-бухгалтерской экспертизы, освещает приказ Прокуратуры СССР от 7 октября 1936 г. № 61/19 о судебно-следственных экспертизах («Социалистическая законность» № 11, 1936, стр. 94).

Однако, имея в виду существенность затронутого вопроса, следует осветить его с необходимостью полностью.

При назначении бухгалтерской экспертизы некоторые следственные работники ошибочно полагают, что бухгалтер-эксперт должен собрать все доказательства, устанавливающие виновность обвиняемого, а дело следователя — по готовому обвинительному материалу составить обвинительное заключение. Они, таким образом, самоустранились от ведения следствия,

перелагая его совершенно неправильно на бухгалтера-эксперта.

Бухгалтер-эксперт в этом случае выполняет функции не эксперта, а ревизора, и его работа представляет по существу не заключенные экспертизы, а акты ревизии, показывающие результаты проведенной экспертом, обычно даже неполной, проверки счетных записей, документов и т. д.

Между тем подмена экспертизы актом ревизии совершенно недопустима, особенно когда акты ревизии расцениваются как бесспорное доказательство по делу.

Примечание к ст. 171 УПК прямо предусматривает, что если представленные бухгалтеру-эксперту следователем материалы недостаточны для дачи заключения, он составляет акт о невозможности дачи заключения, и если устанавливается необходимость производства ревизии, то эксперт ее не сам производит (так как иначе он может быть отведен из числа экспертов), а сообщает об этом следователю особой докладной запиской.

Следователь должен обязать хозорганизацию в указанный им срок произвести необходимую ревизию (приказ Прокуратуры СССР от 7 октября 1936 г. № 61/19 о судебно-следственной экспертизе).

Следует напомнить, что эта ревизия должна производиться за счет хозорганизации в отличие от судебно-следственной экспертизы.

Нужно иметь еще в виду и то, что бухгалтерская экспертиза производится экспертом, направленным по вызову следователя местным бюро СБЭ на основе материалов, имеющихся у следователя, а бухгалтерская ревизия производится хозорганизацией в ведомственном порядке (или по поручению хозорганизации местным бюро СБЭ) на основе материалов хозорганизации.

Таким образом акты ревизии должны являться материалом для последующей судебно-бухгалтерской экспертизы.

Экспертиза является способом проверки ревизии и необходима, главным образом, при серьезном оспаривании обвиняемым первоначальных выводов ревизии, при неполноте или тенденциозности ревизии.

При рассмотрении документов бухгалтер-эксперт должен внимательно изучать вопрос о своевременности счетной записи документов, имея в виду, что при наличии документов трудностей для хорошего бухгалтера в организации счетоводства заново не представится.

Счетным записям, предъявленным эксперту, всегда может быть искусственно придан вид желательный в каждом отдельном случае.

Бухгалтер-эксперт не должен забывать о том, что все его исследования, выводы и заключения должны быть основаны на счетоводстве и его данных. Отступление от этого будет означать извращение самого существа функций бухгалтера-эксперта и будет воспринято следствием и судом как переход границ экспертом той области знаний, в которой он является сведущим лицом, в связи с чем будет обречено на неудачу в целом заключение, представленное экспертизой.

Бухгалтер-эксперт, как и всякий эксперт, не должен быть ни заступником, ни обличителем обвиняемого.

Строгая объективность — главное условие экспертизы.

Поэтому, не поддаваясь никаким впечатлениям от обстоятельств дела («оговор обвиняемого» или «заведомая виновность»), он не должен быть тенденциозным, — пусть бескорыстно; он должен внимательно и глубоко изучить все обстоятельства дела, связанные с поставленными перед ним вопросами, после чего он может представить следствию и суду свое заключение.

Он должен уяснить практическое значение даваемого заключения, которое явится одним из доказательств в судебном процессе, где для защиты данного заключения понадобится не только способность быстро ориентироваться в задаваемых вопросах, но, самое главное, отчетливая осведомленность во всех обстоятельствах дела, связанных с представленным экспертом заключением.

Невнимательность в изучении дела, поспешность в суждениях и растерянность на судебных заседаниях могут поставить эксперта в весьма невыгодное для него положение.

При смешении в судебно-следственной практике методов бухгалтерской ревизии с методами судебно-бухгалтерской экспертизы бухгалтер-эксперт часто получал весьма неопределенное задание следователя: «Разобраться в учете и отчетности какой-либо организации и сообщить, есть ли там какие-нибудь преступления или нет», — в целях изблечения обвиняемого в преступлениях, еще не установленных следователем.

Он принимался за проверку всего счетоводства этой организации, изучая, чаще всего выборочным путем, отдельные счетные записи, документы, счета и т. д. (так как сплошной проверке все данные учета он подвергнуть, естественно, не мог).

Методы таких «экспертиз», в которых эксперт из сведущего лица превращался в представителя розыска, вне зависимости от их дефектности как методов экспертизы, все же могут быть использованы при выборе методов ревизии бухгалтером-ревизором.

Они имеют своим источником большую практику судебно-следственных органов по изучению способов совершения преступлений с использованием учета и отчетности для сокрытия следов этих преступлений.

Рассмотрим некоторые из этих методов.

При всякой ведомственной ревизии бухгалтер-ревизор в соответствии с постановлением СНК СССР от 15 апреля 1936 г. о документальной ревизии хозяйственных операций, должен произвести глубокую проверку документного хозяйства ревизуемой организации с одновременным изучением счетного и юридического оформления документов.

Бухгалтеру-ревизору, очевидно, можно рекомендовать и проверку обоснованности счетных записей документами, но нужно еще иметь в виду и то, что простая проверка арифметической правильности документов, подсчета итога оборотов по отдельным счетам и saldo может привести к обнаружению злоупотреблений.

Можно привести относящийся к этому пример из судебной практики народного суда

2 участка г. Уральска, Западноказахстанской области.

Некто Нагорнов работал завхозом и счетоводом уральской городской поликлиники.

В течение всего времени своей работы (около года) он систематически подсчитывал и выставлял в составляемых им на выдачу зарплаты ведомостях неправильные арифметические итоги, произвольно их увеличивая.

Зарплату по этим ведомостям выдавал он же, отчитываясь впоследствии как оправданными документами этими ведомостями с заведомо преувеличенными арифметически неправильными итогами.

Всего им присвоено и растрачено было таким способом около 10 000 руб.

Характерно, что бухгалтер, контролировавший Нагорнова в течение почти года, ничего не обнаружил. Преступление было раскрыто совершенно случайно (дело № 472 1936 г.).

Нельзя предпринимать документальную ревизию в данной организации изолированно от других, соприкасавшихся с ней организаций.

Сопоставление документов и записей этой организации с записями и документами встречных организаций тоже может привести к таким результатам.

Счетовод одной из саратовских организаций С., являвшийся одновременно инкассатором, выписывавший счета разным заказчикам этой организации и получавший по счетам деньги, выписывал неправильные, с указанием преувеличенной суммы к получению, подлинные экземпляры счетов, передаваемые им заказчикам. Копии этих же счетов, оставляемые у себя, он составлял правильно.

В результате этого С. переполучил с заказчиков и присвоил в течение длительной мошеннической деятельности 32 000 руб. (С. был осужден Саратовским крайсудом).

Является весьма существенным детальное изучение отчетов подотчетных лиц: особое внимание должно быть обращено на анализ произведенных зачетов излишков в счет имеющих недостаток по совершенно разнородным группам товаро-материальных ценностей, так как с помощью этого зачета часто маскируются имеющиеся в наличии хищения и различные злоупотребления.

Не менее важна проверка записей по счетам скрывшихся лиц. Поскольку эти лица никаких возражений против записи на их счета каких угодно сумм, даже без всякого к тому основания, не заявляя, можно замести следы преступников, ничего общего со скрывшимися лицами не имеющих, воспользовавшись списыванием похищенного на них.

Точно также очень важно установление правильности корреспонденции счетов. Неправильная корреспонденция счетов, легко обнаруживаемая бухгалтером-ревизором, может явиться способом выявления злоупотреблений.

Эти, а равно и другие моменты должны быть учтены нашей следственной практикой и бухгалтерами-экспертами.

Любкин.

Военный следователь и специфика его работы

Вопрос о специфике работы военного следователя, поднятый т. Рахлиным в его статье «К вопросу о специфике работы военного следователя» («Социалистическая законность» № 1 за 1937 г.), очень актуален и, по нашему мнению, поставлен на разрешение своевременно.

В следственный аппарат военной прокуратуры РККА каждый год вливаются кадры молодых работников, посвящающих себя работе в органах военной прокуратуры. Часть военных следователей — это бывшие одноклассники, прошедшие небольшую школу освоения военного дела и почти не имеющие юридической практики. Некоторая часть военных следователей имеет достаточную, подчас хорошую военную подготовку, но слабую специальную — юридическую.

Как первым, так и вторым тяжело осваивать сложнейшую работу, возложенную на военного следователя. Объем работы военного следователя не ограничивается расследованием преступлений, предусмотренных соответствующим разделом в уголовном кодексе о воинских преступлениях.

В практике работы военного следователя встречается ряд других преступлений, предусмотренных УК, совершаемых военнослужащими или гражданскими лицами совместно с военнослужащими.

Каждое преступление, совершаемое в рядах РККА, требует от военного следователя, с одной стороны, быстрого, полного и тщательного расследования самого факта преступления и, с другой, установления причин или системы, породившей данное преступление.

Военные следователи, работающие на отдельных участках, кроме своей основной работы, обязаны проводить большую правовую работу, давая красноармейцам, командирам и их семьям квалифицированную юридическую консультацию по всем правовым вопросам. Кроме того, на военного следователя возложена обязанность руководить работой органов дознания, готовить из дознавателей лиц, способных расследовать тот или другой вид преступлений с соблюдением соответствующих норм УПК.

Если еще учесть, что военный следователь не всегда имеет возможность пользоваться услугами уголовного розыска или чаще не может ими пользоваться из целого ряда соображений, вытекающих из специфики работы в РККА, а должен сам хорошо знать технику расследования преступлений, то станет ясно, насколько сложна и многогранна работа военного следователя.

Чем же должен руководствоваться молодой работник следственного аппарата военной прокуратуры в своей работе, чтобы овладеть столь сложной ответственной работой? Какие учебники, методические указания и технические средства мы имеем? Надо отметить со всей откровенностью, что в этом вопросе на сегодняшний день для пожеланий имеется огромное место. Прав т. Рахлин, когда он в своей статье говорит, что «вопрос об особенностях следственной работы в РККА не нашел почти никакого отражения в юридической

литературе». В самом деле, какие учебники и пособия мы имеем для руководства? Имеется у нас криминалистика и техника расследования преступлений. Эти две книжки безусловно ценны, но далеко несовершенны по своей полноте. В технике расследования совершенно отсутствуют разделы о расследовании преступлений при отравлениях, мало освещен вопрос о расследовании преступлений, связанных с огнестрельными ранениями и убийствами, расследовании хозяйственных преступлений, не говоря уже о том, что специфика расследований воинских преступлений совершенно не освещена.

В архивах военных прокуратур имеется несколько инструктивных писем главной военной прокуратуры РККА, которые представляют большую ценность для военного следователя в смысле ориентировки в работе, но они недостаточны, так как освещают только отдельные моменты работы военного следователя, а не систему его работы.

Прокуратурами округов практиковалась работа по организации следственных игр с военными следователями по решению дел различных категорий. На наш взгляд, такая практика ознакомления военного следователя со спецификой его работы не вполне себя оправдывает по двум причинам: с одной стороны, она немного схоластична, оторвана от жизни. Возьмем, например, такую стадию игры, как осмотр места происшествия. Что можно предусмотреть, не видя своими глазами места происшествия? Конечно, часть вопросов можно охватить, но большинство останется невыясненным. Такая практика решения упражнений может приучить военных следователей к схематизму и упрощенству при осмотре действительного места происшествия. То же самое можно сказать и о других этапах решения следственного упражнения.

Вторая отрицательная сторона данного дела — это ограничение следователя временем при решении упражнения, вследствие чего он лишен возможности просмотреть необходимую литературу, циркуляры, положения, уставы и другие руководящие материалы, действующие в РККА.

Материалы, которыми руководствуются военные следователи, — это не только УК и УПК, а еще целый ряд всевозможных приказов, циркуляров, уставов и положений.

Возьмем такой вид преступлений, как хозяйственные преступления в РККА. Ведь практически, ведя следствие по данному делу, не зная положений о войсковом хозяйстве РККА, изложенных в книгах 18, 20-й и др., совершенно нет возможности доброкачественно провести следствие. Разобраться в этих книгах, из общей массы материала выбрать нужные для военного следователя — не всегда легко и не каждому следователю под силу.

Возьмем другой пример — расследование преступления, имевшего место на полигоне, стрельбище, в тире (в большинстве своем так называемые несчастные случаи); не зная детально порядка организации работы на полигоне, стрельбище, в тире, военный следователь не может расследовать преступление данного рода.

Расследование преступлений, имеющих место во время выездов, учений, маневров и т. д., также требует, с одной стороны, полноты и

быстроты расследования, а с другой — больших знаний по организации учений, маневров, выходов и пр. Материалы же по этим вопросам разбросаны в десятках книг. Может ли военный следователь иметь под рукой нужные материалы или знать их наизусть? Конечно, нет. Консультироваться у лиц, которых допрашиваешь, — это значит быть у них на поводу; проконсультироваться у других командиров не всегда представляется возможным, особенно во время учебных сборов, выходов, маневров.

Не является секретом, что часть военных следователей не справляется с возложенной на них работой даже после практической работы, измеряемой годами. Некоторые из них уволены из органов военных прокуратур, некоторые стоят на грани этого. Чем объяснить такое положение? На наш взгляд, это объясняется двумя причинами: с одной стороны, рост технического вооружения Красной армии требует всесторонне технически подготовленного военного следователя с большим культурным и политическим кругозором, а с другой стороны, некоторые военные следователи не поняли необходимости культурно-политического роста и овладения техникой своего дела, в результате чего они отстали и не могут справиться с возложенными на них обязанностями даже при наличии известного стажа юридической работы.

Давно назрела необходимость создать учебник-руководство для военных следователей. Разбросанный в десятках книг нужный военному следователю материал необходимо, по возможности, сконцентрировать в 2-3 книжках, которые должны быть написаны популярным, понятным языком. Кто должен заняться этим делом? Нам кажется, что этим вопросом, в первую очередь должен заниматься военно-юридический факультет Правовой академии, который, как говорит в своей статье т. Рахлин, еще не подошел к обсуждению этой проблемы. Скажем от себя, что военно-юридический факультет должен не только обсудить эту проблему, но и в ближайшее время решить ее.

Почему бы к этой работе, наряду с научными кадрами академии, в частности военно-юридического факультета, не привлечь практических работников, прокуроров округов, корпусов и следователей, которые имеют соответствующую теоретическую подготовку и ценный опыт, добытый многолетней практикой?

В заключение необходимо отметить, что специфика работ военного следователя требует от него огромного запаса знаний как специальных, так и в целом ряде областей других наук, большой культуры и такта. Нам, военным следователям, этого в большей части недостает. Знания добываются учебой, работой над собой, повседневным повышением своей квалификации, политического и культурного уровня.

Те учебники, которые у нас имеются на сегодня, не обеспечивают должного роста военного следователя.

Военная прокуратура РККА должна заняться вопросом подготовки следственного аппарата, способного выполнить требования, которые к нам предъявляет Сталинская Конституция.

М. Мальяров.

Пора покончить с оппортунистическим благодушием

Сталинская Конституция возложила на прокуратуру ответственнейшую обязанность высшего надзора за точным исполнением законов.

Для выполнения этой обязанности в отношении постановлений и распоряжений, издаваемых органами власти на местах, административными и хозяйственными организациями, в составе прокуратуры созданы отделы общего надзора.

В своей надзорной работе отделы общего надзора и районные прокуроры ограничиваются главным образом наблюдением за издаваемыми советами и исполкомами обязательными постановлениями. Надзора же за исполнением законов по организационным вопросам деятельности советов и исполкомов и за точным выполнением ими законов о выборности депутатов, порядке их отзыва и т. д. органы прокуратуры не осуществляют. Только оппортунистическим благодушием можно объяснить то, что, например, в отделах общего надзора Прокуратуры РСФСР и Московской области даже не имеется никаких материалов по этим вопросам, и они не знают, что на местах делается.

В апреле 1937 г. мне в качестве члена бригады КПК при ЦК ВКП(б) пришлось принять участие в проверке работы Мособлисполкома и Калужского городского совета. Проверка выявила ряд фактов грубейшего нарушения советской демократии и социалистической законности.

При проверке избирательных протоколов 1934 и 1936—1937 гг. Калужского городского совета установлено, что больше 20% депутатов избраны с нарушением действовавшего избирательного закона. Несмотря на это, они продолжают работать в качестве членов городского совета.

Эта незаконность выборов заключалась в том, что: 1) выборные собрания открывались при явке менее 50% всех избирателей данного участка; 2) признавались депутатами лица, получившие менее 50% голосов и 3) протоколы избирательных собраний не оформлялись в порядке, установленном избирательной инструкцией ВЦИК.

Мособлисполком из своего состава членов пленума для вновь образованной Калининской области выделил 16 членов и 25 кандидатов, среди которых были люди, которые не проживали и не работали в Калининской области. Из состава Мособлисполкома эти депутаты, «переведенные» в Калининский облисполком, были механически исключены.

Один из них (Воронцов М. П.) впоследствии опять был включен в состав членов пленума Мособлисполкома и участвовал на двух последних заседаниях пленума в 1937 г.

Президиумом Калужского городского совета систематически практиковалась кооптация в состав членов президиума данного заседания пленума недепутатов городского совета. Так, на VI, VIII, IX, XII и других пленумах по предложению председательствававшего в состав президиума избирались по 5—7 разных должностных лиц, в том числе, например, начальник милиции Горячев, райпрокурор Шел-

ковников и другие, не состоящие депутатами городского совета.

В Калужском городском совете практиковалось лишение мандатских прав депутатов личным распоряжением председателя городского совета. Так была лишена мандата Карпова, выбранная в 1934 г. от неорганизованного населения. Бывший председатель городского совета Рахов лично не выдал ей мандата по тем мотивам, что Карпова до революции несколько месяцев была замужем за полковником. До 1934 г. эта Карпова систематически избиралась в члены городского совета.

Право отвода депутатов осуществлялось исключительно президиумом совета, а не избирателями и при этом с допущением нарушения закона.

Президиум Мособлисполкома в феврале 1937 г. в опросном порядке провел отвод двух членов и одного кандидата, не поставив этого вопроса на пленуме.

Постановлением президиума Калужского городского совета от 15 апреля 1937 г. лишены мандатов 6 депутатов по мотивам незаконности их избрания в 1936 г. Об их отозвании вопрос перед избирателями не был поставлен.

В Калужском городском совете на 19 депутатов, числящихся по списку отозванных, и 57 депутатов, состоящих в списке выбывших, нет никаких протоколов об их отозвании или документов о выбытии.

При проверке явочных списков установлено, что в практике Мособлисполкома и Калужского городского совета часто допускалось открытие пленумов с явкой менее 50% членов пленума.

Так, например, двенадцать пленумов Калужского городского совета (из 15) состоялись при явке 35—45% членов городского совета.

V, VI, VII и VIII пленумы Мособлисполкома также состоялись при явке менее 50% всего состава членов. При отсутствии кворума на VII пленуме был решен вопрос о созыве чрезвычайного областного съезда советов.

Председателями Мособлисполкома и Калужского городского совета систематически практиковалось вынесение так называемых «опросных» постановлений по очень важным вопросам, затрагивающим интересы населения. Эти «опросные» постановления подписывались 3—4 членами президиума.

Из 6048 постановлений, принятых президиумом Мособлисполкома за 1936 г., в опросном порядке было принято 4849 постановлений, а за I квартал 1937 г. — 584 из 948.

Прокуратуру Московской области все эти нарушения закона, как видно, не интересовали, и она никому о них даже не сигнализировала, не говоря уже об опротестовании незаконных действий.

Нельзя не остановиться на случаях грубейшего нарушения социалистической законности и при вынесении обязательных постановлений.

В 1936 г. в течение пяти месяцев на улицах, в учреждениях и предприятиях г. Калуги на видных местах висело и действовало обязательное постановление городского совета об устройстве водопровода и канализации и пользовании ими. Этим постановлением все частные и государственные лица под страхом привлечения к уголовной ответственности обязывались экономить расходование воды из водопровода. При этом в постановлении было ука-

зано, что лица, виновные в нарушении правил, при пользовании водой из кранов для производственных целей «подвергаются на первый раз штрафу в размере 100 руб. и возмещению убытков в 10-кратном размере, при повторном нарушении привлекаются к уголовной ответственности, как за расхищение общественной собственности».

Это постановление лишь через пять месяцев было опротестовано районным прокурором и отменено городским прокурором, когда Водоканал по этому обязательному постановлению оштрафовал уже 459 разных лиц. Взысканные штрафы до сих пор не возвращены потерпевшим.

В делах этого же городского совета мы обнаружили никем не подписанное, но разосланное «Положение об уличных комитетах», где было сказано, что при уличных комитетах «организуются товарищеские суды, учреждаются ордена «мусорного ящика», «помойной ямы» и т. д.

Эти грубые нарушения закона остались незамеченными органами прокуратуры, что указывает на слабость работы по общему надзору.

Цора покончить с этой беспечностью и благодушием и заставить отделы общего надзора активизировать свою работу по наблюдению за точным выполнением законов во всей широте.

Р. Веселкин.

О замаскированной безмотивности судебно-прокурорских определений и постановлений

Время знаменитого «упрощенчества» в органах юстиции отошло уже давно в область преданий. Теперь никто уже не посмеет заикнуться, в частности, о том, что можно быть хорошим судьей и писать безмотивные приговоры или определения, что можно быть хорошим прокурором и писать безмотивные постановления по жалобам. Все — за обоснованность и подробную мотивировку приговоров, определений и постановлений. Но на деле мы нередко еще встречаемся с грубейшим игнорированием этой, признаваемой лишь на словах, «формальной» стороны крайне важной для правильного разрешения дел по существу. Правда, если говорить только о приговорах, то сейчас уже очень трудно найти совершенно безмотивные приговоры. Зато кассационные определения и прокурорские постановления все еще продолжают сплошь и рядом грешить этим крупным дефектом, лишаящим дальнейшие инстанции возможности оценить работу тех лиц, которые выносили данные определения и постановления.

Но это зло явное. Здесь люди, не маскируясь, сами показывают всем и каждому, что им нечего предъявить в обоснование своих решений. С таких людей, собственно, и спрашивать нечего. Это так называемые штамповщики, им некогда или неохота задуматься, выкинуть в дело и дать ясный, членораздельный ответ на поставленные перед ними вопросы. На нет, как говорится, и суда нет. Таких людей, если они не смогут перестроиться и научиться рабо-

гать, очевидно, придется освободить от работы в органах советской юстиции, где требуется самая напряженная, вдумчивая работа, работа и с головой, и с душой.

Есть, к сожалению, еще одно зло, тайное. Это такие определения и постановления, которые по внешнему виду смахивают на мотивированные, но при ближайшем рассмотрении оказываются абсолютно безмотивными. В них не говорится по обычному шаблону: «За отсутствием оснований к отмене приговора (к протесту), кассжалобу (жалобу в порядке надзора) оставить без последствий». Нет, в них говорится, примерно, так: «Принимая во внимание, что осужденный Иванов злоупотребил своим служебным положением, что выразилось в..., что ущерб причинен его действиями в сумме..., а посему признать приговор постановленным правильно и меру наказания соответствующей содеянному...» А дальше уже по приведенному шаблону. Получается на первый взгляд, что и мотивировка есть, и дело тщательно рассмотрено. В действительности же нет часто ни того, ни другого. И главное, нет ответа ни на одно соображение, высказанное осужденным в его кассационной или в надзорной жалобе. Если сопоставить три документа — приговор, кассационную жалобу (или надзорную жалобу) и определение (или постановление), то нередко обнаружится, что, во-первых, жалоба против приговора что-то (правильно или неправильно) выдвигает, определение же или постановление против жалобы ничего не выдвигает; во-вторых, определение или постановление представляет пересказ приговора. Выходит, что жалобщик выступает где-то в безвоздушном пространстве и все, что он выражает, не доходит до глаз и ушей кассационных судей и надзорных работников, к которым он вопиет.

Этот стиль определений, если говорить о Ленинграде, можно найти не только в работе кассколлегии облсуда, но и в надзорной работе председателя облсуда. Что же касается прокурорского надзора, то на этом участке в Ленинграде можно указать одно «нововведение». Пом. облпрокурора т. Гришин (кстати, прекрасно обращающийся с жалобщиками) выносит длинное определение (на двух печатных страницах), в котором перечисляет, в цитатах, показания осужденного и некоторых свидетелей, приправив их выпиской из кассационной жалобы осужденного. Может быть т. Гришин думает, что вывод напрашивается сам собой. Но, во-первых, надо же ответить на сделанные в надзорной жалобе указания, во-вторых, нельзя же вместо постановления писать нечто вроде обвинительного заключения.

Пора уже бросить маскировку, а свои решения мотивировать так, чтобы жалобщик было ясно, почему его доводы отклонены.

А. Либерман.

Точное установление времени и суммы растраты обеспечивает полноту следствия

Основным дефектом следствия по делам о растратах, как показывает практика, является недостаточная конкретизация обвинений, выдвигаемых против лиц, которые привлекаются по этим делам.

Этот недостаток результат того, что следователи не умеют полностью использовать имеющийся бухгалтерский материал, проанализировать цифры, из которых строится недоста-ча.

В каждом деле о растрате задача следователя — установить факты, удостоверяющие наличие присвоения со стороны подотчетного лица тех или иных ценностей. Это можно установить только в том случае, если следователю удастся доказать, что такой-то товар был продан на сторону, за такой-то день выручка была присвоена и т. п.

Нарследователю Смольнинской прокуратуры г. Ленинграда т. Забежанской удалось в своей работе найти прием, который чрезвычайно помогает ей обнаруживать факты, удостоверяющие присвоение со стороны подотчетников. Тов. Забежанская обратила внимание на то, что по каждому делу о растратах в магазинах обычно затрагивается несколько периодов образования недостачи, минимум два: на какое-то число производится очередное снятие натуральных остатков, при этом снятии обнаруживается недостача, зав. магазином снимают с работы. В момент передачи магазина получается новая недостача за тот короткий период, который протекает между первым переучетом, послужившим основанием для снятия с работы зав. магазином, и вторым переучетом при сдаче магазина.

Так как товары в магазинах учитываются лишь в денежном выражении, то при исследовании дел о недостачах основная сложность заключается в том, чтобы вывить те товары, по которым эта недостача могла образоваться.

Так, у т. Забежанской было дело зав. магазином Смольнинского райпищеторга Безрукова, который обвинялся в растрате 11927 руб. Первоначально этот материал поступил в виде акта сверки оборота по магазину, заключения главного бухгалтера и объяснений самого Безрукова. Никаких конкретных моментов, которые говорили бы о причинах образования недостачи, здесь не было. Тов. Забежанская обратила внимание на то, что в деятельности зав. магазином было три периода: первый период около месяца, когда никаких недостач не было, затем период в пять недель, за который была выявлена недостача в сумме 6193 руб., и, наконец, третий период в 5 дней (т. е. тогда, когда уже был решен вопрос о его снятии), за который недостача составила 5028 руб. Так как из анализа сумм и размера самых периодов была видна какая-то нереальность образования недостачи за последние 5 дней, то т. Забежанская подвергла, прежде всего, анализу поступление товаров в магазин для того, чтобы проверить, не могло ли быть такого положения, что какая-нибудь партия товара не была завезена в магазин. Оказалось, что поступление товаров за эти 5 дней было очень незначительным. Тогда был проанализирован оборот по кассовой выручке, причем опять таки обращалось внимание — была ли какая-нибудь резкая разница между ежедневными выручками при сопоставлении этих трех периодов. Опять-таки расхождения оказались незначительными — 100—200 руб. в день, так что произвести присвоение 5000 руб. за 5 дней было невозможно.

Все это заставило думать, что, очевидно, в магазине была проделана какая-то комби-

нация с искажением натуральных остатков на моменты предыдущих переучетов, и тогда т. Забежанская произвела проверку поступления товаров за 5 дней.

В чем выражалась эта проверка? Бухгалтерия предприятия было предложено составить сравнительную таблицу, где были бы сопоставлены цифры потоварных натуральных остатков на момент обнаружения первой недостачи, поступления товаров за 5 дней и натурального остатка на день сдачи магазина.

Вот при таком сопоставлении, которое вполне выполнимо силами бухгалтерии предприятия, выяснилось, что по целому ряду товаров оказался такой большой расход за 5 дней, который реально не мог иметь места. Такими товарами оказались, прежде всего, масло, по которому разрыв составил 1984 руб., из которых топленого масла было на 719 руб., шоколад (при остатке в 37 пачек расход за 5 дней выразился в 26 пачек), красное вино и папиросы дорогих сортов.

Имея уже конкретно сорта товаров, следователь мог по поводу их вести допрос продавцов магазина. Такая конкретность в допросе дала сразу возможность установить, что топленое масло почти не шло и что в момент переучета в это топленое масло заведующим магазином было влита вода, которую после переучета вылили.

По поводу шоколада было установлено, что зав. магазином этот шоколад систематически раздавал отдельным женщинам и сам им пользовался. Точно также обстояло дело с дорогими сортами вина, папирос и т. п.

В результате, уже на основе свидетельских показаний и данных сопоставлений, зав. магазином должен был признать, что лично он действительно без оплаты пользовался продуктами, причем он сам вынужден уже был признать присвоение в пределах 2000 руб. Но кроме этого признания, таким же порядком выявилась картина систематических пьянок, угощений и т. п. Как оказывается, дело получило совершенно конкретный материал для обвинения зав. магазином в присвоении.

По другому делу тот же нарследователь т. Забежанская, пользуясь тем же методом детального анализа оборота по товарам за короткий промежуток, сумела доказать факт недозавоза товаров в магазин. Это—дело зав. отделом магазина Шамаля, обвинявшегося в растрате 3819 руб. Тут точно также следователь обнаружил, что имеют место два периода образования недостачи—месяц с лишним, давший 6135 руб., и 6 дней (период, потребный на то, чтобы выявить результат переучета и поставили вопрос о снятии с работы), в течение которых недостача выразилась в 2878 руб.

Опыт таки, проверяя оборот товаров за последние 6 дней, т. Забежанская доказала, что, например, такой товар, как рис, значится в продаже в количестве 240 кг, в то время как показаниями всех возможных свидетелей было доказано, что за 6 дней продажа риса при самом максимальном расчете не могла превысить в данном магазине 40—50 кг.

Помимо риса, в таком же положении оказались и ряд других товаров.

Этот материал дал основание подвергнуть более детальной проверке свидетельскими показаниями порядок завоза товаров в магазин. Было установлено, что для отдела товары

получал лично Шамаля. На склад за товарами ездил он очень часто, причем было доказано, что «уехав за товарами», он фактически ничего не привозил в магазин, хотя расписки на прием товара в кладовой все-таки оказались, и что кроме того у него есть связь с целым рядом зав. магазинами, которым он и спускал продукцию для продажи на сторону.

Особенно интересно применение метода проверки, который применяется т. Забежанской, в делах об обчете покупателей. По делу зав. магазином Бажулина первоначально к следователю поступило заявление зав. ларьком, торговавшего от этого магазина, о том, что Бажулин обчитывает потребителей. Конкретно факт обчета, по словам заявителя, выражается в том, что Бажулин в течение сентября отпускал в ларек сельди по повышенной на 12% цене, т. е. отпускал сельди как 3-й сорт, в то время как они были ниже третьего сорта.

Это заявление зав. ларьком сделал лишь в ноябре, ссылаясь на то, что раньше он об этом обчете не знал и это стало ему известно случайно при просмотре документов.

Когда первоначально бухгалтерии было предложено проанализировать оборот по магазину для того, чтобы сказать — действительно ли такой обсчет был, бухгалтерия дала заключение, что по документам ничего установить нельзя, так как в продаже в магазине были и третьи сорта сельдей и ниже качеством, причем общая масса товаров в магазине была такова, что восстановить весь оборот невозможно.

Это не остановило следователя. Тов. Забежанская предложила прежде всего проверить — когда был последний переучет перед сентябрем и какой был остаток сельдей на этот момент. Оказалось, что переучет был произведен 28 августа и остаток сельдей выразился всего в 94 кг. Затем сельди 3-го сорта поступили лишь 26 сентября и в то же время 5—8 сентября в магазин поступили лишь сельди пониженного качества, которых за эти два дня было получено 2391 кг. После этого нужно было лишь просмотреть документы на отпуск сельдей в ларек и, конечно, оказалось, что ларек в течение сентября (до 26 числа) получил из магазина 1803 кг сельдей, которыми и торговал по ценам 3-го сорта, т. е. документально доказано, что зав. магазином Бажулин сельди пониженного качества обманно отпускал в ларек под видом сельдей 3-го сорта.

Приведенные примеры доказывают, что анализ оборота по товарам всегда дает следователю достаточный материал для того, чтобы на конкретных фактах показать, что недостача является результатом не какой-либо случайной ошибки в расчетах, а прямого присвоения или расхищения социалистической собственности. Поэтому необходимо требовать, чтобы в каждом деле следователь занимался таким анализом, причем эту работу можно вполне выполнить при помощи бухгалтерского аппарата.

Конечно, для того, чтобы пользоваться таким материалом, нужно, чтобы следователь, в свою очередь, ознакомился с техникой бухгалтерского дела, не пугался бухгалтерских выкладок и ведомостей и имел хотя бы общее представление о том, как строится учет по каждому предприятию, по которому ему приходится вести дело.

Еще о протоколах судебных заседаний¹

В № 3 «Социалистической законности» за текущий год т. Лукьянович, касаясь вопроса изготовления протоколов судебных заседаний, доказывает, что поскольку в законе «не сказано, как должны писаться протоколы, и, одновременно, в УПК нет указания, что протокол должен быть готов к концу судебного заседания, — нет основания препятствовать изготовлению протоколов не от руки, а на пишущей машинке». С точкой зрения т. Лукьяновича согласиться нельзя.

Протоколы, согласно ст. 75¹ УПК (УССР), ведутся в судебных заседаниях, где, разумеется, не может быть речи об использовании секретарем машинки.

И в судебном же заседании, вопреки мнению т. Лукьяновича, протокол должен быть секретарем доведен до конца, иначе не было бы выполнено требование закона (ст. 78 УПК УССР), согласно которому в протоколе отмечается не только время открытия судебного заседания, но и его окончание, не только ход судебного следствия, но и предоставление подсудимому последнего слова и, больше того, разъяснение ему порядка обжалования приговора после его вынесения.

Ссылку же на ст. 81 УПК (РСФСР), говорящую, что протокол должен быть готов и подписан в течение трех дней после заслушивания дела, следует признать неверной, ибо в данном случае речь идет о сообщении протоколу в названный срок окончательной редакции после просмотра его председательствовавшим в судебном заседании, внесения им (если встретилась надобность) соответствующих поправок и удостоверения своей подписью правильности протокола.

Тов. Лукьянович считает, что, как бы ни был квалифицирован секретарь, он никогда «полностью не схватит всех основных вопросов, которые проходят на судебном заседании».

Думаю, что это не так.

Именно квалификацией секретаря и определяется как полнота, так и качество изготовленного им судебного протокола, идеального же совершенства последнего от секретаря и не требуется.

Наоборот, предполагать, что после судебного заседания тот же секретарь сумеет лучше и обстоятельнее написать протокол, будет совершенно неверно, ибо это явилось бы ничем не оправдываемой ставкой на память секретаря, особенно если принять во внимание, что по условиям своей работы, вообще, секретарь не сможет приступить к такому составлению протокола непосредственно после судебного заседания, а делает это спустя известный промежуток времени и часто после того, как просидит за составлением протоколов еще одного-двух (а то и больше) судебных заседаний.

Очень спорно, насколько полно сохранит в своей памяти секретарь для составления протокола все существенные моменты протоколируемого спустя некоторое время заседания.

И нужно ли сомневаться, что в этом последнем случае секретарь допустит куда больше ошибок.

Само собой разумеется, что при всех условиях может потребоваться председательствующему внести в протокол секретаря те или иные поправки, но если бы их оказалось и значительное количество, смею думать, что предпочтительно иметь не совсем культурный на вид такой протокол, чем изготовленный культурно (на машинке), но после судебного заседания, — поскольку содержанию протокола (в отношении его точности) все же надо отдать предпочтение перед формой.

Наконец, можно согласиться, чтобы там, где суд располагает соответствующими техническими средствами, к делу прилагался бы и протокол, переписанный на машинке, но с оригинала, изготовленного в самом судебном заседании, и непременно, наряду с этим последним, со всеми внесенными в него и оговоренными изменениями, дополнениями и пр.

И. Антекар.

Недостачи грузов по отправкам, производимым за весом отправителя

Значительное количество недостач, констатируемых хозорганами по прибывающим грузам, приходится на погрузки, производимые железной дорогой за весом отправителя. Предъявляя по обнаруженным недостаткам претензии и иски, получатели наталкиваются на самое разнообразное понимание этих отправок судами и с большим трудом, да и то не всегда, добиваются успеха по своим искам. Причина столь трудного прохождения упомянутых исков заключается в том, что получатель груза, сданного к перевозке за весом отправителя, не всегда имеет возможность принять этот груз от железной дороги по весу и оформить недостачу коммерческим актом. Не располагая коммерческим актом, получатель груза лишен возможности со своей претензией обратиться к железной дороге, а обратившись к поставщику, получает, как правило, отказ, мотивируемый тем, что поставщик ответственности за целостность и сохранность грузов в пути не несет. Не легче положение получателя и в тех, сравнительно редких случаях, когда, оформив недостачу коммерческим актом, он обращается со своей претензией к железной дороге. Не будучи в состоянии установить действительный вес принятого к перевозке груза, получатель оказывается вынужденным при исчислении объема недостачи исходить из предположения о том, что вес, указанный отправителем, является правильным.

Все эти трудности самым отрицательным образом отражаются на интересах хозорганов и безусловно заслуживают того, чтобы остановиться на них более подробно.

Рассмотрим сначала те случаи, когда недостача груза, сданного к перевозке за весом отправителя, не оформлена коммерческим актом.

Известно, что в силу ст. 45 Устава железных дорог и телеграммы заместителя начальника управления эксплуатации от 23 октября 1935 г. за № ЦДК—6013 железная дорога перевешивает только 10% суточного прибытия грузов,

¹ В порядке обсуждения.

данных к перевозке за весом отправителя, при условии прибытия этих грузов на станцию назначения в исправных вагонах и за исправными пломбами станции отправления. Получив без переверки груз, получатель при проверке его собственными средствами обнаруживает недостачу, фиксируя ее внутренним актом. Претендовать в этих условиях к железной дороге у него нет никаких оснований и ему, волей-неволей, приходится предъявлять свой иск к поставщику, констатируя его как иск о недостатке против счета.

Какими же фактами и соображениями должны обосновываться эти иски?

Нам кажется, что факт прибытия груза, сданного к перевозке за весом отправителя, в исправном вагоне и за исправными пломбами, создает законное предположение о том, что груз этот не мог быть утрачен в пути, а был недогружен с места с выпиской поставщиком счета на большее количество товара, чем им фактически было отправлено. Это законное предположение устанавливается тем более прочно и неизбежно, что в делах этого рода отсутствуют какие бы то ни было объективные доказательства того, что данный груз был сдан железной дороге именно за тем весом, который указан отправителем в накладной. Ни железная дорога, ни другой какой-либо незаинтересованный орган этого веса не проверяли, а с другой стороны, товар не мог быть утрачен и в пути, поскольку наличие исправных вагонов и неповрежденных пломб говорит о том, что никакого доступа к товару посторонних лиц во время перевозки не было. Остается, стало быть, одно лишь предположение, которое и должен делать получатель, именно — что товар был недогружен с места.

Опираясь на это предположение, истец нагналывается обычно на возражения о том, что рекламируемый по количеству товар взвешен был истцом у себя на складе и что нет поэтому никаких гарантий в том, что товар этот не был расхищен или утрачен по пути со станции железной дороги на склад истца. Подобное заявление ответчику тем легче делать, что составленный на складе получателя внутренний акт действительно оставляет открытым вопрос о том, что делалось с грузом в промежуток времени от момента приемки его на станции назначения и до переверки его на складе получателя. И в самом деле, груз, полученный на станции назначения за надлежащим весом, вполне мог быть по дороге с вокзала на склад продан на сторону недобросовестными агентами получателя. Отсюда — контрвозражения истца о том, что у него на складе перевешено было именно то количество товара, которое было выдано ему железной дорогой, и что никакой утраты груза за время следования его с вокзала на склад не было.

Возникает вопрос, как доказать истцу тот факт, что ни хищения, ни утраты груза после выдачи его железной дорогой не было?

Мы думаем, что сделать свое утверждение доказанным истец может лишь при наличии одного из следующих:

а) если переверка груза будет организована не на складе получателя, а на самой железнодорожной станции непосредственно после разгрузки вагона и притом с участием представителя третьей, незаинтересованной организации;

б) если привлекаемый к участию в составлении внутреннего акта на складе получателя представитель третьей, незаинтересованной организации присутствовать будет не только при переверке груза на складе, но также и при получении груза из вагона и при сопровождении его с вокзала на склад.

Поскольку организовать переверку груза средствами получателя на железнодорожной станции абсолютно невозможно, остается, как будто бы рекомендовать получателям количественную приемку грузов, идущих за весом отправителя, производить согласно второму варианту, т. е. с участием представителя третьей организации, незаинтересованной в сопровождении груза с вокзала на склад. Нетрудно, однако, видеть, что этот вариант в такой же мере неосуществим, как и первый, поскольку среди сотрудников «незаинтересованных третьих организаций» вряд ли найдутся охотники тратить время на сопровождение груза с вокзала на склад получателя.

Отсюда, стало быть, совершенно очевидно невозможность наладить в данных условиях сколько-нибудь доказательную актацию недостач по грузам, прибывающим за весом отправителя. Как следствие отсюда — неизбежные отказы получателям в исках о недостачах прибывающих за весом отправителя грузов.

Не приходится доказывать, что подобное положение является совершенно нетерпимым и что выход из него может и должен быть найден.

Этот выход мы усматриваем в создании специального института государственных инспекторов по количеству, которые:

а) либо удостоверили бы правильность веса сдаваемого отправителем к перевозке груза;

б) либо, при отсутствии таких удостоверений, принимали бы участие в приемке на станции назначения, в сопровождении его на склад получателя и переверке его средствами последнего на складе.

Наличие удостоверения госинспектора о правильности веса в первом случае — в условиях прибытия груза в исправном вагоне и за исправными пломбами — исключало бы всякую возможность предъявления исков о недостатке, а участие госинспекторов в приемке, сопровождении и переверке груза во втором делало бы иск о недостатке абсолютно доказанным.

Переходим к случаям, когда груз, сданный к перевозке за весом отправителя, прибыл в неисправном вагоне или за поврежденными пломбами и поэтому подвергся переверке или же, хотя и прибыл в исправном вагоне и за исправными пломбами, но взвешен был потому, что попал в счет того 10%-го суточного прибытия, о котором сказано выше.

Результаты переверки показывают, что груз прибыл с недостачей. Если при этом вагон и пломбы оказываются исправными, то иск в этих случаях конструируется, согласно вышесказанному, как иск о недостатке против счета и предъявляется к поставщику. Иначе конструируется претензия получателя в случаях, когда при переверке груза обнаруживается неисправность вагона или пломб. В этих случаях при отсутствии оснований для освобождения железной дороги от ответственности по ст. 68 Устава железных дорог претензия предъявляется к железной дороге, которая соответ-

ственно и должна будет возместить получателю понесенный им ущерб. К такому выводу, помимо общих соображений об ответственности железной дороги, нас обязывает также и та несомненная истина, что с точки зрения ст. 68 Устава железных дорог отправка груза за весом отправителя не является сама по себе обстоятельством, освобождающим железную дорогу от ответственности.

Возникает, однако, вопрос: как доказать истцу действительный объем недостачи, если по характеру своему эта недостача является чисто весовой?

Острота этого вопроса определяется тем, что объективно проверенных данных о действительном весе сданного к перевозке груза в этих случаях, как мы видели, не бывает. Мы думаем поэтому, что истцу в этих случаях не обойтись без метода законных предположений, который подсказывает нам, что здесь необходимо допустить предположение о том, что груз был сдан железной дороге к перевозке за правильным весом отправителя. Допустимость такого предположения возражений вызывать не может и оправдывается тем, что от железной дороги зависело произвести, на основании ст. 32 Устава железных дорог, проверку веса, указанного отправителем, чего ею, однако, сделано не было.

А. Фрешкоп.

Судебное решение по гражданским делам, его вынесение и оформление¹

(К пересмотру Гражданского процессуального кодекса)

Решения по гражданским делам, как известно, выносятся немедленно по заслушании дела и лишь в исключительных случаях—при особой сложности дела—изготовление мотивированного решения может быть отложено на срок не более трех дней (ст. 177 ГПК). Но даже и в этом последнем случае суд обязан по букве закона объявить сторонам резолютивную часть решения (т. е. наиболее существенную во всем решении) в том самом заседании, в котором дело закончено слушанием (там же). Таким образом, независимо от сложности дела, от количества фигурирующих в нем фактов и от трудности возникших у суда проблем правового характера, суд не имеет права достаточно обстоятельно обдумать выносимое им решение: ст. 177 ГПК требует прямого и немедленного ответа—да или нет. Что бы ни случилось, суд обязан зафиксировать бесповоротно свое суждение без возможности внести впоследствии какое бы то ни было изменение в объявленную уже им резолюцию.

Вряд ли такой порядок следует сохранить в нашем будущем ГПК.

Кто из судебных работников не испытал чувства досады, мук неудовлетворенности и недовольства самим собой, когда, допустив по недосмотру лишь одну единственную и притом простую и элементарную ошибку и объявив решение, потом, поразмыслив на досуге, еще разок перелистав дело или прочитав толковую кассационную жалобу на собственное решение,

вдруг открывает Америку в том месте, где она всегда находилась и до настоящего дня пребывает.

Но печальнее всего не эти судебские переживания и покаяния наедине с самим собой, а та громадная затрата времени, человеческих сил и государственных материальных средств, с которой неизбежно связаны недодуманные до конца мысли, непроверенные факты, не принятые во-время во внимание узаконения,—одним словом все то, что породило неправильное, а иногда и нелепое решение.

Следует установить такой, примерно, порядок: по заслушании дела суд в совещательной комнате составляет (немедленно или, при сложности дела, не позднее трех дней) проект решения; проект этот судом вовсе не оглашается, но в течение двух дней лица, участвующие в деле, имеют право познакомиться с проектом и подать суду письменный отзыв, указывая в нем пункты, по их мнению нуждающиеся в поправках, дополнениях или вообще в изменениях, независимо от того, касаются ли они исторической части решения или резолютивной; суд, ознакомившись с отзывами (если они поданы), в двухдневный срок выносит окончательное решение и объявляет его публично.

При таком порядке вынесения решения кассационный срок можно было бы в целях ускорения темпов процесса сократить до пяти дней.

Предлагаемая реформа дала бы немалую экономию времени и средств. Конечно, она потребовала бы усиления деятельности и пропускной способности секретариата и канцелярии суда (предъявление тяжущимся или их поверенным проекта решений, принятие от них отзывов и т. д.). Она заставила бы нас пожертвовать внешней эффективностью судебного процесса по гражданским делам. Для присутствующей в зале публики он лишился бы наиболее занимательной части своего эпизода.

Но... мы, советские люди, умеем, когда нужно, внешнему блеску предпочесть серьезное и нужное мероприятие.

А. Винавер.

Об одном донесении одного районного прокурора

Прокурор одного из районов Курской области прислал Прокурору Союза донесение, написанное целым рядом интересных фактов.

Тайное хранение образцов, взяточничество, нарушение устава сельхозартели, растраты, самоснабжение—все это, невзирая на лица, оказалось в поле внимания районного прокурора.

Такое донесение представляет исключительную ценность. Оно свидетельствует о том, что районный прокурор не оторван от жизни района во всех ее многообразных проявлениях, что он имеет актив, который сигнализирует ему о нарушениях революционной законности, где бы они ни происходили — в далеком колхозе, селе, потребительской лавке или в руководящем районном учреждении, что надзор за законностью осуществляется в районе «независимо от каких бы то ни было местных органов».

К сожалению, донесение написано с вопиющей безграмотностью, в совершенно недо-

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

пустимым тоном, которые в значительной мере обесценивают его бесспорные деловые качества.

Для иллюстрации приведем текстуально хотя бы несколько цитат из донесения.

«... базой этой антисоветской пошлости является прежде всего то, что руководители районных организаций на эту злобную смотрят, как на тройной одеколон — «пахнет и ладно...»

«... живут они душа на распашку — масло всеми способами течет замурованными каналами и в результате превращается в простую формулу комбинация — масло — деньги — карман (К.М — Д.К)...»

«...который молитвами своего патрона Бакланова ревизовал почти три месяца... прямо (без малейшего стыда — при наличии полной наглости — карандашом, простым, напишет акт, который подписан одним бухом) несут в прокуратуру...»

«...эта кулачка сейчас руководит мужем, крупорушкой и сельскими руководителями, которые пьют в ее хате...»

«...больше того, до сего время свистит обвинительный уклон...»

«...этот вельможа высоко себя несет...»

«...антисоветская зараза, архифеодальная практика продолжает иметь место...»

«...правда сейчас я его остудил, но в прошлом году он позволял себе распускать слабость кулаков — рук своих...»

«...а эта штукация имеется, я уверен.»

Мы могли бы значительно увеличить количество цитат, в которых общая безграмотность, бессмысленный набор слов конкурируют со стилистическими перлами, заимствованными у героев Зощенко, но полагаем, что и приведенное в достаточной степени характеризует «литературный вкус» и культурный уровень автора донесения.

Общая грамотность автора на столь же низком уровне.

Районный прокурор пишет «приступление», «дошол», «своекорыстный характер», «помощник», «бомбандируют», «двое судьев» «штуккий». Совершенно не к месту ставит знаки препинания, которые калечат фразу и извращают смысл.

Если так пишутся донесения Прокурору Союза, где каждая фраза, каждое слово, вероятно, взвешивались, то можно себе представить, как выглядят документы, направляемые районным прокурором учреждениям и лицам рангом ниже.

Самое печальное заключается в том, что районный прокурор не сознает своей исключительной безграмотности и, когда Прокуратура Союза с максимальной мягкостью указала ему на безграмотность его донесения, он счел необходимым оспаривать это. При этом автор донесения объясняет, что ошибки получаются у него «не потому, что я в этой части круглый невежда, а потому, что в торопях всегда пишу. Послав вам донесение — не проверенный черновик».

Считая свои ошибки случайностью, районный прокурор позволяет себе даже выступать в роли обличителя чужой безграмотности.

«...следственные акты, — читаем мы в этом же донесении, — пишутся так неряшливо, безграмотно, что приходится с огромным трудом устанавливать смысл изложенного, содержания

в протоколах, в обвинительных заключениях».

Вот в какое ложное положение ставят себя товарищи, у которых отсутствует критическое отношение к себе.

Мы считаем необходимым рекомендовать автору донесения задуматься над своим положением, самым серьезным образом заняться самообразованием, систематическим чтением классиков нашей литературы — Пушкина, Толстого, Горького, классиков марксизма — Ленина и Сталина, чтобы научиться у них великому искусству просто, сжато и ясно излагать свои мысли.

В противном случае найдутся охотники, которые, выражаясь языком донесения, «остудят» литературный пыл автора, укажут ему, что «базой его пошлости» и критики чужой неграмотности является отсутствие «малейшего стыда при наличии большой наглости»...

Ш.

О частных жалобах по уголовным делам¹

О частных жалобах на определения народного суда в Уголовно-процессуальном кодексе говорится довольно мало. В ст. 346 указано, что подача жалобы на всякое частное определение суда (т. е. не на приговор) приостанавливает приведение в исполнение обжалуемого определения лишь в тех случаях, когда народным судом или народным судьей это будет признано необходимым по обстоятельствам дела. Не подлежат обжалованию определения о наложении взысканий за нарушения порядка в зале судебного заседания, определения о принятии мер пресечения, выносимые при неявке подсудимого в суд без уважительных причин, и определения по тому же вопросу, выносимые одновременно с обвинительным приговором.

Ст. 348 УПК присоединяет к числу определений, не подлежащих обжалованию, те, которые выносятся судом по ходатайствам об освобождении свидетелей, экспертов и переводчиков от взысканий за неявку в суд.

Таким образом, все остальные определения суда, не включенные в приговор, могут быть обжалованы в частном порядке.

Согласно ст. 431 УПК, частные жалобы рассматриваются в судебном заседании без вызова сторон, но стороны, если они явятся в заседание, должны быть допущены к даче объяснений.

В ст. 349 УПК буквально сказано следующее: «Жалобы на приговоры народного суда могут быть принесены каждой из заинтересованных сторон исключительно лишь по поводу формального нарушения прав и интересов данной стороны, при производстве по делу или рассмотрении дела на суде, именуются кассационными жалобами и не могут касаться существа приговора. Все остальные жалобы, приносимые на определения народного суда и постановления народного судьи, именуются частными жалобами».

Из сопоставления этих двух частей ст. 349 УПК необходимо прийти к выводу о противопоставлении кассационных и частных жалоб в

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

одном отношении: в то время как кассационная жалоба может быть принесена только стороной в процессе («стороной» в том смысле, как она понимается в п. 6 ст. 23 УПК), частная жалоба может быть принесена и не стороной, а всяким другим заинтересованным лицом, которого касается определение суда. В частности, такими лицами являются свидетели, эксперты и т. д.

Нам хотелось бы в настоящей статье коснуться права на подачу частной жалобы со стороны лица, которое не является стороной в смысле ст. 23 УПК и которое не подходит под понятие остальных лиц, в отношении которых, согласно УПК, суд может выносить свое определение. Это — лица, привлекаемые судом к уголовной ответственности особым определением, которые либо вовсе не имели никакого отношения к данному делу до вынесения судом определения, либо участвовали в этом деле в качестве свидетелей. Мы имеем в виду случаи, предусмотренные ст.ст. 315 и 316 УПК. Первая из этих двух статей предусматривает привлечение ранее не участвовавших в деле лиц к уголовной ответственности независимо от судьбы данного дела, а вторая из этих статей имеет в виду, тот случай, когда дело направляется к рассмотрению, с привлечением к ответственности новых лиц.

Обращаем внимание на то, что, согласно ст. 315 УПК, суд, вынося мотивированное определение о привлечении того или иного лица к ответственности, направляет дело для рассмотрения, предания суду и рассмотрения отдельно от данного дела в общем порядке, о чем объявляет привлеченному к ответственности лицу.

Итак, возможен случай, когда при рассмотрении дела суд, усмотрев наличие преступления со стороны лица, не находящегося в зале судебного заседания, одновременно с вынесением приговора по делу или до вынесения приговора по делу выносит определение о привлечении к ответственности этого отсутствующего лица. Это отсутствующее лицо узнает об этом, получив копию определения суда.

Второй случай. Лицо, участвовавшее в судебном заседании, — допустим, в качестве свидетеля — привлекается к ответственности одновременно с направлением дела к рассмотрению в отношении наличных обвиняемых, причем дело откладывается. Бывший свидетель тут же, при объявлении определения суда, узнает о том, что против него возбуждено уголовное дело.

Могут ли эти лица, относительно которых вынесено определение суда о привлечении их к уголовной ответственности, обжаловать это определение перед кассационной инстанцией путем частной жалобы в порядке ст. 349 УПК?

Вопрос этот имеет очень большое практическое значение. Если признать, что приносить частные жалобы могут только стороны, то совершенно очевидно, что лица, привлекаемые к ответственности определением суда, не могут приносить жалобы на это определение, а обязаны безропотно переносить на себе процедуру пребывания под следствием, хотя бы, допустим, в их действиях, за которые их суд привлек к ответственности, нет состава преступления или вообще по тем или иным причинам определение суда о привлечении их к ответственности было явно ошибочным. В таком

случае они могут охранять свои права лишь в качестве подследственного, принося жалобу на действия следственного органа в установленном порядке.

С такой точкой зрения нам пришлось столкнуться на практике. Народный судья не пожелал принять частной жалобы от лица, привлеченного им к уголовной ответственности при направлении дела к рассмотрению и заявил:

«Да где же в УПК сказано, чтобы такое лицо могло приносить жалобу на определение суда? Ведь он же не сторона, а жалобу могут приносить только стороны».

Мы уже указывали, что в ст. 349 УПК как будто различаются стороны, которым присвоено право принесения кассационных жалоб, и жалобщики по прочим жалобам, которыми, очевидно, могут быть не только стороны. Однако эта разница в действующем УПК не проведена с достаточной полнотой и категоричностью. И действительно, на первый взгляд может показаться, что лицо, относительно которого вынесено определение суда о привлечении его к уголовной ответственности, не может приносить частной жалобы на это определение суда.

Такая точка зрения по существу должна быть признана неправильной: право подачи частной жалобы на всякое определение суда должно быть признано за каждым лицом, право которого нарушается или стесняется вынесенным определением, независимо от того, вынесено ли данное определение о привлечении к уголовной ответственности отдельно от данного дела или же оно вынесено в связи с данным делом при отложении его и направлении к рассмотрению.

Все права, которые принадлежат лицу, привлекаемому — по его мнению неправильно — к уголовной ответственности, в смысле обжалования действий соответствующих органов власти должны быть признаны и за лицами, которые привлекаются к ответственности судом первой инстанции в порядке особого определения. Из-за того, что это определение вынесено судом, нельзя считать урезанными права гражданина, желающего доказать, что данное определение основано на ошибке, на недоразумении (например, одно лицо перепутано с другим), на неправильном применении закона (скажем, при отсутствии состава преступления) и т. д.

Но здесь возникают вопросы процессуального порядка. Как мы уже упоминали, ст. 346 УПК предусматривает, что подача жалобы на определение народного суда или постановления народного судьи приостанавливает приведение в исполнение обжалуемого определения или постановления лишь в тех случаях, когда это признает необходимым по обстоятельствам дела тот самый суд, который вынес это определение. Таким образом, получается, что даже принятие частной жалобы на такое определение суда не приостанавливало бы направление дела к следственному органу, что является явным и неустраняемым противоречием.

В силу изложенного нам представляется, что соответствующие положения УПК о допущении частных жалоб на определение народного суда по уголовным делам изложены недостаточно полно, недостаточно ясно и довольно противоречиво. Но УПК СССР должен содержать в себе совершенно определенное при-

вание права каждого лица, интересы которого задеты определением народного суда по уголовным делам, приносить жалобу на это определение в установленный срок в высшую инстанцию с обязательным направлением туда всего производства по делу в самый короткий срок.

Для лица, узнающего о привлечении его к уголовной ответственности при получении им копии определения суда, срок на обжалование этого определения должен начинаться с момента получения им копии этого определения. Между тем в настоящее время такие лица узнают о привлечении их к ответственности только тогда когда они вызываются для допроса в соответствующий орган дознания или следствия.

А. Кирзнер.

Старая погудка на новый лад

(По поводу циркуляра НКЮ СССР № 31 от 31 марта 1937 г.)

В № 8 «Советской юстиции» за текущий год опубликован вышеуказанный циркуляр. Из имеющихся в нем 11 пунктов нас интересуют только пп. 6 и 7, которые мы частично приводим вместе с вводной статьей.

«На основании ст.ст. 102 и 104 Сталинской Конституции и в соответствии с Положением о Народном комиссариате юстиции Союза ССР обязанностью судов является рассмотрение конкретных судебных дел, в связи с чем устанавливается, что в компетенцию председателя Верховного суда союзной и автономной республики входит:

«6. Истребование, по согласованию с Народным комиссариатом юстиции, группы дел, как уголовных, так и гражданских, в целях обобщения судебной практики и для надзора за судебной деятельностью судов...».

«7. Обследование судебной работы на местах и вызов судей в Верховный суд по поводу их судебной деятельности может иметь место только по согласованию с Народным комиссаром юстиции...».

На 56 пленуме Верховного суда Союза ССР т. Крыленко говорил: «Верховные суды союзных республик и Верховный суд СССР являются по конституции органами судебного надзора, и в этом заключаются их функции. Это, конечно, не совсем так. Но не в этом сейчас дело. На том же пленуме т. Крыленко декларировал: «НКЮ согласен с тем, что Верховный суд СССР и верховные суды союзных республик имеют право требовать от судов для проверки целые группы дел по отдельным категориям преступлений и исправлять неправильно решенные дела в порядке надзора...» («Советская юстиция», 1937 г., № 5, стр. 13). Получается нескладно.

Прежде всего один вопрос: почему признанное 16 декабря 1936 г. самим т. Крыленко за верховными судами Союза ССР и союзных республик неограниченное право затребования дел в порядке надзора с 27 марта 1937 г., т. е. через 3 мес. 11 дней, переводится в разряд «лицензионного» права? Какие факты, обстоятельства объясняют такой резкий на 180° поворот?

На Верховный суд Союза ССР по ст. 104 Конституции Союза советских социалистиче-

ских республик, на Верховный суд РСФСР по ст. 109 Конституции Российской советской федеративной социалистической республики соответственно «возлагается надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик» и «... РСФСР, автономных республик и областей».

Согласно циркуляру, о котором идет речь, выходит, что для выполнения верховными судами возложенных на них конституциями обязанностей они в каждом отдельном случае должны действовать «по согласованию с Народным комиссариатом юстиции».

Между тем ограничения, которые вводит своим циркуляром Наркомюст СССР, не находят себе опоры в законе. Действующее законодательство не предоставляет Наркомату юстиции права требовать того, чего требует его упомянутый циркуляр в пп. 6 и 7. Положение о Народном комиссариате юстиции Союза ССР (С. З. 1936 г., № 62, ст. 455) — вот предел его компетенции. И в этом положении о Наркомюсте СССР мы не находим ни прямых, ни косвенных указаний на то, что Наркомюст вправе ставить Верховному суду Союза ССР и верховным судам союзных республик какие бы то ни было условия при исполнении ими своих обязанностей в силу велений основного закона. Значит...

27 июля прошлого года в «Правде» т. Крыленко писал: «Верховный суд как судебный, а не управленческий орган, должен будет осуществлять лишь судебный надзор...» Тогда не было сказано, что осуществлять этот надзор придется «по согласованию с Народным комиссариатом юстиции». Правда, тогда же и там же т. Крыленко в отношении проведения через наркомюсты союзных республик управленческой работы писал, что «Наркомат юстиции СССР будет в этом отношении действовать в точном соответствии с законом...» (sic!). Мы убеждены в том, что «Организация Союзно-республиканского Наркомата юстиции создает все необходимые предпосылки для еще большего повышения авторитета советского суда и укрепления социалистической законности» (Крыленко. «Правда», 27/VII 1936 г.). Но для этого необходимо, чтобы Народный комиссариат юстиции СССР действовал строго в пределах своей компетенции, «в точном соответствии с законом».

С. Вайсман.

Об адвокатуре и юрисконсультах

Вопрос об адвокатах и юрисконсультах в настоящее время остро волнует огромную армию юристов.

Проблема эта давно уж ждет своего разрешения.

Тысячные массы юристов жадно ловят каждое новое слово в этой области.

Не только юристам, но и гражданам нашей страны далеко не безразлично как будет строиться защита.

Казалось бы, юридическая пресса должна была развернуть широкую дискуссию. Между тем статьи, посвященные этому вопросу, во всех юридических журналах единичны, а по сути дела недостаточно принципиальны и злободневны.

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

Редакция журнала «Социалистическая законность» больше и серьезней других занимается проблемой адвокатуры.

Тов. В. Дубровский в № 1 журнала 1937 г. ставит капитальные вопросы и на наш взгляд в основном дает более или менее правильное их разрешение.

Конечно, термин «адвокат» более привлекательный и более правильный, нежели «защитник». Здесь спорить нечего.

Касаясь личного состава теперешней коллегии, автор констатирует наличие неграмотных и негодных защитников, но что делать с этими адвокатами — т. Дубровский не сказал.

Обойти этот вопрос молчанием невозможно.

Мы считаем, что если Сталинская Конституция право на защиту возвела в конституционное, то осуществлять защиту могут только грамотные. Отсюда необходимо сделать политический вывод: всех неграмотных из коллегии удалить.

Удалению должна предшествовать проверка личного состава. Всем, не имеющим диплома и подозрительным по части грамотности (общей и юридической), должна быть предоставлена возможность подучиться.

Однако необходимо предостеречь от таких попыток, как, например, поголовный экзамен всех членов коллегии. О таком экзамене серьезно говорят в Киеве.

Конечно, подвергать экзаменам всех, т. е. грамотных и людей мало и вовсе неграмотных, — несерьезно.

«Нельзя стричь всех под одну гребенку», — сказал товарищ Сталин. Это нужно помнить и здесь.

Маленькую поправку необходимо внести в предложения т. Дубровского по вопросу о приеме в адвокатуру.

В основном мы присоединяемся к его выводам.

Однако, людей с законченным средним юридическим образованием, при условии сдачи ими соответствующих испытаний, необходимо принимать сперва в помощники адвоката.

Далее т. Дубровский считает возможным принимать лиц, хотя и не имеющих высшего юридического образования, но имеющих значительный опыт практической советской, судебной, прокурорской и следственной работы.

И здесь нужно внести поправочку.

Для указанных лиц необходимы такие условия: во-первых, стаж не менее 5 лет непрерывной (и в последнее время) работы до вступления в коллегию, во-вторых, работа на должностях судьи, прокурора или следователя, и в-третьих, обязательная сдача испытаний.

Стаж для помощников адвоката необходимо установить для лиц, окончивших ВУЗы и практически еще не работавших.

Вопрос о методе работы — один из главнейших. Положения т. Дубровского возражений не встречают.

Возможна и частная практика. И добровольные коллективы и консультации при Президиуме (помимо добровольных коллективов).

Особняком стоит вопрос о юрисконсультах.

Поддерживая тезис т. Дубровского, что юрисконсульты обязательно должны состоять в адвокатуре, мы считаем необходимым указать, что это важно и для того, чтобы кад-

ры юрисконсульты черпались бы из людей, юридически грамотных и имеющих право на юридическую работу.

Этим будет обеспечено более квалифицированное обслуживание юрпомощью соцсектора.

Юрисконсульты будут также иметь объединяющую их организацию, приобретут лицо, общественную физиономию.

Ведь сейчас, когда все или почти все квалифицированные профессии имеют свои организации, имеют возможность собираться и совершенствоваться (врачи, инженеры, артисты, архитекторы и т. д.), только юрисконсульты, не состоящие в адвокатуре, не имеют этой нужной и важной возможности.

С переходом в адвокатуру юрисконсульты эту возможность приобретут.

И, наконец, юрисконсульты получают более реальный надзор, если, конечно, дело надзора в советах адвокатуры будет правильно поставлено.

Здесь возникают два вопроса. 1-й — могут ли юрисконсульты, состоя в адвокатуре, заниматься частной практикой? Мы полагаем, что нет никаких оснований к запрещению. 2-й вопрос — обязательно ли юрисконсульт должен работать в коллективе?

На этот вопрос отвечаем отрицательно, однако очередные выступления по назначению (по определенным категориям) Президиума обязательны.

С. Цесис.

Обошли

Если всюду обсуждали историческое решение февральского пленума ЦК ВКП(б) и была развернута критика и самокритика, которая нужна нам как воздух, то это до сих пор не коснулось очень большого и ответственного участка нашей работы — Московского коллегии защитников.

Московские адвокаты недоуменно спрашивают, почему они лишены возможности обсудить в свете решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) работу своего президиума и кто виноват в том, что президиум не может созвать актив адвокатов?

Мало вероятным представляется такое положение в наши дни расцвета демократии и самокритики.

Не хотелось бы этому верить, но действительность в Московской коллегии защитников настоятельно требует немедленного исправления ошибки.

Согласно новому положению, московская адвокатура административно подчинена НКЮ.

К большому сожалению, некоторые работники НКЮ не руководят работой, а лишь «администрируют».

Эти «администраторы» относятся к адвокатуре так же, как относятся к ней обыватели.

Они забывают, что адвокатура выросла, что сейчас это ценный коллектив, в нем много молодых адвокатов, окончивших советский университет, а что касается старых адвокатов, — они в большинстве приобретены к большевистским условиям жизни и стилю работы.

У НКЮ нет оснований относиться к коллективу адвокатов так, как относились к лицам у Иверских ворот.

При таком отношении можно забыть, что в коллегии есть здоровая парторганизация,

сильный актив преданных делу партии советских интеллигентов и что им поручена ответственная работа в суде и предоставлена общественно-политическая трибуна.

Если Салтыков-Щедрин показал Балалайкина, Достоевский — Фетюковича и Диккенс — Додсона и Фогга, не следует забывать, что и первый, и второй, и третий — это образ адвокатов капиталистического общества.

Советская адвокатура достаточно воспитана на новых принципах нашей страны, она проводит большую общественную работу на фабриках, заводах и в колхозах, она разъясняет роль и задачи советского закона и суда, и больше, чем странным, кажется, что НКЮ не разрешил созвать актив защитников для обсуждения решений февральского пленума ЦК ВКП(б). В. Гришин.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

НЕОБОСНОВАННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЛА НА ДОСЛЕДОВАНИЕ

Линейный суд Ярославской ж. д. приговорил Романова Ивана Ивановича по ст. 59^а п. «в» УК к трем годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховуда СССР приговор лиссуда отменила, возвратив дело на новое рассмотрение со стадии расследования.

Прокуратура Союза опротестовала определение Транспортной коллегии по следующим основаниям.

Материалами предварительного и судебного следствия по этому делу установлено, что 24 января 1937 г. на перегоне Хотьково-Софрино в 11 час. 15 мин., при следовании поезда № 851, у одного из задних вагонов сломалась ось. Поезд в таком положении проследовал 4 км, а затем сломались еще две оси у двух вагонов, поезд разорвался, хвостовая часть остановилась, а головная отошла от места обрыва 280 метров и также остановилась.

Путь поврежден на протяжении четырех километров. Перерыв движения продолжался 3 час. 05 мин. Убыток транспорту был причинен в сумме 13 681 руб.

Романов, старший кондуктор поезда № 851, находился на последнем вагоне поезда, не заметил излома оси, повреждения пути и не принял никаких мер к своевременной остановке поезда.

Путевой обходчик Володин на 51 км, т. е. за три километра от места остановки поезда, заметил излом оси и давал сигналы об остановке хвостовому кондуктору.

Романов за движением поезда не следил, сигналов Володина не заметил и на его сигналы ничем не отвечал.

Путевой рабочий Голубев за один километр до места остановки поезда заметил излом оси и показывал красный сигнал, но хвостовой кондуктор его не замечал. Лишь тогда, когда хвостовой вагон поравнялся с Голубевым, после его окрика Романов вышел из тормозной будки с красным флажком.

Указание в определении Транспортной коллегии на бездействие автотормозов материалами дела не подтверждается. Проезд головной части поезда после обрыва на расстоянии 280 метров, не свидетельствует о неисправно-

сти автотормозов. Объяснения по этому вопросу машиниста электровоза Синицына, что он почувствовал оттяжку и понижение давления воздуха в воздухопроводе и принял меры торможения не экстренного, а постепенно, с целью избежать столкновения с хвостовой частью поезда, ничем не опровергнуты.

Ввиду того, что показаниями свидетелей Голубева и Володина полностью устанавливается бездействие Романова, определение Транспортной коллегии по этому делу подлежит отмене.

Судебнонадзорная коллегия Верховуда Союза ССР удовлетворила протест Прокуратуры СССР — постановила: определение Транспортной коллегии Верховуда СССР от 15 марта 1937 г. отменить и оставить в силе приговор лиссуда Ярославской ж. д. от 21 февраля 1937 г.

**

7 февраля 1937 г. линейный суд Сталинской ж. д. приговорил Котова Михаила Андреевича по ст. 59^а п. «в» УК РСФСР к шести годам лишения свободы.

Лиссуд признал Котова виновным в том, что он, будучи младшим стрелочником станции Владиславки Сталинской ж. д., 28 января 1937 г. дважды нарушил правила технической эксплуатации: утром, во время маневров, не перевел стрелку № 23 на 2-й путь вследствие чего произошла задержка маневров, и в 17 часов, также во время маневров, самовольно перевел стрелку № 19 в направлении 10-го пути, занятого вагонами. Маневрирующий состав столкнулся с этими вагонами (убыток 1470 руб.).

3 марта 1937 г. Транспортная коллегия Верховуда СССР приговор лиссуда отменила и дело направила на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, предложив установить: 1) кто допустил Котова без испытания к исполнению обязанностей младшего стрелочника; 2) почему Котов не был снят с работы после первой допущенной им аварии (утром) и 3) что делали старший стрелочник и составитель поездов во время аварии.

Прокуратурой Союза указанное определение Транспортной коллегии Верховуда Союза было опротестовано по следующим основаниям.

В деле имеется справка, свидетельствующая, что Котов при поступлении на работу прошел испытание и ПТЭ сдал удовлетворитель-

но. Поэтому вопрос о прохождении Котовым испытаний по ПТЭ ясен и не требует никакой дополнительной проверки.

Также неосновательно указание Транспортной коллегии на то, что суд не выяснил, кто допустил Котова к работе после первого нарушения им ПТЭ. В акте служебного расследования отмечено, что виновным в этом является начальник станции Иваненко и ему за это объявлен выговор.

Старшему стрелочнику Маерову за плохое наблюдение за сигналами и составителю поездов Верещаку за необеспечение безаварийной езды объявлен выговор.

Таким образом, все требования Транспортной коллегии о доследовании дела находят исчерпывающие разъяснения в самих материалах дела.

Неопытность и молодость Котова (Котов 1917 г. р.) могли быть учтены Транспортной коллегией Верхсуда Союза ССР при рассмотрении настоящего дела.

Судебная надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР удовлетворила протест Прокуратуры Союза — постановила: определение Транспортной коллегии по делу Котова отменить и дело вернуть в Транспортную коллегия на новое рассмотрение.

НЕПРАВИЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИЕЙ ВЫХОЛАЩИВАЕТСЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

5 декабря 1936 г. линейный суд Северокавказ. ж. д. приговорил по ст. 59³ п. «в» УК Петрова Ивана Даниловича к 10 годам лишения свободы, Лактионова Ивана Климовича и Каткачеву Петра Никаноровича — к 5 годам лишения свободы каждого и Женникова Кузьму Егоровича — к полутора годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верхсуда СССР определением от 21 декабря 1936 г. приговор оставила в силе.

22 ноября 1936 г. на ст. Дербн Северокавказ. ж. д. поезд № 625 потерпел крушение. В результате крушения было разбито восемь груженых вагонов, повреждены 7 вагонов и 152 метра пути. Перерыв движения продолжался 5 час. 50 мин. Убыток транспорту был причинен в сумме 34 908 руб. 78 коп.

Крушение произошло при следующих обстоятельствах: дор. мастер Женников дал распоряжение бригадире Петрову перешить переходную кривую стрелки № 6, а сам уехал на ст. Минеральные воды. За выполнением работы по перешивке кривой он не проследил и в книгу дежурного по станции перешивку кривой не записал.

Бригадир Петров, приступив к работе, не предупредил дсп (дежурный службы пути), расшил путь на девяти брусках и место работы сигналами не оградил.

В 15 часов 22 ноября дсп Лактионов дал распоряжение стрелочнику 2-го поста Каткачеву приготовить маршрут для приема поезда № 625 на первый обгонный путь, т. е. через стрелку № 6, где путь был расшит девятью брусками, в то время когда все остальные пути станции в это время были свободны.

Стрелочник Каткачев, зная, что путь на кривой стрелки № 6 расшит, все же приго-

товил эту стрелку для приема поезда и доложил Лактионову о готовности маршрута.

Бригадир Петров, находясь в непосредственной близости от стрелки № 6, видя, как Каткачев перевел стрелку для приема поезда, не предупредил его, что на разобранный путь поезд принимать нельзя. При подходе поезда к входному семафору Каткачев спросил Петрова «У тебя все готово?» Петров ответил: «Все готово».

На предварительном следствии по этому вопросу Петров показал: «Ко мне стрелочник обращался с этим вопросом, когда поезд подходил к стрелке, а я ему ответил, что все готово в том смысле, что уже поздно что-либо делать и что крушение поезда будет неизбежно, так как при всем желании переправить маршрут на второй путь было физически невозможно».

Это свое показание Петров повторил и на очной ставке с Каткачевым, и на судебном заседании.

Таким образом, поезд № 625 был пущен на расшитый путь и потерпел крушение. При осмотре места крушения в 16 час. 05 мин. 22 ноября оказалось, что переводная кривая стрелки № 6 расшита совершенно на 9 брусках. Костыли лежат между путями, а внутренняя кривая — с ослабленными шурупами.

Материалами дела устанавливается, что стрелочник Каткачев и бригадир пути Петров сознательно пустили поезд на расшитый путь. Дсп Лактионов по мотивам, следствием не установленным, дал распоряжение принимать поезд на 1-й обгонный путь, в то время как все остальные станционные пути были свободны и зная о том, что производятся ремонтные работы на стрелке № 6. Кроме того, давая задание о приготовлении маршрута на 1-м обгонном пути, Лактионов не заинтересовался состоянием стрелки № 6 и ходом работ Петрова.

Характер самих действий Петрова, Каткачева и Лактионова, несомненно, свидетельствует о том, что они действовали сознательно.

При этих условиях квалификация преступных действий осужденных по ст. 59³ п. «в» УК явно неправильно и таковые должны быть квалифицированы по ст. 58⁹ УК.

Мера наказания осужденным Лактионову, Каткачеву и Женникову чрезмерно мягка и не соответствует тяжести совершенного ими преступления.

По указанным выше соображениям Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение Транспортной коллегии по этому делу.

Судебная надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР удовлетворила протест Прокуратуры Союза — постановила: приговор линсуда и определение Транспортной коллегии отменить и дело вернуть на новое рассмотрение в тот же линсуд со стадии предварительного следствия.

НЕОБОСНОВАННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Определением Транспортной коллегии Верхсуда СССР от 5 апреля 1937 г. был отменен приговор линсуда Московско-Киевской ж. д. от 9 марта 1937 г., коим шофер автодрезины Деркач И. А. по ст. 59³ п. «в» ч. 1 УК был

осужден к лишению свободы и итл (испр.-труд. лагерь) сроком на пять лет и дело направлено на доследование для проведения экспертизы.

Прокуратура СССР опротестовала это определение по следующим соображениям.

Шофер автодрезины Деркач преступно нарушил трудовую дисциплину. Следуя со скоростью 65 км в час, Деркач при скрещении с поездом на перегоне в кривой радиусом 1716 метров, на 0,010 уклона, не следил за состоянием пути и поэтому наехал на детей Василия и Нину Жилковых.

Предварительным и судебным следствием установлено, что переходы на пути были замечены гр. Деркач на расстоянии не менее 150 метров, а меры к остановке автодрезины он начал принимать тогда, когда дрезина находилась от переходов на расстоянии всего лишь 50 метров.

Экспертизой установлено отсутствие на колесных парах автодрезины ползунов и выбоин. Это свидетельствует о том, что шофер Деркач не принимал мер к экстренной остановке автодрезины.

Установлено также, что Деркач, следуя по перегону по уклону и на кривой, не давал необходимых сигналов (сиреной автодрезины).

Таким образом, шофер Деркач преступно нарушил трудовую дисциплину, что привело к гибели детей. Требование Транспортной коллегии Верхсуда СССР о производстве экспертизы для выяснения вопроса, на каком расстоянии можно было остановить автодрезину при допустимой скорости по этому перегону, является несущественным потому, что с достаточной полнотой материалами дела устанавливается отсутствие бдительности, неподача сигналов сиреной, непринятие мер к экстренной остановке дрезины со стороны шофера Деркача, а также и его недисциплинированность в прошлом.

Судебная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение Транспортной коллегии Верхсуда СССР по делу Деркача отменить и дело вернуть ей на новое рассмотрение.

НЕПРАВИЛЬНАЯ ОЦЕНКА РОЛИ ОБВИНЯЕМОГО

4 апреля 1937 г. приговором лиссуда Ленинской ж. д. осуждены по ст. 59^а п. «в» ч. 1 УК РСФСР Мишин Афанасий Кадинович и Белин Федор Петрович к 7 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верхсуда СССР 11 мая 1937 г. оставила приговор лиссуда в силе, снизив наказание Мишину до двух лет итл.

Прокуратура Союза опротестовала определение Транспортной коллегии в части снижения наказания Мишину по следующим основаниям.

Материалами дела установлено, что Мишин, быв. нач. развезда «Свет», 12 марта 1937 г. пришел на стрелочный пост для проверки состояния стрелок, а не случайно, как это указывает Транспортная коллегия. Это не отрицает и сам Мишин, который на суде показал: «12 марта я на стрелку пришел для проверки».

Мишин, находясь в стрелочной будке и приняв по телефону сообщение от дежурного по станции об отправлении на развезд «Свет» пассажирского поезда № 10, ограничился лишь

тем, что сообщение передал осужденному стрелочнику Белину. Между тем Мишин, зная, что принимается скорый поезд и что Белин с дсп не говорил и, находясь тут же на стрелочном посту, обязан был проверить правильность сделанной стрелки, а также прекратить преступные действия стрелочника Белина, открывшего семафор без разрешения.

В результате такого преступного нарушения Мишиным правил технической эксплуатации, пассажирский поезд № 10 был принят на занятый путь, в результате чего сошли с рельс паровоз и два вагона.

Таким образом, утверждение Транспортной коллегии, что в этом деле Мишин является второстепенным лицом и что он «к переводу стрелки никакого отношения не имеет», неправильно.

Судебная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила: определение Транспортной коллегии Верхсуда СССР в части, касающейся Мишина, отменить и дело о нем передать на новое кассационное рассмотрение в ту же коллегия в ином составе.

МАШИНИСТ ПОПОВ НЕВИНОВЕН

7 апреля 1937 г. лиссуд железной дороги им. Дзержинского признал виновным машиниста Попова в том, что, вследствие преступной халатности и отсутствия бдительности, он задал поездом семь рабочих на перегоне Сумароков-Лазарево.

За это преступление по ст. 59^з п. «в» УК лиссуд приговорил Попова к пяти годам лишения свободы и заключил под стражу.

Транспортная коллегия Верхсуда 7 мая этот приговор оставила в силе, снизив Попову срок лишения свободы до двух лет.

Этот приговор линейного суда и определение Транспортной коллегии неправильны и подлежат отмене потому, что линейный суд и Транспортная коллегия при вынесении приговора и определении под влиянием большого несчастия, повлекшего за собой смерть семи человек, не ушли объективно всех материалов следствия и обстановки, в которой произошло несчастие с людьми.

Из первоначального протокола происшествия и извещения о несчастном случае видно, что 17 февраля около 9 час. утра на перегоне Сумароков-Лазарево во время отправления бригады рабочих на линию по очистке снега был чрезвычайно густой туман с очень плохой видимостью.

В момент прохода товарного поезда мимо рабочих от тумана и парения, по словам бригадира, изложенным в первоначальном протоколе, «...видимости никакой не было». По случаю дыма паровоза и тумана рабочие не заметили поезда, которым и были убиты.

В условиях такой погоды и плохой видимости скорый поезд № 10 с паровозом «ИС», под управлением машиниста Попова, со скоростью 55—60 км в час, шел навстречу рабочим и на протяжении первых 100 метров задал сначала работницу, а затем через 100 метров еще 6 чел. рабочих, шедших по путям.

Таковы первые данные, собранные и запроотоколированные непосредственно после несчастного случая.

Актом служебного расследования установлены следующие очень важные обстоятельства.

а) Видимость была не более 50 метров. Сильное парение паровоза «ФД» (прошедшего товарного поезда) уменьшило и без того плохую видимость до 25 метров.

б) Ввиду сильного тумана и расстилавшегося пара от паровоза поезда № 921 видимость была уменьшена и поезд № 10, шедший со скоростью 55—60 км, можно было заметить на расстоянии лишь 20—25 метров.

Отсюда можно сделать единственный вывод: если поезд можно было заметить только за 20—25 метров, то машинист скорого поезда мог заметить человека на пути на пропорционально более коротком расстоянии — почти под паровозом — или мог вовсе не заметить, как это имело место в данном случае, когда была задавлена первая работница. Во всяком случае, остановка поезда была невозможна.

По техническому акту первой причиной происшедшего несчастного случая с путевыми рабочими признано неприятие бригадиром Лобановым всех мер предосторожности к безопасному проходу рабочих на место работы. Бригадир пути Лобанов в условиях плохой видимости от тумана и пара от прошедшего поезда, при плохой слышимости от шума обгонявшего бригаду поезда № 921, не имея уверенности в безопасности дальнейшего следования рабочих, не отвел бригаду рабочих в сторону от пути, не выждал лучшей видимости и слышимости, чтобы избежать возможного и происшедшего несчастия с людьми.

Служебным расследованием машинист Попов признан виновным в нарушении § 74 инструкции по сигнализации, выразившемся в неподдаче частых оповестительных сигналов, в отсутствии бдительности (не заметил, как задавил первую работницу) и в преступном отношении к людям (падение людей в кювет не послужило сигналом экстренного торможения, затормозил только тогда, когда полетели щепки от лопат).

Предварительное и судебное следствие, очевидно, руководствовались данными первоначального технического акта, совершенно игнорируя остальные обстоятельства этого дела, как, например:

а) Из рабочих по бровке никто не шел, так как бровка была занесена снегом. Шли по концам шпал, а многие по середине пути. Таким образом, указание Транспортной коллегии на то, что Лобанов говорил рабочим, чтобы идти по бровке, не соответствует действительности. Лобанов на предварительном следствии признал себя виновным.

б) Суд и следствие совершенно обошли молчанием то обстоятельство, что Управление дороги и пути до этого случая должных мер по безопасности путевых работ не принимали. Только в связи с этим несчастным случаем был принят ряд мер, которые и свидетельствуют о прежнем бездействии Управления дороги и пути.

в) Виновным за бездействие Управления и бригадира Лобанова совершенно неправильно признан Попов, машинист, получивший в 1933 г. звание лучшего машиниста СССР, проработавший на транспорте с 1902 г. без аварий и неоднократно, премированный, член ВКП(б) (см. трудовой список).

§ 74 Инструкции по сигнализации Попов не нарушил, так как сигналы давал чаще, чем обычно, — это установлено свидетелями на

суде. В условиях плохой слышимости и быстрого хода поезда несчастье могло произойти даже и в том случае, если бы сигналы подавались ежеминутно. Нельзя требовать сигналов через каждые 100 метров. Потерпевшие сигналов могли и не слышать из-за грохота удалявшегося поезда и приближающегося сквора. Об этом говорит технический опыт.

В отсутствии бдительности Попова нельзя обвинить, так как ему труднее было заметить одиночного пешехода, чем пешеходу идущий навстречу поезд.

Вот почему обвинение Попова в преступном отношении к людям необосновано.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение Транспортной коллегии.

Судебнонадзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассматривая протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор линсуда и определение Транспортной коллегии в отношении Попова отменить и дело о нем передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

НЕ 109 СТ., А 111 СТ.

Приговором нарсуда Балыкчинского района от 30 декабря 1935 г. б. управляющий Балыкчинской к-ры «Киргизстрой» Пашкевич А. Е., 31 г., был признан виновным в том, что: а) получив для оплаты счет на 150000 руб., не оплатил его в установленный законом срок, в результате чего «Киргизстрой» заплатил пени 13000 руб.; в ноябре он не смог оплатить счет на сумму 700000 руб., вследствие чего товар этот пролежал на складе 1 месяц; в IV квартале Пашкевич должен был получить из хлопко-сбыта мануфактуру на 281000 руб., а получил только на 13000 руб., чем привел работу конторы в тяжелое состояние;

б) издал приказ о приеме на работу лиц, могущих гарантировать свою материальную ответственность ценным имуществом;

в) незаконно уволил продавца Секребаева, отобрав у него в зимнее время принадлежащие конторе валенки, уволил юрискон ульта Селицкого и отобрав у него в зимнее время пальто, выданное во временное пользование;

г) получил у Секребаева 36 метров мануфактуры на сумму 144 руб., не уплатив денег, в результате чего за Секребаевым оказалась растрата.

Квалифицировав деяния Пашкевича по ст. 109 УК, суд приговорил его к 4 годам лишения свободы. Кассколлегия Главсуда приговор этот оставила без изменений.

Прокуратура СССР, считая осуждение Пашкевича неправильным по ст. 109 УК, опротестовала приговор нарсуда по следующим основаниям.

Из показаний допрошенных судом свидетелей Паршкова и других видно, что увольнение Секребаева и Селицкого было совершенно правильным, так как Селицкий систематически пьянствовал в служебное время, а Секребаев не подчинился распоряжению администратора о временном переходе на работу продавцом в магазин. Кроме этого, у Секребаева оказалась растрата в 500 руб. Естественно, что при увольнении этих лиц Пашкевич обязан был отобрать вещи, принадлежащие конторе, которыми они временно пользовались.

Приказ Пашкевича о приеме на работу лиц, могущих гарантировать материальную ответственность каким-либо ценным имуществом, незаконен, однако он не может повлечь за собой уголовного преследования.

Вывод суда о том, что по вине Пашкевича у Секребаева оказалась растрата, противоречит материалам дела. Из показаний свид. Игнашова видно, что Секребаев растратил 500 р., Пашкевич, по признанию суда, не оплатил Секребаеву товара на 144 руб. Таким образом, и в этом случае нельзя считать, что вся растрата Секребаева образовалась по вине Пашкевича.

Утверждение суда о том, что Пашкевич не оплатил взятый товар, основано на показаниях растратчика Секребаева и никакими иными объективными данными не подтверждается.

Вина Пашкевича заключается в том, что он не сумел справиться с работой конторы и недостаточно уделял внимания своевременному получению следуемых конторе товаров и борьбе с растратами.

Поскольку корыстные или иные личные мотивы в действиях Пашкевича материалами дела не подтверждаются, деяния Пашкевича должны быть квалифицированы по ст. 111 УК РСФСР.

Президиум Верховного Суда Киргизской ССР, рассмотрев протест Прокуратуры СССР, постановил переквалифицировать преступление Пашкевича на ст. 111 УК и определить ему меру наказания в полтора года лишения свободы.

СУРОВЫЙ ПРИГОВОР ВСЛЕДСТВИЕ НЕПРАВИЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

3 августа 1935 г. физкультурник Юнусов при метании гранаты сломал кость правой руки. Несмотря на предложения инструктора обратиться к врачу, Юнусов категорически отказался и настоял на том, чтобы его отвели к осужденному по данному делу Икран-

баеву Артык Бюю, занимавшемуся табибством.

Икранбаев был найден в чайхане, где и наложил в совершенно антисанитарных условиях повязку на большую руку Юнусова. Через пару дней состояние руки Юнусова стало ухудшаться, но, несмотря на настояния инструктора, Юнусов и его мать категорически отказались от помощи врача. Икранбаев, явившись по их приглашению 8 августа и увидев у Юнусова осложнения, предложил ему обратиться к русскому врачу (показания свидетеля Абдулаева). Однако Юнусов на это не согласился и был доставлен в больницу лишь 9 августа при полной потере сознания, где он вскоре умер от общего заражения крови.

Квалифицировав деяния Икранбаева по ст.ст. 255 ч. 1 и 187 УК Узб.ССР, нарсуд 64 участка г. Намангана 23 августа 1935 г. приговорил его к 8 годам лишения свободы.

Кассколлегия Верховного Суда исключила из приговора ст. 255, а в остальной части приговор оставила без изменений.

Прокуратура СССР опротестовала приговор нарсуда по следующим основаниям: квалификация действий Икранбаева по ст. 187 УК неправомерна, так как эта статья предусматривает умышленное, насильственное лишение жизни. Из материалов дела видно, что смерть Юнусова произошла не вследствие умышленного убийства Икранбаевым, а вследствие того, что он пользовался лечением Икранбаева, не имевшего специальных медицинских познаний.

Деяние Икранбаева предусмотрено ст. 255 ч. 1, по которой он и должен был быть привлечен к уголовной ответственности.

Президиум Верховного Суда Узбекской ССР, рассмотрев протест Прокуратуры СССР, постановил действия Икранбаева квалифицировать по ст. 255 ч. 1 УК Узб. ССР и, поскольку он содержался под стражей с 19 августа 1935 г., ограничиться отбытым им сроком наказания и из-под стражи его немедленно освободить.

Трактатка Трѳокуратуры Союза ССР по общему надзору

НЕЗАКОННОЕ НАЛОЖЕНИЕ ШТРАФОВ ЗА ЗАДЕРЖКУ ВЫВОЗА ГАРНЦА

Комитет по заготовкам с.-х. продуктов при СНК СССР на запрос своего уполномоченного по Западной Сибири дал следующее разъяснение: «За задержку вывоза гарнца и скопление его на мельнице свыше количества, указанного в извещениях, на заведующих предприятиями должен накладываться денежный штраф. Размер штрафа устанавливается районкомзагом и утверждается РИКом».

Прокуратура СССР опротестовала это разъяснение как противоречащее законодательству СССР по следующим основаниям.

Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 27 сентября 1932 г. «О гарнцевом сборе», должностные лица государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, виновные в расхождении и не по назначению гарнцевого сбора, несут ответственность в уголовном порядке, а за прочие нарушения — в уголовном или дисциплинарном порядке. Кроме того на те кооперативные или иные общественные организации, которым принадлежат предприятия, где были допущены нарушения, распоряжением Комитета заготовок СНК СССР может быть наложен штраф в натуральной форме в пределах недополученного государством гарнцевого сбора.

Таким образом, уполномоченный Комзаг СНК, обнаружив задержку вывоза гарнца и скопление его на государственной, кооперативной или колхозной мельнице, должен возбудить вопрос об уголовной или дисциплинарной ответственности заведующего предприятием. Налagать же на него штраф в административном порядке уполкомзаг не вправе. Не могут этого делать и райисполкомы, так как по постановлению ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. «Об ограничении штрафов, налагаемых в административном порядке» они не вправе издавать обязательные постановления с наложением за их нарушение штрафов по вопросам, урегулированным постановлениями вышестоящих органов (как это имеет место в данном случае).

Комитет заготовок при СНК СССР указанное выше разъяснение как противоречащее закону отменил.

НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА В НКФ СССР

Рассматривая налоговые дела в порядке надзора, Прокуратура СССР установила, что в некоторых из этих дел имеются постановления, подписанные «секретариатом Наркомфина СССР», об утверждении или отклонении решений, вынесенных Управлением налогами и сборами с населения НКФ СССР.

Такое постановление было обнаружено, например, в деле по обложению гр. Костанова. В данном случае секретариат Наркомфина СССР восстановил решение Пятигорского горфо об обложении Костанова, которое ранее было отменено как неправильное Управлением налогами и сборами с населения НКФ СССР. Между тем по положению о Наркомфине СССР, утвержденному пост. ЦИК и СНК СССР от 27 мая 1936 г., рассмотрение жалоб на неправильное обложение должно производиться Управлением налогами и сборами с населения. О праве секретариата выполнять эти функции и притом в качестве инстанции, стоящей над Управлением налогами и сборами, в положении о НКФ СССР ничего не говорится. Прокуратура СССР обратила внимание Народного комиссариата финансов Союза ССР на ненормальность установившейся практики рассмотрения в НКФ СССР налоговых дел, при которой решения оперативного управления отменяются секретариатом наркомата.

Народный комиссар финансов издал приказ, которым категорически запретил секретариату рассматривать жалобы на обложение налогами. При этом народный комиссар указал, что эту практику «избрал» сам начальник Управления налогами и сборами и зав. бюро жалоб НКФ СССР и что сделали они это «в поисках удобной для них формы безапелляционных ответов на жалобы».

Народный комиссар предложил, чтобы все жалобы, подаваемые на решения Управления налогами и сборами, представлялись на его (или заместителей наркома) разрешение.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ПОРЯДОК НАЛОЖЕНИЯ ШТРАФОВ

Центральное управление мер и весов издало положение о временных отделениях Управлений уполномоченных ЦУМВ. В этом положении ЦУМВ допустил целый ряд нарушений закона. Так, например, «Положение» обязывает уполномоченных добиваться издания РИКами обязательных постановлений о проверке мер и весов с наложением на нарушителей этих постановлений штрафа в размере 300 рублей.

Между тем право наложения штрафов за нарушение правил о мерах и весах по постановлению ЦИК и СНК СССР от 15 января 1935 г. «О специальных поверителях измерительных приборов» предоставлено гос. поверителям, причем возможности передачи этого права РИКа для взыскания штрафов в порядке обязательных их постановлений не предусмотрено. Кроме того, исполкомы и горсоветы по действующему законодательству вообще не вправе налагать штрафов в размере, превышающем 100 рублей.

То же Управление мер и весов циркулярно предложило своим уполномоченным обращать взыскание наложенных ими штрафов на заработную плату. Между тем по действующему законодательству (пост. ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. «Об ограничении наложения штрафов в административном порядке») принудительное взыскание штрафа, наложенного в административном порядке на рабочих и служащих, не может быть обращено на причитающуюся им заработную плату (кроме случаев, предусмотренных специальными законами).

Прокуратура СССР опротестовала приведенные акты перед Наркомвнуделом СССР (в состав которого входит Управление мер и весов). В результате этого протеста Главное управление мер и весов НКВД СССР внесло в приведенные выше циркуляры изменения в соответствии со сделанными прокуратурой СССР указаниями, а именно:

1. Наложение административных взысканий за нарушение правил о мерах и весах должно осуществляться гос. поверителями в соответствии со ст. 21 пост. СНК СССР от 15 января 1935 г. (а не РИКами и горсоветами в порядке обязательных постановлений).

2. Взыскание наложенных штрафов за нарушение правил о мерах и весах должно производиться в соответствии с пост. ЦИК и СНК СССР от 4 января 1929 г. «Об ограничении наложения штрафов в административном порядке», т. е. без обращения взыскания на заработную плату.

По союзным республикам

РСФСР

Как работает Куйбышевская прокуратура

За 15 лет существования советской прокуратуры накопился богатый опыт работы, выработались методы осуществления наблюдения за революционной законностью, определены формы борьбы с преступностью. Казалось бы, пройденный путь должен был облегчить в настоящее время организацию работы прокуратуры на местах, помочь выполнению огромных задач, поставленных перед нашими органами великой Сталинской Конституцией. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы о работе на местах говорят о том, что бюрократизм и волокита, упорный самотек, неумение выделить основные звенья работы и, крепко ухватившись за них, планомерно и организованно построить всю работу, движение по течению господствуют в ряде органов нашей системы.

Характерные в этом отношении материалы дало обследование работы Куйбышевской облпрокуратуры, произведенное в мае 1937 г. Злодейское убийство бандами в Мелекесе делегатки Чрезвычайного VIII съезда советов тов. М. В. Проиной, угрозы в Базарно-Сызганском районе делегатке Чрезвычайного XVII всероссийского съезда советов Михеевой, покушение на делегатку этого же съезда в Шеннышевском районе, многочисленные случаи нарушений устава сельхозартели, имевшие место в 1936 г., казалось бы должны были заставить Куйбышевскую облпрокуратуру отточить свое оружие в борьбе за революционную законность, обратить особое внимание на организацию работы по общему надзору; на деле же самотек, оторванность от периферии характеризуют работу Куйбышевской облпрокуратуры в первую очередь по общему надзору.

Серьезным экзаменом для организованного сравнительно недавно отдела общего надзора была в 1937 г. работа, связанная с севом, и приходится констатировать, что отдел общего надзора Куйбышевской прокуратуры этот экзамен не выдержал.

Во вторую половину мая, когда сев должен был быть уже закончен, облпрокуратура не имела никаких сведений, как протекает работа райпрокуроров, по 27 районам и весьма отрывочные сведения по 24 районам, т. е. больше 50% периферии оказалось в этот ответственный момент вне поля зрения областного аппарата. В актах обследования райпрокуратор, произведенного в период подготовки к севу и во время самого сева, работа райпрокуроров в этой области почти не утратилась, им не было сделано никаких указаний; на материалы, полученные с мест о работе по севу, отдел общего надзора также не реагировал.

Характерны в этом отношении следующие факты.

Прокурор Похвистневского района в прис-

ланном плане работ в части, связанной с проведением весенне-посевной кампании, в п. 1 указывает: «Не реже одного раза в месяц проверять дела, находящиеся в производстве милиции». В другом месте этого же плана он пишет, что «дела, связанные с подготовкой к весенне-посевной кампании, расследовать в трехдневный срок с рассмотрением их нарсудом в пятидневный срок». На это явное несоответствие обоих пунктов плана облпрокуратура не реагировала, так же как и на другой пункт этого же плана «выступать в нарсудах не менее трех раз в месяц по делам, связанным с севом»; облпрокуратура не заинтересовалась также сообщением прокурора Кошкинского района, что им были в суд направлены 3 дела по севу, которые все были прекращены.

Совершенно непонятно, как могла не обратиться внимания Куйбышевская прокуратура на имевшиеся в ее распоряжении на 10 апреля статистические сведения о судебной политике по делам о севе.

Было осуждено:

за кражу семсуды: к лишению свободы — 82 ч., к и.-т. работам — 34 ч.;
за кражу фуража: к лишению свободы — 53 ч., к и.-т. работам — 25 ч.;
по ч. 1 ст. 74—4 УК: к лишению свободы — 2 ч., к и.-т. работам — 10 ч.;
по ст.ст. 109—111 УК: к лишению свободы — 4 ч., к и.-т. работам — 3 ч.

Мягкая судебная политика в отношении расхитителей семсуды и фуража, когда свыше 40% осужденных за это приговорены к принудработам, казалось бы, должна была заставить прокуратуру обратить особое внимание на эти дела при прохождении их в кассационной инстанции и дать в оперативном порядке указания на периферию, но это сделано не было и только по 19 делам по севу имело место участие прокуратуры в кассационной инстанции.

По такому же типу, как и работа, связанная с севом, построена работа отдела общего надзора Куйбышевской прокуратуры и по другим вопросам общего надзора. Единственный объект надзора прокуратуры — это постановления президиума облисполкома и обязательные постановления, причем протесты прокуратуры в установленный законом срок не рассматриваются и на это она должным образом не реагирует. В 1937 г. не производился пересмотр изданных ранее обязательных постановлений, и не исключена возможность, что на местах продолжают действовать обязательные постановления, юридически утратившие свою силу. Куйбышевская городская прокуратура недавно обнаружила, что действующие обязательные постановления, на основе которых накладываются штрафы, нигде не были опубликованы и не доведены до сведения населения. Действие этих постановлений в настоящее время с некоторым опозданием опротестовано.

Отсутствие внимания к узловым вопросам работы сказалось и в отношении к борьбе с

нарушениями закона от 27 июня 1936 г. По поступающим с мест донесениям видно было, что закон этот в ряде случаев нарушается. Так, например, прокурор Ясинского района сообщил, что в районе за производство абортотов осуждена единоличница Филохина на 1 год и-т. работ, в Сызганском районе за незаконное производство аборта было привлечено 3 человека по п. «д» ст. 136 УК.

Отдел общего надзора на эти сообщения о противоречащих закону приговорах не реагировал, а начальник отдела под это молчание попытался подвести «идеологическое» обоснование, заявляя, что «это вопросы, которыми должен заниматься судебный отдел, а в судебный отдел эти спецдонесения не были переданы, так как последний должен знать судебную политику по работе в кассинстанции». Вот эта оторванность отделов друг от друга, полное отсутствие оперативных совещаний при прокуроре области, на которых происходил бы обмен опытом работы, являются серьезным отрицательным моментом в работе Куйбышевской прокуратуры. Следует отметить, что, очевидно, закон от 27 июня не был понят не только отдельными райпрокурорами, но и некоторыми работниками аппарата, так как за подписью начальника отдела жалоб и одного из работающих там помощников прокурора на запрос председателя райсоюза медработников, должны ли привлекаться женщины, которым произведен аборт, был дан такой ответ: «пункт 4 в отношении беременных женщин, производящих аборты, в нарушение указанного запрещения устанавливает как наказание — общественное порицание, а при повторении нарушения закона о запрещении абортов — штраф до 300 руб.; следовательно, к уголовной ответственности гражданка привлечена быть не может».

Не лучше в Куйбышевской области обстоит и с делом борьбы с детской преступностью. Все проверенные дела о преступлениях несовершеннолетних по г. Куйбышеву свидетельствуют о том, что директива Прокуратуры Союза по этому вопросу совершенно забыта. Дела этой категории расследуются в сроки от 1 до 3 мес., причем в срок до 1 мес. было расследовано меньше 30% дел; в суде с момента получения дела до его рассмотрения проходит в среднем не меньше 15—17 дней. Задержка расследования по этим делам приводит к тому, что несовершеннолетние содержатся длительные сроки в тюрьме до суда (часто до 3 мес.), причем в последнее время они содержатся в одной камере со взрослыми преступниками; это недопустимое явление администрация тюрьмы объясняет тем, что она не может справиться с несовершеннолетними, если они сидят все вместе в одной камере, а прокуратура, зная об этом, молчала.

Все обвинительные заключения по делам о преступлениях несовершеннолетних санкционируются прокурором, с его участием проходят все эти дела в подготовительных заседаниях, но о формальном характере этой санкции и подготовительных заседаний свидетельствует ряд дел, направленных в суд без достаточных оснований и подлежащих прекращению в процессе предварительного следствия. Показательно следующее дело: Коршунов, 15 лет, ученик калиграфической мастерской, не судился, живет у родителей, похитил из мастерской

шрифт стоимостью в 3 рубля. Кража эта была обнаружена, когда отец мальчика спросил у директора мастерской, можно ли этот шрифт держать дома. Мальчика передали суду и суд приговорил его к общественному порицанию. Подобных примеров можно было бы привести множество.

О невыдержанности судебной политики по этой категории дел говорят следующие факты: 1. Усталков, 13 лет, занимается продолжительное время кармашными кражами и кражами из квартир. Приводился в милицию 3 раза. В последний раз был задержан при совершении квартирной кражи со взломом. Приговорен судом к одному году лишения свободы условно. 2. 15-летний мальчик занимается систематически кражами в поездах. Приговорен к трем месяцам лишения свободы условно.

Подобная судебная политика не может явиться реальным средством борьбы с преступностью среди несовершеннолетних. А прокуратура считает, что в этой области обстоит все совершенно благополучно.

С судебной политикой по делам о технике безопасности мы были лишены возможности ознакомиться, так как судом эти дела специально не учитываются, прокуратура ими не интересуется, и, затребовав из всех нарсулов г. Куйбышева дела по технике безопасности, мы получили явно абсурдную справку, что за 1937 г. прошло только одно дело.

Оторванность от судебной политики по области и г. Куйбышеву не дает возможности судебному отделу облпрокуратуры осуществлять руководство работой периферии по судебному надзору, несмотря на то что судебный отдел внимательно рассматривает дела с протестами райпрокуроров и при отклонении их делает это в достаточной степени мотивированно. Была даже сделана попытка подвести итоги работе в этой области: на места было послано письмо с анализом недостатков в протестах райпрокуроров (за 4 мес. 1937 г. было отклонено облпрокуратурой 33% протестов), но дать конкретные дифференцированные указания по каждому району или по отдельным категориям дел облпрокуратура не смогла, так как, как было указано выше, судебную политику она по области не изучает, а в кассационной коллегии принимает участие по чрезвычайно незначительному количеству дел. Только 4% заслушанных в кассационной коллегии в 1937 г. дел прошло с участием прокуратуры, да и по этим делам часто прокурора заменяло письменное заключение, весьма лаконично составленное. Значительно лучше, чем работа в кассационной коллегии, организована работа Куйбышевской прокуратуры в первой инстанции облсуда, где она принимала участие во всех подготовительных заседаниях и во всех процессах, которые требовали ее участия. В основном же работа уголовно-судебного отдела сводилась к рассмотрению надзорных дел.

Значительно лучше, чем в уголовно-судебном отделе и в отделе общего надзора, обстоит дело с руководством периферией в следственном отделе Куйбышевской прокуратуры, но и тут в результате того, что не выделены основные, имущие для данного момента максимальное политическое значение вопросы, что опыт оперативной работы не используется для руководства организацией работы на местах,

имеют место серьезнейшие недочеты. Положительным моментом является то, что следственный отдел хорошо знает весь следственный аппарат области и систематически учитывает работу значительной части его.

Так, из 75% районов были присланы месячные отчеты за подписью райпрокурора и следователя, отражающие движение дел у следователя. Сведения эти ежемесячно суммируются. На каждого следователя в отделе имеется личное дело, в котором сконцентрированы акты обследований этого следователя, его доклады, отдельные документы, составленные им, но, к сожалению, эти документы подбираются не с точки зрения их наибольшей характерности, а по техническим соображениям (те документы, которые имеются в двух экземплярах, и т. д.); за 4 мес. 1937 г. были заслушаны доклады 24 следователей о их работе, была проведена 10-дневная конференция следователей 16 районов, на которую были приглашены следователи, ранее в конференциях не участвовавшие; было одно совещание с городскими следователями с участием 4 районных следователей, на этом совещании был сделан доклад об итогах 4-й учебно-методической конференции Прокуратуры Союза; на местах была обследована работа 22 нарследователей (эти обследования были сделаны с участием всего аппарата облпрокуратуры); был издан один бюллетень. Правда, обследования иногда были довольно поверхностные, а указания носили такой общий характер: «Предложить нарследователю т. Богданову наряду с его учебой в заочном институте систематически повышать свое политическое развитие и деловую квалификацию», но при некоторых обследованиях даны были деловые конкретные указания, которые должны были помочь райследователям наладить работу. Самым существенным недостатком следственного отдела является то, что он не использует свою оперативную работу для дачи на основе ее указаний периферии; поэтому, например, проглядели, во что превратилась «доследственная проверка» материалов в районах и особенно в г. Куйбышеве. Правда, проверку эту теперь проводят не следователи, а райпрокуроры, но последние извратили самый смысл этой проверки. В некоторых случаях она превратилась в розыск. Например, прокурор г. Куйбышева получил сведения, что гр-ка Х. умерла от неудачно сделанного ей какой-то уборщицей Глашей аборт. После затребования из больницы истории болезни этой гр-ки, по которой было установлено, что в больницу она была доставлена действительно после неудачного аборта, прокурор начинает розыски этой Глаши, допрашивая для этой цели свидетелей. Подобная проверка, превращаясь по существу в следствие, принимает невероятно волокитный характер, например, у прокурора г. Куйбышева она ведется от 1 до 3 мес. даже по делам о технике безопасности. Не обратил также следственный отдел внимания на организацию наблюдения за выполнением на местах ст. 127 Сталинской Конституции. Наблюдательные производства по делам, по которым подследственные содержатся под стражей, отсутствуют, учет их не установлен, так же как не установлен контроль за сроками следствия; циркуляр Прокуратуры Союза по этому вопросу не выполняется: заключенные находятся под

стражей свыше установленного законом срока без соответствующего продления срока, а следственный отдел об этом не знает. Не обращено было также внимания на то, что дела облсудовской подсудности, направленные следственным отделом, оказываются недоброкачественно расследованными: возвращение дел с подготовительных заседаний облсуда достигает 20%, за 1937 год из 75 рассмотренных дел 10 было направлено на доследование и 5 прекращено.

Указанные серьезнейшие недочеты работы Куйбышевской прокуратуры на 3 основных участках — по общему надзору, по судебному надзору и руководству следствием — являются, с нашей точки зрения, результатом того, что в работе каждого отдела не выделяются основные, принципиальные, наиболее важные объекты работы, что самотек поглощает всю оперативную работу аппарата, что живая связь с периферией надлежащим образом не организована.

В настоящее время, когда перед органами прокуратуры Сталинской Конституцией поставлены новые задачи, когда авторитет ее поднят на еще большую высоту, особенно необходимо всегда руководствоваться словами Ленина: «недостаточно быть революционером и сторонником социализма, или коммунистом вообще. Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтоб удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену».

Р.

О работе судов Западной области

Подготовка к проведению на основе Сталинской Конституции всеобщих, прямых, равных и тайных выборов судей — наша неотложная задача.

Разрешение этой задачи должно заключаться прежде всего в ознакомлении всей советской общественности с работой судебных органов, развертывании самокритики и искоренении всех и всяческих недостатков.

Предстоящие выборы будут серьезнейшим политическим экзаменом для всех судебных работников.

В Западной области работа ряда судебных органов хромает, что называется, на обе ноги, в общей печати деятельность судов и отдельных судей не освещается, а областной суд вместо живого и оперативного руководства районными звеньями в свете подготовки к выборам занимается составлением мудрых документов, перещеголявших витиеватые писания гоголевских чиновников былых времен.

3 марта 1937 г. оперативное совещание при председателе облсуда обсудило карательную политику нарсудов области за IV квартал 1936 г. и приняло знаменательное во всех отношениях постановление.

В § 7 этого постановления написано: «поставить перед нарсудьями вопрос о том, чтобы оправдательные приговоры могли быть выносимы только в тех случаях, когда на судебные заседания поступают абсолютно новые материалы, не бывшие предметом обсуждения на подготовительном заседании».

Совершенно ясно, что подобные требования облсуда — грубейшая политическая ошибка, так как нельзя «запрещать» судам оправды-

вать людей, за исключением тех случаев, когда в суды поступают «совершенно новые материалы, не бывшие предметом обсуждения на подготовительном заседании».

Известно, что в ряде случаев судебное следствие разбивает выдвинутую в период предварительного следствия версию, и возникает необходимость вынесения оправдательного приговора. Областной суд в своем постановлении, по сути, предлагает «выскивать» во что бы то ни стало обвинительные доказательства и непременно выносить обвинительный приговор.

В таком указании, несомненно, есть тенденция низвести судебное заседание нарсуда до простой формальности.

Говоря о снижении преступности по одной из категорий дел в § 10 постановления, совещанием записано: «однако, процент снижения этого вида преступности чрезвычайно ничтожен, причем медленное сокращение преступности по этим категориям дел объясняется, в частности, тем, что карательная политика по этим категориям дел недостаточно жестка и не используются меры наказания предоставленные законом».

Сделать какой-либо деловой вывод для себя из этого общего и неконкретного указания суды, конечно, не могут.

В § 4 записано: «по ст. 74 при наличии сокращения судимости очень медленно выправляется карательная политика. Это видно из того, что лишение свободы применялось в III квартале на 74,5%...».

Подобные указания политически неправильны, так как ориентируют суды на применение в 100% случаев меры наказания — лишение свободы, невзирая на социальное лицо правонарушителя и тяжесть совершенного преступления.

Допущенная ошибка усугубляется тем, что облсуд повторяет это требование, неоднократно говоря и о других видах преступлений в §§ 6, 8 и 10 постановления.

Опираясь только статистическими показателями, постановление оперативного совещания упускает крупнейшие пробелы в работе судов, могущие быть замеченными в результате изучения конкретных дел, например, народный суд Мещевского района, рассмотрев дело по обвинению растратчика Ермакова, вынес такое определение:

«27 марта 1937 года народный суд Мещевского района Западной области Выездная Сессия в Кудрике. Под председательством нарсудьи Петраковой, нарсудсудей Борцова, Комчадалова, при секретаре Пономареве, рассмотрев уголовное дело по обвинению Ермакова Никиты Ильича в преступлении по ст. 116 ч. 1 УК и ст. 128 «в» УК. Суд принял во внимание, что в Кудринском СельПО систематическая происходит растрата и что ряд лиц были привлечены к уголовной ответственности работающими завмагами имеются сведения что правление сельПО имеет ряд лиц в счетной части, которые запутывают учет и отчетность и ряд лиц по причине запутанного учета со стороны счетной части подвергаются уголовному преследованию и ряд лиц уже осуждены не исключены случаи и в дальнейшем состав преступления не прекращается.

Для устранения творившегося недоразумения Мещевскому Райпотребсоюзу надлежит устранить лиц из правления и вновь переизбрать

правление и поставить работников соответствующих своим обязанностям почему на основании вышеизложенного и в силу ст. 235 УПК,

Определил:

Предложить Мещевскому Райпотребсоюзу переизбрать полностью правление и выделить лиц во вновь избранное правление. Каковые бы могли вывезти из недоразумения творившегося до сего времени а также предложить устранить счетную часть в Кудринском сельпо, подобрав более честных и опытных работников, отвечающих за порученную работу. Мы сохранили стиль и орфографию подлинника. С этой стороны приведенный нами документ настолько «своеобразен», что нет никакой необходимости подвергать его особой критике.

Но дело не в стиле и орфографии этого документа, все дело в том, что судья т. Петраков этим определением, как видно, стремится осуществить применение различных профилактических мероприятий, получилась же не профилактическая деятельность, а грубое нарушение демократии, огульное охаивание всего правления и всей счетной части сельпо без указания хотя бы одного конкретного факта в действиях того или иного должностного лица.

Это не один случайный казус в работе судебных органов Западной области.

В Рославльском районе некая Орлова украла в поезде у пассажира чемодан с вещами. Воровку отыскали и предали суду.

Получив повестку, обвиняемая в суд не явилась, и суд определил, что обвиняемая от суда уклоняется, поэтому вызывать ее нецелесообразно, и, прекратив дело, предложил потерпевшему подать иск воровке в гражданском порядке.

Также по мотивам неявики Суземский суд прекратил дело в отношении обвиняемого Савченко, совершившего несколько краж домашних вещей.

Гр-н Роздомакин (Жуковский район) украл с постройки 55 досок. Часть похищенных у него была обнаружена и отобрана.

Преступник был предан суду, но суд прекратил дело по мотивам маловажности.

В общежитии некарни города Духовщины систематически воровали вещи. Удалось поймать и изобличить Кузьмина, но суд прекратил дело по мотивам нецелесообразности предания его суду.

Все эти «ошибки» народных судов не случайны, а находятся в полном соответствии с системой руководства со стороны областного суда.

Мы цитируем § 11 «постановления оперативного совещания при председателе запоблсуда от 3 марта 1937 года».

«Охрана частной трудовой собственности по области производится удовлетворительно. Так, по ст. 162 п. «а», «б», «в» УК из 395 осужденных в III квартале в IV квартале осуждено 380 чел. из них: 156 чел., или 41%, — к лишению свободы. Если учесть, что по социальным признакам по этой статье осуждено 2 чел. нетрудового элемента и 72 чел. деклассированных элементов и 58 прочих, то в сопоставлении этих цифр усматривается некоторый перегиб в сторону присуждения к коротким срокам лишения свободы трудящихся».

Во всем этом оперативность заключается только в названии совещания оперативным.

Нет в этом документе и логики, как получилось у авторов постановления, что из 395 осужденных в III квартале 380 осуждено в IV квартале. Ведь если понимать так, как написано, то выходит, что в III квартале осуждено только 15 человек, а это, конечно, не так.

Народные судьи, читая это постановление, поймут только одно, что охраняют «частную трудовую собственность» (странный термин) они удовлетворительно.

У работников облсуда, как видно, не нашлось времени ни на тщательную редакцию постановления, ни на изучение конкретных дел, так как совещание построило свои выводы лишь на общих итоговых цифрах в прямом противоречии с действительным положением вещей.

В деле охраны социалистической собственности у судов Западной области также не мало благодушия и прямых извращений.

Заведующий рыбным пунктом Велижского района Михайлов растратил 772 руб., но суд прекратил дело об этом растратчике ввиду малозначительности совершенного преступления. Пичуков украл в кассе магазина 136 руб., по малозначительности и это дело прекратил суд Унечского района.

В § 7 оперативное совещание облсуда записало:

«Борьба с расхитителями социалистической собственности, сказавшаяся на увеличении количества дел (с 330 в III квартале до 483 дел в IV квартале), что объясняется в известной степени некоторым увеличением дел в период уборки и заготовок и кроме того крайне тяжелым положением с фуражным фондом в области.

Вместе с тем необходимо отметить чрезвычайно большой процент отсева в УКК по п. «в» и «д» ст. 162 УК — 28,1%. В то же время очень медленный рост усиления карательной политики: в III квартале осуждено к лишению свободы 50,4%, а в IV квартале — 60,1%, что не увязывается с ростом количества осужденных. Вместе с этим нарсуды допускают нетерпимое осуждение к исправтрудоу работам по месту работы 78 чел., или 11,7%, и после УКК — 56 чел., или 11,2%, и даже ещё более мягкие меры наказания — 41 чел., или 6%, в нарсудах и после УКК — 31 чел., или 6,5%.

Эти цифры говорят о недооценке нарсудами необходимости жесткой охраны социалистической собственности».

Оперативное совещание области не ошиблось в своих выводах, но четкого, политически острого анализа допущенных судами ошибок и извращений с демонстрацией наиболее характерных из них конкретных примеров не дало.

Цифры, изложенные в этом параграфе постановления, крайне сомнительны и ничему не поучают, например, те, которые «характеризуют» применение исправтрудоу работ и «более мягких мер наказания».

Шофер Бучицкий, проезжая в окрестностях Смоленска, убил машиной колхозника-активиста. Нарсуд Смоленского района оправдал Бучицкого на том основании, что умысла не было, а была лишь неосторожность.

Этот же суд Смоленского района неоднократно прекращал дела в отношении хулиганов

лишь потому, что преступления совершались в пьяном виде, а это, по мнению суда, смягчающее обстоятельство.

7 сентября 1936 г. в Рославльский суд поступило дело по обвинению Звонцова по ч. 2 ст. 74 УК. Это дело лежало в суде 2½ месяца и было прекращено судом 23 ноября ввиду призыва обвиняемого в армию.

Велижский народный суд оправдал Анухова, который на почве мести, будучи пьяным, железной палкой избил бригадира Уварова.

Все это свидетельствует о наличии крупнейших недостатков как в работе народных судов, так и в руководстве со стороны областного суда, а в свете Сталинской Конституции не может рассматриваться иначе, как скверная подготовка к предстоящим перевыборам судей.

В § 8 своего постановления облсуд указывает на слабое руководство следствием в области со стороны органов прокуратуры.

Вне всякого сомнения целый ряд недостатков в работе прокуратуры по надзору за следствием есть, но все конкретные примеры, указанные нами выше, свидетельствуют прежде всего об очень плохой работе самих судов.

Областной суд склонен объяснить, и в своем постановлении так и объясняет, большой процент прекращения дел в подготовительных заседаниях исключительно скверным качеством расследования, но факты свидетельствуют и об иных причинах; например, в Рославльском районе 3 дела: № 1655 о Паршине по ч. 1 ст. 85 УК, второе — № 1656 о Звонцове по ч. 1 ст. 143 УК, третье — № 1617 о Мамонюве по ч. 1 ст. 85 были возбуждены судом самостоятельно без проведения расследования и потом самостоятельно же прекращены в подготовительном заседании.

Мы цитируем интересное во многих отношениях определение подготовительного заседания суда Рославльского района от 21/III 1937 г. по делу № 1123/1937: «Нашел, что обвиняемый Бекусов является бригадиром колхоза предъявлять обвинение последнему по ст. 110 УК не было оснований, поскольку согласно последнего разъяснения Верховуда бригадиры не являются должностными лицами. Из показаний свидетелей, опрошенных по делу, имеется полное противоречие — в показаниях необходимо эти обстоятельства уточнить. В деле нет справки о соц. положении обвиняемого, нет характеристики обвиняемого, которая необходима для дела, а поэтому, руководствуясь ст. ст. 236 и 238 УПК, определил уголовное дело по обвинению Бекусова Ивана Романовича возвратить через райпрокурора на дознание (подписи)».

Прежде всего мы не знаем такого «последнего» разъяснения Верховуда, в котором бы указывалось, что бригадиры колхозов не являются должностными лицами, а во-вторых — это определение характерно «серьезностью» записанного в нем указания о порядке дознания и недостатков следствия, которые отметил суд.

В практике работы судов Западной области возвращение дел на дознание с подобными определениями — нередкое явление.

Необходимо с такой практикой работы покончить и твердо понять, что суды могут и должны помогать прокуратуре в деле корректирования работы следователей путем правильного и полного изложения всех недостатков

ков следствия, послуживших причиной обращения дела на доследование.

Борясь за повышение качества работы судов, следует отказаться от методов канцелярско-бюрократического руководства и оперирования лишь статистикой и развернуть подлинный смотр советской общественностью всей работы судов, а то под сенью различных объемистых постановлений имеет место то, чего не должно быть, например, в Руднянском нарсуде большая залежь дел.

В этом районе работают 3 народных судьи и в месяц поступает около 100 гражданских дел и 40 уголовных.

Чем же объясняется, что по области около 20% дел о растратах до рассмотрения их судами лежат в судейских шкафах свыше месяца?

Это объясняется тем, что судьи работают «не спеша»: судья Руднянского района Бояринова в январе 1937 г. рассмотрела 6 дел, в феврале — 9 дел, а за 20 дней марта — тоже 9 дел.

Нарсудья Руднянского района Тулякова, не будучи в отпуске и не болев, за I квартал 1937 г. не рассмотрела ни одного дела.

Знает ли о такой работе этих судей областной суд — по постановлению оперативного сообщения от 3 марта судить нельзя.

Товарищеские суды во многих районах области не переизбираются годами, живого руководства их работой нет; именно так обстоит дело в городе Смоленске, т. е. под боком у областного суда.

Это говорит о том, что суды Западной области не только плохо работают вообще, но и мало уделяют внимания общественно-массовой работе, т. е. оторвались от масс.

Из данной нами краткой характеристики работы судов Западной области надлежит сделать необходимые политические выводы и перестроить работу на основе живого, подлинного оперативного руководства, развертывания большевистской самокритики и все это проводить в свете подготовки к предстоящим перевыборам судей.

Ершов, Мельников.

От редакции. Приводимые тт. Мельниковым и Ершовым факты из «руководства» областным судом Западной области говорят о серьезных недостатках этого руководства.

Это «руководство», учитывая примеры из деятельности ряда нарсудов области, приводимые авторами статьи, требует самого срочного вмешательства Народного комисариата юстиции.

Редакция ждет сообщения т. Крыленко о мерах, принятых для немедленной ликвидации образовавшегося по существу в судебном аппарате Западной области прорыва.

По наведенным редакцией справкам, все неправосудные приговоры, приведенные авторами статьи, опротестованы Прокуратурой Союза.

Революционная законность в понимании беловского райпрокурора Харитоненко

Сталинская Конституция эпохи социализма, утвержденная советским народом, — ключ к пониманию задач, стоящих перед каждым прокурором, судьей и всеми работающими в органах суда и прокуратуры.

Беспощадная борьба с врагами народа, воорами, расхитителями социалистической собственности, контрреволюционным троцкистско-зиновьевским и бухаринско-рыковским отребьем, шпионами, диверсантами и прочей нечистью и вместе с тем чуткое и внимательное отношение к честным советским гражданам, защита прав и достоинства личности советского гражданина — таковы задачи работников суда и прокуратуры.

Нет сомнения, что подавляющее большинство работников советской юстиции это твердо усвоило и проводит в жизнь.

Но, как говорится, «в семье не без урода». Эту старую русскую поговорку подтвердила проверка работы беловского районного прокурора Харитоненко, не так давно проведенная прокуратурой Западной Сибири.

Эта проверка, в частности, установила, что в практике работы районного прокурора Харитоненко в широких размерах применялась та самая «калужская и казанская» законность, которую в свое время так бичевал В. И. Ленин.

Это красноречиво подтвердила практика райпрокурора Харитоненко в вопросах об арестах граждан и разрешении жалоб трудящихся, указывавших зачастую на нарушения революционной законности местными органами власти (сельсоветами, риком и т. д.).

Не говоря уже о том, что Харитоненко, будучи районным прокурором, исключительно примиренчески относился ко всяким беззакониям и беззаконникам, он, собственно говоря, и сам оказался матерым беззаконником, считавшим, что законы писаны «для дураков» и что законы иногда-де могут быть применимы по-разному в зависимости от местных условий.

Пользуясь этим «мировоззрением» прокурора Харитоненко и его такой позорной ролью в проведении революционной законности, некоторые из других «блюстителей» порядка пошли по такому же пути.

В частности, следует указать на тот факт, что в течение 1936 г. в камере предварительного заключения беловского районного отделения милиции содержалось без санкции прокурора 33 человека. В то же самое время, по данным районного прокурора, последний в течение года в КПЗ не обнаружил ни одного незаконного ареста (хотя следует указать, что этими вопросами прокурор Харитоненко не занимался).

Наоборот, проверкой обнаружены были случаи прямого произвола со стороны самого прокурора.

Арестовывались иногда люди, не совершившие никаких уголовных преступлений, а лишь по мотивам... «эффективности» и необходимости укрепления дисциплины (как выражается прокурор Харитоненко).

Например:

а) 14 октября 1936 г. лично райпрокурором Харитоненко был арестован колхозник сельхозартели «Страна советов» Каргин Петр Яковлевич. Арест Каргина прокурор в своем постановлении мотивировал следующим образом (дословно): «во время выборов его бригадиром он абсолютно не возражал, а на завтра 14 октября с. г. категорически принимать бригаду отказался и к тому же абсолютно не стал работать и колхозников бросил на произвол судьбы и получился срыв работы в этот день».

Как выяснилось, Каргин был примерный колхозник, несколько раз премированный, но по своей неграмотности просил правление, чтобы его бригадиром не ставили. И вот за то, что он отказался быть бригадиром, прокурор его арестовал и держал под стражей с 14 по 17 октября.

Освобождая Каргина из-под стражи, прокурор Харитоненко иронически спросил последнего: «ну как, нравится здесь сидеть?». И на этом все производство об аресте Каргина было исчерпано.

В тот же день и в этом же колхозе на общем колхозном собрании некоторые колхозники покритиковали своего кладовщика Косарева Василия за то, что он от пекарок-колхозниц принимает недоброкачественно выпеченный хлеб для полевой бригады, часто отлучается из кладовой, и потребовали от кладовщика это устранить.

Прокурор Харитоненко, присутствовавший на этом собрании, выступив с речью, объявил Косарева врагом народа и арестовал его на колхозном собрании (для «эффективности», так сказать. — А. Х.).

Через 3 дня кладовщик Косарев также был прокурором освобожден из-под стражи без предъявления ему какого-либо обвинения за отсутствием к тому оснований.

б) 17 ноября 1936 г. с санкции прокурора Харитоненко были арестованы колхозники сельскохозяйственной артели «Индустрия» Гончаров Иван, Кобзев Алексей и Кобзев Дмитрий за... участие на свадьбе и невыход на работу.

Через два дня эти люди были освобождены из-под стражи со следующей мотивировкой (дословно): «рассмотрев дело по обвинению Кобзева Алексея, Кобзева Дмитрия и Гончарова Ивана по ст. 58 п. 14 УК и принимая во внимание, что произведенным расследованием (хотя никакого расследования не производилось и арестованные даже не допрашивались. — А. Х.) установлено, что виновность обвиняемых Кобзевых и Гончарова подтверждена не в достаточной степени, а посему; руководствуясь примечанием ст. 6 УК, постановил: принятую в отношении Кобзевых Алексея, Дмитрия и Гончарова Ивана меру пресечения содержание под стражей изменить на освобождение».

Не говоря уже о полном юридическом невежестве составителя названного выше постановления, сам по себе факт ареста этих трех колхозников — сплошное издевательство над людьми и над советскими законами.

в) 2 октября 1936 г. райпрокурором Харитоненко были арестованы рядовые колхозники Царев, Ксеньев и Коновалов по признакам... статьи 61 части 3 УК (как объяснил прокурор).

Такая квалификация, конечно, не нуждается в комментариях. Ее можно лишь отнести к чеховскому унтеру Пришибееву.

Но за что же все-таки арестованы были эти колхозники и содержались под стражей 9 суток?

В колхозе во время уборки была чрезвычайно слабая трудовая дисциплина. Массово-политическая работа почти отсутствовала. Не было правильной организации труда. Колхоз оказался в прорыве и с уборкой, и с хлебопоставками.

Так вот прокурор Харитоненко решил одним своим заездом навести в колхозе порядок и укрепить трудовую дисциплину. А для того чтобы навести порядок, он решил не в меру использовать свой прокурорский престиж и объявил на колхозном собрании колхозников Царева, Ксеньева и Коновалова арестованными.

Правда, по этому аресту на сей раз прокурор проводил расследование (поручив деловоду следователю), но кроме нарушения колхозной дисциплины со стороны колхозников Царева, Ксеньева и Коновалова ничего не установил.

г) 14 ноября 1936 г. по постановлению прокурора Харитоненко был арестован гражданин Баженов Тимофей. Мотивы ареста прокурором изложены следующим образом (дословно): «Поручено Баженову ремонт здания райпрокуратуры, который для близости к ремонту здания приступил, поломал печи, поднял полы и рабочих бросил на произвол судьбы, что последние несколько дней не работали. По его указанию печники сложили печь, которая через два дня развалилась. Он на такое безобразие не обращал внимания. Забрал 6 бревен, принадлежащих прокуратуре, и употребил неизвестно куда».

Перечень подобных арестов, произведенных лично прокурором Харитоненко, еще не совсем исчерпан. Следует лишь указать еще на один весьма любопытный факт, свидетельствующий о самодурском и преступном отношении к арестам со стороны райпрокурора Харитоненко.

В ноябре 1936 г. Харитоненко по телефону сделал распоряжение следователю Александрову арестовать двух граждан из Коневского сельсовета, которые, как сообщил прокурор следователю, не оказали ему, прокурору, помощи — вытащить из грязи машину, на которой ехал он, прокурор.

Как видите, концепция прокурора Харитоненко относительно законности «беловской» самым бесцеремонным образом находила свое применение на практике.

А там, где требовалось действенное вмешательство прокурора и принятие действенных и законных репрессивных мер по отношению к хулиганствующим элементам, там у прокурора Харитоненко не оказалось ни времени, ни решительности. Начиная с мая 1936 г., председатель Бековского сельсовета Беловского района несколько раз обращался к прокурору и просил привлечь к ответственности хулиганов Бабакона Федора, Бабанаква Михаила и Нарышева Егора, терроризировавших своими хулиганскими действиями колхозников и занимавшихся воровством колхозного имущества.

Все эти сигналы сельского совета пролежали у прокурора под сукном и лишь только сейчас, после проверки, все эти лица преданы суду, а один из них (Бабаков Федор) привлечен к ответственности за террористический акт против парторга цинкового завода Круглова.

Отношение к жалобам трудящихся со стороны райпрокурора Харитоненко нельзя назвать просто легкомысленным, а вернее будет назвать прямо преступным.

Подавляющее большинство жалоб у райпрокурора Харитоненко не находило своего правильного разрешения.

Прежде всего практиковалась, как правило, отсылка жалоб в организации и лицам, на которых поступает жалоба. 57 процентов всех поступивших жалоб было отослано на рассмотрение другим организациям, по остальным делались запросы, направлялись для объяснения, но решение вопроса по жалобе зачастую не доводилось до своего логического конца.

Мотивированные постановления об отказе никогда не выносились.

Прием посетителей с устными жалобами организован так, что прокурор принимал людей как только «бог на душу положит». Заочет прокурор — принимает, не захочет — тут уж жалобщик не проси и не моли. А ведь в районе люди иногда приезжают и приходят за несколько десятков километров.

Отдельные жалобы, по которым требовалось активное и энергичное вмешательство прокурора, например, разрешались так: «Председателю Чекареевского сельсовета копия гр-ке Выгузовой. В прокуратуру обратилась с жалобой гражданка Выгузова о том, что Вы в отсутствие хозяев сделали у нее один обыск в квартире. Сообщаю, что в случае повторения незаконных Вами действий против Вас будут приняты другие меры».

На этом производство по жалобе закончено.

Между тем гр-ка Выгузова жаловалась на незаконный обыск и исчезновение вещей после этого обыска.

В августе 1936 г. гражданин Сидельников обратился к прокурору с жалобой об изъятии у него дома за невыполнение натурпоставок государству. 17 августа жалоба была направлена рикю «на распоряжение». Жалобщик Сидельников в октябре лично явился к прокурору узнать о судьбе его жалобы. Он был прокурором принят, ему разъяснено о незаконности действий сельсовета и обещано исправить это незаконное действие. Жалобщик, удовлетворенный разъяснением, вернулся в свое село и долгое время ждал возвращения ему незаконно изъятых вещей. Но, увы.

1 октября рик сообщает прокурору: «На Ваш № 874 сообщая, что жалоба Сидельникова не рассмотрена риком. Следует резолюция прокурора: «Сообщить жалобщику, что 17 августа его жалоба направлена рикю для разбора, куда последний и может обратиться за результатами».

Как видите, напрасно Сидельников ходил к прокурору Харитоненко, его надежды на исправление допущенного беззакония к нему оказались тщетными.

По жалобе гр-на Аксенова о выселении его из квартиры вопрос прокурором был разрешен так: «Колхоз «Красное знамя» т. Полетаеву. По имеющимся у меня сведениям, что вы бывшего председателя т. Аксенова выселили из квартиры, над его женой издеваетесь. Учтите, что ваше беззаконие и грубое отношение будет мной учтено, а вам запрещаю беспокоить его и его семью, а также и выселять из квартиры, а если я услышу, я буду с вами разговаривать по-иному».

За сим следует подпись прокурора Харитоненко, дата, номер и все прочие формальности канцелярского порядка. И так далее, и тому подобное, и все в таком же духе.

Не знаем, как и о чем после этого столь грозного и вместе с тем далеко не умного

изречения прокурор Харитоненко разговаривал с товарищем Полетаевым, но в тот день, когда прошла проверка работы по жалобам, прокурор, поглядев в окно своего кабинета, облегченно вздохнул и с выражением чувства удовлетворения произнес: «А как хорошо, когда снежный буран людей причащает сидеть дома и не ходить в прокуратуру».

Таков стиль и такова работа районного прокурора Харитоненко, ныне привлеченного за эту «работу» к уголовной ответственности.

А. Хитев.

От редакции.

Факты, приводимые в статье т. Хитева, при проверке их редакцией подтвердились. Харитоненко был предан суду и выездной сессией крайсуда приговорен к двум годам лишения свободы.

Гримасы Ростовской-на-Дону городской прокуратуры

В Ростове на Дону существует один из самых крупных в СССР молочных заводов. За последнее время было замечено, что на заводе производится хищение продуктов, причем хищение это производится шоферами при участии грузчиков и привратников. С завода вывозятся бидоны с молоком, ящики с молпродуктами и целые банки с мороженым. Совершенно очевидно, какой ущерб это причиняло заводу, но поймать воров было не так просто, тем более, что все это продельвалось организованно и при участии привратников.

Недавно поступило сообщение из одного киоска молзавода, торгующего мороженым, что определенные шоферы явились в киоск и предложили продавщице его купить у них мороженое в банках за полцены. Совершенно очевидно и для человека не особенно опытного в уголовных делах, что предлагать за полцены товар можно только краденый и что такое предложение может сделать или вор, или соучастник кражи. Нами было предложено продавщице изложить сообщенное ей на бумаге и при нашем заявлении мы отправили этот материал в Ростовскую на Дону горпрокуратуру в полной уверенности, что Горпрокуратура на основании нашей просьбы произведет расследование, вызовет продавщицу, шоферов, установит, откуда у них мороженое за полцены, как мороженое получается ими, и таким путем доберется до воров. Мы имели право так предполагать, зная, что в силу ст. 9 УПК прокуратура должна приступить к расследованию через подлежащие органы милиции и следственные и что, с другой стороны, иначе произвести расследование мы не можем, так как мы не имеем права ни вызывать подозреваемых, ни опрашивать их, ни совершать других действий для расследования и выявления преступлений. Мы особенно рассчитывали, что встретим эту поддержку в прокуратуре г. Ростова на Дону сейчас, когда борьба с хищениями уделено сугубое внимание. Но мы ошиблись, и прокуратура, вместо того чтобы приступить к действиям, возложенным на нее законом, прислала нам отношение, которое заслуживает того, чтобы его поместить здесь, с сохранением всей орфографии и знаков препинания.

Управляющему сбыткомторой молкомбината.

При этом возвращается вам переписка, как бессодержательная, для привлечения к уголовной ответственности, прежде всего могут служить конкретные факты — количество похищенной продукции, ценность данной продукции, а не общие рассуждения и предположения, а поэтому вам необходимо серьезней работать над оформлением документов, которые могли являться стимулом для привлечения к уголовной ответственности.

Пом. Горпрокурора (Андронов) (подпись)

Если бы мы состояли с пом. горпрокурора г. Ростова н/Д. т. Андроновым в частной переписке, мы бы посоветовали ему, прежде чем давать нам советы, работать над оформлением документов, самому пройти техникум, а потом уже браться за работу прокурора, но если мы посылаем прокурору вещественные доказательства и материалы, избобличающие людей в совершении определенного преступления, то едва ли для нас может служить стимулом обращаться в горпрокуратуру с просьбой о расследовании, если прокурор, вместо того чтобы выполнить лежащую на нем по закону обязанность, будет отвечать, подобно изложенному, неграмотными отношениями.

Мы обратились с жалобами к Краевому Прокурору, но пока, возможно, с Ростовского на Дону Молкомбината вывозятся товары и продаются на стороне за полцены, причем происходит это потому, что в Ростовской на Дону Прокуратуре не знают своих обязанностей и сидят на работе юридически неграмотные.

Юриисконсульт Молкомбината И. Олевский.

Трасс-процесс-судоустройство в капиталистических странах

Судоустройство и уголовное законодательство Бельгии

Бельгия является буржуазно-демократическим государством в форме конституционной монархии.

Конституция 1831 г. была отражением победы буржуазии и помещиков над пролетариатом больших городов, активно выступившим в августе — сентябре 1830 г. против правительства.

Эпоха I интернационала ознаменовалась ростом рабочего движения в Бельгии и напором трудящихся масс на буржуазно-помещичью олигархию, в результате чего были допущены некоторые уступки в сторону увеличения избирательных прав, зафиксированного в изменении конституции в 1893 г.

Результатом компромисса Бельгии с Англией, Францией и Германией явилась аннексия африканской колонии Конго в пользу Бельгии. Конго по своим природным богатствам (золото, серебро, медь, алмазы, лесные массивы, каучук, кокосовое масло) представляло собой очень лакомый кусок для бельгийской буржуазии, введенной там законом 1908 г. фактически рабовладельческий режим. После войны страх перед революцией побудил бельгийскую буржуазию в 1918 г. снизить возрастной ценз для избирателей от 25 лет до 21 года, с специальным изменением для этого ст. 47 конституции.

Избирательная форма была оформлена специальным законом 1919 г., и состоявшийся 16 ноября 1919 г. на основе нового избиратель-

ного закона выборы в парламент дали первое место в палате депутатов социалистам, образовавшим коалиционное правительство из либералов и социалистов во главе с бельгийскими лидерами II интернационала.

Политика этого коалиционного правительства отличается ярко выраженным реакционно-соглашательским характером и обслуживает интересы крупной национальной буржуазии.

Гитлеровский фашизм, являющийся выразителем германского империализма, делает Бельгию объектом своих происков, ибо отношения между буржуазными странами «более чем далеки от добрососедских отношений» (Сталин).

Агентура гестапо в лице бельгийских фашистов — «рексистов»¹ с их руководителем Дегрелем ведет откровенную борьбу за уступки фашистской Германии в ее посягательствах на Бельгию.

¹ Гитлеровский фюрер в Бельгии Дегрель возглавил под названием «рексистов» (приверженцев короля) фашистскую группировку, добивающуюся изменения бельгийской конституции в сторону большего расширения полномочий короля, слишком ограниченных, по мнению рексистов, парламентом, добивающуюся введения в избирательный закон фашистского «корпоративного» принципа и требующую безоговорочного соглашения с гитлеровской Германией.

Содержание политики бельгийской буржуазии определяет и содержание ее правового режима, который основан на заимствованных у других буржуазных государств законодательных образцах, используемых с местными поправками и дополнениями в целях лучшего обеспечения эксплуатации буржуазией трудящихся масс Бельгии.

Следуя теории Монтескле о разделении властей, бельгийская конституция в ст. ст. 25 и 30 фиксирует разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную.

«Никакой суд, никакая разрешающая тяжбы власть не могут быть установлены иначе, как в силу закона. Ни под какими наименованиями не могут создаваться чрезвычайные комиссии или суды» (ст. 94).

Организация уголовного суда, помимо конституции 1831 г., определяется законом 1878 г. Суды в Бельгии делятся на общие и специальные. Общими являются: суд полицейский, суд исправительный, суд с участием присяжных заседателей, суд апелляционный и суд кассационный. К специальным судам относятся военные суды и суды по делам о несовершеннолетних.

В административном отношении все суды подчинены министру юстиции, а каждый суд — своему председателю. Прямой надзор за нижестоящим судом осуществляет суд вышестоящий, а высший надзор за судами и судьями принадлежит министру юстиции. Вся Бельгия делится на 26 судебных округов, в которых имеется 230 судебных участков (кантональных).

О порядке назначения судей общие указания даны в конституции. В ст. 99 указывается, что судьи назначаются непосредственно королем. Судьями могут быть только мужчины. Должностные судьи назначаются пожизненно (ст. 100) и не могут увольняться в отставку или временно отстраняться от должности иначе, как по приговору суда. Перемещение судьи с должности на должность может иметь место только при наличии нового назначения и с согласия судьи.

Низшей судебной ячейкой является полицейский суд, который организован в виде суда единоличного. Полицейский суд рассматривает дела о нарушениях, по которым предусмотрено наказание полицейского характера.

По официальным данным бельгийской статистики, наблюдается из года в год рост числа осужденных полицейскими судами в 1929 г. — 177 455 чел., в 1930 г. — 188 843 чел., в 1931 г. — 196 511 чел.). 99% осужденных полицейскими судами приговорены к штрафу, а из числа приговоренных к аресту одна треть приговорена условно¹.

Исправительный суд является судом первой инстанции, имеющим право налагать наказание исправительного характера, и апелляционным судом для полицейского суда.

Исправительный суд рассматривает дела в единоличном составе и в трехчленном составе. В единоличном составе рассматриваются дела по апелляционным жалобам на приговоры полицейских судов, дела, по которым обвиняемый застигнут с поличным, дела, по

которым обвиняемый находится в предварительном заключении, и дела, по которым обвиняемый уже однажды был подвергнут исправительному наказанию. В трехчленном составе (ст. 7 УПК) исправительный суд рассматривает дела о преступных деяниях против семейных устоев и общественной морали.

По тем же данным бельгийской официальной статистики, в 1929 г. исправительными судами было осуждено 42 792 чел., в 1930 г. — 42 290 чел. и в 1931 г. — 42 336 чел., причем к лишению свободы за эти же годы приговаривалось от 35 до 36% осужденных (из них условно в 1929 г. 41%, в 1930 и 1931 гг. — 39%).

Суды присяжных предусмотрены бельгийской конституцией (ст. 98), в которой указывается, что суд присяжных установлен по всем делам о преступлениях уголовных, политических и в печати.

Суд присяжных имеет 4 сессии в год. Председательствует член апелляционного суда по назначению председателя последнего в составе двух должностных судей высшего ранга.

Число присяжных заседателей достигает 12 человек, включенных в список на данную сессию по усмотрению председательствующего. Списки составляются на год из избирателей в законодательные органы. Суд присяжных имеется в главном городе каждой из провинций (Антверпен, Брабант, Восточная Фландрия, Западная Фландрия, Гент, Льеж, Лимож, Люксембург и Намюр).

Обвиняемые и прокурор имеют право немотивированного отвода трех человек из состава присяжных заседателей на данную сессию. Судом с участием присяжных заседателей осуждено 112 чел. — в 1929 г., 89 чел. — в 1930 г. и 94 чел. — в 1931 г., из них к смертной казни приговорено в 1929 г. — 8 чел., в 1930 г. — 6 чел. и в 1931 г. — 10 чел., к каторжным работам пожизненно и на долгие сроки — 42 чел. в 1929 г., 40 чел. в 1930 г. и 41 чел. в 1931 г.¹

Апелляционный суд состоит из председателя и двух советников, назначаемых на один год. Согласно ст. 104 конституции, в Бельгии имеется три апелляционных суда (Брюссель, Гент, Льеж). Апелляционный суд рассматривает дела по апелляционным жалобам на приговоры исправительных судов и судов с участием присяжных заседателей. По официальным данным, апелляционный суд рассмотрел в 1929 г. 4983, в 1930 г. — 4980, в 1931 г. — 4927 дел по апелляционным жалобам на приговоры исправительных судов. 85% приговоров судов первой инстанции были стабильно оставлены в силе апелляционными судами за эти же годы.

Кассационный суд является единым для всей Бельгии и находится в Брюсселе. Кассационный суд рассматривает дела только по жалобам на нарушение закона в присутствиях, состоящих из трех должностных судей.

Суды по делам о несовершеннолетних организованы на основании закона 15 мая 1912 г., являющегося частью закона о «защите детства». Суд по делам о несовершенно-

¹ «Аннуэр статистик де ля Бельжик э дю Конго бельж» 1935, стр. 262.

² Там же.

¹ «Аннуэр статистик де ля Бельжик э дю Конго бельж» 1935, стр. 62.

полетних — единоличный и выполняется специальным судьей из числа судей первой инстанции. Судья по делам о несовершеннолетних назначается на три года с правом продления его работы снова на три года. В апелляционной инстанции тоже имеется специальный судья для рассмотрения дел о несовершеннолетних. Суду по делам о несовершеннолетних подсудны: дела по обвинению несовершеннолетних до 18 лет в бродяжничестве, нищенстве и в беспорядочном поведении, дела о несовершеннолетних до 16 лет во всяким нарушениям закона.

Число дел о несовершеннолетних, рассмотренных в 1929, 1930 и 1931 гг., по официальным данным, требующим проверки, стабильно и достигает с незначительными колебаниями 10 000.

Возможность организации военных судов предусмотрена конституцией (ст. 105). Существуют окружные военные суды и верховный военный суд в лице военного совета. В 1929 г. военным судом осуждено 758 чел., в 1930 г. — 822 чел. и в 1931 г. — 919 чел., что свидетельствует об усилении уголовной репрессии в рядах армии.

Деятельность всех бельгийских судов в целом может быть охарактеризована следующими цифрами: в 1929 г. осуждено 219 572 чел., в 1930 г. — 230 761 чел. и в 1931 г. — 237 806 чел., из которых, по официальным данным, 78—79% являются неграмотными¹.

Помимо роста применения уголовной репрессии из года в год, надо отметить также и то, что при восьмимиллионном населении Бельгии через уголовные суды ежегодно проходит более 20 000 человек.

Организация прокуратуры предусмотрена ст. 101 конституции. Порядок назначения тот же, что и судей, но прокуроры не пользуются несменяемостью. Во главе прокуратуры находится генеральный прокурор, который является заместителем министра юстиции. В каждом судебном округе имеется прокуратура, возглавляемая королевским прокурором. Королевский прокурор наблюдает за всеми судами. При апелляционных судах имеется специальный прокурор. При низших судебных инстанциях функции прокуроров выполняют чиновники судебной полиции, назначаемые королем. К числу чиновников судебной полиции относятся комиссары полиции, бургомистры, мировые судьи, офицеры жандармерии, полевой охраны, лесной стражи и следственные судьи.

В Бельгии действует УК 1867 г. с отдельными дополнениями и изменениями 1868, 1874, 1891, 1912, 1914, 1919, 1930, 1934 гг.

Бельгийский УК находится под сильным влиянием французского УК 1810 г. с очень незначительными и редкими отклонениями. Общий его характер определяется принципами классической школы.

Бельгийский УК состоит из двух книг. В первой книге содержатся основные начала бельгийского уголовного права, а во второй перечисляются преступные деяния.

В бельгийском УК нужно отметить основные положения.

Действие УК распространяется как на бельгийцев, так и на иностранцев, за исключением короля и лиц, пользующихся правом депутатской неприкосновенности или экстерриториальности (ст. 3 УК, ст.ст. 63 и 44 конституции). Арест и выдача иностранца, осужденного иностранным судом, производится на основе специального закона 1868 г. (ст.ст. 6 и 14) с дополнениями 1874 и 1893 гг. О выдаче иностранца должно последовать постановление камеры предания суду при апелляционном суде, которое выполняется министерством юстиции.

Уголовный закон не имеет обратной силы за исключением случаев, смягчающих наказуемость (ст. 2 УК).

Преступные деяния делятся на три категории (преступления, проступки и нарушения) и бывают умышленные или неосторожные. Деление на три категории зависит от природы преступного деяния и тяжести наказания (подобно французскому УК).

Наказания делятся на уголовные (смертная казнь, каторжные работы, заточение и тюремное заключение); исправительно-полицейские (арест); уголовно-исправительные (лишение отдельных политических и гражданских прав, отдача под полицейский надзор); уголовно-исправительные и полицейские (штраф, специальная конфискация).

Судье предоставляется в соответствии с принципом классической школы свобода суждения об уголовной ответственности и оценки доказательств виновности. Помимо слабости, недостижения 16-летнего возраста и временного ослабления психической деятельности, исключаяющими вменение обстоятельствами являются также: состояние необходимой обороны (ст. 71 УК), исполнение законного приказа начальника (ст. 70 УК) и состояние опьянения, в которое совершитель преступного деяния был приведен недобровольно. Ошибка в праве не освобождает от ответственности, ошибка в факте освобождает от ответственности за умышленное преступное деяние, но не освобождает от ответственности за совершение деяния по неосторожности. Для установления состава преступного деяния необходима оценка не только намерения совершить деяние, но и оценка реализации этого намерения.

Под покушением понимается начало исполнения, которое было прервано или не имело последствий. Покушение наказуется и в том случае, когда оно не дало результатов по причинам, не зависящим от совершителя, или если специальным законом предусмотрена наказуемость покушения. Наказуемость покушения всегда отличается от наказуемости оконченного преступления при точной разграниченности в законе (ст.ст. 51—53 УК). Покушения на некоторые преступления рассматриваются всегда как оконченные преступления: покушение на убийство короля (ст. 110), членов королевской семьи, на независимость государства и государственный строй (ст.ст. 111 и 112 УК), на изготовление фальшивой монеты и на освобождение арестованных из-под стражи. Все эти покушения караются каторжными работами или смертной казнью.

¹ «Аннуэр стастистик де ля Бельжик э дю Конго бельж» 1935, стр. 263.

Признаки, по которым устанавливается наличие соучастия, следующие: совершение действий, которые по УК составляют элементы преступления или проступка (при наказуемости нарушения этого условия не требуется), единство намерения и сговор нескольких лиц, подстрекательство или пособничество. Как правило, соучастие карается так же, как и непосредственное совершение преступления, а подстрекательство к тяжким преступным деяниям карается суровее, чем совершение.

Наказуемость подстрекательства кроме того бывает специально указана в законе в отдельных случаях и при наличии злого умысла (подстрекательство к даче ложного показания — ст. 215 УК, к укрывательству лица, преследуемого в уголовном порядке, — ст. 339 УК, к содействию побегу заключенного — ст. 332 УК и к укрывательству орудий преступлений — ст. 337 УК).

УК отмечает также и обстоятельства, заключающие вменение в вину отдельных преступлений. К числу преступлений относятся: кражи, злоупотребления доверием и мошенничество при наличии родственных отношений между обвиняемыми и потерпевшим (ст.ст. 462, 492, 504 УК), выход из сообщества и выдача соучастников до начала совершения преступного деяния по делам о восстаниях, мятежах и заговоре против короля и его семьи (ст.ст. 134, 136, 192 и 326 УК).

Обстоятельствами, смягчающими вину, признаются: преступные деяния в результате тяжкого насилия со стороны потерпевшего, в результате супружеской измены, когда муж застиг свою жену и соперника (ст. 413 УК) «ин флагаменте деликту».

При наличии смягчающих обстоятельств уголовное наказание заменяется наказанием исправительным и весьма смягченным (ст. 415 УК).

При наличии смягчающих обстоятельств суд переходит к штрафу до одного франка при нарушениях, к двум годам тюремного заключения вместо смертной казни или пожизненных каторжных работ, к одному месяцу тюремного заключения вместо каторжных работ от 10 до 20 лет и заточения.

При замене смертной казни за так называемые политические преступления при смягчающих обстоятельствах наказание не может быть определено менее чем в полгода тюремного заключения. При замене пожизненного тюремного заключения за так называемые политические преступления суд переходит к тюремному заключению от одного месяца до одного года.

Право суда при наличии смягчающих обстоятельств переходить к перечисленным выше наказаниям предусмотрено законом 23 августа 1918 г., принятым буржуазным правительством в страхе перед ростом революционного движения. Закон этот продолжает подвергаться ожесточенной критике со стороны ряда реакционных бельгийских криминалистов; в числе их генеральный прокурор Серве, один из авторов позднейшего закона 9 апреля 1930 г. о социальной защите. Серве находит, что общие указания УК об определении меры наказания предоставляют и без того достаточные возможности суду избрать

то или иное наказание при наличии смягчающих вину обстоятельств¹.

Отягчающими обстоятельствами бельгийский УК признает рецидив и совокупность преступлений.

Кроме того в отдельных случаях в качестве отягчающего обстоятельства предусматриваются: наличие умысла при причинении смерти, проникновение в помещение или взлом запоров при краже. Под рецидивом понимается совершение однородного преступления в течение срока от одного года до пяти лет со дня отбытия наказания за предшествовавшее преступление. Преследование рецидивистов кроме того предусмотрено специальным законом 9 апреля 1930 г. о социальной защите, на котором мы остановимся ниже.

Совокупность преступлений наказуется по принципу избрания тягчайшего наказания (ст.ст. 58—65 УК).

Смертная казнь может применяться к лицам, достигшим 18 лет и не старше 50 лет (ст. 77 УК).

К числу наказаний с лишением свободы относятся: каторжные работы, тюремное заключение, заточение и арест.

Организация лишения свободы в Бельгии имеет свою историю. С 1835 г. городские тюрьмы были преобразованы в одиночные, с содержанием в одиночных камерах, обязательным для всех категорий заключенных. Основным принципом всех этих мероприятий являются изоляция днем и ночью, работа в камере и прогулка в специальном дворике при камере. Все эти мероприятия проводятся в жизнь под лозунгом «филантропии». Маркс в своей статье о тюремном конгрессе 1847 г. в Брюсселе отметил бельгийскую систему лишения свободы с ее особенностями одиночного заключения, принудительного молчания и поповских поучений, разоблачив истинную цель буржуазии, которая содержится в этих мероприятиях. Еще тогда Маркс писал: «С одной стороны, благопристойно, без усилий, в мире и покое наслаждающиеся жизнью филантропы и капиталисты; в их сердцах неисчерпаемый запас человеколюбия, с другой стороны, совершенно исправившиеся или имеющие в скором времени исправиться рабочие, считающие за радость и честь работать за картофель и соль для денежного мешка этих господ»².

Целью всех этих мероприятий является не исправить заключенного, не приспособить его к трудовой жизни, а выпустить из тюрьмы в состоянии полной подавленности в качестве объекта буржуазной эксплуатации в дальнейшем. С тех пор ничего не изменилось.

В Бельгии имеются две центральные тюрьмы — в Лувене и Генте кроме того имеется 26 тюрем второй степени. В 1930 г. было помещено в тюрьмы 38 225 чел., в 1931 г. — 42 954 чел. Тюремное население было приговорено в 1930 г. к 1 493 837 неделям тюремного заключения, а в 1931 г. — к 1 555 058 неделям тюремного заключения. Режим был таков, что в 1930 г. покончило самоубийством в тюрьме 28 чел., а в 1931 г. — 30 чел., при

¹ «Ля ви журидик де пейль Бельжик» 1931, стр. 102.

² Маркс и Энгельс, т. V, стр. 179.

общем числе самоубийств в стране в 1930 г. 1356 чел. и в 1931 г. — 1446 человек¹.

Условное осуждение основывается на законах 1888, 1899, 1920, 1923 и 1926 гг. Испытательный срок не может превышать 5 лет, судимость считается погашенной, если осужденный не совершит нового преступления или проступка. Число осужденных условно достигает 11% общего числа всех осужденных в 1931 г., что свидетельствует о крайне незначительном применении условного осуждения.

Применение бельгийского УК на практике может быть освещено несколькими примерами, ярко характеризующими классовую политику бельгийской буржуазии, проводимую в жизнь бельгийскими судами.

Четыре бельгийских фашиста Данной, Сприт, Барил и Кавен 15 мая 1934 г. нанесли оскорбление словами, жестами и угрозами председателю палаты депутатов Понселе во время заседания. 12 июня 1934 г. исправительный суд в Брюсселе признал дело по обвинению фашистов себе неподсудным, находя в действиях обвиняемых политический характер. Апелляционный суд в Льеже 11 июля 1935 г. нашел, что в действиях фашистов имеется «мальчишество плохого тона», отверг наличие политического характера в этих действиях и не согласился на передачу этого дела по надлежащей подсудности. По протесту прокурора 7 сентября 1935 г. кассационный суд отменил определение апелляционного суда в Льеже и передал дело для рассмотрения в суд в Генте без всякой конкретизации в своих указаниях, что действия обвиняемых носят политический характер².

В то же время дела иного порядка встретили со стороны кассационного суда иное к себе отношение.

В 1934 г. Бетен и Жерер были осуждены по ст.ст. 479 и 464 УК за содержание незарегистрированных публичных домов. Кассационный суд 7 сентября 1935 г. по жалобам осужденных отменил приговоры по обоим делам, считая, что в действиях обвиняемых нет состава преступления, предусматривающего содействие проституции, так как осужденные не занимались притондержательством в качестве профессии³.

Из отдельных дополнений к бельгийскому УК заслуживают большого интереса постановления закона от 15 мая 1912 г. о защите детства, касающиеся мер, применяемых в качестве уголовной репрессии к несовершеннолетним, закон 9 апреля 1930 г. о социальной защите и закон 19 июля 1934 г. о шпионаже.

Закон 15 мая 1912 г. о защите детства устанавливает, что меры уголовной репрессии, применяемые к несовершеннолетним, не считаются «наказаниями». Детский судья вправе подвергнуть несовершеннолетнего следующим мерам уголовной репрессии: выговор, отдача другим лицам под ответственное наблюдение, помещение в правительственные и частные общественные учреждения для длительного воздействия и «отдача в распо-

ряжение правительства для помещения в специальное заведение».

За более тяжкие преступления «отдача в распоряжение правительства» может продолжаться до возраста 25 лет, если преступление по общему уголовному закону не карается смертной казнью или каторжными работами, до 40 лет, если оно карается смертной казнью или каторжными работами. В иных случаях можно «отдать осужденного в распоряжение правительства» при установлении особой развращенности обвиняемого на срок не менее двух и не более десяти лет, если его преступное деяние не карается смертной казнью или каторжными работами, и на срок не менее двух и не более 20 лет, если деяние подлежит наказанию смертной казнью или каторжными работами. «Отдача в распоряжение правительства» может быть назначена и условно.

В 1933 г. обследование осужденных судом по делам несовершеннолетних, которые достигли к этому времени 26 лет, дало следующие результаты: из 1471 приговоренных к условной свободе 64,8% вторично не судились, из доверенных частным общественным учреждениям 84,6% допустили рецидив¹.

Закон 9 апреля 1930 г. о социальной защите был подготовлен под непосредственным руководством одного из лидеров II интернационала социалиста Вандервельде и при основном участии генерального прокурора Серве. Первоначальный проект был внесен 14 февраля 1923 г. в парламент, но был возвращен для переработки. Переработанный проект был принят 13 марта 1930 г. большинством — 100 голосов против трех (голоса членов коммунистической фракции).

Закон 9 апреля 1930 г. состоит из 7 глав и 33 статей. Первая глава содержит постановление о мерах к обследованию обвиняемых (ст.ст. 1—6). В отношении каждого из обвиняемых по этому закону должно быть вынесено мотивированное постановление об его обследовании, о котором извещаются обвиняемый и его защитник. Постановление это может быть обжаловано в апелляционный суд в соответствии с правилами, установленными ст.ст. 19 и 20 УПК.

Во второй главе содержится постановление об интернировании в особых заведениях слабоумных и находящихся в состоянии душевного расстройства, обвиняемых по делам о преступлениях и проступках неполитического характера, на срок от 5 до 15 лет (ст.ст. 7 и 12).

В третьей главе содержатся постановления об обязанностях комиссии по освидетельствованию обвиняемых при центральных тюрьмах (ст.ст. 13—18). Комиссия эта состоит из одного судьи и трех советников министерства юстиции при участии врача, прокурора и защитника обвиняемого. Если есть основание полагать, что обвиняемый продолжает быть социально-опасным, то по истечении срока ему может быть назначен новый срок (ст.ст. 13—18).

В четвертой главе содержится постановление о продолжительности интернирования, которое в качестве правила устанавливается в

¹ «Аннуэр статистик де ля Бельжик э дю Конго бельж» 1935, стр. 263.

² «Ревю де друа пеналь э криминологи» 1935, № 11, стр. 1174.

³ Там же 1935, № 12, стр. 1334.

¹ «Ревю де друа пеналь э де криминологи» 1934, № 12, стр. 1123.

5 лет, но в виде исключения для приговоренных к каторжным работам и пожизненному тюремному заключению может быть повышено до 10 лет, а в отношении приговоренных к смертной казни — до 15 лет (ст.ст. 19—23).

В пятой главе содержится постановление о порядке применения закона к рецидивистам и профессиональным преступникам. Эти категории ранее судившихся могут подвергнуться действию закона от 9 апреля 1930 г. в течение 20 лет с момента отбытия последнего наказания. В результате применения закона 9 апреля 1930 г. рецидивисты и профессиональные преступники, не совершившие нового преступления, должны подвергнуться содержанию в тюрьме (ст.ст. 24—28).

В шестой главе содержится постановление о том, что правила полицейского надзора отменяются в отношении категорий лиц, подпадающих под действие закона 9 апреля 1930 г. (ст.ст. 29—32).

В седьмой главе содержится постановление о порядке введения в действие этого закона (ст. 33).

Закон этот, находящийся в полном противоречии со ст. 9 конституции и устанавливающей применение наказания к лицам, не совершившим никакого преступления, был встречен восторженными отзывами о нем со стороны реакционных юристов.

Так, бывший министр юстиции Картон де-Вьяр назвал этот закон «голосом прогресса, реализующим наиболее модные меры социальной защиты, вытекающие из того, что свобода человеческой воли должна жить на базе воздействия со стороны законодателя, когда он наказывает за деяния против государственной безопасности, семейных устоев, личности и собственности или когда он защищает от этих деяний в будущем»¹.

Глубоко реакционный закон, допускающий возможность наказания лиц, не совершивших никакого конкретного преступления, получает оценку «голоса прогресса».

Закон 9 апреля 1930 г. о социальной защите дал свой отзыв и в других странах: в 1931 г. в Югославии был принят закон о мерах охраны, однородный с бельгийским законом, и в 1933 г. — в Испании.

По официальным данным бельгийской статистики, в 1931 г. по закону 9 апреля 1930 г. было осуждено 2856 чел., а в 1932 г. — 2919 чел., в то время как в 1929 г. подпадающих под действие будущего закона лиц было зарегистрировано 1158 чел., что свидетельствует о весьма широком применении реакционного закона².

Закон 19 июня 1934 г. о шпионаже однороден с французским законом о шпионаже того же года.

Первоначально наказуемость шпионажа установилась ст. 114 УК 1867 г., которая карала всякого рода ухищрения или использование знаний в интересах иностранных государств или их агентов. Закон 4 августа 1914 г. в условиях империалистической войны несколько конкретизировал признаки дея-

ний, подпадающих под действие закона о шпионаже. Новый закон 19 июня 1934 г. еще более конкретен, устанавливая наказуемость общей и частичной измены, непосредственной и посредственной, наказуемость заговора в целях воспрепятствования защите государства во время войны, воспрепятствования снабжению населения и армии продовольствием и боеприпасами.

В качестве наказания закон предусматривает смертную казнь по всем видам шпионажа за исключением частичной измены, которая карается от 5 до 10 лет тюремного заключения.

Уголовное процессуальное законодательство Бельгии состоит из УПК 1878 г. с отдельными дополнениями 1895 и 1931 гг.

Право возбуждения уголовного преследования в интересах публичного обвинения принадлежит прокуратуре. Предварительное расследование выполняется следственным судьей, которым является судья первой инстанции, назначаемый королем сроком на 3 года с правом возобновления мандата следственного судьи на тот же срок. Следственный судья подчинен совещательной камере, имеющей в каждом судебном округе. Прокурор вправе делать следственному судье свои представления, с которыми следственный судья может не согласиться, после чего вопрос поступает на рассмотрение в совещательную камеру. Совещательная камера состоит из единоличного судьи. Помимо совещательной камеры имеется обвинительная камера (камера предания суду), которая состоит из трех должностных судей.

В обвинительной камере дело докладывается прокурором, состоящим при апелляционной суде. Кроме того обвинительная камера рассматривает жалобы на постановления следственного судьи и совещательной камеры. Жалобы обвиняемого на следственного судью рассматриваются в закрытом заседании. В остальных случаях обвинительная камера рассматривает подведомственные ей вопросы при закрытых дверях, но с выслушиванием обвиняемого и его защитника.

Судебное следствие происходит в состязательном порядке устно и гласно, если гласное рассмотрение не содержит в себе опасности для морали. По делам политическим рассмотрение дел при закрытых дверях может последовать только по единогласному определению суда (ст. 96 конституции).

Несовершеннолетние, не достигшие 18 лет, не могут присутствовать в судебном заседании. Право вынесения заочных приговоров принадлежит только суду присяжных.

Суд с участием присяжных заседателей выслушивает предварительный вердикт присяжных заседателей, вынесенный ими после совещания и тайного голосования. При отрицательном ответе о виновности суд в должностном составе обязан вынести оправдательный приговор.

Обжалование приговоров может иметь место в апелляционном и кассационном порядке. Порядок обжалования и рассмотрения жалоб принят по французскому образцу.

Рассмотрение дел в отношении несовершеннолетних регулируется законом 15 мая 1912 г. и имеет следующие особенности: предварительное расследование не производится след-

¹ «Ревю де друа пеналь э криминологи» 1930, № 8, 9 и 13, стр. 847.

² «Аннуэр статистик де ля Бельжик э дю Конго бельж» 1935, стр. 263.

ственным судьей, расследование производится самими судьями по делам о несовершеннолетних.

Судебное следствие, как правило, происходит при закрытых дверях с обязательным участием защиты. Несовершеннолетний по усмотрению суда может быть удален из зала судебного заседания на время допроса свидетелей или других обвиняемых. Приговоры судов по делам о несовершеннолетних могут быть обжалованы как в апелляционном, так и в кассационном порядке. Апелляционное рассмотрение производится членом апелляционного суда, специально выделенным на эту должность сроком на 3 года.

Бельгийские капиталисты владеют в Африке двумя колониями: с 1885 г. колонией Конго и с 1919 г. колонией Руанде-Урунди. Колонии эти являются для весьма серьезно обременявшегося в них капитализма богатейшими источниками природных богатств и живой рабочей силы, количественно в три раза превосходящей количество рабочей силы в метрополии.

Как уже указал VI конгресс Коминтерна в своей резолюции 1928 г. о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах, следует различать два типа колоний: равноправные колонии и колонии, «которые эксплоатируются империалистами в первую очередь в качестве рынков сбыта, источников сырья и сферы приложения капитала»¹.

Бельгийские колонии в Африке надо отнести ко второму типу колоний, а это определяет и существующий в них правовой режим.

Ни в какой мере не содействуя развитию производительных сил страны, капитализм в колониях при помощи уголовного законодательства и уголовной политики осуществляет эксплоатацию туземного населения в интересах капитала, проявляя к трудящимся еще большую беспощадность, чем он это делает в метрополии.

Тщетно будет искать в официальных данных бельгийской статистики сведения об уголовной политике Бельгии в ее африканских колониях. Сведения эти можно почерпнуть только из двух случайных работ колониального прокурора Со́е, из журналов других государств и статей публицистов.

В бельгийских колониях в Африке имеются два апелляционных суда, 6 судов первой инстанции и 16 прокуроров².

Суда с участием присяжных заседателей в африканских колониях не существует.

В 1927 г. на конгрессе в Бельгии прокурор при апелляционном суде в Елизабетвилле (Конго) сделал доклад, который содержит в себе целый ряд ценных сведений об уголовном законодательстве и уголовной политике в бельгийских колониях в Африке.

Из этого доклада мы узнаем, что преступность в африканских колониях бывает «двоякого» порядка: преступность, распространенная среди белого населения, и «преступность специфическая», свойственная негритянскому населению.

¹ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна, вып. IV, стр. 6.

² «Аннюэр статистик де ля Бельжик э дю Конго бельж» 1935, стр. 296.

В соответствии с этим и уголовная политика Бельгии в ее колониях носит различный характер в отношении белых и негров.

По мнению прокурора Со́е, «в качестве наказания применяется нормально лишение свободы, но местные условия, прецеденты эпохи оккупации, характер установок, духовный уровень туземцев заставляют отказаться от обычной терминологии бельгийского законодательства (арест, заточение, каторжные работы), чтобы заменить «понятием — уголовное рабство»¹.

Помещение, еда, сон — общие; заключенные работают вместе, закованные в основном вне тюрьмы, на работах местного значения (прокладка дорог, рубка леса). Дисциплинарными взысканиями являются удары бича из гиппопотамовой кожи. Женщины и «цивилизованные черные» (очевидно, из негритянской буржуазии) не заковываются в цепи и не могут подвергаться ударам бича.

Уже из этого описания видно, что «специфика» наказаний для местного населения — негров — говорит о подлинном рабстве угнетенных негров.

В 1931 г. в колониальных тюрьмах содержалось 14 014 чел., в 1932 г. — 15 023 чел., из которых умерло в 1932 г. 1105 чел. Вне тюрем в особых лагерях содержалось в 1931 г. 154 000 заключенных, в 1932 г. — 158 000².

Германский журналист Росс в 1927—1928 гг. сам видел партии негров, закованных в цепи, проходящие через ошейники и запирающиеся в конце на замок. Партии эти были сопровождаемы надсмотрщиками с бичами из гиппопотамовой кожи³.

Прокурор Со́е является апологетом этого бича из гиппопотамовой кожи. Он находит, что «лишение свободы менее приемлемо для темперамента негра; наказание бичом, быстрое и простое, соответствует умственному развитию туземца; бич является для него более гуманным, так как он не отрывает негра от его среды, не разрушает его с семьей и не разрушает его здоровья»⁴.

Вряд ли стоит делать какие-либо критические замечания по поводу этой тирады, характерной для рабовладельческой позиции колонизаторских палачей.

«Судебный строй — плоть от плоти, кость от кости всего государственного строя, накладывающего свой отпечаток на работу судебных органов, на форму и характер их работы»⁵.

Уголовное законодательство и судебная система Бельгии с особенностями в африканских колониях служат прекрасной иллюстрацией к этому положению.

И. Сапфир.

¹ «Ревю энтернациональ де друа пеналь» 1927, № 12, стр. 179.

² «Аннюэр де документасион колониаль комаре» 1933.

³ Росс, «Ди эрвахенде Сфинкс» 1928.

⁴ «Ревю энтернациональ де друа пеналь» 1927, № 12, стр. 181.

⁵ А. Я. Вышинский, Речь на Чрезвычайном VIII съезде советов.

Заметки о современном положении буржуазной адвокатуры

Всеобщий кризис капитализма, перешедший в депрессию особого рода, в корне подорвал материальную базу и удельный вес буржуазной адвокатуры в капиталистическом обществе. В странах же фашизма, превративших юстицию в орудие беспощадной, ни с какими правовыми нормами не считающейся кровавой расправы с рабочим классом и со всеми передовыми и прогрессивными элементами, адвокат низведен до роли покорного пособника, а в лучшем случае — молчаливого свидетеля фашистского террора.

Вот некоторые данные, характеризующие современное положение адвокатуры в странах капитала.

Глядя со стороны на работу адвокатов в капиталистических странах и на адвокатские заработки, основанные частью на грабительских таксах, а частью на неписанном «обычном» праве «гонораров», можно предположить, что эти заработки немалы.

Однако подобное мнение в отношении подавляющей массы современных адвокатов было бы в корне ошибочно. И раньше большие гонорары были уделом ничтожной верхушки адвокатуры, тех, кому всякими правдами и неправдами удавалось, невзирая на бешеную конкуренцию, вскарабкаться на привилегированные позиции адвокатов «с практикой». Масса же адвокатов, в особенности молодежь из менее обеспеченных классов, всегда и всюду прозябала, являясь обычно объектом жесточайшей эксплуатации, в первую очередь со стороны «верхушки» адвокатуры.

В послевоенное время материальное положение основной массы адвокатуры в капиталистических странах катастрофически ухудшилось, о чем имеется целый ряд свидетельств, исходящих из буржуазных источников.

Так, например, в коллективном сборнике «Адвокатура», в разделе, посвященном венгерской адвокатуре (автор — председатель венгерского адвокатского союза), находим такие признания:

«Над нашими дверьми можно было бы надписать: «Оставьте всякие надежды». «...Как существуют почти 3500 будапештских адвокатов — это величайшая загадка для них самих». Тут же автор с тоской констатирует, что «с неудачным окончанием войны и крахом либерализма пришла к концу и руководящая роль адвокатуры»¹.

Эти строки были написаны 12 лет назад. Однако с того времени кризис «перепроизводства» адвокатов Венгрии не ослабел и не смягчился. Из заметки, недавно помещенной в «Пражском юридическом журнале», мы узнаем, что «количество адвокатов в Венгрии — около 6500, в том числе в Будапеште на 1 января 1935 г. не менее 3240. При сравнении числа адвокатов с количеством населения обнаруживается, что во всей Венгрии один адвокат приходится на 1318 жителей, а в Будапеште — на 310. В связи с этим разра-

батываются мероприятия против переполнения адвокатуры»¹.

А вот страны, рисующие тупик, в котором находится подавляющая масса австрийских адвокатов.

Чехословацкая «Юридическая газета» недавно опубликовала полную безнадежности статью австрийского адвоката, скрывшегося под инициалами «НН», «О положении австрийской адвокатуры»². «И мы, — пишет автор, — втянуты в борьбу не на жизнь, а на смерть, которую ведет все хозяйство, и мы осуждены увидеть, что все наше знание, потеря времени, сил и энергии похоронены в братской могиле несбывшихся надежд».

Автор с глубоким неодобрением сообщает об уродливых формах «упрощения процесса», искусственно снижающих количество судебных дел. «Правительства, сменявшиеся одно за другим, не жалея сил, уничтожали по кускам великий труд Франца Клейна (автора нового австрийского гражданско-процессуального кодекса. — Е. К.). В результате этого мы имеем уже 7 новелл о разгрузке судов, причем все эти «улучшения» идут за счет качества судебной работы. Снятие опытных и заслуженных судей и замена их единоличными судьями, сокращение инстанций, — все это недопустимые мероприятия, ибо уменьшение количества работников юстиции находится в обратной пропорции к количеству и объему работ. В уголовных делах даже пришлось увеличить количество шеффенских отделов, потому что преступность находится в хорошо известном отношении к хозяйству, находящемуся в состоянии упадка».

Описав, в каких тяжелых условиях работают австрийские адвокаты, автор добавляет, что «все это относится лишь к тем адвокатам, которые имеют возможность, получая более или менее незначительный гонорар, подавать помощь имеющей заработка части населения. К сожалению, процент адвокатов, которые вовсе не зарабатывают, либо зарабатывают совсем мало, составляет большинство, чему способствуют деклассирование средних классов населения и непрерывно увеличивающееся налоговое обложение интеллектуальных работников».

Если принять во внимание, что адвокат с годовым заработком в 10 000 шиллингов уплачивает 10% с доходов как налог, вызванный кризисом, 4% как налог с оборота, затем платит отчисления (совет адвокатуры и пр.) — в целом он отчисляет 18—20% своего заработка.

Удивительно ли, что среди адвокатов всюду видим нужду. Ведь мы знаем, что среди клиентов сделался массовым явлением лозунг: «Никто не платит никому».

Проинформировав читателей в заключение своей статьи о некоторых мероприятиях в

¹ «Prager Juristen Zeitschrift», 1936, № 3, S. 89.

² Die Tage österreichischen Rechtsanwaltschaft, «Juristen Zeitung» (Чехословакия), 1925, № 17, S. 136.

¹ Die Rechtsanwaltschaft. Herausgegeben von J. Magnuß, Berlin, 1925, S. 32—33.

деле взаимопомощи австрийских адвокатов, автор с унынием заявляет, что эти мероприятия представляют собой «единый светлый луч на фоне сумрачной картины безнадежности и бремени нужды; иначе было бы основание для полного отчаяния».

В отчаянной борьбе за существование буржуазная адвокатура старается использовать любую, пусть самую незначительную, возможность для того, чтобы повысить свои скудные заработки. У советского читателя вызовет улыбку и изумление сделанное недавно буржуазными адвокатами «открытие» о том, что адвокаты пужно оградить от неправомерной конкуренции юридических консультаций, помещаемых в газетах и иных периодических изданиях. По этому поводу мы находим такие сведения в заметке, помещенной в чехословацком «Юридическом журнале» под заглавием «Правовые консультации в ежедневных газетах»:

«Во многих ежедневных газетах и журналах существует особая рубрика «Почтовый ящик», в которой читателю бесплатно либо за минимальное вознаграждение дают правовые советы. Адвокаты давно уже жаловались, что такими правовыми заключениями, помещаемыми в ежедневных газетах и пр., у них отнимают значительную часть консультационной практики. Один австрийский адвокат под считал, что лишь в одной Вене вред, причиняемый этим адвокатуре, составляет 1000 шиллингов (около 950 руб. — Е. К.) в неделю. Отсюда вывод — бороться против распространения правовой информации, даваемой через газету!»

Действительно, в той же заметке сообщается, что «в Германии 30 сентября 1936 г. достигнуто соглашение между отдельными юридическими органами и немецким союзом издателей газет и журналов, согласно которому в обязательном порядке урегулирован вопрос о даче правовых заключений в «почтовых ящиках» газет и в газетных консультациях. Организация правовых заключений в газетах, включая иллюстрированные и иные общие издания, включается в общую систему обеспечения правовой помощи, между тем как организация правовых консультаций в специальных журналах ограничена данной специальной областью и не должна даваться с целью получения вознаграждения в виде пр. мысла».

Этот факт поучителен вдвойне: он свидетельствует, во-первых, о крайне бедственном состоянии рядовых членов буржуазной адвокатуры, которые, подобно утопающему, хватаются буквально за соломинку, во-вторых, этот факт лишний раз говорит о том, что капиталистическая система является тормозом и препятствием и в таком деле, как распространение правовых сведений среди широких масс населения.

Не веселее положение рядовых адвокатов и в «Новом свете». Загнивание капитализма в США выталкивает в ряды «свободной адвокатуры» массы отчаявшейся найти себе место в жизни интеллигенции и создает исключительно уродливые формы конкуренции, вызывающие осуждение даже со стороны некоторых буржуазных органов печати.

О том, какой обостренный характер приобрела среди американских адвокатов борьба за существование и на какие при-

емы идут адвокаты, чтобы заплюнуть клиента, можно себе составить некоторое представление по статье, опубликованной в американском журнале «The American Mercury». В этой статье адвокат, работающий в сравнительно небольшом городе американского востока, повествует об адвокатуре, проживающей в этом городе. «Положение таковой, — пишет он, — не только не лучше, нежели во многих европейских государствах, но свидетельствует о полном упадке адвокатуры».

В городе, в котором живет автор, на каждые 200 жителей приходится один адвокат. «Среди адвокатов, которых в городе около 500, господствует поистине отчаянная конкуренция. Многие адвокаты отказались от своей профессии и работают в настоящее время в качестве страховых агентов, торговых представителей, торговцев фруктами и т. д. Этой деятельностью они частично занимаются одновременно с работой в качестве адвокатов. Способы, практикуемые адвокатами для добывания заработков, принимают порой прямо-таки анекдотические формы. После несчастных случаев, происшедших при уличном движении, адвокаты устремляются стаями к постели пострадавшего, чтобы получить от него поручение на ведение дела».

В газетах встречаются анонсы следующего содержания: «Я обнаружил трех свидетелей несчастного случая. От каждого из них я имею подтверждение. Ваша невиновность твердо установлена. Поручите мне это дело, и 20 000 долларов вам гарантированы».

Автор статьи усматривает основные причины упадка адвокатуры в неограниченном допуске к правовому образованию и в недостатках самого обучения. Число студентов юристов за последние 10 лет увеличилось на 348%. Юридические испытания сплошь и рядом сдаются при помощи более или менее жульнических методов. Достаточно сказать, что основные вопросы, задаваемые экзаменаторами на экзаменах, обычно можно купить по цене около 50 долларов¹. Однако все беды современной буржуазной адвокатуры меркнут по сравнению с тем, что представляет собой положение адвокатуры в нынешней гитлеровской Германии. Под фашистским сапогом раздавлено и втоптанно в грязь все, что хоть в отдаленной степени могло бы поддерживать буржуазно-демократические принципы в суде и праве. В частности, над адвокатурой проделана хирургическая операция, долженствующая превратить адвокатуру в покорное и немое орудие национал-социалистической политики.

Германский закон об адвокатуре от 13 сентября 1935 г., опубликованный 21 февраля 1936 г., во вступительных строках указывает, что правительство считает своей серьезной заботой «сохранить адвокатуру в таком состоянии, чтобы она могла выполнить свою высокую задачу. Оно усматривает серьезную опасность для адвокатского сословия в превышающей всякую потребность тяге к адвокатуре. Для того чтобы предотвратить эту опасность и предостеречь молодое поколение от неизбежных разочарований, правительство издало новый закон об адвокатуре».

¹ Приведено в журнале «Prager Juristische Zeitschrift» 1936, № 11, стр. 371—374.

Главное в этой реформе — это предотвратить проникновение в адвокатуру «неблагонадежных элементов». Об этом достаточно прозрачно сказано в самом законе, устанавливающем твердый контингент адвокатуры для каждого суда (§ 15) и обуславливающим принятие в адвокатуру решением министра юстиции, выносимым им по согласованию с руководителем союза национал-социалистических немецких юристов» (§ 16).

Таким образом пополнение адвокатуры новыми членами полностью изъято из ведения самой адвокатуры (президент общегерманского бюро адвокатов дает лишь свое заключение о кандидате) и превращено в чисто политический акт, смысл которого не вызывает никаких сомнений.

К закону об адвокатуре примыкает закон «О предотвращении злоупотреблений в области правовых консультаций» от 13 декабря 1935 г.¹ Этот закон предоставляет право давать правовые консультации, а равно выполнять обязанности юрисконсультов в предприятиях, имеющих права юридических лиц, и в товариществах лишь лицам, получившим особое разрешение. А в § 5 сказано: «Евреям такое разрешение не выдается».

Этим постановлением гитлеровские антисемиты перешагнули даже царских погромщиков, которые, затрудняя евреям доступ в адвокатуру, не лишали их тем не менее возможности работать в качестве служащих частных предприятий по своей правовой специальности.

Издавая этот закон, гитлеровское правительство явно стремилось закрыть всякую возможность заниматься своей работой лицам, не допущенным в ряды фашизированной адвокатуры².

Комментируя этот закон, фашистский юрист Рабке с цинической откровенностью таким образом разъясняет цель издания такового. «При приеме новых адвокатов, — говорит он, — недостаточно требовать у них наличия знания: хорошая отметка — часто дело случая. Главное — это доказать свое национал-социалистическое мировоззрение и национал-социалистическое мышление, причем должны быть учтены особые заслуги в области национал-социалистического движения»³.

Таким образом всем, кроме верных наемников фашистских бандитов, раз навсегда двери в гитлеровскую адвокатуру закрыты.

Но и числящиеся в рядах адвокатуры лица каждодневно должны чувствовать, что при малейшей попытке выступить против фашизма и, в частности, против национал-социалистических «концепций о праве» их ждет не-

медленное изгнание из адвокатуры. В особенности это относится к тем неарийцам, которые еще уцелели в рядах адвокатуры после всех ее чисток.

Цитированный выше Рабке посвящает этим адвокатам-неарийцам такие угрожающие строки: «Нужно исключать адвокатов, — говорит он, — нарушающих свое «высокое призвание». Это относится в особенности к тем остающимся еврейским адвокатам, которые благодаря великодушью вожда и впрямь допускаются выступать перед немецкими судами, но от которых, как от лиц, принадлежащих к чужому народу (Gastvolk), представители которого никогда (!) в Германии не могут сделаться гражданами, надлежит в особенности требовать, чтобы они в своей судебной работе и внесудебных выступлениях всемерно уважали сущность немецкой народности, в среде которой им предоставляются работа и хлеб».

Разжигание человеконенавистничества и разнузданного шовинизма находит себе объяснение, в частности, в совершенно безотрадном материальном положении рядовых адвокатов в «Третьей империи».

Статс-секретарь Германии Фрейслер сообщил в своем докладе, прочитанном 13 декабря 1935 г. в Берлинском университете, что «в Германии 2500 адвокатов в настоящее время не имеют почти никаких доходов, а 4500 имеют заработки в среднем около 1500 марок в год. Само собою разумеется, что это положение долго длиться не может».

Эта «адвокатская нужда» и вызвала необходимость издания новеллы к немецкому положению об адвокатуре⁴.

Небезинтересно в связи с этим привести оценку общего положения немецкой адвокатуры, которую дает буржуазный юрист Фриц Кюбль⁵. Эта оценка свидетельствует о том, что даже в среде арибуржуазных юристов и адвокатов, не являющихся, однако, агентами немецкого фашизма, существует трезвое понимание того издевательства над адвокатурой, которое имеет место в современной Германии.

Исложив этапы развития законодательства фашистской Германии об адвокатуре, Кюбль приходит к такому выводу:

«Не подлежит никакому сомнению, что немецкие президиумы адвокатов сохраняют одно лишь название, а их существо в корне изменено. Они больше не являются органами самоуправления, ибо они должны выполнять указания стоящего над ними общегерманского президиума адвокатов, в то время как последний подчиняется указаниям министра юстиции. Таким образом немецкая адвокатура является в настоящее время совершенно бюрократической. Бюрократический порядок проводится принятие в адвокатуру, причем решающим является политическая благонадежность. Правило, в силу которого министр юстиции может сокращать, либо совершенно освобождать от стажа, должно действовать как стимул в погоне за политиче-

¹ «Prager Juristische Zeitschrift», 1936, № 4, стр. 117.

² Fr. K u b l, Entwicklungstengenzen der deutschen Advokatur, «Juristische Blätter» (Wien), 1936, № 16, стр. 341—342.

¹ Оба закона напечатаны в издании «Die Zivilprozessordnung» Herausgegeben von H. Schultz, Berlin, 1936, S. 606—642.

² «Многие антисемитские исключительные законы, как, например, законы, направленные против адвокатов, врачей, нужно рассматривать в первую очередь как выражение зависти конкурентов, что является следствием переполненного рынка труда», — пишет либерально-буржуазный журналист К. Гейден, «История германского фашизма», пер. с нем., 1935, стр. 367.

³ Rabke, Dienst im Recht, «Juristische Vochenschrift», 1936, № 1, S. 2.

скими протекциями. Принципиальность и чувство независимости, естественно, при подборе смены не будут требоваться.

Затем Кюбль приводит ряд данных о нынешнем положении немецкой адвокатуры.

«Таким образом, — продолжает Кюбль, — адвокатура более не является «свободной профессией», а представляет собой должность и притом должность, с которой связаны одни обязанности, а не права. В частности, немецкие адвокаты не имеют права на обеспечение по старости, каковое было отклонено вождем германских юристов как несовместимое со свободой корпорации».

Далее Кюбль сообщает сведения о «хозяйственной нужде» немецкой адвокатуры. «Из статистических данных, которые недавно опубликовал проф. Ноак в своей брошюре «Новое профессиональное право адвокатуры», делается известным, что число немецких адвокатов в течение периода с 1924 до 1933 г. выросло с 12 534 до 19 902. Таким образом средний прирост составляет 704 адвоката в год, что представляет собой огромное возрастание. В 1934 году произошло снижение на 776 адвокатов, что нужно отнести за счет исключения из адвокатуры евреев, социалистов и коммунистов. Но уже 1935 год принес прирост на 348 адвокатов. Отсюда видно, что так называемая «чистка» корпорации не привела к экономическому улучшению, о котором мечтали. Число устраненных конкурентов оказалось значительно меньше, чем думали, и во всяком случае не настолько велико, чтобы оставшимся адвокатам принести ощутительное экономическое облегчение.

К этому присоединяется то обстоятельство, что, согласно статистическим данным проф.

Ноак, загруженность немецких адвокатов в 1933 году упала прямо-таки катастрофически. Из приведенной им таблицы о числе процессов видно, между прочим, что в 1933 году в ландсгерихтах было 5 530 процессов, основанных на документах и векселях (против наибольшего числа 125 108 процессов в 1926 году и 104 523 иных гражданских процессов, кроме брачных дел, против наибольшего числа 363 159 процессов в 1926 году). Лишь споры из брачных отношений несколько, хотя и незначительно, возросли. При таком положении вещей не является неожиданным, что в 1933 году 41,9% немецких адвокатов не могли добиться дохода хотя бы в размере 3 000 марок, в то время как 21,9% имели доход от 3 000 до 6 000 марок».

В заключение Кюбль указывает, что «тяжелое хозяйственное положение, в котором находится немецкая адвокатура, невзирая на все законодательные реформы, делает понятным, почему за последнее время предложено множество проектов об улучшении их материального положения, как, например, требование об увольнении неженатых и бездетных адвокатов, достигших 40 лет (!), об увольнении адвокатов с достаточным доходом и состоянием (учитывая и состояние их жен), об увольнении лиц, не участвовавших в мировой войне, и пр».

Факты, приведенные Кюблем, достаточно красноречиво говорят о том, в каком жалком материальном и моральном состоянии пребывает адвокатура под сенью гитлеровской «Третьей империи», что означают все лживые разговоры фашистских циников о «высоких зарплатах» нынешней германской адвокатуры.

Е. Кельман.

Вопросы о суде присяжных во французском парламенте

В декабре 1936 г. во французском парламенте, в палате депутатов, происходили любопытнейшие прения по проекту изменений в законе 1881 г. о свободе печати. Проект был внесен правительством народного фронта. С очень резкой критикой проекта выступил представитель оппозиции, которая в современном французском парламенте представлена его правым крылом. В лице Дрю и Пьера Коломба правые резко протестовали против проекта, который — утверждали они — представляет собой попрание принципа свободы печати, основного принципа демократии. Проект поддерживали радикалы, социалисты и коммунисты, чрезвычайно своеобразное «changez vos places» («поменяйтесь местами»): правые — в роли сторонников усиления ответственности за злоупотребления свободой печати. Те и другие изменили свои позиции, но это, разумеется, вовсе не значит, что они изменили себе. Напротив, те и другие остались верными самим себе. Изменилась политическая ситуация. Коммунисты, как и социалисты, разумеется, не перестали быть сторонниками свобо-

ды печати, но когда у власти оказалось правительство, выдвинутое силами народного фронта, силами прогресса, а не реакции, естественно, что партии, образовавшие народный фронт, поставили перед собой задачу вырвать у свободной буржуазной печати то оружие, которое она сразу же пустила в ход против правительства народного фронта, — оружие грязной клеветы и подлой инсинуации. Законопроект, о котором идет речь, в той своей части, которой он относится к уголовному и уголовно-процессуальному праву, есть проект об ответственности за сообщение в печати «ложных новостей» и за диффамацию. Ближайшим поводом для внесения законопроекта послужило самоубийство министра внутренних дел социалиста Салангро, павшего жертвой травли его реакционной печатью, не остановившейся перед клеветническим вымыслом, чтобы убрать с дороги одного из наиболее энергичных членов правительства народного фронта.

Как говорил в палате депутатов председатель парламентской комиссии, на заключение которой проект был передан, главнейшая

задача проекта заключалась в том, чтобы, сделав ответственность за диффамацию реальной, прояснить или, лучше сказать, очистить тяжелую атмосферу, в которой протсекает жизнь страны с некоторого времени¹.

В числе мер, которые должны служить этой задаче, проектом было намечено изъятие дел о диффамации, по которым допускается ссылка на истинность сообщенных позорящих сведений (т. е. дел о диффамации в отношении лиц, выполняющих публичную функцию), из ведения суда с присяжными заседателями и передача их в ведение судов исправительной полиции, т. е. судов, которые рассматривают дела в составе только профессиональных судей.

Теперь консерваторы, из лагеря которых всегда исходили нападки на суд присяжных и стараниями которых в свое время, в силу законов 1893 и 1894 гг., суд присяжных был отстранен от рассмотрения дел о преступлениях печати, оказались убежденными апологетами суда присяжных. Мотив такого изменения позиции очень прост. Ораторы правого крыла парламента и не скрывали его. Выставляя себя стражами независимости суда, они указывали на возможность влияния на профессиональных судей со стороны правительства, которое их назначает, повышает и украшает орденами. Другими словами, они опасались, что профессиональные судьи, чувствуя свою зависимость от нового правительства, уже не будут так же послушно выполнять волю крупной буржуазии, как выполняла ее печать, находящаяся на содержании у крупных капиталистов и капиталистических компаний.

Аргументация против суда присяжных была выдвинута с той стороны, с которой раньше, при других условиях, следовало ожидать его защиты. В сущности, член палаты депутатов Франсуа Мартэн был совершенно прав, когда обратил внимание, что представленные докладчиком проекта доводы, почему дела о диффамации должны быть изъяты из ведения суда присяжных, были дальше цели: они могли быть использованы как аргументация против суда с присяжными заседателями вообще. Вот эти доводы: во-первых, юрисдикция присяжных есть юрисдикция чувства, юрисдикция страсти, во-вторых, система отводов присяжных заседателей открывает возможность подбора присяжных, желательных для стороны, в-третьих, порядок комплектования скамьи присяжных заседателей путем жребия лишает всякого основания взгляд на присяжных как на выразителей общественного мнения или общественной совести, и наконец, в-четвертых, отсутствие мотивов делает вердикт присяжных заседателей неубедительным, всегда оставляет сомнение в его основательности².

С своей стороны председатель парламентской комиссии, дававший заключение по проекту, Альберт Сэроль указал на следующие преимущества суда профессиональных судей: во-первых, для правильного решения дела часто бывает недостаточно житейского опыта, бывают нужны и юридические знания, которыми располагают профессиональные судьи;

во-вторых, они, мотивируя приговор, тем самым ставят его на суд «разума» («мы, ведь, — заметил Сэроль, — живем в стране Декарта»); в-третьих, дела, подлежащие суду профессиональных судей, могут быть рассматриваемы дважды по существу¹. К этим преимуществам один из сторонников проекта прибавил и четвертое: большую скорость прохождения дела.

Приведенные аргументы против суда присяжных заседателей и за суд профессиональных судей отнюдь не новы по существу, но звучат они, несомненно, по-новому, потому что идут со стороны, противоположной той, с какой их раньше приходилось слышать. Они были выставлены и поддержаны прогрессивными членами парламента — радикалами и социалистами (о самостоятельной позиции коммунистов сказано ниже). Из сопоставления этих аргументов можно сделать один, как нам кажется, не лишенный интереса вывод.

Представителями всех прогрессивных партий в буржуазном государстве суд присяжных, в особенности суд присяжных по делам о политических преступлениях и о преступлениях печати, до сих пор рассматривался как обязательный спутник буржуазной демократии, и это несмотря на то, что суд присяжных находится в заметном противоречии с идеей так называемого правового государства: так как присяжные своих вердиктов не мотивируют, то эти вердикты не дают никаких гарантий их соответствия закону. Можно было отвергать теорию «всемогущества присяжных заседателей», как это делали сторонники правового государства, но нельзя было преодолеть провозвал в практике присяжных заседателей, раз присяжные заседатели имеют право безапелляционно сказать свое: «нет, невиновен», несмотря на наличность в деле ни в чем не противоречащего обстоятельству признания вменяемым подсудимым совершением им преступления при отсутствии условий, исключающих или погашающих вину. Наиболее искренних и последовательных сторонников присяжных заседателей среди буржуазной демократии заставляло отстаивать неприкосновенность суда убеждение в его независимости от правительства (причем игнорировалась или считалась меньшим злом его классовая зависимость). Это достоинство, приписывающееся суду с присяжными заседателями, не без основания расценивалось так высоко, что заставляло сторонников суда с присяжными заседателями закрывать глаза на его недостатки (с точки зрения буржуазной идеи правового государства, которая ими же представлялась) или даже вовсе отрицать их. Но естественно, что так могло продолжаться до тех пор, пока политические партии, считающие себя призванными стоять на страже суда с присяжными заседателями как одного из основных устоев демократии, не оказались сами у власти. Ни одно правительство в мире не может считать недостатком суда такое направление его деятельности, при котором эта деятельность не расходится с волей и так называемыми «видами» правительства. Поэтому естественно, что когда у кормила государства оказывается, как это случилось во Франции, группа лиц различных политических направлений, но сплотившихся под знаменем демократии, опираю-

¹ Journal officiel, Парламентские дебаты 1936 г., № 95, стр. 243.

² Journal officiel 1936, № 95, стр. 3248.

¹ Там же, 1936, № 99, 3423—3424.

щихся на относительно широкую социальную базу, то они, еще вчера отстаивавшие суд присяжных во имя его независимости от посягательства на его компетенцию, перестают ценить в нем именно достоинство независимости и в то же время, поскольку дело идет о преступлениях с определенным политическим значением, чувствуют опасение перед ним как перед судом, который в его современной организации и при установившейся практике его комплектования подвержен преобладающему влиянию средней и крупной буржуазии. В глазах тех представителей народного фронта во Франции, которые хотят служить подлинной буржуазной демократии (которая, конечно, не есть еще подлинная демократия) и которые теперь говорят от имени власти, у суда присяжных в том виде, как он существует, есть, собственно, одно достоинство: это особая торжественность судебной процедуры.

Самостоятельную позицию в вопросе о предложением правительством расширении компетенции суда исправительной полиции заняла коммунистическая партия. Выразителем ее взгляда в парламенте явился Вайан-Кутюрье. Эту позицию можно охарактеризовать как позицию нейтралитета, мотивированного тем, что если опыт приучил деятелей революционных партий не доверять суду исправительной полиции, то доверия не заслуживают и присяжные заседатели. «Все извращено,—говорил Вайан-Кутюрье,—разум присяжных, как и разум судей (профессиональных.—Н. П.) именно благодаря деятельности трестов, держащих в руках печать. Те, о ком Беррийе сказал, что от них скорее требовалось оказание услуг, чем постановление приговоров, смогут и впредь до тех пор, пока республиканское веяние не пронесется широким потоком по рядам всей магистратуры, добросовестно оказывать известные услуги трестам, идеи которых, внушаемые им прессой, они разделяют, постановляя приговоры против демократии и ее печати, от которой их отделяют среда, семейные связи, интересы и предрассудки».

Прения по проекту изменений в статусе печати, поскольку в нем был затронут вопрос о суде, подсказывали вывод, что реформе закона о печати должна бы предшествовать реформа суда. Правительство народного фронта имеет в виду провести в будущем судебную реформу. На требование депутата Жана Кеннета: «Реформируйте вашу организацию юстиции, сделайте ее независимой по образцу магистратуры Англии, Швейцарии и Соединенных Штатов» последовал ответ министра юстиции Марка Рокара: «Я сделаю ее (такою)»¹, ответ, свидетельствовавший, что правительство народного фронта несвободно от иллюзий относительно независимости суда в буржуазном государстве.

Никак нельзя отрицать, что кассационный суд во Франции пользуется и сейчас формальными гарантиями независимости, что, однако, несколько не избавило его от зависимости по существу от исполнительной власти, поскольку последняя являлась «приказчиком бур-

жуазии». В прениях по проекту о печати был приведен очень красноречивый пример, иллюстрирующий, как кассационный суд пользовался своей формальной независимостью для использования закона не по его точному смыслу, а в зависимости от того, что диктуется интересами того класса, ставленником которого он является. В 1894 г. был издан закон против анархистских «происков», под которые подходила и анархистская пропаганда. И текст законов, и заголовок второго из них говорили черным по белому, что они направлены против анархистов, но вот какое толкование дал закону уголовный департамент кассационного суда 9 февраля 1924 г. в деле Кенига и других подсудимых, вовсе не подозревавшихся ни в причастности к анархистской организации, ни в исповедании анархистских взглядов: «Если прекращение работы по общему соглашению (стачка) в частной промышленности может быть осуществлением права, то всеобщая забастовка, т. е. полный разрыв тех отношений, которые служат интересам общества, сделала бы последнее жертвою анархистских насильев. Всякая пропаганда в целях организации всеобщей стачки имеет анархистский характер»¹.

Немудрено, что такое свободное обращение с законами об «анархистских происках», известных под именем «злодейских законов» (lois scélérates), не раз приводило к применению их судами против коммунистов, т. е. заведомых противников анархистской доктрины и анархистской тактики.

Каков бы ни был проект реформы магистратуры, о которой возвестил министр юстиции, и как бы ни была она необходима, несомненно, что интересами демократии в капиталистических странах еще в большей мере диктуется такое преобразование суда присяжных или, говоря конкретно, установление такого порядка комплектования скамьи присяжных заседателей, при котором они действительно отражали бы совесть и правосознание широких народных масс. Только так преобразованный суд мог бы стать плотной, преграждающей тот поток грязи, который течет со страниц печати, находящейся на службе у финансовой олигархии. Такое преобразование сохранило бы за судом присяжных значение необходимого атрибута демократии (мы говорим здесь везде только о буржуазной демократии) и сделало бы излишним намеченное в проекте сокращение его компетенции, несомненно опасное с точки зрения интересов партий и группировок, которыми поддерживается теперешнее правительство Франции, но для которых вовсе не исключена возможность при изменившейся политической конъюнктуре оказаться в оппозиции правительству. Другой вопрос, насколько указанное преобразование порядка комплектования суда присяжных фактически возможно при существующем соотношении классовых сил во Франции.

Н. Полянский.

¹ Journal officiel 1936, № 96, стр. 3261.

¹ Journal officiel 1936, № 96, стр. 3263.

Библиография

СУДЕБНАЯ ПСИХИАТРИЯ, учебник для юридических вузов, под общей редакцией проф. В. А. Внукова и доцента Ц. М. Фейнберг, 472 стр. М. 1936, Государственное издательство «Советское законодательство».

Уже несколько лет как во всех юридических вузах СССР введен как обязательный предмет судебная психиатрия. Между тем преподавание этого предмета крайне затруднено и особенно в настоящее время из-за отсутствия удовлетворительного учебника по этой дисциплине. Изданные несколько лет назад учебники и учебные пособия по судебной психиатрии (Бруханского, Гаккебуша и Залкинд, Краснушкина) далеко не полны и не освещают всех наиболее важных вопросов судебной психиатрии, да к тому же и в известной мере и устарели.

Потребность в удовлетворительном пособии по судебной психиатрии, однако, ощущается и практическими работниками суда, следствия и прокуратуры, которым в повседневной работе довольно часто приходится иметь дело с судебно-психиатрической экспертизой и которым в силу этого необходимо знакомство хотя бы с основами судебной психиатрии.

В силу указанных причин следует приветствовать издание нового учебника по судебной психиатрии.

Рецензируемый учебник написан коллективом научных работников и преподавателей Научно-исследовательского института судебной психиатрии им. проф. Сербского, занимающегося не только теоретической разработкой вопросов судебной психиатрии, но и ведущего большую практическую работу по судебно-психиатрической экспертизе.

Ввиду невозможности в одной рецензии дать всестороннюю и исчерпывающую оценку этого объемистого, в 472 страницы, труда мы остановимся лишь на наиболее, с нашей точки зрения, важных разделах учебника, отметив при этом главным образом отрицательные стороны этого нового учебного пособия для вузов.

Учебник начинается введением, где даются понятие судебной психиатрии, краткая история развития этой науки и характеристика фашистских теорий в области судебной психиатрии.

Вслед за введением следует первая глава «Законодательство и организационные формы советской судебно-психиатрической экспертизы». С педагогической точки зрения нам кажется правильным начинать учебник по судебной психиатрии именно с этих вопросов. Поскольку учебник этот предназначен прежде всего для будущих судебно-следственных работников (учащихся правых вузов), постольку очень важно с самого же начала осветить юридическую природу судебно-психиатрической экспертизы в СССР. В каких случаях и с какой целью должны обращаться судебно-следственные органы к психиатрической

экспертизе? Каковы права и возможности экспертов? Как организуется и проводится психиатрическая экспертиза? Наконец, какое значение имеет этот вид экспертизы для решения судебно-следственными органами вопросов уголовной ответственности обвиняемых?

Вот круг основных вопросов, на которые учащиеся должны получить ответы, чтобы в дальнейшем перейти к изучению существа судебной психиатрии как особой отрасли науки психиатрии.

Широко используя весь законодательный материал по вопросам судебно-психиатрической экспертизы, как-то: Уголовно-процессуальный кодекс, Уголовный кодекс, а также инструктивный и циркулярный материалы, автор этой главы учебника Фейнберг отнюдь, однако, не ограничивается комментариями этих материалов, как это практиковалось в ранее вышедших учебниках.

Автор путем подробного анализа законодательного материала показывает то особое положение, которое занимает судебно-психиатрическая экспертиза в СССР по сравнению с буржуазными государствами.

Прежде всего и правильно подчеркиваются те большие права и возможности, которые предоставлены советским законодательством как судебно-следственным органам, так и самому обвиняемому, его защитнику и даже родственникам обвиняемого в отношении возбуждения вопроса о психиатрической экспертизе. Эти широкие возможности, как справедливо отмечает автор (стр. 46), «являются гарантией от просмотра среди привлекаемых к уголовной ответственности психически больных лиц и от применения к ним мер наказания». Далее в главе обосновывается очень важное положение о том, что советское законодательство создает максимально благоприятные условия для дачи наиболее полноценных и научно обоснованных психиатрических заключений (возможность приглашения на экспертизу сразу нескольких специалистов-психиатров, комиссионный порядок производства экспертизы, широкие возможности проведения стационарной экспертизы, сопровождающейся углубленным исследованием подэкспертного и т. п.). Как на особые гарантии высокого качества экспертизы в СССР автор указывает и на возможность психиатра-эксперта знакомиться с судебно-следственными материалами, возможность присутствия в судебном заседании и т. п. Наконец, в главе подчеркнута и то большое значение, которое придается судебно-психиатрической экспертизе как одному из видов доказательств советским уголовно-процессуальным законодательством.

Но наряду с положительными моментами этой первой главы учебника в ней имеется и целый ряд недостатков. К ним прежде всего следует отнести весьма неудачную попытку автора проанализировать понятие псевднормо-

сти, даваемое в ст. 11 УК РСФСР. Одно указание о том, что понятие невменяемости в ст. 11 УК «построено путем сочетания так называемого биологического критерия и так называемого психологического критерия» (стр. 16) (а этим указанием автор и ограничивает анализ ст. 11 УК), вряд ли хоть сколько-нибудь поможет учащемуся иметь правильное представление о понятии невменяемости по советскому уголовному праву. Да нужно ли было автору делать попытку определения невменяемости, поскольку в учебнике имеется специальная глава по этому вопросу (глава XXV)?

Далее в главе не дано достаточно четкого и ясного разграничения институтов «принудительного лечения» и «лечения на общих основаниях», институтов, имеющих большое практическое значение (стр. 42). Глава перегружена совершенно излишним материалом, как то: разделом о подготовке судебных психiatров, который вряд ли так необходимо вообще помещать в учебнике, а тем более в первой главе.

Глава вторая и последующие за ней главы вплоть до десятой включительно посвящены общим вопросам психиатрии: определению психического расстройства, причинам душевных заболеваний, симптомам и симптомам-комплексам психических заболеваний, формам течения и исходам психических заболеваний и, наконец, классификации психических заболеваний. Во всех этих главах (состоящих, правда, иногда из полуторы и двух страниц) даются элементарные сведения по психиатрии, овладение которыми необходимо для того, чтобы в дальнейшем учащиеся могли перейти к изучению собственно судебной психиатрии. Не вдаваясь в оценку сущности вопросов, затронутых в этих главах, мы все же считаем необходимым сделать ряд замечаний, относящихся к некоторым из них.

Так, глава, посвященная определению понятия психического расстройства, к сожалению, трактует главным образом об истории психиатрии как науки, и лишь последние 7 строчек посвящены понятию психического расстройства. Здесь автор пишет: «Поэтому рассматривая психические расстройства как заболевание всего организма с преимущественным поражением центральной нервной системы, являющейся непосредственным материальным субстратом психических проявлений, необходимо всегда иметь в виду личность в целом с учетом социальных закономерностей, оказывающих влияние на ее развитие» (стр. 59). Вряд ли такое «определение» создаст ясное представление у учащихся о психическом расстройстве. В главе «о причинах (этиологии) душевных заболеваний» обращает на себя внимание другой существеннейший недостаток. Так, автор этой главы (как и предыдущей) Дубинин, вскрывая причины психических заболеваний, совершенно не указывает (стр. 63) на то важное и принципиальное различие, которое существует в динамике психических заболеваний в капиталистических странах, с одной стороны, и в СССР — с другой. А автору должно быть известно, что еще Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии» красочно показал, как неизбежно и неуклонно капитализм порождает невероятный рост психических заболеваний. В противовес это-

му в СССР созданы все условия для изживания психических заболеваний, и мы являемся свидетелями того, как число психических заболеваний в СССР неуклонно падает.

Написанные тем же автором главы «Классификация душевных расстройств» и «Отдельные симптомокомплексы психических расстройств» особенно выделяются своим тяжелым и малопонятным языком. Если принять во внимание особую сложность излагаемых в них вопросов, станет понятным, насколько трудно они будут восприниматься (если вообще будут воспринимаемы) учащимися.

Для иллюстрации приведем первую попавшуюся фразу: «Олигофрении и психопатии с точки зрения их нозологического понимания характеризуются врожденными патологическими проявлениями (первые со стороны интеллекта, вторые — со стороны характера) без того, чтобы можно было бы обнаружить врожденность, т. е. нарастание процесса» (стр. 111).

Правда, ряд глав этого же раздела, написанных другим автором, Халецким, и посвященных иллюзиям и галлюцинациям, бредовым идеям, расстройствам памяти, мышления, эмоциональной жизни, интеллекта и воли, написан более простым и ясным языком. Сравнительная легкость восприятия этих глав объясняется также и тем, что все эти главы снабжены хотя и краткими, но весьма убедительными и наглядными иллюстрациями.

Следующий раздел учебника, включающий 15 глав (с XI по XXV включительно), посвящен изложению отдельных форм психических заболеваний (шизофрения, эпилепсия, маниакально-депрессивный психоз, наркомании, психопатии и др.). Наряду с описанием этих форм душевных болезней здесь дается и судебно-психиатрическая оценка их, что имеет особенно важное значение для судебно-следственных работников. В самом деле, практика судебно-психиатрической экспертизы показывает (стр. 34), что в 99% всех случаев экспертиз судебно-следственные органы соглашались с заключениями экспертов-психиатров как по вопросу невменяемости, так и вменяемости. Однако было бы ошибкой думать, что это объясняется безукоризненностью, бесспорностью и убедительностью даваемых психиатрических заключений. Причины здесь, конечно, иные. Они кроются в незнании судебно-следственными работниками (и особенно низовых органов) судебной психиатрии. Последнее и приводит к тому, что психиатрическая экспертиза, являющаяся лишь одним из видов доказательств, а следовательно, и подлежащая оценке со стороны суда, принимается последним чаще всего как беспорное доказательство. Такое положение нельзя признать хоть сколько-нибудь нормальным. Учебник по судебной психиатрии должен научить судебно-следственных работников разбираться в вопросах оценки тех или иных форм душевного заболевания применительно к ст. 11 УК и критически относиться к психиатрическим заключениям. С этой точки зрения разбираемый нами раздел учебника требует максимальной ясности и определенности. К сожалению, этого отнюдь нельзя сказать про многие главы этого раздела. Остановимся подробнее на некоторых и наиболее важных из них в практическом отношении.

Глава о шизофрении является особенно важной, так как шизофрения наиболее часто, чем другие душевные заболевания, встречается в практике экспертизы. Помимо этого, в последние годы в буржуазной психиатрической науке имеется определенная тенденция слишком широкого понимания шизофрении и эта тенденция проявилась и в советской психиатрии. Вот почему практически судебно-следственным работникам необходимо дать точный и определенный ответ, во всех ли случаях, а если не во всех, то в каких, заболевание шизофренией исключает уголовную ответственность. Правда, в главе дано более или менее ясное представление о сущности этого заболевания, об его формах, распознавании и прогнозе, однако судебно-психиатрическая оценка преподносится в весьма туманной форме. Так, например, на стр. 138 автором Аменицием дается следующее указание по этому вопросу: «Возможны, правда, случаи как при дефектных состояниях, так и при мягких формах шизофрении, когда правонарушение вызвано такими исключительными и сложными обстоятельствами, с которыми данная личность не могла справиться в силу своей неполноценности и растерянности. В таких случаях, естественно, является экспертное заключение в сторону невменяемости». Вряд ли такое «конкретное» указание может особенно помочь судебно-следственным работникам в судебно-психиатрической оценке шизофрении. Кстати сказать, при оценке шизофрении автор ссылается на психопатию (стр. 138), совершенно забывая, по видимому, что учащийся с сущностью психопатий познакомится лишь на стр. 227, т. е. через 90 страниц.

Не менее важной является и глава о наркоманиях. Судебно-психиатрическое значение наркоманий определяется главным образом той исключительно большой и важной ролью, которую играет при совершении преступлений алкоголь. И не случайно поэтому, что весьма частым объектом судебно-психиатрических экспертиз являются преступники-алкоголики. Автор этой весьма обстоятельной главы Введенский, анализируя всевозможные формы алкоголизма, специально останавливается на судебно-психиатрическом значении хронического алкоголизма, скоропроходящих расстройств душевной деятельности алкогольного происхождения и на обычном опьянении.

Перечисленные случаи, как указывает автор главы, представляют особо большие затруднения при судебно-психиатрической экспертизе. Правильно оценивая простое опьянение как состояние, не исключающее уголовную ответственность, автор, к сожалению, не поясняет, почему советское уголовное законодательство не только не исключает при таких состояниях уголовной ответственности, но и не считает их моментом, смягчающим наказание. При судебно-психиатрической оценке патологического опьянения и хронического алкоголизма автор, так же как и автор главы о шизофрении, дает такие расплывчатые указания, что ими весьма трудно руководствоваться на практике. Например, на стр. 225 рекомендуется при решении вопроса о вменяемости руководствоваться следующим: «В случаях тяжелых решающую роль должны играть

степень и характер структурных изменений личности. Там, где деградация личности настолько значительна, что может быть приравнена к душевной болезни, ответственность должна исключаться».

Правда, в отдельных главах этого раздела даются более конкретные указания на судебно-психиатрическое значение отдельных форм душевных расстройств, например, в главах «Эпилепсия» и «Исключительные состояния» (автор обеих глав Разумовская). Но и здесь имеются существеннейшие пробелы в смысле практических указаний. Так, в главе об эпилепсии нет определенных указаний, в каких случаях эпилептики, признанные невменяемыми, должны направляться в психиатрическую больницу на «принудительное лечение» и в каких — «на лечение на общих основаниях», а ведь характер лечения опять-таки определяют судебные органы и им это необходимо знать. Кстати сказать, такие указания отсутствуют также и в других главах этого раздела.

В главе «Психопатические личности» автор Халецкий в явном несоответствии с декларированной во введении к учебнику борьбой «с биологизаторскими концепциями криминальной психиатрии и стремлением к их критическому преодолению» воспроизводит эти биологизаторские концепции. Анализируя разновидности психопатов, автор в замаскированной форме проводит идею зависимости формы преступления от конституциональных особенностей личности. Так оказывается преступление эпилептоидов (этой особой группы психопатов) отличаюется большой жестокостью и хладнокровием (стр. 236). Истерические личности — по преимуществу мошенники: «преступления их основаны на доверчивости других, которой иной раз поражаешься, когда познакомишься с обстоятельствами судебного дела» (стр. 245) и т. д., и т. д.

Не имея возможности остановиться на других главах раздела о различных формах психических расстройств, считаем необходимым отметить еще один существенный дефект этого раздела.

Ни в одной почти главе раздела, трактующего вопросы судебно-психиатрического значения различных форм душевных заболеваний, не затрагивается вопрос о том, а как же в буржуазной судебно-психиатрической практике в настоящее время расцениваются эти различные формы психических заболеваний, и имеется ли по этим оценкам принципиальная разница в практике в СССР и в практике капиталистических стран? А ведь в предисловии к учебнику указывается на «ряд заимствованных в свое время от буржуазной науки неверных теоретических положений и ныне советской психиатрией отвергнутых» (стр. 3). Отвергнуты ли эти установки? И если да, то почему же нет об этом каких-либо указаний в наиболее важном разделе учебника?

В следующем разделе учебника помещены главы «Вменяемость и задачи экспертизы» и «Психогигиена в местах лишения свободы». Что касается первой из этих глав, то прежде всего встает вопрос, почему эта глава помещена почти в самом конце учебника. Во всяком случае глава о вменяемости должна предшествовать разделу, трактующему о вме-

няемости при различных формах душевных заболеваний. Однако недоумения по этому вопросу рассеиваются, когда знакомимся с данной главой. Оказывается, в ней нет никакого анализа понятия о вменяемости и она меньше всего касается этого вопроса. Здесь говорится и о методах расспроса подэкспертного (испытываемого), и о методике собирания материалов при исследовании подэкспертного, и наконец, большая часть главы посвящена вопросам судебно-психиатрических оценок различных форм душевных заболеваний. При этом автор буквально повторяет все то, что говорилось уже ранее во всех тех главах учебника, которые посвящены отдельным формам душевных заболеваний. Достаточно сравнить изложенное автором на стр. 322—332 с изложенным на стр. 137—138, 169—170, 218—228 и т. д., и т. д., чтобы убедиться в этом. Да, впрочем, и сам автор сознается в этом: «При описании отдельных заболеваний даны основные принципы их судебно-психиатрической оценки. Однако нам представляется не лишним в этой главе суммировать их хотя бы в самых общих чертах» (стр. 322). Имея в виду, что учебник и без этой главы невероятно объемист, нам кажется такое суммирование совершенно излишнее и перегружает учебник повторениями, которых и так немало в учебнике.

Особое место в учебнике уделено вопросам судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетних. Выделение этих вопросов в самостоятельный раздел, кстати сказать не встречающийся в каких-либо других учебниках по судебной психиатрии, нужно признать безусловно правильным, так как судебно-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних имеет целый ряд специфических особенностей. Эти особенности присущи как организации и проведению психиатрической экспертизы несовершеннолетних, так и судебно-психиатрической оценке различных форм психических заболеваний у несовершеннолетних. Первому из этих вопросов посвящена глава XXVIII «Судебно-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних». Автор этой главы Юсевич в зависимости от того, в какой роли выступает несовершеннолетний в уголовном процессе — в качестве ли обвиняемого или свидетеля и потерпевшего, подразделяет психиатрическую экспертизу несовершеннолетних на два вида: экспертиза несовершеннолетних обвиняемых и экспертиза несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. «Если в отношении несовершеннолетнего обвиняемого, — пишет Юсевич, — судебно-психиатрическая экспертиза должна ответить на вопросы: 1) является ли обвиняемый душевно-больным или здоровым и 2) является ли он ответственным за совершенное им преступление, то в отношении несовершеннолетних свидетелей и потерпевших экспертиза должна ответить на другие вопросы: 1) является ли испытуемый личностью психически полноценной и 2) можно ли доверять его показаниям» (стр. 388 и 396). Обратимся к первому из приводимых Юсевичем видов экспертиз — к экспертизе несовершеннолетних обвиняемых. Правильно подчеркивая ряд особенностей при проведении психиатрической экспертизы несовершеннолетних обвиняемых, как то: необходимость более длительного, чем в отношении взрослого, наблюдения подэкспертного,

обязательность, как правило, производства стационарной экспертизы, создание специальных экспертных клинических отделений для несовершеннолетних и т. п., автор переходит к указанию признаков, на основании которых судебно-следственные органы должны направлять несовершеннолетних на экспертизу. Однако попытку автора дать перечень таких признаков следует признать мало удачной.

В самом деле, приводимый перечень (стр. 390) настолько всеобъемлющ, что следовать ему трудно. Здесь, начиная от таких признаков, как явно нелепое поведение, навязчивые движения, однообразные гримасы, многословная и бессвязная речь, автор переходит к таким признакам, как негармоничное телосложение, малоподвижное лицо, бледная кожа лица, глуховатый голос, бестолковые ответы, неуравновешенность в поведении, лживость и т. д., и т. д.

Вряд ли такие показатели направления на экспертизу несовершеннолетних помогут следователям и суду.

Нам кажется, было бы куда более целесообразным вместо предлагаемого сомнительного перечня признаков направления на экспертизу рекомендовать судебно-следственным работникам более внимательное изучение последней главы учебника, посвященной различным формам психических заболеваний подростков, где детально изложены симптомы этих заболеваний. Лишь такое изучение может правильно ориентировать судебно-следственных работников в вопросах посылки несовершеннолетних на экспертизу.

Переходя к экспертизе несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, Юсевич, как нам кажется, слишком расширяет, и незаконно, задачи, стоящие перед психиатрами в отношении этой экспертизы. От психиатра при экспертизе свидетеля или потерпевшего требуется прежде всего и главным образом ответ на вопрос: психически болен ли психически здоров свидетель или потерпевший? К этому ответу психиатр может добавить и свое заключение о том, можно ли на основании психического состояния свидетеля или потерпевшего считать их показания достоверными или нельзя. С этой точки зрения непонятно, почему Юсевич предлагает психиатрам разрешать вопросы о достоверности свидетельских показаний и с точки зрения других показателей, как-то: возраст (стр. 397), внушаемость (независимо от психических аномалий) и т. п. Более того, Юсевич пытается анализировать вопрос о достоверности свидетельских показаний и с точки зрения порядка и условий производства опроса свидетелей несовершеннолетних (стр. 402—403). Здесь Юсевич явно переходит границы своих владений и уже берет на себя функции и психолога, и юриста, и других специалистов. И не случайно поэтому, что выводы, к которым приходит автор в этой неподсудной ему области общей оценки свидетельских показаний, лучше всего свидетельствуют о несостоятельности психиатра разрешать эти проблемы. Так, например, такие выводы, как «Показания несовершеннолетних неполны, неточны и чрезвычайно изменчивы; поэтому они должны всегда тщательно проверяться другими объективными данными» или «ведение следствия, в ко-

тором фигурируют несовершеннолетние, должно поручаться достаточно опытным и подготовленным работникам» (стр. 405), вряд ли основаны на психиатрических данных.

Более удовлетворяющей учебным целям является другая глава о несовершеннолетних: «Психопатология детского и юношеского возраста». Автор этой главы профессор Озерецкий просто и ясно излагает психические заболевания и аномалии в детском и юношеском возрастах (олигофрения, сифилис, воспаление головного мозга, шизофрения, эпилепсия и психопатия). Изложение сопровождается достаточно конкретными указаниями на судебно-психиатрическое значение каждой формы психического расстройства. Следует особенно отметить тот положительный факт, что, не в пример всем другим авторам учебника, проф. Озерецкий вводит в свою главу и элементы самокритики. Он останавливается на извращениях, указанных в специальном постановлении ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г., об извращениях в области педологии. Эти извращения, конечно, имели место и у специалистов в области детской психиатрии, когда, не критически перенося методы буржуазных ученых, эти специалисты на основании поверхностных исследований по тестам зачисляли подростков в категорию умственно отсталых и штамповали их как «дураков» на всю жизнь.

Предостережения против таких извращений в области судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетних безусловно имеют большое практическое значение.

Следует особо остановиться на главе учебника, посвященной судебно-психиатрической экспертизе в капиталистических странах. Как правило, и этот раздел в ранее вышедших учебниках отсутствовал. Более того, ни в юридической, ни в психиатрической литературе положение судебно-психиатрической экспертизы на Западе почти совершенно не освещено.

Указанная глава учебника построена на новейших материалах, относящихся как к законодательству в области судебно-психиатрической экспертизы в буржуазных странах, так и к специальной литературе по судебной психиатрии. Эти материалы автор главы Фейнберг и пытается использовать для характеристики положения судебно-психиатрической экспертизы в буржуазных государствах. При этом в главе идет речь не о судебно-психиатрической экспертизе в капиталистических странах вообще, а об экспертизе в отдельных государствах, как то: в Англии, в Америке, во Франции, в Бельгии, в Италии и в Германии. Несмотря, однако, на наличие большого фактического материала и литературных данных, которые приведены в данной главе, последняя страдает целым рядом весьма существеннейших недостатков. Одним из них является преподнесение учащимся всего этого материала в совершенно сыром и непереработанном самим автором виде. Это сказывается прежде всего в отсутствии достаточно углубленного анализа проводимого материала, в нескритическом его изложении и, наконец, в отсутствии каких-либо серьезных выводов. Так, например, в разделе о судебно-психиатрической экспертизе в Бельгии автор весьма пространно, но и весьма при этом

спокойно и бесстрастно излагает на 6 страницах все детали судебно-психиатрической экспертизы в Бельгии, организация которой представляет, по словам автора, практический и теоретический интерес как для судебных психиатров, так и для судебно-следственных работников. Однако тщетно было бы искать здесь серьезной критики и оценки автором положения судебно-психиатрической экспертизы в Бельгии, если не считать такого общего замечания на стр. 374: «Даже при наличии формальных правовых гарантий в области экспертизы трудящиеся лишены возможности использовать их». То же, что и про раздел Бельгии, можно сказать и про другие разделы. Так, на нескольких страницах автором в весьма сухой и сугубо догматической форме излагается содержание всех статей итальянского УПК и УК, относящихся к вопросам судебно-психиатрической экспертизы, а также и к вопросам вменяемости и интернирования. А выводам, критике и оценке судебно-психиатрической экспертизы в фашистской Италии посвящены буквально 3 строчки: «Понятия «уменьшенная вменяемость» и «интернирование» в фашистской Италии использованы в целях усиления судебного террора» (стр. 378). Правда, в некоторых разделах этой главы, например в разделе о судебно-психиатрической экспертизе в Америке, встречаются и критика, и оценка, и даже выводы... но, к сожалению, все это делается не самим автором, а устами буржуазных ученых. Из приведенных в бесконечном количестве цитат в этом разделе учащийся может узнать мнение о судебно-психиатрической экспертизе в Америке и проф. психиатра Бостонского университета Оверхолсера, и доктора Бригса, и ученого Натаниэля Кантора, и проф. Глюка и т. д., и т. п., но, к сожалению, не узнает мнение самого автора Фейнберг.

При таком изложении учащимся самим придется, повидимому, давать и критику, и оценку судебно-психиатрической экспертизе в капиталистических странах, т. е. разрешать непосильную задачу. Для учебных целей эта глава, к сожалению, очень мало пригодна.

Резюмируя все вышесказанное, следует прийти к выводам, что выпущенный Научно-исследовательским институтом им. проф. Сербского учебник по судебной психиатрии обладает рядом положительных качеств и особенно по сравнению с ранее выпущенными и уже в значительной мере устаревшими учебниками по судебной психиатрии.

Из положительных сторон учебника следует отметить главным образом следующие:

1. В учебнике с исчерпывающей полнотой разработаны вопросы правового положения судебно-психиатрической экспертизы в СССР и ее организационных форм, знание которых особенно необходимо для учащихся правовых вузов.

2. В учебник введены новые, ранее вовсе не встречавшиеся в учебниках по судебной психиатрии разделы «Судебно-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних» и «Судебно-психиатрическая экспертиза в капиталистических странах» (правда, последний в качестве лишь материалов). Для учебных целей эти разделы крайне важны.

3. Учебник написан на основе большого судебно-психиатрического опыта, накопленного

Научно-исследовательским институтом судебной психиатрии, научными сотрудниками которого являются авторы данного учебника. Это в значительной мере предупреждает от разрыва теории от практики.

Вместе с тем в учебнике имеется и целый ряд весьма существеннейших недостатков.

Наиболее важными из них являются следующие:

1. Несмотря на весьма пышное заявление во введении в учебник о том, что «все развитие советской судебной психиатрии характеризуется борьбой с биологизаторскими концепциями криминальной психиатрии и стремлением к их практическому преодолению», в учебнике ни в одной из глав его эта борьба не отражена. Если же принять во внимание, что теория советской судебной психиатрии в свое время в основном базировалась на неоломброзианских теориях, что и приводило к грубейшим ошибкам в судебно-психиатрической практике, то становится совершенно непонятным, почему необходимые в таких случаях развернутая самокритика или хотя бы элементы самокритики отсутствуют вовсе у авторов учебника.

2. Несмотря на то, что учебник по судебной психиатрии должен в первую очередь научить судебно-следственных работников подходить критически к даваемым заключениям экспертами-психиатрами и главное выработать у них способность давать оценку этих заключений, основные разделы выпущенного учебника, посвященные судебно-психиатрическому значению различных форм душевных заболеваний, не дают ясных и четких указаний по этим вопросам.

Помимо этого в учебнике совершенно отсутствуют указания на те практические мероприятия в отношении невменяемых при различных формах душевных заболеваний, которые должны применяться судебно-следственными органами (как-то: посылка на «принудительное лечение», направление на «лечение на общих основаниях», отдача под наблюдение районного психиатра и т. п.).

3. Учебник, рассчитанный на студентов правовых вузов, где курсу судебной психиатрии отводится около 60 часов, несоразмерно с этим раздут до 472 страниц. Последнее объясняется в значительной мере тем, что, во-первых, в учебнике имеется ряд повторов и параллельных глав, во-вторых, учебник перегружен излишним материалом (подготовка кадров, психогиgienическая работа и т. д.), в-третьих, истории болезни, приводимые в учебнике, слишком растянуты и иногда даже на несколько страниц.

4. Учебник в ряде своих глав и особенно глав, написанных Дубининым, мало доступен для учащихся благодаря своему тяжелому и непонятному стилю.

Нам кажется, что при втором издании учебника (а такое безусловно понадобится, если принять во внимание полное отсутствие других каких-либо учебников по судебной психиатрии) авторам учебника необходимо устранить все перечисленные дефекты с тем, чтобы сделать учебник наиболее подходящим для учащихся правовых вузов и практических судебно-следственных работников.

В. Меньшагин.

Официальный отдел

О ПРЕКРАЩЕНИИ ПРАКТИКИ СОГЛАСОВАНИЯ ПРОКУРОРАМИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ С МЕСТНЫМИ СОВЕТАМИ

По имеющимся в Прокуратуре Союза ССР материалам, в ряде краев, областей и районов практикуется «согласование» с прокуратурами обязательных постановлений, издаваемых исполкомами. Это согласование выражается в редактировании прокурорами проектов обязательных постановлений и визировании их. В некоторых случаях районные прокуроры сами составляют проекты обязательных постановлений сельсоветов и риков (Пушкинский район Московской области и др.).

Между тем, практика предварительного согласования обязательных постановлений с органами прокуратуры не имеет под собой законных оснований и является нецелесообразной по существу, так как подменяет надзорные функции прокуратуры консультантскими функциями.

Ввиду этого предлагаю:

1. Прекратить практику согласования проектов обязательных постановлений с исполкомами и их отделами.

2. По проектам обязательных постановлений, присылаемых исполкомами в органы прокуратуры, прокуроры соответствующих краев, областей и районов должны давать лишь свои отзывы с последующим поддержанием их на заседаниях президиумов исполкомов.

3. Органы прокуратуры обязаны обеспечить присылку им копий обязательных постановлений, принятых президиумами исполкомов соответствующих краев, областей, районов и сельсоветов, в соответствии с действующим законодательством об обязательных постановлениях.

4. По обязательным постановлениям, содержащим нарушения законодательства СССР и союзных республик, соответствующие органы прокуратуры должны приносить протесты в сроки, установленные законодательством союзных республик, добиваясь рассмотрения этих протестов в кратчайший срок.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

23 июня 1937 г.

№ 47/24

О БОРЬБЕ СО СПЕКУЛЯЦИЕЙ

Государственной торговой инспекцией по Киевской области вскрыт особый способ спекуляции, прикрывающий спекуляцию частного вида легальной советской торговли.

Так, при проверке торговой инспекцией в Киеве двух ларьков системы Киевпромторга было обнаружено, что заведующими этих ларьков продавались в ларьках по спекулятивным ценам головные уборы личного частного производства этих заведующих под видом товаров ларька, с сокрытием производства и продажи этих головных уборов от финконтроля.

Предлагаю немедленно обратить внимание органов прокуратуры и следствия на необходимость зоркой и решительной борьбы с этими махинациями спекулянтов, извращающими и подрывающими в глазах трудящихся масс советскую торговлю, и обеспечить неуклонное применение к виновным жестких мер наказания.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

1 июля 1937 г.

№ 49/1

О БОРЬБЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ С АНТИКОЛХОЗНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ

17 июля 1937 г. состоялось постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О колхозе «Новый быт» Даниловского района Ярославской области».

Из постановления усматривается, что в Даниловском районе Ярославской области имели место антиколхозные и антисоветские действия и грубейшие нарушения законов Союза ССР, выразившиеся в ликвидации колхоза «Новый быт», вопреки воле и желанию колхозников, в незаконном отобрании у колхоза земли, акта на вечное пользование земель и имущества.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) обязали Ярославский обком ВКП(б) и облисполком немедленно восстановить колхоз «Новый быт», передать колхозу землю, согласно акту на вечное пользование, а также принадлежащие колхозу скот и с.-х. инвентарь.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) указали Ярославскому обкому ВКП(б), облисполкому и областному прокурору на то, что, зная о ликвидации колхоза «Новый быт», они своим бездействием в течение двух месяцев фактически прикрывали антиколхозные и антисоветские деяния работников Даниловского района.

Прокуратурой в настоящее время привлечены к уголовной ответственности и арестованы: председатель Даниловского рика Горшков, секретарь РК ВКП(б) Поваров, заведующий райзо Лукьянов, зам. заведующего райзо Беляков, заведующий райфо Мишин и председатель Даниловского сельсовета Солодихин, причем виновные понесут заслуженное наказание.

Однако тот факт, что прокуратуры областная и районная могли пройти мимо этих вопиющих нарушений, свидетельствует о политической слепоте отдельных прокуроров, об отсутствии у них бдительности, об их неумении вести подлинно большевистскую борьбу

за соблюдение советских законов и Сталинского устава с.-х. артели.

Предлагаю всем прокурорам немедленно проверить:

а) не имсют ли место в пределах территории их деятельности подобные антиколхозные и антисоветские действия и нарушения советских законов о колхозах, в частности, Сталинского устава с.-х. артели, и в случае выявления таких нарушений немедленно привлечь виновных к строжайшей судебной ответственности;

б) взять под особый контроль все постановления исполкомов, касающиеся колхозов, не допуская немедленным опротестованием проведения в жизнь тех или иных, которые противоречат советским законам и уставу с.-х. артели;

в) по каждой жалобе колхозов и колхозников на нарушение устава с.-х. артели производить в кратчайший срок самую тщательную проверку и принимать немедленно все меры для восстановления нарушений закононости, вплоть до привлечения виновных, невзирая на лица, к уголовной ответственности.

Предупреждаю, что в случае выявления фактов нарушения советских законов или Сталинского устава с.-х. артели, по которым местной прокуратурой не были приняты законные меры, виновные прокуроры будут мною привлекаться к суровой ответственности, вплоть до снятия с работы и предания суду.

Об особо важных фактах нарушения интересов колхозов и колхозников информируйте меня спецдонесениями.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

25 июля 1937 г.

№ 51/1

О ПОРЯДКЕ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЕЙ И ОБВИНЯЕМЫХ

В практике следственных органов прокуратуры наблюдается совершенно неправильное применение следователями тех статей уголовного-процессуальных кодексов союзных республик, которые предоставляют допрашиваемым следователями лицам право собственноручно излагать свои показания в протоколах допросов (ч. 2 ст. 139 и ст. 169 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, ст. 137 и примечание к ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса УССР и т. п.).

Эти статьи уголовно-процессуальных кодексов союзных республик устанавливают отступление от нормального порядка фиксирования показаний допрашиваемых следователями лиц и применяются в тех случаях, когда допрашиваемые сами заявят желание воспользоваться этим правом.

Между тем, многие следователи, желая избавить себя от труда проводить допрос и протоколировать показания допрошенных, сами предлагают допрашиваемым изложить то, что им известно по делу, на переданном им следователем бланке протокола допроса. Допрашиваемый пишет свои показания без всякого контроля следователя, нередко даже вне камеры следователя.

В результате лица, недобросовестно относящиеся к даче своих показаний, получают полную возможность исказить эти показания

в желательном для них направлении, а добросовестные свидетели, не зная, какие обстоятельства существенны для дела, а какие — нет, заполняют свои показания множеством ненужных подробностей, упуская сплошь и рядом из виду самое существенное. Как правило, в подобных случаях в протоколах допросов совершенно не оказывается контрольных данных, необходимых для проверки и оценки показаний данного свидетеля (откуда свидетелю известно о сообщаемых им фактах, при каких обстоятельствах он их наблюдал, знает ли об этих фактах еще кто-нибудь и т. п.).

Приказы в а ю:

1. Допускать собственноручное изложение показаний свидетелями и обвиняемыми лишь в том случае, когда они сами выразят желание воспользоваться предоставленным им законом правом собственноручно изложить их показания.

2. В случаях, когда допрашиваемые пожелают воспользоваться правом собственноручного написания своих показаний, допускать это лишь после обстоятельного устного допроса следователем этих лиц.

В этих случаях показание должно быть написано допрошенным в камере следователя, немедленно после допроса. Следователь обязан сразу же, не отпуская допрошенного, проверить правильность изложения им своих показаний и при наличии в них пробелов или неясностей путем допроса и уточнения показаний эти неясности и пробелы устранить.

3. Независимо от того, кто писал текст протокола, протокол допроса во всех случаях должен быть подписан допрошенным лицом и следователем, производившим допрос. В случае, если показания писались допрошенным собственноручно, об этом должна быть сделана оговорка в протоколе перед подписью допрошенного.

4. Прокурорам союзных и автономных республик, не имеющих областного деления, прокурорам краев и областей, военных округов, железных дорог и водных бассейнов довести настоящий приказ до сведения всех следователей, установить контроль за его исполнением и обеспечить точное его осуществление.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

25 июля 1937 г.

№ 50/26

О ПРОКУРОРСКОМ НАДЗОРЕ ЗА ОБЯЗАТЕЛЬНЫМИ ПОСТАНОВЛЕНИЯМИ

Произведенной проверкой порядка издания местными советами в городах Москве и Ленинграде и других краях и областях обязательных постановлений и практики наложения по ним административных взысканий выявлены грубейшие нарушения действующего законодательства об обязательных постановлениях.

Так, например, в числе действующих обязательных постановлений в г. Ленинграде обнаружен целый ряд таких, которые были изданы в 1931—1934 гг., в то время как по законодательству РСФСР об издании обязатель-

ных постановлений срок действия их не может превышать 2 лет, после чего они считаются утратившими силу.

В Куйбышевской и других областях обнаружены обязательные постановления, изданные за подписью одного лишь председателя или даже секретаря исполкома без утверждения этих постановлений президиумом исполкома или совета, как это требуется соответствующим законодательством РСФСР.

Многие обязательные постановления введены в действие без оповещения об этом населения, хотя по закону об обязательных постановлениях требуется опубликование этих постановлений (через печать, путем расклейки и т. д.).

Обнаружен также ряд обязательных постановлений, изданных с нарушением компетенции местных советов как в отношении предмета постановления, так и устанавливаемой им санкции. В частности, имеются случаи издания обязательных постановлений по вопросам, урегулированным специальными постановлениями правительства СССР и союзных республик, предусматривающими за нарушение их ответственность в уголовном порядке (например, за нарушение правил кредитной реформы и финансовой дисциплины).

Ленинградский совет принял обязательное постановление, которым предоставил администрации всех учреждений и предприятий право наложения штрафов «за нарушение правил охраны общественного порядка», причем осуществление этого права администрация указанных учреждений и предприятий может, по тому же обязательному постановлению, возлагать на любого из своих сотрудников.

Недопустимые извращения обнаружены в штрафной политике, проводимой административными комиссиями и органами милиции. На злостных хулиганов, допуская грубое насилие над личностью, сплошь и рядом налагались мелкие штрафы, тогда как этих хулиганов следовало привлекать к уголовной ответственности. Так, например, административная комиссия Куйбышевского района г. Ленинграда подвергла штрафу в 15 руб. «за нарушение общественного порядка» гр. Алексеева, занимавшегося систематическим истязанием своей жены, которая в результате этих истязаний покушалась на самоубийство; в Бауманском, Сталинском, Железнодорожном и других районах г. Москвы налагались штрафы за злостное хулиганство на лиц, имевших уже неоднократные судимости за хулиганские действия. В то же время подвергались оштрафованию лица, действия которых не содержали никаких нарушений. Так, например, в том же Ленинграде был оштрафован гр. Петрунин за то, что он покатал в тачке трех ребят. В другом случае был оштрафован на 50 руб. гр. Федченко за то, что «в кабинете начальника отделения милиции вступил в пререкания с начальством».

Состав административных комиссий в большинстве районов городов Ленинграда и Москвы оказался при проверке незаконным. В ряде случаев председатели административных комиссий не были утверждены райсоветом, а утвержденные сами не участвовали на заседаниях комиссии, передоверяя эту работу другим лицам. Зачастую вся работа по наложению взысканий ведется единолично начальни-

ками отделений милиции. Президиумы райсоветов работой административных комиссий не интересуются и совершенно незаконно перекалывают работу по рассмотрению жалоб на постановления административных комиссий на специально созданные тройки. В некоторых районах жалобы эти разрешаются даже единолично секретарем совета.

Протоколы о наложении штрафов оформляются с нарушением установленного законом порядка, не имеют подписей нарушителей и т. д. Сущность допущенного нарушения излагается настолько неясно, что нельзя установить, за что, собственно, административное взыскание налагается (Железнодорожный, Кировский, Сталинский районы г. Москвы).

Постановления о наложении штрафов в ряде районов не приводятся в исполнение в течение полугода и больше, вследствие чего по закону они теряют всякую силу.

Все указанные грубые нарушения порядка издания обязательных постановлений и извращений в штрафной политике допускались в течение ряда лет, не замечались местными прокурорами и были выявлены лишь при специальной проверке, произведенной областными прокуратурами в 1937 году.

Обращая внимание органов прокуратуры на совершенную недопустимость подобного положения, свидетельствующего о невнимании к вопросам борьбы за социалистическую законность, — приказываю:

1. Краевым, областным, районным и городским прокурорам в месячный срок пересмотреть все действующие обязательные постановления сельсоветов, горсоветов и исполкомов, опротестовав те из них, которые были изданы с нарушениями законодательства об обязательных постановлениях или утратили силу вследствие истечения установленного законом срока.

2. В этот же срок проверить практику по наложению штрафов административными комиссиями и органами милиции и результаты проверки представить на обсуждение краевых (областных) исполкомов, добившись проведения реальных мероприятий, обеспечивающих как установление правильной штрафной политики (устранение случаев наложения штрафов за действия, не содержащие нарушений, или подлежащих преследованию в уголовном порядке, соответствие размера штрафа характеру совершенного нарушения и имущественному положению нарушителя и т. п.), так и выполнение установленного законом порядка наложения штрафов и рассмотрения жалоб лиц, подвергнутых административным взысканиям.

3. О проделанной работе сообщить мне не позднее 15 сентября с. г. (для отдаленных местностей — 1 октября с. г.).

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

25 июля 1937 г.

№ 575

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ

Технический редактор Н. Рушковский

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 9/VIII 1937 г.

Сдано в производство 22/VIII 1937 г.

Подписано к печати 11, IX 1937 г. 8 п. л. 21,6 авт. лист.

В одном бум. листе 216 000 вл.

Формат 72×108

Ю—4п.;

№ 551

Уполном. Главлита Б—23979

Зак. № 1188

Тираж 20500 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, Мал. Дмитровка, 18.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Передовая — Советский народный суд	1
Г. Леплевский — Конституция СССР	10
А. Сольц — Пять лет	15
И. Сапгир — Охрана прав личной собственности граждан	16
С. Голунский — Роль прокурора в подготовительном заседании по делам о нарушениях закона 7 августа 1932 г.	23
С. Миронов — Борьба с хищениями на водном транспорте	32
В. Меньшагин — Преступления против личности по проекту Уголовного кодекса СССР	34
В. Покровский — О недостатках, задачах и методах общего надзора	51
Б. Сперанский — К вопросу о предмете советского административного права	55
Д. Немзер — К пересмотру законодательства об авторском праве	59
М. Альперин и А. Булохов — Бухгалтерская экспертиза и ревизия	63
Л. Е. — Судья не на месте	67
Обмен опытом	71
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	93
Практика Прокуратуры Союза ССР по общему надзору	97
По союзным республикам	99
Право, процесс и судоустройство в капиталистических странах	107
Библиография	120
Официальный отдел	125

Цена 1 руб. 50 коп.

МК 288

24

Московским городским финансовым отделом на основании Положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 1054 (одна тысяча пятьдесят четыре)

Контора № 13 ЗАВОДСТРОЙ

М. Никитская, 24, тел. 5-42-88